

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Тема номера:

Жизненные выборы:

содержание, факторы, концепции

№ 3 (181)

май — июнь 2024

**СОЦИОЛОГИЯ
СТАРЕНИЯ**

**СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ**

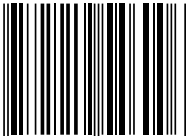
**МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ**

**СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА**

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2024. — № 3 (181). — 290 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

<i>С. С. Бирюкова, О. В. Синявская, А. А. Бочавер, М. А. Нагерняк</i> Дисциплинарное и концептуальное многообразие исследований жизненных выборов	3
---	---

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

<i>Е. Н. Никишина, В. В. Иванов, О. А. Маркова</i> Поведенческие аномалии экономических решений и возможности их преодоления.....	15
---	----

<i>Э. Монахова, Ю. М. Городничева, А. Н. Морозова, А. Н. Шестакова, В. В. Моисеева, В. А. Ключарев</i> Доверие к манипулятивной информации: от восприятия к принятию решений.....	42
---	----

<i>А. О. Макаренцева</i> Суждения о допустимости аборта: роль порядка вопросов в анкете и влияние других факторов	67
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

<i>А. В. Андрееенкова</i> Жизненные выборы на разных этапах жизненного пути — автобиографии одного поколения.....	88
---	----

<i>Т. Е. Даутова, Е. Ю. Рождественская</i> Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской войны.....	114
---	-----

<i>Н. С. Первушин</i> Моральные дилеммы в период пандемии COVID-19: виды, способы решения, последствия	141
--	-----

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: май — июнь 2024.....	164
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>С. И. Заир-Бек, Т. А. Мерцалова, Н. А. Сенина</i> Решение семей о смене школы: контексты выбора	179
---	-----

К. Р. Романенко

«Особого выбора не было»: институциональные условия и культурные нарративы образовательного выбора в моногородах 204

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

И. А. Симонова, А. В. Швецова, М. С. Кривощёкова

«Родила и решила...»: механика выбора предпринимательских стратегий в среде российских матерей 230

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

С. Н. Вачкова, М. В. Ермолаева, А. Г. Истомина, И. А. Климов,

В. Б. Салахова, А. А. Скорик, Н. В. Соболева, В. Э. Филиппов

Пенсионный возраст как веха в жизни: образ желаемого будущего и опыт планирования своей жизни 256

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Т. Б. Гудкова

(Не)равенство партнеров в принятии решений о работе, взаимоотношениях и семье.

Рец. на кн.: Wong J. S. Equal Partners? How Dual-professional Couples Make Career, Relationship, and Family Decisions.

Berkeley: University of California Press, 2023 283

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2610](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2610)**С. С. Бирюкова, О. В. Синявская, А. А. Бочавер, М. А. Нагерняк****ДИСЦИПЛИНАРНОЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЗНЕННЫХ ВЫБОРОВ****Правильная ссылка на статью:**

Бирюкова С. С., Синявская О. В., Бочавер А. А., Нагерняк М. А. Дисциплинарное и концептуальное многообразие исследований жизненных выборов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 3—14. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2610>.

For citation:

Biryukova S. S., Sinyavskaya O. V., Bochaver A. A., Nagernyak M. A. (2024) Disciplinary and Conceptual Diversity in Life Choice Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 3–14. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2610>. (In Russ.)

Получено: 11.04.2024. Принято к публикации: 04.06.2024.

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЗНЕННЫХ ВЫБОРОВ**DISCIPLINARY AND CONCEPTUAL DIVERSITY IN LIFE CHOICE RESEARCH**

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики; заместитель ответственного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»
E-MAIL: biryukova_s@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

Svetlana S. BIRYUKOVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy; Executive Editor at the “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes” Journal*
E-MAIL: biryukova_s@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, зав. Центром комплексных исследований Института социальной политики, зам. директора Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

Oxana V. SINYAVSKAYA¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Director of the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Deputy Director at the Institute for Social Policy*
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

БОЧАВЕР Александра Алексеевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, директор Центра исследований современного детства Института образования, доцент департамента образовательных программ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: abochaver@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

Alexandra A. BOCHAVER¹ — *Cand. Sci. (Psych.), Senior Research Fellow, Director of the Centre for Modern Childhood Studies, Institute of Education; Associate Professor at the Department of Educational Programmes, Institute of Education*
E-MAIL: abochaver@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

НАГЕРНЯК Мария Александровна — руководитель Центра исследований бюджетов времени Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mnagernyak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2540-0698>

Maria A. NAGERNYAK¹ — *Head of the Centre for Time Budget Studies, Institute for Social Policy*
E-MAIL: mnagernyak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2540-0698>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

Аннотация. Статья представляет специальный номер журнала, посвященный исследованиям жизненных выборов. Ее авторы обосновывают актуальность развития этого направления в современных условиях, обозначают ключевые векторы развития теоретических и эмпирических научных работ по вопросам выбора и принятия решений, а также основные методологические вызовы в обозначенном поле. Статья описывает разнообразие сложившегося к настоящему времени ландшафта в исследованиях жизненного выбора и показывает, что отдельные подходы, разработанные в рамках таких дисциплин, как социология, экономика и психология, позволяют с разных точек зрения рассматривать механику принятия решений и оценивать их последствия, однако пока не предлагают гармонизированного понятийного аппарата и исчерпывающего комплексного взгляда на предмет. В качестве перспективных направлений дальнейшего развития этой исследовательской темы авторы видят усиление междисциплинарности и использование комбинированных источников и методов сбора эмпирических данных. В заключительной части авторы представляют вошедшие в специальный номер статьи.

Ключевые слова: жизненный выбор, жизненный путь, рациональный выбор, ограниченная рациональность, осознанный выбор

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы благодарят Екатерину Павленко за участие в работе над специальным номером.

Abstract. The article presents a Special Issue of the Journal dedicated to the study of life choices. The authors substantiate the relevance of the development of this direction in modern context, identify the key vectors for the development of theoretical and empirical scientific work on issues of choice and decision-making, as well as the main methodological challenges in the designated field. The article describes the diversity of the current landscape in life choice research and shows that certain approaches developed within disciplines such as sociology, economics, and psychology allow us to consider the mechanics of decision-making from different points of view and assess their consequences, but do not yet offer a harmonized conceptual apparatus and a comprehensive view of the subject. The authors see interdisciplinarity and the use of combined sources and methods of collecting empirical data as promising directions for further development of this research topic. In the final part, the authors present the articles included in the Special Issue.

Keywords: life choices, life path, rational choice, limited rationality, deliberate choice

Acknowledgments. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University. The authors thank Ekaterina Pavlenko for her participation in the work on this Special Issue.

Дисциплинарное и концептуальное многообразие исследований жизненных выборов

На протяжении последних лет российская экономика и общество столкнулись с серией шоков нерыночного характера, существенным образом изменивших как экономический ландшафт страны, так и поведение населения. Высокая степень социально-экономической неопределенности затрудняет принятие важных жизненных решений в самых разных сферах: образовании, семейной, профессиональной и даже бытовой жизни. В то же время принятые в этих условиях и под их влиянием решения могут оказывать значимое влияние на биографии людей и их жизненные шансы в долгосрочной перспективе.

Рост интереса к выборам, которые люди совершают на протяжении жизни, явно обозначился в последней четверти XX века и был связан с гипотезой о возрастающей индивидуализации человеческого поведения, по крайней мере в наиболее экономически развитых обществах [Бек, 1994, 2000]. Причины этой индивидуализации виделись в воздействии ряда взаимосвязанных факторов, сопровождавших процесс модернизации. Во-первых, этому способствовала освобождающая роль институтов государств благосостояния — системы образования, медицинского и социального страхования, пенсионного обеспечения, семейной политики [Бек, 2000; Van Winkle, 2020]. С одной стороны, они вносят важный вклад в формирование благополучия людей, как содействуя сохранению или росту их человеческого капитала, так и поддерживая уровень жизни в периоды, когда получение трудовых доходов затруднено (болезнь, инвалидность, рождение ребенка, старость, безработица и т. п.). С другой стороны, в современных обществах большинство социальных услуг и выплат предоставляется индивидам, а не семьям. Все вместе это ослабляет зависимость людей от традиционных социальных институтов. Во-вторых, причиной индивидуализации стал общий рост благосостояния в этих странах в послевоенный период, в том числе за счет увеличения трудовых доходов. Это привело к тому, что задачи выживания и обеспечения базовых потребностей утратили свою актуальность для значительной части населения этих стран. В-третьих, индивидуализации способствовало распространение постматериалистических ценностей, прежде всего ценностей автономии и самовыражения [Inglehart, Welzel, 2005].

Несмотря на критику наиболее сильных положений теории индивидуализации, связанных с предсказанием исчезновения классовых и гендерных различий [Brannen, Nilsen, 2005; Cortois, Laermans, 2018], множество эмпирических данных подтверждают, что человеческие биографии становятся все более разнообразными [Baizán, Michielin, Billari, 2002; Billari, Liefbroer, 2010; McMunn et al., 2015; Billari, Hiekel, Liefbroer, 2019]. И это усиливает исследовательский интерес к тому, каким образом принимаются решения — в какой мере они самостоятельны или ограничены действием структурных факторов? Как способность человека принимать решения о своей жизни самостоятельно связана с его социальным статусом, уровнем образования, доходов, возрастом или поколением, местом жительства? Признание социальной укорененности принятия решений привело к появлению концепции «ограниченной субъектности», или «ограниченной агентности» (bounded agency) [Shanahan, Hood, 2000; Evans, 2002; Rubenson, Desjardin, 2009].

Среди наиболее влиятельных подходов к исследованию выбора выделяются концепции рационального выбора — основанного на логических аргументах и позволяющего достичь максимальной выгоды, и эмоционального выбора — основанного на интуитивных суждениях (часто такой выбор совершается быстро и без учета логических аргументов) [Kahneman, 2003]. Даниэль Канеман и Амос Тверски [Kahneman, Tversky, 1979] выделили две системы мышления — эмоциональную Систему 1, которая работает автоматически, используя эвристики, и рациональную Систему 2, которая принимает решения медленно и взвешенно. Они могут использоваться по отдельности или вместе, однако каждая имеет свои недостатки, и при совершении жизненных выборов две эти системы часто оказываются взаимосвязаны: эмоции позволяют понять собственные потребности, а когниции — провести анализ альтернатив и аргументов в пользу того или иного выбора.

В современном мире индивидуальные решения в различных сферах жизни принимаются в условиях постоянно возрастающего многообразия вариантов, избытка и одновременно — неполноты информации, а также быстрых контекстных и технологических изменений [Куракин, Латыпов, 2023]. Принятие любого решения, выбор индивида определяется множеством факторов различного свойства: экономического, социального, социокультурного, психологического характера — и складывается под одновременным влиянием рациональных аргументов и сложно рефлекслируемых эмоциональных реакций.

При этом глубокое исследование жизненных выборов и процесса принятия решений, предполагающее не только наблюдение и описание последовательности происходящих событий, но и анализ причинности, мотивации к совершению тех или иных поступков, оказывается нетривиальной в реализации задачей в первую очередь потому, что человеческие решения — даже те, что можно по каким-либо критериям отнести к жизненно важным, поворотным, определяющим, — не всегда связаны с осознанным выбором и рефлекслируемой внутренней установкой. Нина Берберова в своих воспоминаниях пишет: *«За всю мою жизнь ответственный выбор, имевший значение для моей судьбы и индивидуальности (значение глобальное или тоталитарное), был сделан мной не более четырех-пяти раз, но, признаюсь, каждый раз этот сознательный выбор давал мне сознание силы жизни и свободы, острое ощущение электрического заряда, которое можно назвать счастьем, вне зависимости от того, нес ли этот выбор за собой житейское благополучие или явный ущерб его»* [Берберова, 2022: 39].

Эта цитата, с одной стороны, хорошо иллюстрирует центральный методологический вызов в исследованиях жизненного выбора (что считать значимым жизненным выбором? что считать принятием решений и как измерить их осознанность?), а с другой — объясняет высокий интерес к этой теме в том числе и в гуманитарных дисциплинах, ставящих в центр человека и его субъектность: социологии, философии, психологии.

Выбор, как утверждает Дэниел Шапиро [Шапиро, 2017], определяется идентичностью человека экзистенциального, системой его ценностей, которая, в свою очередь, тоже не является статичной и может меняться в том числе под воздействием совершенных выборов и их последствий, необходимости их осмыслить, оценивать, принимать — сживаться с ними. Вероятно, особенно выразительно это

может проявляться в условиях трудных выборов и поступков, которые воспринимаются как вынужденные в заданных обстоятельствах, в чем-то противоречащие системе убеждений и предпочтений индивида. Примером такого трансформирующегося и трансформирующего выбора может быть, например, добровольная бездетность — важнейший жизненный выбор, осмысление и принятие которого до сих пор не описано с достаточной убедительностью. Эту же оптику можно применить и к принятию решений о рождении детей в принципе: решений о числе рожденных детей и времени их рождения, решении иметь или не иметь еще одного, следующего ребенка — и переоценке своих намерений, желаний, представлений об идеальной семье. Изменчивая идентичность, определяющая взгляды и эволюционирующая под влиянием жизненных обстоятельств, — это тот набор ненаблюдаемых и не всегда рефлекслируемых внутренних характеристик человека, который описывает процесс изменений в системе индивидуальных ценностей. Если этот процесс снижает противоречия между идентичностью, с одной стороны, и реальностью и поведением — с другой, он будет способствовать «выживанию личности».

С психотерапевтической точки зрения выбор может рассматриваться как последовательность шагов, среди которых важную роль играет признание сложности своего внутреннего мира — в том числе признание имеющихся противоречий и несводимых друг к другу мотивов. Как писал Федор Василюк [Василюк, 1997], для совершения выбора субъект часто должен решить парадоксальную задачу, а именно сравнить несравнимое. Альтернативы, между которыми нужно совершить выбор, субъект должен максимально развить, развернуть, представив себе смысл и образ жизни, сопряженные с реализацией отдельной альтернативы и лежащими за ней ценностями. Мучительный характер выбора может быть связан с тем, что каждая из выбираемых альтернатив — не что-то маленькое и частное, она представляет собой определенную жизненную траекторию, судьбу. Еще одна важнейшая часть выбора — это неизбежная жертва: *«Чтобы осуществить выбор, человек должен отказаться от многих возможностей, привычек, намерений, в пределе — от какой-то жизни, которая была возможна до выбора. Поэтому на самых ранних фазах выбора начинается и еще долго после принятия окончательного решения тянется работа переживания по смирению с невозможностью осуществления отвергнутой альтернативы. Чем лучше развита у человека способность предвосхищающего, опережающего переживания, чем лучше он осознает всю полноту предстоящей утраты и в то же время ресурсы и перспективы совладания с нею, тем больше он способен жертвовать и тем более ответственно может делать свои жизненные выборы»* [там же: 298].

При этом в современных условиях, когда время и пространство перенасыщены всевозможными стимулами, мы сталкиваемся с постоянной необходимостью сортировки доступного, совершения выборов и отказа от чего-либо. Чтобы описать ситуации, когда при большом количестве альтернатив человек затрудняется с выбором, американский психолог Барри Шварц ввел понятие «тирания выбора» [Schwartz, 2004]. Сфокусированные на выборе в условиях избытка альтернатив эмпирические исследования показывают, что чрезмерное многообразие приводит не к повышению благополучия человека, а к переживаниям растерянности и неудовлетворенности [Broniarczyk, Griffin, 2014; Chernev, Böckenholt, Goodman, 2015].

Именно поэтому отдельной задачей, защищающей психологическое благополучие личности в условиях индивидуалистического общества и продвижения ценностей ответственности и субъектности, с одной стороны, и сильнейших внешних стрессов — с другой, может быть, среди прочего, различение зоны своих возможностей в плане принятия решений, совершения выборов и переживания ответственности и тех зон, на которые повлиять нельзя.

Приведенные выше рассуждения касаются прежде всего индивидуального выбора, однако многие жизненные решения принимаются не в одиночку, а в паре, в семье, трудовом коллективе или другом сообществе. Поэтому важным аспектом изучения выбора становится анализ переговорного процесса (его наличия или отсутствия, а также характеристик — см., например, [Manser, Brown, 1980]). В этом случае в фокусе ученых оказывается не только и не столько результат выбора, сколько процесс принятия решения, учитывающий взаимодействие между индивидами. В результате в орбиту исследований жизненного выбора попадает все больше экономических и социологических концепций: например, работы, посвященные выбору относительно распределения рыночного и домашнего труда между членами домохозяйства, опираются на теорию максимизации полезности и эффективного распределения ресурсного потенциала семьи (начиная с работы [Becker, 1965]), теорию домохозяйственных стратегий [Gershuny, Pahl, 1979], теории гендерного дисплея и гендерных ролей [Arrighi, Maume, 2000] и другие, — а вопросы принятия жизненно важных решений все чаще оказываются тесно связаны с исследованиями бюджетов времени — ресурса, ограничивающего возможности выбора в условиях растущего многообразия.

Условия неопределенности — внешней, контекстной или неопределенности на уровне частной жизни — теоретически могут «пошатнуть» идентичность, повысить потребность в ревизии и уточнении внутренних ориентиров и принципов. Встреча с моральной дилеммой, противоречивой с морально-этической точки зрения ситуацией или же со сложным жизненным выбором, моральным или бытовым, тем более связанным с внешними провоцирующими условиями, вынуждает возвращаться к собственным представлениям о базовых поведенческих принципах, пересмотру «границ допустимого». Кроме этого, в условиях внешней неопределенности могут возникать новые вопросы, позиции по которым пока нет, — и на время поиска, выработки позиций, человек оказывается в положении внутренней неопределенности и в этот период, если принять логику Шапиро, может с большим трудом принимать любые решения, в том числе и жизненно важные.

При этом изучение общих закономерностей процесса принятия индивидуальных решений и влияния различных контекстных факторов, таких как доверие, состояние системы лифтов социальной мобильности и т. п., на механику и результаты этого процесса, а также их специфичных проявлений в тех или иных обстоятельствах в перспективе может позволить эффективно выстраивать политики в отношении социального управления и конструирования институционального пространства, обеспечивающего решение как индивидуальных задач людей, так и национальных задач по развитию общественной системы наиболее консистентным образом. В частности, подобные разработки станут основой более успешного прогнозирования проактивной реакции населения на микроуровне на те или

иные политические, экономические и социальные стимулы. Соответственно, государственная социальная политика, построенная на понимании логики, факторов и специфики принятия решений теми или иными социальными группами в тех или иных сферах жизни, имеет максимальные шансы оказаться результативной как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Дополнительную актуальность этому направлению исследований придает именно сложившийся в 2020—2023 гг. социально-экономический контекст, связанный с пандемией коронавируса и последствиями развернувшихся в последние годы военных конфликтов: эти события стали новыми внешними факторами, существенно повлиявшими на уровень неопределенности и процесс принятия ключевых жизненных решений.

Показанные выше широта самого понятия «жизненный выбор» и многообразие сфер жизнедеятельности, которых он может касаться, формируют запрос на междисциплинарный подход к исследованиям в этой области. Однако, несмотря на все предпосылки, его реализация как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне сопряжена с целым рядом трудностей, связанных в том числе и с различиями в уже устоявшихся подходах в каждой из дисциплин, включившей эту тему в свою повестку.

Значимость субъективного восприятия, относительность многих понятий, возникающих в контексте исследований жизненного выбора, существенно ограничивают объясняющий потенциал строгих математических методов и моделей в этой области: к такому осознанию, как показано в первых двух разделах отчета, со временем приходили ученые в самых разных дисциплинах. Когда речь идет о конструировании и осмыслении собственной жизни, по словам Н. Берберовой, в мире остается только человек, — а все остальное второстепенно и существует как его восприятие или свидетельство его жизни, в субъективных индивидуальных или, в крайнем случае, общественных оценках. Восприятие происходящего и его значимости, по сути, определяет поведение, и в этом смысле исследование жизненного выбора ложится в логику социального конструкционизма и поведенческих наук [Лок, Стронг, 2021]. И если исследователь ставит перед собой цель учесть эти различия в восприятии, проследить механику принятия решений и жизненного выбора, увидеть, кроме закономерностей, ее разнообразие и скрытую работу механизмов, формирующих жизненные пути, он приходит к необходимости использования индивидуальных подходов качественной социологии и психологии — наряду с количественными методами.

Специальный номер журнала «Мониторинг общественного мнения», посвященный жизненным выборам, который мы представляем в этой статье, задумывался как площадка для научной дискуссии на тему возможностей и ограничений выбора в различных сферах жизни человека в современном социально-экономическом контексте с позиции социологии и междисциплинарных подходов, объединяющих социологическую, экономическую, демографическую, психологическую и культурную оптики. Однако, как показала работа с заявками, опора на теоретические основы сразу нескольких дисциплин в этой теме пока что остается редкостью, а развитие таких подходов требует планомерного обобщения существующей литературы, поиска точек возможного соприкосновения дисциплинарных границ и подбора нетривиальных методологических решений.

В результате номер не в полной мере отражает исходную задумку, однако кажется нам состоявшимся. Он получился разноплановым: вошедшие в него работы фокусируются на отдельных сферах и факторах выбора, обозначают методологические вызовы — и за счет этого задают множество направлений для будущих исследований.

Номер открывают две обзорные статьи. В первой из них Елена Никишина, Владимир Иванов и Ольга Маркова систематизируют описанные в литературе аномалии в индивидуальных предпочтениях и в принятии решений, а также показанные социально-демографические различия в их проявлении, и обозначают возможности применения экономических предпосылок о рациональности и ограниченной рациональности выбора при разработке решений и мер в социальной сфере. Во второй статье Элиана Монахова и соавторы анализируют роль информации при принятии решений, описывают и иллюстрируют ключевые междисциплинарные подходы к изучению ряда важных категорий манипулятивной информации и обозначают актуальные направления прикладных исследований в этой области.

В рубрику, объединившую теоретические и методологические работы, вошла также статья Аллы Макаренцевой, посвященная выбору суждений о допустимости искусственных прерываний беременности (абортов) и устойчивости таких суждений в рамках массовых опросов населения, проведенных с использованием разного инструментария, в частности при изменении порядка предлагаемых ответов в закрытых вопросах. Результаты этой работы хорошо иллюстрируют ограничения, с которыми сталкиваются ученые при исследовании мнений и действий людей на основе субъективных оценок, полученных в рамках выборочных обследований.

Следующие две статьи номера — биографические исследования. Анна Андреевкова представляет итоги событийного анализа автобиографий и глубинных интервью поколения россиян, родившихся в 1960—1975 гг. и взрослых во время радикальных трансформаций 1990-х. Автор оценивает ситуации выбора, доступность и оценки различных альтернатив жизненного пути, а также мотиваций и последствий принятых решений. Татьяна Даутова и Елена Рождественская фокусируются на анализе биографического репертуара ветеранов Афганской войны — группы, специфический жизненный опыт которой мог стать поворотным моментом на их жизненном пути.

Вторая часть номера включает серию работ, сфокусированных на отдельных ситуациях или сферах выбора. Так, в исследовании Николая Первушина рассмотрены ситуации морального выбора, возникавшие в общественной и медицинской сферах на фоне активного развития пандемии коронавируса, и проанализированы механизмы их преодоления.

Сергей Заир-Бек, Татьяна Мерцалова и Наталья Сенина, а также Ксения Романенко обращаются к исследованию образовательного выбора. Статья Сергея Заир-Бека и соавторов посвящена описанию контекстов и выявлению факторов, определяющих решение семьи о смене школы, в том числе многократной. В работе Ксении Романенко выделены культурные нарративы, которыми обосновывают свой образовательный выбор студенты вузов в российских моногородах.

Следом за этим в номере представлена статья Ирины Симоновой, Марины Кривошековой и Анастасии Швецовой — исследование механики принятия решений

о предпринимательских практиках и факторах выбора предпринимательских стратегий российскими женщинами, воспитывающими маленьких детей.

Завершает номер работа Светланы Вачковой и соавторов, анализирующих подходы к планированию жизни после выхода на пенсию с опорой на количественный опрос россиян предпенсионного и раннего пенсионного возраста.

Наконец, в разделе рецензий — обзор Татьяны Гудковой по книге американской исследовательницы Жаклин Вонг «Равноправные партнеры? Как двухкарьерные пары принимают решения о работе, взаимоотношениях и семье», посвященной анализу распределения бремени домашних обязанностей в современных семьях и упомянутого выше переговорного процесса в парах.

Получившийся номер хорошо демонстрирует сложность и многослойность конструкта выбора. То, что и как выбирают люди, может описываться через механику и непосредственно процесс совершения выбора, через основания такого выбора, через идеи и ценности, которые лежат за предпочитаемым и отвергаемым вариантами выбора, через выстраивание определенной жизненной истории, а также через наделение уже прошедших событий и осуществленных решений смыслом выбора ретроспективно. За каждым совершенным выбором лежит отвергнутый ход событий, который редко обсуждается, но может обладать большой субъективной значимостью. Кроме того, концепция выбора представляет собой отчасти предел индивидуалистического мышления, наделение человека агентностью и властью над ходом событий, которая, безусловно, имеет ограничения. Все эти сюжеты, бесспорно, заслуживают внимания ученых — и мы надеемся, что этот номер «Мониторинга» станет шагом к развитию междисциплинарной дискуссии в рамках исследований жизненного выбора в России.

Литература (References)

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. № 5. С. 161—168.
Beck U. (1994) Theory, Culture and Society. Thesis. No. 5. P. 161—168. (In Russ.)
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
Beck U. (2000) Risikogesellschaft — Auf dem Weg in eine andere Moderne. Moscow: Progress-traditsiya. (In Russ.)
3. Берберова Н. Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.
Berberova N. N. (2022) Italics are Mine. Moscow: AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina. (In Russ.)
4. Василюк Ф. Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 284—314.
Vasilyuk F. Ye. (1997) Psychotechnics of Choice. In: Leontiev D. A., Schur V. G. (eds.) Psychology with a Human Face: A Humanistic Perspective in Post-Soviet Psychology. Moscow: Smysl. P. 284—314. (In Russ.)

5. Куракин Д. Ю., Латыпов И. А. Экосистемы выбора: о некоторых ограничениях теории рационального выбора и стратегии их преодоления // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 3. С. 11—32.
Kurakin D., Latypov I. (2023) Ecosystems of Choice: On Some Limitations of Rational Choice Theory and a Strategy for Overcoming Them. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 24. No. 3. P. 11—32. (In Russ.)
6. Лок Э., Стронг Т. Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика / пер. с англ. Д. В. Онегов, А. В. Зиндер, К. М. Зиндер, А. Мирзоянц; ред. перевода С. А. Ромашко. М.: ВЦИОМ, 2021.
Lock A., Strong T. (2021) Sources and Stirrings in Theory and Practice. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
7. Шапиро Д. На эмоциях: как улаживать самые болезненные конфликты в семье, бизнесе и политике. М.: Альпина Паблишер, 2017.
Shapiro D. (2017) Negotiating the Nonnegotiable How to Resolve Your Most Emotionally Charged Conflicts. Moscow: Alpina Publishers. (In Russ.)
8. Arrighi B. A., Maume D. J. (2000) Workplace Subordination and Men's Avoidance of Housework. *Journal of Family Issues*. Vol. 21. P. 464—487. <https://doi.org/10.1177/019251300021004003>.
9. Billari F. C., Liefbroer A. C. (2010) Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*. Vol. 15. No. 2—3. P. 59—75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>.
10. Baizán P., Michielin F., Billari F. C. (2002) Political Economy and Life Course Patterns: The Heterogeneity of Occupational, Family and Household Trajectories of Young Spaniards. *Demographic Research*. Vol. 6. P. 191—240. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2002.6.8>.
11. Becker G. S. (1965) A Theory of the Allocation of Time. *The Economic Journal*. Vol. 75. No. 299. P. 493—517. <https://doi.org/10.2307/2228949>.
12. Billari F. C., Hiekel N., Liefbroer A. C. (2019) The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood. *European Sociological Review*. Vol. 35. No. 5. P. 599—615. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>.
13. Brannen J., Nilsen A. (2005) Individualisation, Choice and Structure: A Discussion of Current Trends in Sociological Analysis. *The Sociological Review*. Vol. 53. No. 3. P. 412—428. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2005.00559.x>.
14. Broniarczyk S. M., Griffin J. G. (2014) Decision Difficulty in the Age of Consumer Empowerment. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 608—625. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2014.05.003>.
15. Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. (2015) Choice Overload: A Conceptual Review and Meta-Analysis. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 25. No. 2. P. 333—358. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jcps.2014.08.002>.

16. Cortois L., Laermans R. (2018) Rethinking Individualization: The Basic Script and the Three Variants of Institutionalized Individualism. *European Journal of Social Theory*. Vol. 21. No. 1. P. 60—78. <https://doi.org/10.1177/1368431017698474>.
17. Evans K. (2002) Taking Control of Their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany. *Journal of Youth Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 245—269. <https://doi.org/10.2304/eej.2002.1.3.7>.
18. Gershuny J. I., Pahl R. E. (1979) Work outside Employment: Some Preliminary Speculations. *Higher Education Quarterly*. Vol. 34. No. 1. P. 120—135. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-2273.1979.tb01252.x>.
19. Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881>.
20. Kahneman D., Tversky A. (1979) On the Interpretation of Intuitive Probability: A Reply to Jonathan Cohen. *Cognition*. Vol. 7. No. 4. P. 409—411.
21. Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*. Vol. 93. No. 5. P. 1449—1475.
22. Manser M., Brown M. (1980) Marriage and Household Decision-Making: A Bargaining Analysis. *International Economic Review*. Vol. 21. No. 1. P. 31—44. <https://doi.org/10.2307/2526238>.
23. McMunn A., Lacey R., Worts D., McDonough P., Stafford M., Booker C., Kumari M., Sacker A. (2015) De-standardization and Gender Convergence in Work — Family Life Courses in Great Britain: A Multi-Channel Sequence Analysis. *Advances in Life Course Research*. Vol. 26. P. 60—75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2015.06.002>.
24. Rubenson K., Desjardins R. (2009) The Impact of Welfare State Regimes on Barriers to Participation in Adult Education: A Bounded Agency Model. *Adult Education Quarterly*. Vol. 59. No. 3. P. 187—207. <https://doi.org/10.1177%2F0741713609331548>.
25. Schwartz B. (2004) The Tyranny of Choice. *Scientific American*. Vol. 290. No. 4. P. 70—75. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0404-70>.
26. Shanahan M. J., Hood K. E. (2000) Adolescents in Changing Social Structures: Bounded Agency in Life Course Perspective. In: Crockett L. J., Silbereisen R. K. *Negotiating Adolescence in Times of Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press P. 123—134.
27. Van Winkle Z. (2020) Family Policies and Family Life Course Complexity across 20th-Century Europe. *Journal of European Social Policy*. Vol. 30. No. 3. P. 320—338. <https://doi.org/10.1177/0958928719880508>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2547](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2547)**Е. Н. Никишина, В. В. Иванов, О. А. Маркова****ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Никишина Е. Н., Иванов В. В., Маркова О. А. Поведенческие аномалии экономических решений и возможности их преодоления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 15—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2547>.

For citation:

Nikishina E. N., Ivanov V. V., Markova O. A. (2024) Behavioral Biases in the Decision Making and the Possibilities of Overcoming Them. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 15–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2547>. (In Russ.)

Получено: 25.12.2023. Принято к публикации: 03.05.2024.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

НИКИШИНА Елена Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; директор по стратегическому развитию, Институт национальных проектов, Москва, Россия
E-MAIL: elena.nickishina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1327-1048>

ИВАНОВ Владимир Владимирович — старший преподаватель, экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: vvivanov@econ.msu.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8515-3250>

МАРКОВА Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, ассистент, экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: markovaoa@outlook.com
<https://orcid.org/0000-0002-3512-6282>

Аннотация. В статье представлен обзор поведенческих аномалий, проявляющихся в разных сферах жизни человека и на разных этапах принятия решения. Логика описания поведенческих аномалий выстроена в соответствии с возможностью влиять на их возникновение: мы начинаем с аномалий в предпочтениях — наиболее устойчивом паттерне, переходя далее к нестандартным убеждениям, которые могут быть скорректированы компаниями и регулирующими органами. Далее мы обсуждаем нестандартное принятие решений — сферу, которая потенциально связана с возможностью государства и фирм влиять на людей. В статье описываются особенности

BEHAVIORAL BIASES IN THE DECISION MAKING AND THE POSSIBILITIES OF OVERCOMING THEM

Elena N. NIKISHINA^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor, Faculty of Economics; Director for Strategic Development
E-MAIL: elena.nickishina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1327-1048>

Vladimir V. IVANOV¹ — Senior Lecturer, Faculty of Economics
E-MAIL: vvivanov@econ.msu.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8515-3250>

Olga A. MARKOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Teaching Assistant, Faculty of Economics
E-MAIL: markovaoa@outlook.com
<https://orcid.org/0000-0002-3512-6282>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Institute of National Projects, Moscow, Russia

Abstract. The article offers an overview of behavioral biases that influence different spheres of our everyday life and at different levels of decision-making. When describing behavioral biases, the authors build the logic following the possibility of influencing them: starting with non-standard preferences — the most stable pattern — and moving further to non-standard beliefs that can be fixed by companies and regulators. Next, the authors review non-standard decision making, an area that provides discussion on possible ways of debiasing when considering public policy or firms' decisions. The article tackles non-standard preferences: (1) preferences with reference points, which mean people evalu-

нестандартных предпочтений: 1) предпочтений с точками отсчета, означающих, что человек оценивает полезность объекта в зависимости от тех ориентиров, с которыми он сравнивает его или его характеристики, 2) неустойчивых во времени предпочтений, которые предполагают несовершенство самоконтроля человека и более сильное влияние текущих выгод и издержек на решения по сравнению с отложенными, 3) социальных предпочтений, которые объясняют, как люди реагируют на социальные стимулы, то есть на действия, ожидания и выигрыши других людей. Кроме того, в статье обсуждаются последствия использования людьми несовершенных суждений — смещенных относительно реальности или шумных (статистических суждений, учета мнения других людей, эвристик и др.). Формулировка выбора и восприятие его человеком могут приводить к возникновению аномалий при принятии решений, что лежит в основе архитектуры выбора и теории подталкивания (или наджинга). В заключении авторы суммируют результаты исследований о различиях в выраженности поведенческих аномалий в разных социально-демографических группах, что позволяет использовать обобщенные в статье особенности поведения людей при рассмотрении широкого круга вопросов, связанных с деятельностью компаний и экономической политикой.

Ключевые слова: поведенческая экономика, ограниченная рациональность, поведенческие аномалии, социально-демографические особенности, обзор литературы

ate their utility relative to the reference points, (2) time inconsistent preferences, which imply problems with self-control and preferences for current consumption rather than delayed ones; (3) social preferences, which explain how people account for benefits of other people as well as their actions and expectations. In addition, the authors discuss the consequences of people using imperfect judgments, biased or noisy, specifically tackling statistical and social judgments, and show that choice formulation and human perception of choice can lead to decision anomalies, which is the basis of choice architecture and nudging theory. The article concludes by synthesizing social and demographic features that may influence behavioral biases, which makes it possible to use them when considering a wide range of issues related to public policy or firms' strategies.

Keywords: behavioral economics, bounded rationality, behavioral biases, socio-demographic differences, literature review

Введение

Особенности принятия человеком решений изучаются разными дисциплинами — экономикой, социологией, психологией, нейронауками. Особый путь развития исследований поведения людей в экономике связан с тем, что долгое время процесс принятия решений рассматривался с рядом следующих допущений: люди должны вести себя непротиворечиво, реагировать на стимулы и иметь стабильные и хорошо определенные предпочтения, позволяющие им достичь приемлемых результатов.

Эмпирические исследования в области поведенческой экономики показали, что люди ведут себя предсказуемо отлично от «рациональной» модели — принимают решения, исходя из противоречивых и несогласованных предпочтений, используют смещенные и шумные (то есть такие, при которых оценки разбросаны в разные стороны относительно истины) суждения, испытывают проблемы с внимательностью и самоконтролем, а также прибегают к эвристикам (правилам, упрощающим процесс принятия решений). Смещение фокуса на человеческое поведение с учетом психологических особенностей принятия решений произошло после публикации работ Даниэля Канемана и Амоса Тверски [Kahneman, Tversky, 1979]¹, которые переоткрыли² несогласованность поведения людей с рациональностью экономических агентов. Появившаяся на стыке экономики и психологии поведенческая экономика позволила выявить паттерны поведения больших групп людей, что важно при выстраивании экономической политики и принятии решений компаниями.

Многочисленные работы демонстрируют, что предпочтения людей часто оказываются противоречивыми и несогласованными, а также изменяются в зависимости от времени и контекста; при формировании суждений человек может не принимать во внимание всю имеющуюся информацию, а при принятии решений менять свое мнение в зависимости от структуры выбора. Такие отклонения от рационального поведения далее мы будем называть поведенческими аномалиями. Психологи и исследователи в области поведенческой экономики выделяют сотни поведенческих аномалий [Канеман, 2018; Manoogian, Benson, 2017], что позволяет говорить о людях как о субъектах с ограниченной рациональностью. При этом в современных исследованиях наблюдаются два разнонаправленных тренда. Первый — на открытие и описание дополнительных поведенческих аномалий (см., например, [Dogerlioglu-Demir, Koçaş, Cavdar Aksoy, 2023]), которые позволяют точнее объяснять наблюдаемые особенности поведения людей. Второй — на систематизацию и группировку поведенческих аномалий в операциональные и взаимосвязанные группы. В частности, Джонатан Чепмен с соавто-

¹ В популярной литературе часто можно встретить отсылки к концепции Даниэля Канемана, Кейта Становича и Ричарда Веста о существовании двух систем мышления — Системы 1 (автоматической, интуитивной и быстрой) и Системы 2 (медленной, осознанной и требующей затрат энергии) [Канеман, 2018]. Несмотря на ее удобство для объяснения процесса принятия экономических решений, в ряде современных психологических и нейроисследований эта концепция опровергается [Keren, Schul, 2009; Grayot, 2020].

² Психологи Даниэль Канеман и Амос Тверски и экономисты Ричард Талер, Колин Камерер, Мэттью Рэбин и др. относятся к представителям «новой» поведенческой экономики. Одним из первых о нереалистичности предпосылок о рациональности экономических агентов заговорил Герберт Саймон, которого относят к представителям «старой» поведенческой экономики [Капелюшников, 2013].

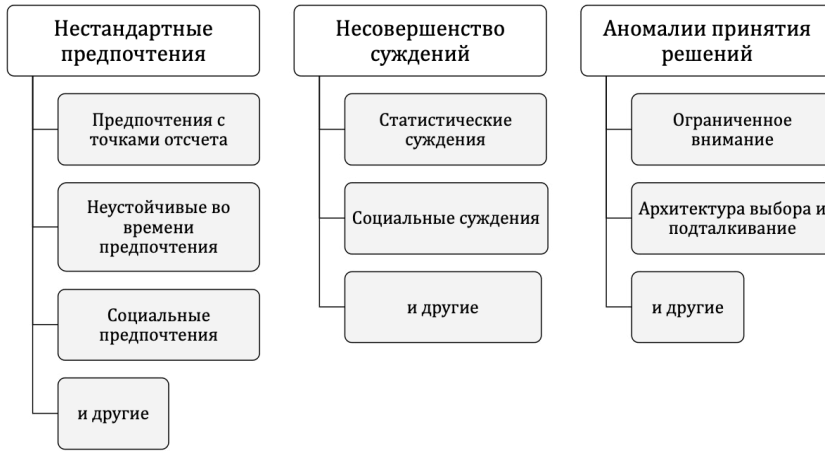
рами на основе репрезентативной выборки по США предложил объединить 21 поведенческую аномалию в шесть групп, связанных с социальными предпочтениями, рисковыми предпочтениями и самоуверенностью [Chapman et al., 2023]. Виктор Станго и Джонатан Зинман [Stango, Zinman, 2023], в свою очередь, на основе опроса потребителей в США с помощью факторного анализа объединили 17 поведенческих аномалий в восемь групп, включающих смещение к настоящему, неприятие потерь, нестандартные статистические суждения, ограниченное внимание и влияние контекста на выбор.

Несмотря на важность исследований, посвященных группировке поведенческих аномалий, они имеют ряд методологических ограничений. Во-первых, факторный анализ проводится не на всем массиве поведенческих аномалий, а на ограниченном (в силу ограничений на длину анкеты для респондентов). Во-вторых, исследования проводились на выборке США. И хотя есть основания предполагать, что поведенческие аномалии универсальны, можно ожидать, что результаты могли бы отличаться в случае, если бы выборка была бы значительно больше и включала представителей самых разных стран мира (поэтому во второй части статьи мы отдельно рассматриваем проявление поведенческих аномалий в разных страновых контекстах).

В связи с этим в целях систематизации имеющихся знаний о поведенческих аномалиях представляется важным не только «искать под фонарем» (проводя анализ на эмпирических данных по отобранным поведенческим аномалиям), но и выстраивать более широкую рамку, объясняющую влияние разных поведенческих факторов на процесс принятия решений.

В данной статье предлагается подход к структуризации поведенческих аномалий в соответствии с разными этапами принятия решений [DellaVigna, 2009]. Он также позволяет говорить о том, что типы поведенческих аномалий различаются возможностями влияния на них.

На рисунке 1 представлена классификация поведенческих аномалий, состоящая из трех групп. К фундаментальным отнесены нестандартные предпочтения, непосредственно влияющие на целевую функцию потребителя. Отдельно мы рассматриваем нестандартные предпочтения, которые связаны с 1) зависимостью предпочтений от точек отсчета, 2) неустойчивостью предпочтений во времени и 3) проявлением социальных, неэгоистичных предпочтений. Вторая группа охватывает несовершенные суждения (статистические и социальные), связанные с восприятием и обработкой информации (такие аномалии потенциально в большей степени поддаются корректировке, поэтому представляют отдельный интерес для экономической политики). Наконец, третья группа отражает поведенческие аномалии, проявляющиеся непосредственно в момент принятия решений (см. рис. 1). Аномалии мы обсуждаем применительно к архитектуре выбора, важной частью которой выступает теория подталкивания, или наджинга (от английского слова *nudge*, подталкивать), призванная помочь людям в принятии решений. В статье также рассматривается вопрос о различиях в проявлениях поведенческих аномалий, связанных с социальными и демографическими характеристиками, которые важны как для компаний, так и для целей экономической политики в России.

Рис. 1. Структура поведенческих аномалий³

Нестандартные предпочтения

Процесс принятия решений в экономической науке основан на универсальной идее оптимизации в условиях ограниченных ресурсов. Обычно экономисты используют набор допущений относительно процесса этой оптимизации. Наибольшее внимание уделяется тому, как экономические агенты а) воспринимают и обрабатывают информацию, б) относятся к риску, в) сравнивают настоящее и будущее, г) относятся к другим людям и реагируют на их поведение. Традиционно (во многом исходя из интересов аналитического удобства) в экономической теории предполагалось, что человек:

- а) обладает стабильными и хорошо определенными предпочтениями, позволяющими сравнивать разные типы благ;
- б) ориентируется прежде всего на свои интересы, максимизируя собственную выгоду или минимизируя издержки;
- в) имеет устойчивые во времени предпочтения.

Благодаря многочисленным эмпирическим работам, противоречащим названным выше предпосылкам, появилась потребность в более реалистичном наборе допущений. В данной работе мы выделяем три группы нестандартных предпочтений, которые позволяют сделать экономический анализ более реалистичным: 1) наличие точек отсчета в предпочтениях, 2) социальные предпочтения, которые позволяют объяснить более широкий набор мотивов, связанных с учетом интересов других людей, а также 3) неустойчивые во времени предпочтения. Такой выбор групп предпочтений частично согласуется с результатами анализа, реализованного В. Станго и Дж. Зинманом, а также Дж. Чапменом с соавторами на американских выборах [Stango, Zinman, 2023; Chapman et al., 2023], что подтверждает важность отдельного выделения трех больших групп поведенческих аномалий, связанных с рисковыми предпочтениями (и точками отсчета), социальными предпочтениями и неустойчивостью предпочтений во времени.

³ Источник: составлено авторами.

Предпочтения с точками отсчета в рисковом и безрисковом выборе

Идея адаптации предпочтений через включение в них точек отсчета основана на предположении, что человек может воспринимать одно и то же событие по-разному в зависимости от разных точек отсчета. Это предположение согласуется с эмпирическими результатами, полученными авторами теории перспектив Д. Канеманом и А. Тверски, которые на множестве примеров в условиях рисковом (и безрисковом) выбора показали, что отклонение в большую сторону от точки отсчета воспринимается человеком как выигрыш, отклонение в меньшую — как проигрыш [Kahneman, Tversky, 1979]. Это, в частности, позволяет объяснить, почему люди не склонны к риску в случае выигрышей и склонны к риску в случае проигрышей.

Эмпирические исследования показывают, что в силу *избегания потерь* (*loss aversion*) проигрыши воспринимаются примерно в 2,25 раза острее, чем эквивалентные по величине выигрыши [Benartzi, Thaler, 1995]. Другими словами, это означает, что при восприятии того или иного события (набора товаров или услуг) человек реагирует не столько на конечный уровень выгод и издержек, сколько на их относительное изменение (соотношение с точкой отсчета). Точки отсчета могут задаваться по-разному. Ими могут быть статус-кво, ожидания, прошлый опыт, референтные (типовые) исходы и др.

Существует множество проявлений действия теории перспектив и предпочтений с точками отсчета в условиях рисковом и безрисковом выбора. На фондовом рынке это проявляется в *эффекте диспозиции* (*disposition effect*) — нежелании продавать активы, стоимость которых упала (поскольку падение воспринимается болезненно в сравнении с предшествующей более высокой ценой), и, напротив, склонности продавать активы, стоимость которых выросла [Weber, Camerer, 1998].

В обычной жизни наиболее яркое проявление действия предпочтений с точками отсчета — существование *эффекта владения* (*endowment effect*), проявляющегося в том, что человек готов продать имеющееся у него благо за гораздо большие деньги, чем те, кто готов заплатить за точно такое же благо, если бы у него его не было [Kahneman, Knetsch, Thaler, 1991]. Эффект владения, в частности, помогает объяснить, почему после примерки одежды или тестирования технического устройства человек более склонен к покупке, чем до этого (меняется точка отсчета) [Hattula, Herzog, Dhar, 2023]. Также эффектом владения объясняется, почему люди, впервые выставившие что-то на продажу на специализированных сайтах (в отличие от опытных продавцов), часто не могут быстро найти покупателя в силу того, что ставят завышенную цену. Важно отметить, что проявление эффекта владения зависит от формулировки выбора, с которым сталкивается человек: в ситуации выбора антиблаг (благ, от которых потребитель старается избавиться) проявляется эффект, обратный эффекту владения [Brenner et al., 2007].

Интересно, что хотя для большинства поведенческих аномалий характерна отрицательная связь между их выраженностью и когнитивными способностями человека, эта закономерность не выполняется для рассматриваемой группы. В. Станго и Дж. Зинман обнаружили положительную связь между когнитивными способностями и избеганием потерь, а также избеганием неопределенности. Одновременно с этим они зафиксировали положительную связь между избеганием

риска и поведенческими аномалиями, связанными со статистическими суждениями [Stango, Zinman, 2023]. В свою очередь, Дж. Чапмен с соавторами обнаружили связь отдельных поведенческих аномалий, связанных с рисковыми предпочтениями, с социальными предпочтениями [Chapman, 2023].

Возможности по элиминированию предпочтений, связанных с точками отсчета, сопряжены с изменением среды, в которой человек принимает решения, что возможно за счет перемен в системе стимулов или изменения структуры выбора в рамках подталкивания (или наджинга).

Социальные предпочтения

Традиционно в неоклассической экономической теории⁴ предполагается, что человек, принимая решения, максимизирует чистый выигрыш (выгоды от решения за исключением издержек), ориентируясь прежде всего на собственные интересы. В то же время результаты лабораторных экспериментов, тестирующих эгоистические предпочтения людей (игры «Диктатор», «Ультиматум», «Общественное благо» и др.)⁵, показывают, что вне зависимости от социальной группы и/или национальной принадлежности предположение о полной эгоистичности людей не подтверждается в полной мере. Вопреки предсказаниям теории рационального поведения, игроки не стремятся максимизировать свой выигрыш (оставляя себе все, что экспериментаторы передали в их распоряжение), а часто делятся с другими и вкладывают ресурсы в производство общественных благ [Henrich et al., 2005; Herrmann, Thöni, Gächter, 2008].

К сходным выводам можно прийти на практике. Отсутствие повсеместно распространенного оппортунистического поведения, наличие благотворительных и краудфандинговых проектов, а также ситуаций, когда люди ведут себя добросовестно, даже когда за ними не наблюдают, позволяют констатировать, что люди обладают социальными предпочтениями. Другими словами, их предпочтения зависят не только от индивидуальных выгод, но и от выгод, мнений и отношения окружающих их людей.

В поведенческой экономике существует многообразие моделей, позволяющих объяснить, почему человек ведет себя не эгоистично, а кооперативно. Например, модель Фера — Шмидта объясняет склонность человека к кооперации феноменом избегания неравенства (*inequality aversion*) [Fehr, Schmidt, 1999]. Любое неравенство (как в пользу этого человека, так и в ущерб) может вызывать негативные эмоции. В случае, когда неравенство оказывается в пользу челове-

⁴ Неоклассическая экономическая теория является текущим мейнстримным учением в экономической науке.

⁵ Суть игры «Диктатор» состоит в том, что игрок должен разделить некоторую сумму, полученную от экспериментатора, между собой и другим игроком (который, в свою очередь, никак не может повлиять на его решение). Игра «Ультиматум» похожа на игру «Диктатор», за исключением того, что второй игрок может согласиться с предлагаемым делением (и тогда он состоит на условиях, предложенных первым игроком) или не согласиться (и тогда оба игрока получают 0). Игра «Общественное благо» предполагает, что каждый игрок может вложить часть суммы, которой обладает, в производство общественного блага. Причем правила устроены так, что сумма вкладов, которые сделали участники в общественное благо, сначала увеличивается в несколько раз, а затем делится поровну среди всех участников игры. В игре «Общественное благо» равновесная по Нэшу стратегия — ничего не передавать на производство общественного блага, в то время как эффективная стратегия по Парето (предполагающая достижение максимального общественного благосостояния) состоит в том, что все участники игры передают в производство общественного блага все имеющиеся у них ресурсы.

ка, это вызывает чувство неловкости, а в случае, если неравенство оказывается не в пользу человека, — зависти (причем чувство зависти острее чувства неловкости и сильнее снижает полезность⁶ человека). Этот эффект позволяет, например, объяснить, почему раскрытие информации о зарплатах коллег может снижать производительность, удовлетворенность работой и повышать вероятность поиска нового рабочего места [Breza, Kaur, Shamdasani, 2018; Card et al., 2012].

Концепция *чистого альтруизма* (*pure altruism*) объясняет наличие социальных предпочтений тем, что полезность людей зависит не только от потребления частных благ, но и наличия общественных благ. Людям важны безопасность и чистота на улицах, освещенные подъезды домов, отсутствие бедных и обездоленных и др. Соответственно, поскольку они получают полезность от такого рода благ, им важно вкладывать деньги в их производство (даже если это не приносит им прямой выгоды) [Rose-Ackerman, 1996; Fehr, Fischbacher, 2003; Ottoni-Wilhelm, Vesterlund, Xie, 2017].

Дж. Андреони расширяет спектр объяснений, показывая, что человек может вкладывать деньги в производство общественного блага под действием мотива *теплого свечения* (*warm-glow giving*), который означает, что человек получает полезность от самого факта пожертвования [Andreoni, 1990]. Разграничение мотивов чистого и косвенного альтруизма (основанного на теплом свечении) важно для проектирования дизайна фандрайзинговых программ [Bhati, Hansen, 2020]. В частности, ряд полевых экспериментов показал, что апеллирование к мотивам теплого свечения (а не чистого альтруизма) более эффективно для фандрайзинговых программ [List et al., 2021]. Это объясняется в том числе и тем, что в таком случае при увеличении числа жертвователей индивидуальные пожертвования не вытесняются [Andreoni, 1990]. Человек, считающий важным поддерживать тот или иной вид деятельности, будет продолжать в него вкладывать вне зависимости от действия окружающих.

Еще одно объяснение социальных предпочтений (пришедшее из биологии) получило название *взаимности* (*reciprocity*). Феномен взаимности заключается в том, что люди склонны реагировать добрыми поступками в ответ на доброжелательные действия и намерения и, наоборот, наказывать людей, проявивших недоброжелательность по отношению к ним. Понимание эффекта взаимности особенно важно для рынка труда. Положительные действия со стороны работодателя (неожиданное повышение зарплаты или выплата премий, неденежные подарки) запускают механизм положительной взаимности и желание работника оправдать хорошее отношение работодателя большей производительностью, добросовестностью и т. д. [Kube, Maréchal, Puppe, 2012]. И напротив, избыточный контроль и микроменеджмент со стороны руководства часто воспринимаются как недружественный шаг, запуская негативную взаимность, проявляющуюся в снижении доверия, демотивации и снижении производительности [Falk, Kosfeld, 2006].

Джонатан Чапмен с соавторами [Chapman et al., 2023] при помощи метода главных компонент выделяют три «социальных» фактора: 1) сочетающий показа-

⁶ Здесь и далее имеется в виду некоторая внутренняя функция ценности, которая позволяет экономистам моделировать выбор людей.

тели взаимности, альтруизма и доверия; 2) описывающий склонность нести издержки для наказания других за отклонение от нормы (социальное и антисоциальное наказание); 3) соответствующий избеганию неравенства.

Важное приложение социальных предпочтений, обсуждаемых поведенческими экономистами, заключается в том, что денежная мотивация часто вытесняет внутреннюю мотивацию к совершению определенных действий [Venabou, Tirole, 2006; Gneezy, Meier, Rey-Biel, 2011]. В частности, выплата вознаграждений за донорство крови подрывает внутреннюю мотивацию, снижая число доноров [Mellström, Johannesson, 2008], а низкое вознаграждение (даже по сравнению с отсутствием оплаты труда вообще) может вообще демотивировать людей хорошо работать [Gneezy, Rustichini, 2000].

В силу специфики данной группы предпочтений и в большинстве своем положительных внешних эффектов для общества сама необходимость элиминирования этой группы поведенческих аномалий дискуссионна.

Неустойчивые межвременные предпочтения

Традиционная экономическая теория предполагает устойчивость предпочтений во времени и неизменность ставки дисконтирования между периодами. Это должно было бы означать, что если человек сейчас планирует свой выбор в следующем периоде, то в момент принятия решения этот выбор должен совпадать с планом.

На практике это не совсем так и даже в ранних работах Альфреда Маршалла и Ойгена фон Бём-Баверка уже происходит разделение на «долгосрочные рациональные заботы и более краткосрочные эмоциональные факторы» [Hoch, Loewenstein, 1991: 492].

В поведенческой экономике неустойчивые предпочтения во времени зачастую описываются при помощи модели смещения к настоящему [Laibson, 1997]. Согласно этой модели, человек переоценивает выгоды и издержки текущего периода и недооценивает (иногда критически) соответствующие выгоды и издержки будущих периодов.

Проблема неустойчивых предпочтений во времени ярко проявляется в финансовой сфере в виде избыточного потребления [Nguyen, 2016], избыточного кредитования [Meier, Sprenger, 2010], недостаточных сбережений [Thaler, Benartzi, 2004]. А также в сферах, где ярко выражен разрыв между текущим периодом (в который человек получает удовольствие или несет издержки) и будущим периодом, в котором человек ощущает последствия своего выбора. Например, в сферах здравоохранения [White, Dow, 2015] и образования [Carrillo, 2020]. Так, смещение к настоящему может мешать вакцинации от болезней [Nuscheler, Roeder, 2016] и соблюдению врачебных предписаний [Wang, Sloan, 2018], может затруднять отказ от вредных привычек [Kang, Ikeda, 2014], мешать регулярным занятиям спортом [Acland, Levy, 2015].

Чтобы помочь человеку справиться со смещением к настоящему, могут использоваться специальные механизмы самоконтроля, увеличивающие издержки избыточного потребления досуговых благ или отклонения от желаемого уровня потребления инвестиционных благ [Ashraf et al., 2006; Bryan et al., 2010]. Это может быть, например, взятие на себя публичных обязательств, невыполнение

которых сопряжено с репутационными издержками и/или штрафами за нарушение обязательств [Della Vigna, Malmendier, 2006; John, 2020], или использование специальных инструментов, затрудняющих нежелательное поведение (например, специальные сберегательные счета с усложненной процедурой досрочного снятия денег или счета-копилки, на которые автоматически перечисляется заранее предустановленная доля от поступлений на счет) [Bryan et al., 2010]. Кроме того, могут привлекаться дополнительные положительные стимулы, меняющие соотношение выгод и издержек в текущем и будущем периодах и стимулирующие человека к совершению желаемых действий в текущем периоде. Это могут быть, например, подарки при вакцинации [Banerjee et al., 2010] или дополнительные доплаты, которые человек получает от банка при достижении своей финансовой цели [Blumenstock et al., 2018].

В исследовании В. Станго и Дж. Зинмана [Stango, Zinman, 2023] один из выявленных на данных факторов соответствует аномалиям, связанным со смещением к настоящему и нетерпеливостью. Причем проведенный авторами корреляционный анализ показывает существование связи между этой группой аномалий и ограниченным вниманием.

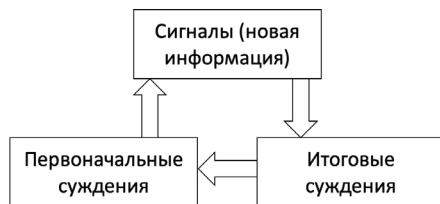
Как и в случае с социальными предпочтениями, возможности по элиминированию предпочтений, связанных с точками отсчета, сопряжены с изменением среды, в которой человек принимает решения, за счет перемены стимулов — создания дополнительных издержек в текущем периоде для потребления досуговых благ (товаров или услуг, приносящих удовольствие здесь и сейчас) и снижения издержек в текущем периоде при потреблении инвестиционных благ (связанных с издержками в настоящем времени и отсроченными выгодами в будущем), а также с изменением структуры выбора (наджинга).

Несовершенные суждения

Второй большой блок поведенческих аномалий связан с ожиданиями людей и используемыми ими при принятии решений суждениями относительно того, 1) как устроен мир (такие суждения мы будем далее называть статистическими и отнесем к ним суждения о распределении вероятности событий и соотношении текущих и будущих условий выбора) и 2) как ведут себя другие люди (такие суждения будем называть социальными). Этот блок аномалий более пластичен и в случае несоответствия с реальностью суждений может быть скорректирован через предоставление информации.

Статистические суждения

В экономической науке доминирует представление, что формирование статистических суждений (posterior) происходит по правилу Байеса: человек изменяет (адаптирует) суждения, отталкиваясь от некоторых предварительных оценок (prior) и используя поступающую новую информацию (сигналы) (см. рис. 2). Например, перед походом в магазин человек имеет некоторые представления об уровне цен (ожидания). Если уже в магазине он увидит новые цены, то на основе этой информации (сигнала) пересмотрит свои ожидания, что, в свою очередь, может изменить его выбор в магазине.

Рис. 2. Обновление суждений по Байесу⁷

Тем не менее люди могут систематически ошибаться, учитывая только ту информацию, которая релевантна текущему моменту, и проецируя ее на последующие периоды — в таком случае говорят о *проективном смещении* (*projection bias*). Проективным смещением объясняется, например, аномальный рост продаж кабриолетов в жаркую погоду и рост продаж внедорожников при похолодании. В силу проективного смещения люди переоценивают значимость текущих погодных условий для выбора модели машин [Busse et al., 2015]. Также проективное смещение может приводить к аномальным изменениям в оценке риска: рост уровня загрязанности в Китае провоцирует рост покупок полисов страхования жизни, а его снижение в течение срока бесплатного возврата становится причиной отказов от купленных полисов [Chang, Huang, Wang, 2018].

Избирательное восприятие сигналов может быть связано также с самоуверенностью и *смещением к подтверждению* (*confirmation bias*) — смещением в восприятии сигналов в сторону тех, что подтверждают суждения человека. Смещение к подтверждению усиливает вероятность радикализации суждений и возникновения эхо-камер⁸ [Thornhill et al., 2019; Cookson, Engelberg, Mullins, 2023]. Избирательное восприятие информационных сообщений также связывают с *мотивированными суждениями* (*motivated reasoning*) — избирательным восприятием информации в пользу той, что соответствует убеждениям человека. Это проявляется, например, в оценке достоверности новостных сообщений [Thaler, 2023].

Несовершенство суждений может объясняться тем, что люди стремятся к упрощению выбора и используют эвристики, заменяющие сложные вопросы простыми. Например, в результате действия *эвристики доступности* (*availability heuristics*) человек заменяет вопрос оценки вероятности на вопрос «насколько быстро я могу вспомнить подобный пример?». Действием эвристики доступности можно объяснить то, что в областях, пострадавших от наводнения, а также в областях, которые находятся в той же сетке телевидения, в течение восьми лет после наводнения сохраняется более высокий уровень страхования от наводнений. Люди вместо рациональной оценки вероятности повторения наводнений апеллируют к недавнему опыту [Gallagher, 2014]. Кроме того, эвристикой доступности также может объясняться значимое снижение цены недвижимости в районах, пострадавших от наводнения [Cheung, Yiu, 2022].

⁷ Источник: построено авторами.

⁸ Потребители предпочитают «близкий по духу» контент, отсекая информацию, которая не коррелирует с представлениями индивида, в результате чего могут возникать эхо-камеры (echo chambers) — сообщества, однородные в части мнений, разделяемых внутри группы, но не связанных с внешним миром [Ахременко, Бродовская, 2021].

Для элиминирования поведенческих аномалий, связанных со статистическими суждениями, могут использоваться меры, предполагающие изменение подходов к информированию потребителей. Например, предоставление большего объема информации или изменение способов ее подачи (перефразирование, использование графических элементов и т. д.) [Soll et al., 2015].

Кроме того, поскольку большинство поведенческих аномалий, а в особенности несовершенство суждений, положительно связано с когнитивными способностями, перспективно инвестировать как в образование людей в целом, так и в их информирование о воздействиях поведенческих аномалий на принятие решений.

Социальные суждения

Следующий тип несовершенных суждений связан с оценками и действиями других людей, поэтому такие суждения можно назвать социальными. Люди адаптируют свои оценки к действиям других людей, такое поведение проявляется в так называемых *информационных каскадах* (*information cascade*) или в *стадном поведении* (*herding behavior*) — ситуациях, в которых решения экономических агентов определяются информацией о поведении других людей, но не зависят от дополнительных стимулов (репутационных издержек, социального давления и т. д.). Стадное поведение — один из факторов поведения инвесторов [Alevy, Haigh, List, 2007; Ahmad, Wu, 2022], особенно четко проявляется в периоды неопределенности [Indārs, Savin, Lublóy, 2019]. В вопросах потребления и распространения информации информационные каскады рассматриваются как фактор распространения фейков [Bikhchandani et al., 2021]. Этот эффект может усиливаться благодаря тому, что вероятность оценки человеком как правдивых тех новостей, которыми поделились другие, при прочих равных выше [Serra-Garcia, Gneezy, 2021]. Кроме того, информационные каскады используются для объяснения возникновения общественных протестов и революций [Ellis, Fender, 2011], а информация о поведении других людей может влиять на стратегическое поведение, что приводит к непредсказуемым результатам выборов — несовпадению результатов опросов общественного мнения и итогов выборов [Osborne, Rubinstein, 2003].

В научной литературе информационные каскады иногда приводят к появлению избыточно цитируемых теорий, которые в содержательном плане могут проигрывать другим, менее цитируемым [Greenberg, 2009]. Также информационные каскады проявляются в рейтингах на платформах: проставляемая оценка товара или услуги начинает зависеть от оценки людей, которые ранее оценивали этот товар или услугу, что не объясняется их качеством. Это приводит к инфляции рейтингов и снижению их информативности [Lee, Hosanagar, Tan, 2015; Sunder, Kim, Yorkston, 2019], а также ставит вопрос о необходимости остановки таких каскадов.

Для рынков труда появление информационных каскадов может проявляться в снижении вероятности найма сотрудника с перерывом в трудовом стаже [Kroft, Lange, Notowidigdo, 2013]. Похожий эффект обнаружен в медицине: вероятность согласия донора на пересадку почки снижается вместе с количеством людей, которые от нее отказались [Zhang, 2010]. С другой стороны, фирмы также подвержены стадному поведению: изменение законодательства в области корпоративно-

го законодательства в Японии, которое хотя и коснулось только некоторых фирм, начало выполняться более широким кругом компаний [Orihara, Eshraghi, 2022].

Частично информационные каскады могут преодолеваются с помощью информационных интервенций в виде предупреждающих сообщений [Compen et al., 2022], при этом время получения этих сообщений влияет на эффект от них [Janson, 2023].

Поведенческие аномалии при принятии решений

Выбор человека может определяться содержанием и набором предоставленных ему вариантов, а также контекстом, в котором он принимает решение. Все это — составные элементы архитектуры выбора, которая в широком смысле подразумевает организацию совокупности условий, в которых человек принимает решение [Thaler, Sunstein, Balz, 2013]. Например, как порядок вариантов [Dogerlioglu-Demir, Koçaş, Cavdar Aksoy, 2023], так и их количество [Scheibehenne, Greifeneder, Todd, 2010] может определять выбор человека. За счет изменения контекста принятия решений компании и государственные органы воздействуют на выбор людей.

Ключевым направлением исследований в рамках архитектуры выбора выступает теория *подталкивания*, или *наджинга*. Как было показано выше, существует множество поведенческих аномалий, в результате которых люди принимают неоптимальные для себя (общества) решения. Ключевой принцип подталкивания состоит в том, чтобы, не вводя ограничений, не ущемляя свободы человека и не применяя прямых положительных или отрицательных стимулов, структурировать выбор и помочь человеку принять наилучшее для него (общества) решение [Thaler, Sunstein, 2009].

Множество исследований показывает, как разные типы подталкивания влияют на поведение людей в разных сферах. Подталкивание помогает людям преодолеть действие поведенческих аномалий, мешающих им достичь оптимальных для себя (общества) решений. В большом метаисследовании С. Мертенс с соавторами показала, что есть незначительная вариация в эффективности разных типов подталкивания для разных сфер (здоровье, еда, финансы, экология и др.), наибольший эффект при этом оказывает установление опций по умолчанию (предустановленных опций, действующих до момента, когда человек решит изменить выбор) [Mertens et al., 2022].

Подталкивание используется в том числе для того, чтобы оградить людей от возможных отрицательных последствий их ограниченного внимания, которое особенно усиливается при стрессе, в условиях неопределенности [Haushofer, Fehr, 2014]. Под *ограниченным вниманием* (*limited attention*) при этом понимается такая особенность человека, когда он использует не всю доступную информацию, а только часть, даже если получение этой информации не требует от него дополнительных издержек. Средние оценки внимательности составляют 44% [Gabaix, 2019], то есть более половины информации не учитывается при принятии решений. Ограниченное внимание может мешать в полной мере реализовывать положительные эффекты от изменения архитектуры выбора и подталкивания. В частности, из-за невнимательности обучающихся информационные вмешательства в образование могут быть потенциально нерезультативными [Damgaard, Nielsen, 2018].

При обсуждении вопросов эффектов поведенческих аномалий и возможных путей работы с ними важно учитывать их выраженность среди разных групп населения.

Различия в выраженности поведенческих аномалий

Большинство лабораторных исследований указывает на значительную гетерогенность в параметрах экономических предпочтений и выраженности тех или иных поведенческих аномалий. Отчасти это может быть вызвано спецификой измерения: экспериментальные оценки предпочтений менее стабильны по сравнению с оценками через опросы [Chuang, Schechte, 2015; Lönnqvist et al., 2015]. При этом социальные предпочтения проявляют стабильность как в экспериментальных, так и в опросных данных [Carlsson, Johansson-Stenman, Nam, 2014; Chuang, Schechte, 2015], а предпочтения относительно риска и межвременные предпочтения оказываются менее стабильными [Chuang, Schechte, 2015]. Кроме того, масштаб аномалий, измеренных в лабораторном эксперименте или опросе, обязательно будет наблюдаться на реальных рынках, поскольку самоотбор и рыночный опыт могут существенно снизить выраженность ошибок и смещений [Al-Ubaydli, List, 2017].

Тем не менее для имплементации экономического регулирования или социальных программ важно понимать, как распределены различные характеристики предпочтений среди населения. Во-первых, это позволяет лучше оценивать эффект того или иного вмешательства (например, налогов или требований о раскрытии информации) на общественное благосостояние, предполагая, что оно по-разному затрагивает людей с разными поведенческими характеристиками. Во-вторых, это помогает лучше таргетировать социальные программы, тем самым повышая их эффективность.

За последние годы накопились эмпирические результаты о корреляции поведенческих параметров, описанных в предшествующем разделе, с индивидуальными характеристиками экономических агентов. Ниже приведены несколько довольно устойчивых закономерностей.

1. Плохие когнитивные способности связаны с более выраженными поведенческими аномалиями.

Как в отдельных лабораторных экспериментах, так и на больших репрезентативных выборках обнаруживается, что серьезное избегание риска и нетерпеливость менее свойственны людям с высокими когнитивными способностями [Burks et al., 2009; Dohmen et al., 2010; Benjamin et al., 2013; Meissner et al., 2023]. Кроме того, люди с высокими когнитивными способностями реже совершают ошибки в формировании вероятностных суждений [Oechssler et al., 2009].

2. Бедные люди чаще подвержены поведенческим аномалиям.

Накопленные результаты лабораторных и полевых исследований указывают, что люди в условиях бедности чаще проявляют нетерпеливость, смещение к настоящему и неприятие риска [Haushofer, Fehr, 2014; Carvalho et al., 2016; Bartoš et al., 2021]. С одной стороны, это может объясняться непосредственным влиянием состояния острой нужды на когнитивные способности [Shah et al., 2012] — финансовая уязвимость вызывает стресс, который, в свою очередь, снижает кон-

центрацию. В условиях ограниченной способности к концентрации люди подходят к жизненным решениям через призму узкого фрейминга, сужающего временной горизонт и не позволяющего сравнивать доступные альтернативы. С другой стороны, на предпочтения могут влиять сопутствующие бедности условия — плохая диета, недосып, употребление алкоголя, неблагоприятный экологический фон и т. д. [Schilbach et al., 2016]. Некоторые исследования указывают, что социальный «дефицит», то есть чувство одиночества, усиливает эффект финансовой уязвимости на уровень невнимательности [Kalil et al., 2023]. Так или иначе, людям, наиболее заинтересованным в грамотных экономических решениях, сложнее всего их принимать — это формирует своеобразный порочный круг между бедностью, стрессом и поведенческими аномалиями принятия решений.

3. Мужчины более толерантны к риску и более самоуверенны.

В лабораторных экспериментах проявляются устойчивые различия между женщинами и мужчинами: вторые толерантнее к риску и более комфортно себя чувствуют в условиях конкуренции [Croson, Gneezy, 2009]. Эти закономерности являются одним из возможных факторов гендерного разрыва в доходах. Различия в предпочтениях, судя по всему, проявляются в процессе поиска работы и переговоров о заработной плате [Flory et al., 2015], образовательных успехах [Niederle, Vesterlund, 2010] и финансовых решениях [Barber, Odean, 2001]. Тем не менее эти характеристики нельзя считать врожденными — эксперименты в матриархальных сообществах показали, что в них, наоборот, женщины превосходят мужчин по толерантности к риску и предпочтениям конкуренции [Gneezy et al., 2009]. Таким образом, это свидетельствует о значительной роли эволюционно сложившихся социальных норм в формировании предпочтений.

4. Индивидуальный опыт имеет значение.

Формирование индивидуальных особенностей предпочтений и принятия решений можно описать в рамках взаимодействия между генами (nature) и обстоятельствами/воспитанием (nurture). С этой точки зрения внешние шоки могут быть связаны с долгосрочными последствиями, отражаясь в долгосрочной памяти и устойчивых привычках [Malmendier, 2021].

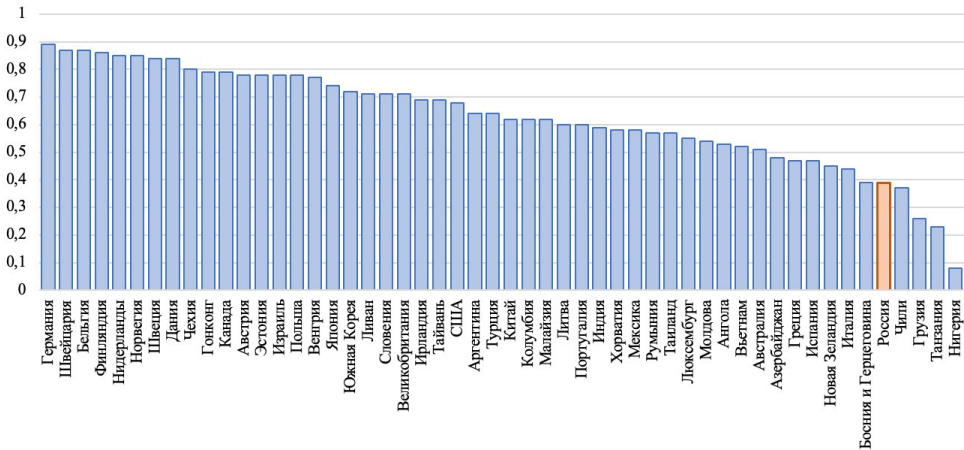
Уже есть свидетельства в пользу того, что опыт негативного шока доходов увеличивает нетерпеливость [Di Falco et al., 2019]. Пережитый макроэкономический спад также формирует негативное отношение к риску, что отражается на снижении вероятности участвовать в сделках на финансовом рынке и инвестировать [Malmendier, Nagel, 2011]. Переживание экономической рецессии, особенно в возрасте выхода на рынок труда, увеличивает ориентацию на собственный денежный интерес. Положительная экономическая динамика, напротив, способствует неденежной ориентации и предпочтениям справедливости [Cotofan et al., 2023; Fisman et al., 2015]. Пережитый опыт насилия в ходе гражданских конфликтов или вследствие высокого уровня преступности увеличивает неприятие риска [Callen et al., 2014; Brown et al., 2019; Jakiela, Oizer, 2019]. Эти результаты указывают на то, что в странах с нестабильной экономической и социальной динамикой регулярно возникают поколения или группы с таким жизненным опытом, который создает отложенный эффект шоков за счет формирования предпочтений, сдерживающих экономическую активность.

Исследования детей показывают, что ранний опыт горизонтального общения, особенно со сверстниками из разных социальных классов, увеличивает склонность к просоциальному поведению и снижает дискриминацию [Rao, 2019; Carpielen et al., 2020]. Накопленные результаты предлагают серьезную пищу для размышлений относительно дизайна образовательных систем от раннего детства до университета.

5. Проявление поведенческих аномалий имеет страновую специфику.

Несмотря на универсальность действия психологических факторов, острота проявления поведенческих аномалий различается в разных странах. Например, в масштабном исследовании межвременных предпочтений Россия оказалась среди стран с наименьшей терпеливостью (см. рис. 3) [Wang, Rieger, Hens, 2016].

Рис. 3. Межстрановое сравнение межвременных предпочтений, доля людей, выбирающих вариант «подождать»⁹

Примечание: Респонденты должны были выбрать между возможностью получить сейчас 3400 долл. или подождать и получить 3800 долл. через месяц

Результаты другого международного исследования — Global Preferences Survey (GPS) — показали, что для России свойственны (на фоне других стран мира) сравнительная нетерпеливость, низкая склонность к риску, невысокие показатели доверия и альтруизма, положительной и отрицательной взаимности [Falk et al., 2018]. Таким образом, проектирование мер экономической и социальной политики с учетом поведенческих аномалий людей при принятии экономических решений может и даже должно учитывать страновую специфику.

Заключение

Накоплено множество свидетельств того, что поведение людей расходится с предпосылками о рациональности, которые долгое время формировали ядро

⁹ Источник: построено авторами на основе данных [Wang, Rieger, Hens, 2016].

неоклассической экономической теории. При этом человеческий выбор подчиняется закономерностям, которые можно учитывать в экономических моделях, повышая их объясняющую и прогностическую силу.

Мы рассмотрели наиболее распространенные поведенческие аномалии, их проявление в повседневной жизни, а также возможности их преодоления. Результаты полевых и лабораторных экспериментов показывают статистически значимые эффекты поведенческих аномалий, проявляющиеся, например, в ненулевых пожертвованиях на благотворительность, низких сбережениях и высокой закредитованности, низкой скорости подстройки рынков под изменяющиеся условия и др. Поведенческие аномалии обнаруживаются на самых разных стадиях принятия решений — на уровне выявления предпочтений, формирования суждений и непосредственно в момент принятия решений. В зависимости от стадий принятия решений изменяется также сложность купирования отрицательных эффектов поведенческих аномалий.

Хотя поведенческие аномалии несут универсальный характер (в силу обусловленности психологией человека), их выраженность у людей может различаться в зависимости от социально-демографических, социально-экономических и страновых факторов. Это означает, что при проектировании институтов и мер, направленных на решение социально-экономических проблем с учетом поведенческой экономики, необходимо принимать во внимание как страновой фактор, так и особенности социально-демографической группы, на которую направлено воздействие.

Распространенность поведенческих аномалий позволяет экономистам по-новому смотреть на способы конструирования и таргетирования социальных программ, прогнозирования эффектов экономической политики, регулирования рынков с «поведенческими» покупателями и продавцами, пытающимися эксплуатировать эти особенности.

Это обостряет вопрос не только о возможностях учета поведенческих аномалий для проектирования инструментов, помогающих людям с ними справиться, но и об этике использования поведенческой экономики.

Список литературы (References)

1. Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. No 6. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111>.
Akhremenko A. S., Brodovskaya E. V. (2021) Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Tension Lines» of the Discussion Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111>. (In Russ.)
2. Канеман Д. (2018) Думай медленно... решай быстро / пер. с англ. М.: АСТ.
Kahneman D. (2018). *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (In Russ.)

3. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть II // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 28—46. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-28-46>.
Kapeliushnikov R. (2013) Behavioral Economics and New Paternalism (Part II). *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 28—46. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-28-46>. (In Russ.)
4. Acland D., Levy M. R. (2015) Naiveté, Projection Bias, and Habit Formation in Gym Attendance. *Management Science*. Vol. 61. No. 1. P. 146—160. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.2091>.
5. Ahmad M., Wu Q. (2022) Does Herding Behavior Matter in Investment Management and Perceived Market Efficiency? Evidence from an Emerging Market. *Management Decision*. Vol. 60. No. 8. P. 2148—2173. <https://doi.org/10.1108/md-07-2020-0867>.
6. Al-Ubaydli O., List J. A. (2017) Field Experiments in Markets. In: *Handbook of Economic Field Experiments*. North-Holland. Vol. 1. P. 271—307. <https://doi.org/10.1016/bs.hefe.2016.09.001>.
7. Alevy J. E., Haigh M. S., List J. A. (2007) Information Cascades: Evidence from a Field Experiment with Financial Market Professionals. *The Journal of Finance*. Vol. 62. No. 1. P. 151—180. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2007.01204.x>.
8. Andreoni J. (1990) Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving. *The Economic Journal*. Vol. 100. No. 401. P. 464—477. <https://doi.org/10.2307/2234133>.
9. Ashraf N., Karlan D., Yin W. (2006) Tying Odysseus to the Mast: Evidence from a Commitment Savings Product in the Philippines. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 121. No. 2. P. 635—672. <https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.635>.
10. Banerjee A. V., Duflo E., Glennerster R., Kothari D. (2010) Improving Immunisation Coverage in Rural India: Clustered Randomised Controlled Evaluation of Immunisation Campaigns with and without Incentives. *BMJ*. Vol. 340. No. 2220. <https://doi.org/10.1136/bmj.c2220>.
11. Barber B. M., Odean T. (2001) Boys Will Be Boys: Gender, Overconfidence, and Common Stock Investment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 116. No. 1. P. 261—292. <https://doi.org/10.1162/003355301556400>.
12. Bartoš V., Bauer M., Chytilová J., Lely I. (2021) Psychological Effects of Poverty on Time Preferences. *The Economic Journal*. Vol. 131. No. 638. P. 2357—2382. <https://doi.org/10.1093/ej/ueab007>.
13. Bénabou R., Tirole J. (2006) Incentives and Prosocial Behavior. *American Economic Review*. Vol. 96. No. 5. P. 1652—1678. <https://doi.org/10.1257/aer.96.5.1652>.
14. Benartzi S., Thaler R. H. (1995) Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 110. No. 1. P. 73—92. <https://doi.org/10.2307/2118511>.

15. Benjamin D. J., Brown S. A., Shapiro J. M. (2013) Who Is 'Behavioral'? Cognitive Ability and Anomalous Preferences. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 11. No. 6. P. 1231—1255. <https://doi.org/10.1111/jeea.12055>.
16. Bhati A., Hansen R. (2020) A Literature Review of Experimental Studies in Fundraising. *Journal of Behavioral Public Administration*. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.30636/jbpa.31.129>.
17. Bikhchandani S., Hirshleifer D., Tamuz O., Welch I. (2021) INformation Cascades and Social Learning (No. w28887). National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w28887>.
18. Blumenstock J., Callen M., Ghani T. (2018) Why Do Defaults Affect Behavior? Experimental Evidence from Afghanistan. *American Economic Review*. Vol. 108. No. 10. P. 2868—2901. <https://doi.org/10.1257/aer.20171676>.
19. Brenner L., Rottenstreich Y., Sood S., Bilgin, B. (2007) On the Psychology of Loss Aversion: Possession, Valence, and Reversals of the Endowment Effect. *Journal of Consumer Research*. Vol. 34. No. 3. P. 369—376. <https://doi.org/10.1086/518545>.
20. Breza E., Kaur S., Shamdasani Y. (2018) The Morale Effects of Pay Inequality. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. No. 2. P. 611—663. <https://doi.org/10.1093/qje/qjx041>.
21. Brown R., Montalva V., Thomas D., Velásquez, A. (2019) Impact of Violent Crime on Risk Aversion: Evidence from the Mexican Drug War. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 101. No. 5. P. 892—904. https://doi.org/10.1162/rest_a_00788.
22. Bryan G., Karlan D., Nelson S. (2010) Commitment Devices. *Annual Review of Economics*. Vol. 2. No. 1. P. 671—698. <https://doi.org/10.1146/annurev.economics.102308.124324>.
23. Burks S. V., Carpenter J. P., Goette L., Rustichini A. (2009) Cognitive Skills Affect Economic Preferences, Strategic Behavior, and Job Attachment. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 106. No. 19. P. 7745—7750. <https://doi.org/10.1073/pnas.0812360106>.
24. Busse M. R., Pope D. G., Pope J. C., Silva-Risso J. (2015) The Psychological Effect of Weather on Car Purchases. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 130. No. 1. P. 371—414. <https://doi.org/10.1093/qje/qju033>.
25. Callen M., Isaqzadeh M., Long J. D., Sprenger C. (2014) Violence and Risk Preference: Experimental Evidence from Afghanistan. *American Economic Review*. Vol. 104. No. 1. P. 123—148. <https://doi.org/10.1257/aer.104.1.123>.
26. Cappelen A., List J., Samek A., Tungodden B. (2020) The Effect of Early-Childhood Education on Social Preferences. *Journal of Political Economy*. Vol. 128. No. 7. P. 2739—2758. <https://doi.org/10.1086/706858>.
27. Card D., Mas A., Moretti E., Saez E. (2012) Inequality at Work: The Effect of Peer Salaries on Job Satisfaction. *American Economic Review*. Vol. 102. No. 6. P. 2981—3003. <https://doi.org/10.1257/aer.102.6.2981>.

28. Carlsson F., Johansson-Stenman O., Nam, P. K. (2014) Social Preferences Are Stable over Long Periods of Time. *Journal of Public Economics*. Vol. 117. P. 104—114. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.05.009>.
29. Carrillo B. (2020) Present Bias and Underinvestment in Education? Long-Run Effects of Childhood Exposure to Booms in Colombia. *Journal of Labor Economics*. Vol. 38. No. 4. P. 1127—1265. <https://doi.org/10.1086/706535>.
30. Carvalho L. S., Meier S., Wang S. W. (2016) Poverty and Economic Decision-Making: Evidence from Changes in Financial Resources at Payday. *American Economic Review*. Vol. 106. No. 2. P. 260—284. <https://doi.org/10.1257/aer.20140481>.
31. Chang T. Y., Huang W., Wang Y. (2018) Something in the Air: Pollution and the Demand for Health Insurance. *The Review of Economic Studies*. Vol. 85. No. 3. P. 1609—1634. <https://doi.org/10.1093/restud/rdy016>.
32. Chapman J., Dean M., Ortoleva P., Snowberg E., Camerer C. (2023) Econographics. *Journal of Political Economy Microeconomics*. Vol. 1. No. 1. P. 115—161. <https://doi.org/10.1086/723044>.
33. Cheung K. S., Yiu C. Y. (2022) Public Perception of Flood Hazards in the Housing Market: A Revealed Preference Study of Affect Heuristics and Availability Heuristics. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 75. No. 102977. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2022.102977>.
34. Chuang Y., Schechter L. (2015) Stability of Experimental and Survey Measures of Risk, Time, and Social Preferences: A Review and Some New Results. *Journal of Development Economics*. Vol. 117. P. 151—170. <https://doi.org/10.1016/j.jdevec.2015.07.008>.
35. Compen B., Pitthan F., Schelfhout W., De Witte K. (2022) How to Elicit and Cease Herding Behaviour? On the Effectiveness of a Warning Message as a Debiasing Decision Support System. *Decision Support Systems*. Vol. 152. No. 113652. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2021.113652>.
36. Cookson J. A., Engelberg J. E., Mullins W. (2023) Echo Chambers. *The Review of Financial Studies*. Vol. 36. No. 2. P. 450—500. <https://doi.org/10.1093/rfs/hnac058>.
37. Cotofan M., Cassar L., Dur R., Meier S. (2023) Macroeconomic Conditions When Young Shape Job Preferences for Life. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 105. No. 2. P. 467—473. https://doi.org/10.1162/rest_a_01057.
38. Croson R., Gneezy U. (2009) Gender Differences in Preferences. *Journal of Economic Literature*. Vol. 47. No. 2. P. 448—474. <https://doi.org/10.1257/jel.47.2.448>.
39. Damgaard M. T., Nielsen H. S. (2018) Nudging in Education. *Economics of Education Review*. Vol. 64. P. 313—342. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2018.03.008>.
40. Della Vigna S., Malmendier U. (2006) Paying Not to Go to the Gym. *American Economic Review*. Vol. 96. No. 3. P. 694—719. <https://doi.org/10.1257/aer.96.3.694>.

41. Della Vigna S. (2009) Psychology and Economics: Evidence from the Field. *Journal of Economic Literature*. Vol. 47. No. 2. P. 315—372. <https://doi.org/10.1257/jel.47.2.315>.
42. Di Falco S., Berck P., Bezabih M., Köhlin G. (2019) Rain and Impatience: Evidence from Rural Ethiopia. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 160. P. 40—51. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.02.016>.
43. Dogerlioglu-Demir K., Koçaş C., Cavdar Aksoy N. (2023) The Role of Presentation Order in Consumer Choice: The Abrupt Disparity Effect. *Marketing Letters*. Vol. 34. No. 2. P. 251—268. <https://doi.org/10.1007/s11002-022-09643-6>.
44. Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U. (2010) Are Risk Aversion and Impatience Related to Cognitive Ability? *American Economic Review*. Vol. 100. No. 3. P. 1238—1260. <https://doi.org/10.1257/aer.100.3.1238>.
45. Ellis C. J., Fender J. (2011) Information Cascades and Revolutionary Regime Transitions. *The Economic Journal*. Vol. 121. No. 553. P. 763—792. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2010.02401.x>.
46. Falk A., Kosfeld M. (2006) The Hidden Costs of Control. *American Economic Review*. Vol. 96. No. 5. P. 1611—1630. <https://doi.org/10.1257/aer.96.5.1611>.
47. Falk A., Becker A., Dohmen T. J., Huffman D., Sunde U. (2016) The Preference Survey Module: A Validated Instrument for Measuring Risk, Time, and Social Preferences. *IZA Discussion Paper*. No. 9674. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2725035>.
48. Falk A., Becker A., Dohmen T., Enke B., Huffman D., Sunde U. (2018) Global Evidence on Economic Preferences. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. No. 4. P. 1645—1692. <https://doi.org/10.1093/qje/qjy013>.
49. Fehr E., Fischbacher U. (2003) The Nature of Human Altruism. *Nature*. Vol. 425. No. 6960. P. 785—791. <https://doi.org/10.1038/nature02043>.
50. Fehr E., Schmidt K. M. (1999) a Theory of Fairness, Competition, and Cooperation. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 114. No. 3. P. 817—868. <https://doi.org/10.1162/003355399556151>.
51. Fisman R., Jakiela P., Kariv S. (2015) How Did Distributional Preferences Change during the Great Recession? *Journal of Public Economics*. Vol. 128. P. 84—95. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2015.06.001>.
52. Flory J. A., Leibbrandt A., List J. A. (2015) Do Competitive Workplaces Deter Female Workers? A Large-Scale Natural Field Experiment on Job Entry Decisions. *The Review of Economic Studies*. Vol. 82. No. 1. P. 122—155. <https://doi.org/10.1093/restud/rdu030>.
53. Gabaix X. (2019) Behavioral Inattention. In: *Handbook of Behavioral Economics: Applications and Foundations 1*. Vol. 2. North-Holland. P. 261—343. <https://doi.org/10.1016/bs.hesbe.2018.11.001>.

54. Gallagher J. (2014) Learning about an Infrequent Event: Evidence from Flood Insurance Take-up in the United States. *American Economic Journal: Applied Economics*. Vol. 16. No. 3. P. 206—233. <https://doi.org/10.1257/app.6.3.206>.
55. Gneezy U., Rustichini A. (2000) Pay Enough or Don't Pay at All. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. No. 3. P. 791—810. <https://doi.org/10.1162/003355300554917>.
56. Gneezy U., Leonard K. L., List J. A. (2009) Gender Differences in Competition: Evidence from a Matrilineal and a Patriarchal Society. *Econometrica*. Vol. 77. No. 5. P. 1637—1664. <https://doi.org/10.3982/ecta6690>.
57. Gneezy U., Meier S., Rey-Biel P. (2011) When and Why Incentives (Don't) Work to Modify Behavior. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 25. No. 4. P. 191—210. <https://doi.org/10.1257/jep.25.4.191>.
58. Grayot J. D. (2020) Dual Process Theories in Behavioral Economics and Neuroeconomics: A Critical Review. *Review of Philosophy and Psychology*. Vol. 11. No. 1. P. 105—136. <https://doi.org/10.1007/s13164-019-00446-9>.
59. Greenberg S. A. (2009) How Citation Distortions Create Unfounded Authority: Analysis of a Citation Network. *BMJ*. Vol. 339. <https://doi.org/10.1136/bmj.b2680>.
60. Hattula J. D., Herzog W., Dhar R. (2023) The Impact of Touchscreen Devices on Consumers' Choice Confidence and Purchase Likelihood. *Marketing Letters*. Vol. 34. No. 1. P. 35—53. <https://doi.org/10.1007/s11002-022-09623-w>.
61. Haushofer J., Fehr E. (2014) On the Psychology of Poverty. *Science*. Vol. 344. No. 6186. P. 862—867. <https://doi.org/10.1126/science.1232491>.
62. Henrich J., Boyd R., Bowles S., Camerer C., Fehr E., Gintis H., Tracer D. (2005) “Economic Man” in Cross-Cultural Perspective: Behavioral Experiments in 15 Small-Scale Societies. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 28. No. 6. P. 795—815. <https://doi.org/10.1017/s0140525x05000142>.
63. Herrmann B., Thöni C., Gächter S. (2008) Antisocial Punishment across Societies. *Science*. Vol. 319. No. 5868. P. 1362—1367. <https://doi.org/10.1126/science.1153808>.
64. Hoch S. J., Loewenstein G. F. (1991) Time-Inconsistent Preferences and Consumer Self-Control. *Journal of Consumer Research*. Vol. 17. No. 4. P. 492—507. <https://doi.org/10.1086/208573>.
65. Indārs E. R., Savin A., Lublóy Á. (2019) Herding Behaviour in an Emerging Market: Evidence From the Moscow Exchange. *Emerging Markets Review*. Vol. 38. P. 468—487. <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2018.12.002>.
66. Jakiela P., Ozier O. (2019) The Impact of Violence on Individual Risk Preferences: Evidence from a Natural Experiment. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 101. No. 3. P. 547—559. https://doi.org/10.1162/rest_a_00763.

67. Janson B. O. (2023) The Timing of a Warning Message on Effectively Debiasing Herd Behavior in Financial Decisions. *Business Economics*. URL: <http://hdl.handle.net/2105/67688> (accessed 30.06.2024).
68. John A. (2020) When Commitment Fails: Evidence from a Field Experiment. *Management Science*. Vol. 66. No. 2. P. 503—529. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2018.3236>.
69. Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. Vol. 47. P. 263—291. <https://doi.org/10.2307/1914185>.
70. Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. (1991) Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *Journal of Economic perspectives*. Vol. 5. No. 1. P. 193—206. <https://doi.org/10.1257/jep.5.1.193>.
71. Kalil A., Mayer S., Shah R. (2023) Scarcity and Inattention. University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper no. 2022—76. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4138637>.
72. Kang M. I., Ikeda S. (2014) Time Discounting and Smoking Behavior: Evidence from a Panel Survey. *Health Economics*. Vol. 23. No. 12. P. 1443—1464. <https://doi.org/10.1002/hec.2998>.
73. Keren G., Schul Y. (2009) Two Is Not Always Better than One: A Critical Evaluation of Two-System Theories. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 4. No. 6. P. 533—550. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2009.01164.x>.
74. Kroft K., Lange F., Notowidigdo M. J. (2013) Duration Dependence and Labor Market Conditions: Evidence from a Field Experiment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 128. No. 3. P. 1123—1167. <https://doi.org/10.1093/qje/qjt015>.
75. Kube S., Maréchal M. A., Puppe C. (2012) The Currency of Reciprocity: Gift Exchange in the Workplace. *American Economic Review*. Vol. 102. No. 4. P. 1644—1662. <https://doi.org/10.1257/aer.102.4.1644>.
76. Laibson D. (1997) Golden Eggs and Hyperbolic Discounting. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No. 2. P. 443—478. <https://doi.org/10.1162/003355397555253>.
77. Lee Y. J., Hosanagar K., Tan Y. (2015) Do I Follow My Friends or the Crowd? Information Cascades in Online Movie Ratings. *Management Science*. Vol. 61. No. 9. P. 2241—2258. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.2082>.
78. List J. A., Murphy J. J., Price M. K., James A. G. (2021) An Experimental Test of Fundraising Appeals Targeting Donor and Recipient Benefits. *Nature Human Behaviour*. Vol. 5. No. 10. P. 1339—1348. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01095-8>.
79. Lönnqvist J. E., Verkasalo M., Walkowitz G., Wichardt P. C. (2015) Measuring Individual Risk Attitudes in the Lab: Task or Ask? An Empirical Comparison. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 119. P. 254—266. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.08.003>.

80. Malmendier U. (2021) FBBVA Lecture 2020 Exposure, Experience, and Expertise: Why Personal Histories Matter in Economics. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 19. No. 6. P. 2857—2894. <https://doi.org/10.1093/jeea/jvab045>.
81. Malmendier U., Nagel S. (2011) Depression Babies: Do Macroeconomic Experiences Affect Risk Taking? *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 126. No. 1. P. 373—416. <https://doi.org/10.1093/qje/qjq004>.
82. Manoogian J., Benson B. (2017) Cognitive Bias Codex. URL: https://www.sog.unc.edu/sites/www.sog.unc.edu/files/course_materials/Cognitive%20Biases%20Codex.pdf (accessed 30.06.2024).
83. Meier S., Sprenger Ch. (2010) Present-Biased Preferences and Credit Card Borrowing. *American Economic Journal: Applied Economics*. Vol. 2. No. 1. P. 193—210. <https://doi.org/10.1257/app.2.1.193>.
84. Meissner T., Gassmann X., Faure C., Schleich J. (2023) Individual Characteristics Associated with Risk and Time Preferences: A Multi Country Representative Survey. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 66. No. 1. P. 77—107. <https://doi.org/10.1007/s11166-022-09383-y>.
85. Mellström C., Johannesson M. (2008) Crowding Out in Blood Donation: Was Titmuss Right? *Journal of the European Economic Association*. Vol. 6. No. 4. P. 845—863. <https://doi.org/10.1162/jeea.2008.6.4.845>.
86. Mertens S., Herberz M., Hahnel U. J., Brosch T. (2022) The Effectiveness of Nudging: A Meta-Analysis of Choice Architecture Interventions across Behavioral Domains. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 119. No. 1. Art. e2107346118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2107346118>.
87. Nguyen Q. (2016) Linking Loss Aversion and Present Bias with Overspending Behavior of Tourists: Insights from a Lab-in-the-Field Experiment. *Tourism Management*. Vol. 54. No. 36. P. 152—159. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.09.019>.
88. Niederle M., Vesterlund L. (2010) Explaining the Gender Gap in Math Test Scores: The Role of Competition. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. P. 129—144. <https://doi.org/10.1257/jep.24.2.129>.
89. Nuscheler R., Roeder K. (2016) To Vaccinate or to Procrastinate? That is the Prevention Question. *Health Economics*. Vol. 25. No. 12. P. 1560—1581. <https://doi.org/10.1002/hec.3268>.
90. Oechssler J., Roeder A., Schmitz P. W. (2009) Cognitive Abilities and Behavioral Biases. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 72. No. 1. P. 147—152. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2009.04.018>.
91. Orihara M., Eshraghi A. (2022) Corporate Governance Compliance and Herding. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 80. No. 102029. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2022.102029>.

92. Osborne M. J., Rubinstein, A. (2003) Sampling Equilibrium, with an Application to Strategic Voting. *Games and Economic Behavior*. Vol. 45. No. 2. P. 434—441. [https://doi.org/10.1016/s0899-8256\(03\)00147-7](https://doi.org/10.1016/s0899-8256(03)00147-7).
93. Ottoni-Wilhelm M., Vesterlund L., Xie H. (2017) Why Do People Give? Testing Pure and Impure Altruism. *American Economic Review*. Vol. 107. No. 11. P. 3617—3633. <https://doi.org/10.1257/aer.20141222>.
94. Rao G. (2019) Familiarity Does Not Breed Contempt: Generosity, Discrimination, and Diversity in Delhi Schools. *American Economic Review*. Vol. 109. No. 3. P. 774—809. <https://doi.org/10.1257/aer.20180044>.
95. Rose-Ackerman S. (1996) Altruism, Nonprofits, and Economic Theory. *Journal of Economic Literature*. Vol. 34. No. 2. P. 701—728. <https://www.jstor.org/stable/2729219>.
96. Scheibehenne B., Greifeneder R., Todd P.M. (2010) Can There Ever Be Too Many Options? A Meta-Analytic Review of Choice Overload. *Journal of Consumer Research*. Vol. 37. No. 3. P. 409—425. <https://doi.org/10.1086/651235>.
97. Schilbach F., Schofield H., Mullanathan S. (2016) The Psychological Lives of the Poor. *American Economic Review*. Vol. 106. No. 5. P. 435—440. <https://doi.org/10.1257/aer.p20161101>.
98. Serra-Garcia M., Gneezy U. (2021) Mistakes, Overconfidence, and the Effect of Sharing on Detecting Lies. *American Economic Review*. Vol. 111. No. 10. P. 3160—3183. <https://doi.org/10.1257/aer.20191295>.
99. Shah A. K., Mullanathan S., Shafir E. (2012) Some Consequences of Having Too Little. *Science*. Vol. 338. No. 6107. P. 682—685. <https://doi.org/10.1126/science.1222426>.
100. Soll J. B., Milkman K. L., Payne J. W. (2015) A User's Guide to Debiasing. In: *The Wiley Blackwell Handbook of Judgment and Decision Making*. Vol. 2. John Wiley & Sons. P. 924—951. <https://doi.org/10.1002/9781118468333.ch33>.
101. Stango V., Zinman J. (2023) We Are All Behavioural, More, or Less: A Taxonomy of Consumer Decision-Making. *The Review of Economic Studies*. Vol. 90. No. 3. P. 1470—1498. <https://doi.org/10.1093/restud/rdac055>.
102. Sunder S., Kim K. H., Yorkston E. A. (2019) What Drives Herding Behavior in Online Ratings? The Role of Rater Experience, Product Portfolio, and Diverging Opinions. *Journal of Marketing*. Vol. 83. No. 6. P. 93—112. <https://doi.org/10.1177/0022242919875688>.
103. Thaler R. H., Benartzi S. (2004) Save More Tomorrow™: Using Behavioral Economics to Increase Employee Saving. *Journal of Political Economy*. Vol. 112. No. S1. P. S164—S187. <https://doi.org/10.1086/380085>.
104. Thaler R., Sunstein C. (2009) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. Penguin Books.

105. Thaler M. (2024) The Fake News Effect: Experimentally Identifying Motivated Reasoning Using Trust in News. *American Economic Journal: Microeconomics*. Vol. 16. No. 2. P. 1—38. <https://doi.org/10.1257/mic.20220146>.
106. Thaler R. H., Sunstein C. R., Balz J. P. (2013) Choice Architecture. *The Behavioral Foundations of Public Policy*. Vol. 25. P. 428—439. <https://doi.org/10.2307/j.ctv550cbm.31>.
107. Thornhill C., Meeus Q., Peperkamp J., Berendt B. (2019) A Digital Nudge to Counter Confirmation Bias. *Frontiers in Big Data*. Vol. 2. No. 11. <https://doi.org/10.3389/fdata.2019.00011>.
108. Wang M., Rieger M. O., Hens T. (2016) How Time Preferences Differ: Evidence from 53 Countries. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 52. P. 115—135. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2015.12.001>.
109. Wang Y., Sloan F. A. (2018) Present Bias and Health. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 57. No. 2. P. 177—198. <https://doi.org/10.1007/s11166-018-9289-z>.
110. Weber M., Camerer C. F. (1998) The Disposition Effect in Securities Trading: An Experimental Analysis. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 33. No. 2. P. 167—184. [https://doi.org/10.1016/s0167-2681\(97\)00089-9](https://doi.org/10.1016/s0167-2681(97)00089-9).
111. White J. S., Dow W. H. (2015) Intertemporal Choices for Health. In Roberto Ch. A., Kawachi I. (eds.) *Behavioral Economics and Public Health*. New York, NY: Oxford Academic. P. 27—68. <https://doi.org/10.1093/med/9780199398331.003.0002>.
112. Zhang J. (2010) The Sound of Silence: Observational Learning in the US Kidney Market. *Marketing Science*. Vol. 29. No. 2. P. 315—335. <https://doi.org/10.1287/mksc.1090.0500>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2544](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544)

**Э. Монахова, Ю. М. Городничева, А. Н. Морозова,
А. Н. Шестакова, В. В. Моисеева, В. А. Ключарев**

ДОВЕРИЕ К МАНИПУЛЯТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Монахова Э., Городничева Ю. М., Морозова А. Н., Шестакова А. Н., Моисеева В. В., Ключарев В. А. Доверие к манипулятивной информации: от восприятия к принятию решений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 42—66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544>.

For citation:

Monakhova E., Gorodnicheva J. M., Morozova A. N., Shestakova A. N., Moiseeva V. V., Klucharev V. A. (2024) Trust in Manipulative Information: From Perception to Decision Making. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 42–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544>. (In Russ.)

Получено: 17.12.2023. Принято к публикации: 24.04.2024.

ДОВЕРИЕ К МАНИПУЛЯТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЙ

TRUST IN MANIPULATIVE INFORMATION: FROM PERCEPTION TO DECISION MAKING

МОНАХОВА Элиана — стажер-исследователь, Центр нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: e.monakhova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9426-3642>

Eliana MONAKHOVA¹ — Research Assistant, Centre for Cognition and Decision Making
E-MAIL: e.monakhova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9426-3642>

ГОРОДНИЧЕВА Юлия Михайловна — стажер-исследователь, Международная лаборатория социальной нейробиологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: gorodni4evayulia@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-5299-2692>

Julia M. GORODNICHEVA¹ — Research Assistant, International Laboratory of Social Neurobiology
E-MAIL: gorodni4evayulia@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-5299-2692>

МОРОЗОВА Александра Николаевна — стажер-исследователь, Международная лаборатория социальной нейробиологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: morozovaa.n@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3348-4412>

Alexandra N. MOROZOVA¹ — Research Assistant, International Laboratory of Social Neurobiology
E-MAIL: morozovaa.n@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3348-4412>

ШЕСТАКОВА Анна Николаевна — кандидат биологических наук, директор Центра нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: a.shestakova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9374-9878>

Anna N. SHESTAKOVA¹ — Cand. Sci. (Biol.), Director of the Centre for Cognition and Decision Making
E-MAIL: a.shestakova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9374-9878>

МОИСЕЕВА Виктория Владимировна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский универ-

Victoria V. MOISEEVA¹ — Cand. Sci. (Biol.), Leading Research Fellow, Centre for Cognition and Decision Making
E-MAIL: vmoiseeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8729-1610>

¹ HSE University, Moscow, Russia

ситет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: vmoiseeva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8729-1610>

КЛЮЧАРЕВ Василий Андреевич — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр нейрoэкономик и когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: vklucharev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5257-3789>

Vasily A. KLUCHAREV¹ — Cand. Sci. (Biol.), Leading Research Fellow, Centre for Cognition and Decision Making

E-MAIL: vklucharev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5257-3789>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Решения принимаются под сильным влиянием доступной информации. Растущий объем манипулятивного контента и новые технологии его производства потенциально создают высокие риски массовой дезориентации в информационном пространстве. Статья демонстрирует ключевые междисциплинарные подходы к изучению ряда важных категорий манипулятивной информации и технологическую эволюцию от распространенных медиаманипуляций (на примере медиафрейминга посредством эвфемизмов) к современным типам ложной информации (фейковые новости и дипфейки). Также рассматривается роль доверия к манипулятивной информации в контексте (а) источника, (б) содержания и (в) потребителя информационных манипуляций. Весь корпус междисциплинарных исследований показывает, что доверие к манипулятивному контенту и его влияние на процесс принятия решений зависит от определенного количества факторов данных категорий. Теоретический обзор не только объединяет результаты ключевых исследований по психологии, социологии и экономике, но и существенно расширяет

Abstract. Decision making is strongly influenced by available information. The growing volume and new technologies for creating manipulative information cause high risks of disorientation in the media space. The article demonstrates key interdisciplinary approaches to the study of several important categories of manipulative information and the technological evolution from common media manipulations (using the example of media framing through euphemisms) to modern types of false information (fake news and deepfakes). The authors consider the role of trust in manipulative information in the context of (a) the source, (b) content, and (c) consumer of information. An entire body of interdisciplinary research demonstrates that the credibility of fake content and its influence on decision-making is significantly dependent on the factors belonging to these categories. This theoretical review not only combines the results of key studies in psychology, sociology, and economics, but also significantly expands the understanding of the manipulative information impact features in the context of the rapid development of new technologies.

понимание особенностей влияния манипулятивной информации в контексте быстрого развития новых технологий.

Ключевые слова: манипулятивная информация, дезинформация, медиафрейминг, фейковые новости, дипфейк, доверие, принятие решений

Благодарность. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Keywords: manipulative information, disinformation, mediaframing, fake news, deepfake, trust, decision making

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of HSE Basic Research Program.

Введение

В последние десятилетия наблюдается возрастающее признание важности влияния контекста на процесс принятия решений. Нобелевская премия по экономике, присужденная в 2002 г. Даниэлю Канеману за работы по исследованию эвристик и предубеждений¹ [Tversky, Kahneman, 1981] и использование поведенческих «подсказок» (англ. nudges), подталкивающих к тем или иным решениям [Thaler, Sunstein, 2008; Kahneman, 2003], высветила важность более глубокого изучения механизмов принятия решений и формирования стратегий выбора. Современные междисциплинарные исследования суждений и принятия решений интегрируют подходы когнитивных наук, поведенческой экономики, академического маркетинга, организационной психологии и социологии для более точного понимания механизмов принятия решений в различных социальных контекстах.

Манипулятивная информация может быть представлена в различных формах, включая повседневную ложную информацию и медиаманипуляции, например, выборочное представление информации, использование ненастоящих экспертов и другие методы, которые могут привести к искажению реальности и введению людей в заблуждение². Сегодня, при быстром развитии новых технологий создания гиперреалистичной манипулятивной информации, становится особенно актуальным выявление индивидуальных характеристик, определяющих более сильную подверженность такому влиянию. Понимание механизмов воздействия манипулятивной информации важно также для разработки эффективных мер смягчения негативного влияния на формирование стратегий выбора и общественное благополучие.

Данный теоретический обзор описывает психологические и социальные механизмы восприятия классических медиаманипуляций (медиафрейминг, прочие эвфемизмы) и ложной информации (фейкньюс, дипфейки), а также их воздействие

¹ Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: A Perspective on Intuitive Judgement and Choice (Prize Lecture). 2002. URL: <https://cmappublic2.ihmc.us/rid=1JYQGMJ2F-12L12PD-12N9/kahnemann-lecture.pdf> (дата обращения: 09.06.2024).

² Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policymaking. Strasbourg: Council of Europe. 2017. URL: <https://edoc.coe.int/en/media/7495-information-disorder-toward-an-interdisciplinary-framework-for-research-and-policy-making.html> (дата обращения: 09.06.2024).

на процесс принятия решений. Обзор фокусируется на классификации факторов доверия к различным типам манипулятивной информации, акцентируя внимание не только на особенностях источника и содержания информационного сообщения, но и на индивидуальных характеристиках потребителя информации. Предыдущие исследования систематизировали ряд факторов, способствующих оценке достоверности (англ. *credibility*) информационных материалов [Bryanov, Vziatysheva, 2021], а также обозначили ключевые характеристики манипулятивного контента и механизмы его распространения [Зуйкина, Соколова, 2019]. Данный обзор, в свою очередь, объединяет результаты предыдущих фундаментальных и прикладных работ, отражая не только особенности генерации и распространения, но и восприятия (в частности, доверия) манипулятивного контента. Кроме того, особый акцент данная работа делает на влиянии манипулятивной информации на процесс принятия решений.

В силу междисциплинарного характера работы необходимо дать определения ключевых понятий.

1. *Медиамаанипуляция* — ряд согласующихся методов, с помощью которых заинтересованные лица создают образы или аргументы в медиа, благоприятствующие их конкретным интересам [Herman, Chomsky, 1988].

2. *Дезинформация* — вводящая в заблуждение информация, созданная с целью намеренного обмана, причинения вреда или извлечения выгоды для распространителя [Fetzer, 2004].

3. *Медиафрейминг* — метод медиамаанипуляций, подразумевающий выбор некоторых аспектов воспринимаемой реальности с целью сделать их более заметными в коммуникационном контексте, содействовать конкретному определению проблемы, моральной оценке и/или рекомендациям по решению описанной проблемы [Entman, 1993].

4. *Эвфемизм* — средство, с помощью которого неприятное, оскорбительное или вызывающее страх сообщение обозначается более мягко, чтобы скрыть негативную коннотацию [Кану, 1960].

5. *Фейковые новости* — сфабрикованная информация, которая имитирует контент средств массовой информации (СМИ) по форме, но не по организационному процессу или намерениям [Lazer et al., 2018]; преднамеренно ложные или вводящие в заблуждение утверждения, представленные в виде новостей [Gelfert, 2018].

6. *Дипфейк* — тип ложной информации, созданный с использованием искусственного интеллекта и технологий машинного обучения для манипуляции изображениями, аудио- и видеоматериалами, для создания впечатления, что кто-то говорит или делает что-то, чего он не делал [Kietzmann et al., 2020].

Манипулятивная информация

Манипулятивная информация появилась, вероятно, когда люди только начали формировать первые сообщества, развивать системы письменности и коммуникации [Burkhardt, 2017]. С появлением печатной прессы, радио и телевидения ложные информационные сообщения в медиaprостранстве стали оказывать все более сильное влияние на социально-политические и экономические процессы. Обеспокоенность в адрес ложных материалов особенно возросла в 2020 г. в свя-

зи с широким распространением дезинформации в социальных сетях на тему пандемии коронавируса COVID-19.

Индивид, попадающий под влияние манипулятивной информации, сталкивается с изменением структуры ранее сформированных представлений. Появление и распространение манипулятивной информации создают угрозу нарушения целостности и релевантности накопленного индивидом опыта [Муценек, 2018]. Дезинформация в разных ее проявлениях представляет собой особую опасность для политической и социальной стабильности общества, экономического развития и других важных сфер жизни [Wasserman, Madrid-Morales, 2019]. Так, исследование, проведенное в США, оценило влияние разных типов информации на склонность к вакцинации от коронавируса COVID-19 и показало, что принятие решения о вакцинации сильно зависит от уровня доверия к транслируемым информационным сообщениям, причем к фейковым новостям также формировался определенный уровень доверия [Westney et al., 2023]. А в российском исследовании 2020 г. было обнаружено, что 15,6% студентов доверяют слухам о происхождении коронавирусной инфекции (например, «коронавирус был разработан китайскими военными», «коронавирус был разработан в лаборатории как новое биоружие»), хотя декларация этого доверия является социально неодобряемой [Климова, Чмель, Савин, 2020].

Мы поставили перед собой цель провести анализ литературы в контексте эволюции манипулятивной информации от традиционных медиаманипуляций к технологиям «фейковых новостей» и «дипфейков». Типы и методы манипулятивной информации, описанные в данном обзоре, представляются нам наиболее важными в контексте влияния на процесс принятия решений и формирование выбора ввиду своей распространенности и/или инновационности, рассмотрим аспекты их актуальности далее.

Медиафрейминг — один из самых распространенных способов медиаманипуляций, поскольку его реализация достижима простыми средствами, не включающими сложные технологические решения, а также благодаря сложности идентификации медиафреймов со стороны потребителя информации, как следствие — его эффективности [Entman, 1993]. *Медиафрейминг* создает заведомо позитивную или негативную рамку восприятия сообщения средствами языка, контекстом сообщения и т. д. «Фрейминг, изменяя формулировки описания явления и фокусируя внимание читающего на необходимых атрибутах, при помощи последних определяет когнитивную схему, которая будет использована при анализе события, ситуации, факта» [Джавадова, 2020: 4].

Метод фрейминга используется практически во всех видах медиаманипуляций — в пропаганде, распространении слухов, конспирологии и т. д. — и носит всеобъемлющий характер. Его можно отнести скорее к распространенной стратегии управления политическим сознанием, нежели к отдельному типу манипуляций [Лопатин, 2019]. Так, подача сообщения в обвинительном или оправдательном тоне, достигаемом средствами языка, заставляет думать о герое сообщения как о преступнике или как о жертве [Seate, Harwood, Blecha, 2010]. Один из наиболее распространенных приемов медиафрейминга — эвфемизирование сообщения. *Эвфемизмы* доказали свою эффективность в многочисленных исследованиях по широкому кругу

вопросов — в бизнесе, моральных суждениях, оценке рисков и опасностей [Loftus, Palmer, 1974]. Авторы публикации в *New York Times* проанализировали³ эвфемизмы для слова «уволить» и пришли к выводу, что в активном использовании в английском языке находится не менее 48 действующих языковых единиц, задача которых — сгладить смысл неприглядного сообщения. Департамент экологии США выпустил циркуляр, запрещающий словосочетание «климатические изменения» и предлагающий такой эвфемизм, как «погодные крайности» [Farrow et al., 2021].

Также манипулятивная информация все чаще транслируется в виде *фейковых новостей*: согласно опросу, проведенному в Великобритании, 45,43 % респондентов считают, что сталкиваются с фейковыми новостями в интернете ежедневно, 19,64 % — хотя бы раз в неделю⁴. Только за период с 2016 по 2017 г. использование термина «фейковые новости» выросло на 365 %⁵. В США лишь 25 % американцев уверены в своей способности распознавать фейковые новости⁶.

Дипфейки, ввиду своей реалистичности и высокотехнологичности, могут еще эффективнее вводить людей в заблуждение. По мнению экспертов, как дипфейки, так и фейковые новости сокращают количество подлинных новостей и могут снизить цифровую грамотность и доверие граждан к информации, предоставляемой властями⁷. В связи с относительной легкостью реализации технология дипфейков приобретает большой масштаб распространения и становится все более доступной пользователям.

Типы манипулятивной информации

Способность современного мира создавать, собирать, хранить и вычислять информацию не имеет аналогов в истории человечества [Gilbert, 2011]. Цифровые СМИ и социальные сети являются важной частью этих динамичных процессов. Чем больше источников информации, тем выше конкуренция между ними. Битва за потребителя в условиях изобилия информации часто сводится к тому, чей заголовок окажется наиболее вызывающим и запоминающимся. Поэтому эмоциональные реакции и манипуляции стали одной из главных движущих сил для медиа. Далее мы рассмотрим различные типы манипулятивного контента, а именно медиафрейминг средствами языка (эвфемизация), а также полностью ложные сообщения (фейковые новости и дипфейки).

Медиафрейминг

Фрейминг (медиафрейминг) — междисциплинарный феномен, исследуемый на стыке таких дисциплин и областей знаний, как социология, психология, по-

³ Gillen D., Storey W. «You Are Fired», in *Terms Only a Boss Could Love* // *The New York Times*. 2013. October 24. URL: <https://www.nytimes.com/2013/10/25/business/youre-fired-in-terms-only-a-boss-could-love.html> (дата обращения: 24.06.2024).

⁴ Fake News Statistics — How Big is the Problem? *JournoLink*. URL: <https://journalink.com/resources/post/319-fake-news-statistics-2019-uk-worldwide-data> (дата обращения: 13.12.2023).

⁵ True or False? How Much Is Fake News Influencing Our Lives? *University of Derby Magazine*. No. 12. URL: <https://www.derby.ac.uk/magazine/issue-12/influence-of-fake-news/> (дата обращения: 13.12.2023).

⁶ Watson A. Fake News in the U.S. — *Statistics & Facts*. *Statista*. 2023. January 9. URL: <https://www.statista.com/topics/3251/fake-news/#topicOverview> (дата обращения: 13.12.2023).

⁷ Westerlund M. The Emergence of Deepfake Technology: A Review. *Technology Innovation Management Review*. 2019. November. URL: <https://timreview.ca/article/1282> (дата обращения: 13.12.2023).

литология, теория коммуникаций, медиа и компьютерные науки. Фреймы — это схемы интерпретации информации, которые позволяют воспринимать, идентифицировать и маркировать кажущееся бесконечным число явлений. Это выбор некоторых аспектов реальности и попытка сделать их более значимыми и заметными [Cornelissen, Werner, 2014]. Медиафрейминг стал одним из наиболее распространенных методов решения манипулятивных задач, включая пропаганду, конспирологию и др.

Согласно теории медиаэффекта, медиавлияние может быть сформировано свойствами содержимого сообщения [Valkenburg et al., 2016]. Таким образом, существует связь между негативной эмоциональной валентностью сообщения и вниманием, которое люди уделяют ему по сравнению с позитивными и нейтральными сообщениями [Zillmann et al., 2004]. Манипуляции с переменными, такими как стиль, выразительность языка, акцентуация, благоприятное подчеркивание, могут также обеспечивать эффективный фрейминг. Поскольку не существует единого формата для представления новостного сообщения в силу обилия источников, язык его описания может варьироваться. Различные стили и эмоциональная валентность лексики могут быть использованы для удовлетворения манипулятивной задачи. В этом смысле эвфемизм — это способ создать медиа-сообщение, которое звучит менее прямолинейно и более сглаженно при описании некоторых неприятных, разочаровывающих или шокирующих явлений, нарушающих общепринятые нормы, и таким образом снизить остроту восприятия. Например, пугающее слово «умереть» может заменяться несколькими эвфемистическими синонимами, такими как «оставить этот мир» или «уйти», если цель — сгладить эмоциональность сообщения. Существует множество мотивов для того, чтобы люди хотели ослабить эмоции, вызываемые негативной информацией. Например, эвфемизмы «помереть» или «сыграть в ящик» — это иронические и игровые способы отвлечь человека от трагедии случившегося.

Влияние эвфемизированных и неэвфемизированных сообщений изучалось в контексте важных социальных вопросов, таких как аборт, экология, социальное обеспечение, налоги, иммиграция. Пример одного из сценариев: участник слышал об энергетической неполадке (эвфемизированный вариант) или взрыве (неэвфемизированном) на электростанции по радио во время вождения. Значимые различия в реакции участника наблюдались и в оценке того, насколько угрожающей выглядела данная ситуация, и в решении, насколько отклониться от запланированного маршрута в связи с услышанным [Gladney, Rittenburg, 2005].

Чрезмерное использование эвфемизмов может иметь и противоположный эффект — например, снижать достоверность и убедительность воспринимаемой информации. Одним из наиболее ярких примеров является использование эвфемизма «особые потребности» вместо понятия «инвалидность». Данные о свободных ассоциациях с термином «особые потребности» позволили обнаружить, что он скорее сигнализирует о более тяжелых состояниях, таких как психические заболевания или расстройства развития [Plous, 1993]. Поэтому попытка придать позитивное значение инвалидности привела к противоположному результату. Таким образом, даже если эффект эвфемизма очевиден, его применение требует более подробного изучения.

Фейковые новости

Не только нюансы содержания сообщения могут манипулировать реакцией аудитории, но и сообщение в целом может имитировать реальную медиакommunikation. Ложная или вводящая в заблуждение информация все чаще маскируется под достоверные новости [Allen et al., 2020]. По результатам российского исследования выяснилось, что фейки могут распространяться не только через подозрительные сайты и страницы в соцсетях, источниками их распространения могут служить и федеральные СМИ [Зуйкина, Соколова, 2019]. В этой же работе было обнаружено, что фейки нацелены на широкую аудиторию, поэтому это чаще всего короткие текстовые материалы в информационном стиле, а их структура и нейтральная тональность делают их практически неотличимыми от обычных новостных заметок. Фейковые новости — явление не новое, они продолжили эпоху «желтой прессы», включая знакомые аспекты сенсационности — криминальные новости, скандалы и сплетни, репортажи о катастрофах, спортивные сенсации [Molina et al., 2021].

Особую популярность фейковые новости приобрели в социальных сетях. Ввиду возможности свободного распространения информации фейки быстро и успешно приживаются на различных медиаресурсах. Например, в 2016 г. в ходе президентских выборов в США социальная сеть Twitter (в настоящее время — X) превратилась в удобную площадку для распространения фейков. Н. Гринберг и его коллеги [Grinberg et al., 2019] проанализировали аккаунты американских избирателей, чтобы определить, кто сталкивался с фейковыми новостями о выборах, кто занимался распространением дезинформации и в какой степени фейки перекликались с подлинной информацией. Данные оценки показывают, что более 6 % материалов в X оказались фейками, однако читали их далеко не все пользователи. Интересно, что основными потребителями фейковых твитов стали избиратели старшего поколения, придерживающиеся консервативных политических взглядов, а также более вовлеченные в политический дискурс. Помимо X, около 27 % американцев хотя бы раз натыкались на фейковый ресурс в интернете за неделю до выборов, а 60 % визитов на сайты с фейковой информацией приходилось на самых консервативных избирателей Америки. В 2017 г. издательство HarperCollins, выпускающее толковый словарь английского языка, объявило термин *fake news* словом года⁸, подчеркивая его значимость в современном мире. Количество фейковых материалов стремительно увеличивается, новый всплеск дезинформации пришелся на годы пандемии COVID-19. Данный вирус породил большое количество слухов, теорий заговора и ложной информации, посеяв панику и серьезные переживания среди населения. Так, представителям власти в разных странах пришлось оперативно реагировать на большое количество фейковых сообщений, перекрывая их подлинными новостями об опасности и последствиях заражения [Нунн, 2020].

Несмотря на некоторые положительные стороны фейковых новостей (например, демонстрация альтернативного мнения), они представляют серьезную угрозу экономическому развитию, социальной и политической стабильности общества.

⁸ Словарь Collins назвал словом года «фейковые новости» // Коммерсантъ. 2017. 2 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3458669> (дата обращения: 19.06.2024).

Масштабное распространение дезинформации также может помешать прозрачности политических выборов, обсуждению экологических проблем и безопасности вакцин [Fernandez, Alani, 2018]. Например, фейковые новости в социальных сетях о введении правительством Турции контроля над движением капитала привели к падению курса лиры на 20 % по отношению к доллару США и, как следствие, к реальным экономическим потерям. А ложная информация о том, что граница между Грецией и Северной Македонией открыта, побудила сотни мигрантов бежать через греческую границу, из-за чего произошли многочисленные столкновения греческой полиции и мигрантов [Zhou et al., 2019].

Фейковые новости могут нарушить баланс доверия в новостной экосистеме. Они также влияют на последующее восприятие пользователем реальных новостей. Например, человек может перестать отличать правду от лжи в информационных сообщениях, что приведет к тотальному недоверию любой потребляемой информации [Shu et al., 2017]. Кроме того, фейковые новости намеренно убеждают пользователей принять предвзятые или ложные убеждения, а потому часто используются для политической пропаганды и навязывания определенных идей и установок. Фейковые новости как информационный феномен могут также оказывать существенное давление на эмоциональный отклик, мышление и другие когнитивные функции в процессе взаимодействия с контентом [Guo et al., 2021].

Дипфейки

Возрастающий интерес вызывают манипулятивные материалы в более изошренном, высокотехнологичном формате, именуемом дипфейком. Основная цель таких материалов — ввести пользователя в заблуждение, вызвать противоречивый эмоциональный отклик, изменить его отношение и восприятие к личности или явлению, которое он представляет [Korshunov, Marcel, 2018]. В прошлом создание подобных фейковых материалов было сложной дорогостоящей задачей, требующей профессиональных технических навыков, большого количества времени и финансовых затрат. Однако сегодня для создания качественных дипфейков достаточно стандартного компьютера, стабильного подключения к интернету и элементарных знаний о нейронных сетях. Некоторые приложения уже позволяют подменить лицо или голос без применения специальных программных решений.

Термин «дипфейк» возник относительно недавно, в 2017 г., когда один из пользователей онлайн-платформы Reddit под ником «deepfakes» заявил, что разработал алгоритм машинного обучения, позволяющий переносить лица знаменитостей в видео интимного содержания в реалистичном ключе. Исследование компании Sensity Artificial Intelligence, специализирующейся на дипфейках, показало, что от 90 % до 95 % дипфейк-материалов в интернете в период с 2018 по 2020 г. были порнографическими⁹. Помимо поддельной порнографии, дипфейки используются для создания фейковых новостей, мистификации, денежных махинаций, но иногда и для благих целей, например, при попытке обеспечить анонимность и конфиденциальность герою дипфейка.

⁹ Deepfakes vs Biometric KYC Verification // Sensity Artificial Intelligence. 2022. URL: <https://sensity.ai/reports/> (дата обращения: 20.11.2023).

Эволюция медиаманипуляций в дипфейки привела к созданию сообщений с определенными характеристиками, которые делают их более уникальным и эффективным способом распространения манипулятивной информации [Ahmed, 2023]. Во-первых, как и другие формы визуальной или слуховой дезинформации, дипфейки используют так называемую эвристику реализма [Sundar, 2008], так как люди с большей вероятностью доверяют сгенерированным изображениям и аудиоматериалам, чем тексту, как более правдивому отражению происходящих в реальности событий [Vaccari, Chadwick, 2020]. Б. Рёсслер и соавторы [Rossler et al., 2018] показали, что люди способны распознавать дипфейки только примерно в 50 % случаев — такой показатель почти не уступает случайному угадыванию.

Вторая, не менее важная характеристика дипфейков — дискредитация подлинной информации, которая обусловлена дивидендами лжеца (англ. the liar's dividend) [Chesney, Citron, 2019]. Дипфейки могут полностью перевернуть представление об истине в глазах общественности. К примеру, в 2018 г. в Габоне президент страны Али Бонго несколько недель не появлялся на публике из-за проблем со здоровьем. Правительство было выпустило президентское видеообращение, чтобы прервать публичные спекуляции о распространившихся дипфейковых материалах, в которых сообщалось о смерти президента. Доверие к таким новостям настолько укрепилось, что в процесс вынуждены были вмешаться военные, назвавшие распространяемые материалы дипфейком [Giansiracusa, 2021].

В то же время алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ), используемые в дипфейках, предоставляют широкий спектр возможностей для синтеза голосов, текстов, видео, произведений искусства и т. д. Технологии дипфейков можно рассматривать как выгодную альтернативу в обучении и в создании реалистичных образов персонала в обучающих сценариях, которые было бы невозможно реализовать в других условиях из-за их высокой стоимости. Существуют и другие потенциальные возможности использования дипфейк-материалов во благо общества. Например, намеренное предоставление ложного контента в целях борьбы с терроризмом, мошенничеством и другими видами преступлений, направленных против общественного блага [Karnouskos, 2020]. Вне зависимости от цели распространения поддельные материалы вызывают доверие со стороны аудитории.

Факторы доверия манипулятивной информации

Для понимания причин подверженности манипулятивной информации необходимо понять основные источники доверия к ней. Доверие к информации играет решающую роль в процессе принятия решений и формировании стратегий выбора индивида. Когда человек доверяет источнику информации, он чаще склонен принимать предложенные в этой информации утверждения как факты, что влияет на его мнения и убеждения. Факторы доверия и убеждения, рассмотренные в данной статье, разделены на три категории: характеристики (а) источника сообщения, (б) его содержания и (в) потребителя сообщения. Рассмотрим эти компоненты доверия подробнее.

Важно отметить, что мы рассматриваем не все факторы доверия и склонности к принятию решения на основе манипулятивной информации: например, мы оставляем без внимания такие факторы, как личная выгода (англ. self-relevance)

и социальная значимость (англ. social relevance), формирующие социальное убеждение по отношению к индивиду [Falk, Scholz, 2018], а также социодемографические факторы, например пол, возраст, уровень образования и особенности культуры индивида [Figueiras et al., 2021].

Источник манипулятивной информации: авторитетность

Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на доверие к подлинному или манипулятивному контенту, является *авторитетность* источника информации. Чем выше авторитетность источника, тем сильнее люди склонны доверять представленной информации и модерировать решения в зависимости от доступной аргументации. Авторитетность обладает рядом признаков, включая наличие профессиональных компетенций, практику, цитируемость публикаций и др. Некоторые исследования показывают, что долгосрочный опыт и специализированные знания (то есть наличие компетенции в определенной области) существенно влияют на уровень авторитетности и ее последующую оценку [Ericsson, Charness, 1994]. Одной из основных «переменных», подчеркивающих авторитетность источника, считается высокая экспертиза [Rhine, Severance, 1970], она является ключевым компонентом авторитетности коммуникатора [Priester, Petty, 2003].

Согласно предсказаниям модели углубленной обработки информации [Petty, Cacioppo, 1986] и эвристическо-систематической модели убеждения [Zuckerman, Chaiken, 1998], авторитетность источника может действовать как периферийный критерий или эвристика (как, например, «эксперты обычно правы» [Petty, Cacioppo, Goldman, 1981]), вызывать доверие и исказить понимание сообщения [Chaiken, Maheswaran, 1994], выступать в качестве значимой информации по вопросу или существенно влиять на процесс обработки информации [Heesacker, Petty, Cacioppo, 1983]. У людей могут формироваться субъективные, не всегда осознанные представления об авторитетности источника. Соответственно, уровень доверия к представленному контенту зависит от ряда манипулятивных методик, влияющих на изменение личного мнения и интенции к распространению информации третьим лицам. Исследования показывают, что степень доверия и оценка авторитетности источников могут меняться в зависимости от того, какая информация о них была получена прежде [Hovland, Weiss, 1951], а также насколько привлекательным кажется источник [Mills, Aronson, 1965].

Содержание манипулятивной информации: формат и значимость нарратива

Информационные сообщения в медиасреде обычно представлены в формате *нарратива*. Нарратив — важнейшая форма социального влияния и убеждения, способная оказывать воздействие на процесс принятия решений. Под термином подразумевается интерпретативный отчет о ситуации или серии событий (и связанного с ними опыта), который может быть как правдивым, так и вымышленным [Fisher, 1984]. Это не только форма коммуникации в человеческом обществе, но и инструмент конструирования реальности — как реальности внешнего мира, так и реальности самого себя [Bruner, 1991]. Например, исследования показывают, что потребление телевизионных новостей возросло, когда новости стали производиться в форме нарративов, повествований [Machill, Köhler, Waldhauser, 2007].

Нарративы, в частности манипуляционные, относятся к числу наиболее мощных стимулов, вызывающих эмоции [Jääskeläinen et al., 2021]. Эмоции являются важным аспектом формирования доверия и принятия решений. Классический экономический анализ предполагает, что люди принимают решения рационально, основываясь на максимизации полезности [von Neumann, Morgenstern, 2004]. Более поздние исследования показали, что эмоции влияют на принятие решений в сложных условиях [Zajonc, 1980]. Другой пример — повествования, вызывающие эмоции, доносят информацию о политике до большинства граждан эффективнее, чем сообщения, основанные только на фактах [Piotrowski, Grimmeliikhuijsen, Dreat, 2019]. Более того, нарратив политических новостей влияет на восприятие их достоверности. Соответствие новостей о международных отношениях двух стран нарративу, доминирующему в национальной медиасистеме, публикующей новость, влияет на доверие к новости больше, чем достоверность этой новости. Этот эффект усиливается в случае, когда отношения между страной, публикующей новость, и страной, являющейся субъектом новости, напряжены [Bryanov et al., 2023].

Принятие решений в условиях риска, известное как эвристика доступности, лучше объясняется легкостью вспомнить или представить подобное событие, чем объективной вероятностью конкретного события [Folkes, 1988]. Как следствие, драматические и ярко описанные события непропорционально влияют на восприятие риска и решения участников [Loewenstein et al., 2001]. Эмоции играют ключевую роль в принятии решений [Bechara, Damasio, 2005], поэтому эмоциональные нарративы могут объяснить расхождение мнения и поведения общественности и экспертов о рисках, связанных с различными событиями [Lachlan, Spence, 2010].

Конгруэнтность внутренним установкам

Другим значимым фактором, на который аудитория склонна опираться при ознакомлении с медиаконтентом, является его конгруэнтность мнению и внутренним установкам [Pennycook, Fugelsang, Koehler, 2015]. Люди склонны считать источники, например СМИ, которые соответствуют им в идеологическом плане, более достоверными и заслуживающими доверия [Tsati, Ariely, 2014; Pennycook et al., 2020]. Апостериорный анализ П. Моравека и его коллег [Moravec et al., 2018] доказывает, что идеологическая предвзятость сильно распространена: пользователи с большей вероятностью поверят заголовкам новостей, которые соответствуют их политическим взглядам. В то же время заголовки, противоречащие их мнению, получают мало когнитивного внимания (игнорируются).

Это согласуется с исследованиями мотивированного рассуждения (англ. *motivated reasoning*), когда люди выборочно обрабатывают информацию, подтверждающую их взгляды [Druckman, Bolsen, 2011], — так называемый феномен *эвристики подтверждения* восприятия (англ. *confirmation bias*) к материалу и источнику, который его транслирует. Подобная предвзятость восприятия выражается в тенденции отдавать предпочтение информации, которая подтверждает ранее существовавшие убеждения. Более того, человек начинает сильнее доверять контенту в том случае, когда информация повторяется несколько раз в различных источниках и становится более знакомой — вероятно, в силу возникающей *эвристики доступности*, впоследствии потребитель контента начинает доверять таким источникам еще силь-

нее [Родина, Прудков, 2019; Cacioppo, Petty, Kao, 1984]. Исследования *обратного эффекта* борьбы с медиаманипуляциями (англ. backfire effect) предсказывают, что люди могут закрепить свои некорректные убеждения, даже когда им предоставлена подлинная информация в качестве способа противодействия.

Для объяснения роли конгруэнтности в восприятии информации часто используется теория дуального мышления (англ. dual-process theory). Согласно теории, люди задействуют два режима обработки информации: быстрый, интуитивный режим (система 1) и медленный, преднамеренный режим (система 2)¹⁰ [Stanovich, 2009]. Предполагается, что автономные процессы системы 1 приводят к быстрой реакции и мгновенному принятию решения, если в них не вмешиваются особые процессы рассуждения более высокого порядка (система 2) [Evans, Stanovich, 2013]. Иными словами, система 1 связана с низким уровнем аналитических рассуждений и опорой на когнитивные искажения в процессе принятия решений и формирования стратегий выбора, например, интуитивные упрощения, основанные на предшествующих знаниях, убеждениях и приобретенном опыте [Bauer, Clemm von Hohenberg, 2020]. Система 2, напротив, связана с высоким уровнем аналитического мышления и предполагает тщательную и систематическую проверку информации, соответственно, менее подвержена ошибкам и, в контексте данного исследования, фейковому контенту в процессе принятия решений, чем система 1. Например, с большей уверенностью доверяла именно конгруэнтной информации та группа людей, которая больше обращалась к интуиции (системе 1) при оценке достоверности контента, а не руководствовалась длительной аналитической обработкой информации¹¹.

Манипулятивная информация, соответствующая внутренним установкам и убеждениям человека, может также вызвать и усилить эмоциональные реакции, модифицируя процесс принятия решений на уровне системы 1. Исследования моральных и эмоциональных рассуждений демонстрируют, что эмоции играют важную роль в формировании решений и стратегий выбора [Haidt, Baron, 1996; Schnall et al., 2008]. Когда ложная информация резонирует с ранее сформированными установками или настроениями, она может существенно усилить эмоциональное воздействие на людей. Это эмоциональное влияние, в свою очередь, оказывает давление на процесс принятия решений, трансформируя воспринимаемую значимость или срочность информации. Например, политическая дезинформация, соответствующая партийной принадлежности избирателя, или манипулятивные практики по убеждению избирателя могут воздействовать на его финальное решение по голосованию [Hochschild, Einstein, 2015].

Потребитель манипулятивной информации

Аналитическое мышление. Особенности когнитивных процессов реципиента манипулятивной информации могут драматическим образом менять ее эффект

¹⁰ Kahneman D., Lovallo D., Sibony O. Before You Make that Big Decision. *Harvard Business Review*. 2011. June. P. 51—60. <https://ir.vnuilb.edu.vn/bitstream/123456789/4136/1/21.%20Before%20You%20Make%20that%20Big%20Decision.pdf>. (дата обращения: 09.06.2024).

¹¹ Wineburg S., McGrew S., Breakstone J., Ortega T. Evaluating Information: The Cornerstone of Civic Online Reasoning. 2016. URL: <https://purl.stanford.edu/fv751yt5934> (дата обращения: 09.06.2024).

на поведение и принятие решений. *Аналитическое мышление* играет важную роль в формировании доверия к информации, поскольку оно способствует критическому анализу представленных данных и оценке их достоверности. Предыдущие исследования показали, что люди, обладающие более высоким уровнем аналитического мышления, с большей вероятностью могут отличить правдивую информацию от ложной и распознать манипуляции вне зависимости от того, соответствует ли она их внутренним установкам и убеждениям [Sindermann, Cooper, Montag, 2020]. Таким образом, люди с более развитыми когнитивными способностями лучше справляются с отличием недостоверного контента от подлинного, а те, кто чаще попадает под влияние дезинформации, не критичны к потребляемому контенту [Pennycook, Rand, 2019]. Согласно предыдущим исследованиям, люди с высоким уровнем аналитического мышления были способны определить от 56 % до 95 % манипулятивных материалов, в то время как склонность к заблуждениям, догматике и религиозному фундаментализму с большей вероятностью способствует доверию ложной информации — подобная корреляция объяснялась более низким уровнем аналитического мышления [Bronstein et al., 2019].

Уровень аналитического мышления при изучении восприятия манипулятивного контента часто измеряется с помощью теста на *когнитивную рефлексию* (Cognitive Reflection Test). Он включает в себя набор вопросов, где интуитивный ответ может казаться верным, но при внимательном рассмотрении оказывается ошибочным [Frederick, 2005]. Тест показывает, насколько человек способен преодолевать интуитивные ответы и применять аналитическое мышление для решения логических задач. Исследования указывают на связь между результатами теста на когнитивную рефлексию и рациональностью принятия решений [Pennycook et al., 2016; Levy, 2023]. Когнитивная рефлексия отрицательно коррелирует с воспринимаемой точностью заголовков фейковых новостей и положительно коррелирует со способностью отличать фейковые новости от реальных — даже для заголовков, которые соответствуют политической идеологии испытуемых [Pennycook, Rand, 2019].

Потребность в познании. Потребность в познании также является важным аспектом, определяющим, насколько активно и осознанно индивид стремится к погружению в процессы мышления и определения манипуляций и недостоверного медиаконтента, что можно оценить с помощью *шкалы потребности в познании* (Need for Cognition Scale). Данная шкала представляет инструмент для измерения степени, с которой человек стремится к погружению в когнитивные процессы и удовлетворению своей потребности в мышлении [Cohen, Scotland, Wolfe, 1955]. Люди с высоким уровнем потребности в познании обычно тщательнее анализируют информацию, полученную из разных источников, содержащих как правдивую, так и манипулятивную информацию [Cacioppo, Petty, Kao, 1984].

Социальное влияние и конформизм. Принадлежность к социальной группе, которая имеет важное значение в эволюционном развитии человека, может быть оформлена путем ознакомления с нормами и моделями поведения, передаваемыми через истории, и адаптации своих взглядов и поведения к принятым в обществе [Cialdini, Goldstein, 2004]. Социальное влияние нарратива создает предпосылки для изменения установок и убеждений, в то время как конформность смысла, передаваемым через нарратив, — это социальный процесс изменения

личной позиции. Конформизм является тенденцией следовать за нормативным поведением большинства [Thiruchselvam et al., 2017], причем мозговая активность, лежащая в основе конформного поведения, связана с теми же нейронными сетями, которые активируются в контексте получения вознаграждения [Klucharev, Shestakova, 2015].

Конформизм может оказывать существенное влияние на восприятие манипулятивной информации. Например, после воздействия комментариев людей, критикующих фейковые новости, намерение поделиться ими снижается по сравнению с воздействием комментариев, поддерживающих фейковый материал [Colliander, 2019]. Люди, склонные к конформизму, более активно распространяют манипулятивный контент, который они считают подлинным [Wijenayake et al., 2020]. Желание соответствовать мнению большинства позволяет не только следовать нормам и принятым моделям поведения, но и распространять медиаманипуляции и фейковые сообщения.

Выводы

Традиционные манипулятивные практики, такие как фрейминг, продолжают воздействовать на процесс принятия решений в политической, экономической, социальной и других областях. Например, эвфемизмы повсеместно используются для сглаживания вопиющих нарушений моральных норм. При этом исследования реакции на эвфемизмы свидетельствуют о важной роли, казалось бы, несущественных аспектов сообщения, например используемого стиля языка. Так, эвфемизмы и использующие их фейки все активнее заполняют информационное пространство, уменьшая общее доверие к медиainформации. Козволюция медиаманипуляций и технологий привела к интеграции манипулятивного контента с фейковыми новостями, созданными в том числе методами машинного обучения, в мультимодальные дипфейки. Новые формы медиаманипуляций паразитируют на эвристиках реализма и доступности, существенно дискредитируя подлинную информацию.

Одним из ключевых факторов, влияющих на доверие к современному медиаконтенту, является конгруэнтность содержания сообщения внутренним установкам ее реципиента. Например, люди склонны считать источники, которые близки их взглядам, более достоверными и заслуживающими доверия. Уровень аналитического мышления, потребность в познании и уровень конформизма индивида также оказывают существенное влияние на эффективность медиаманипуляций. Таким образом, современные научные работы должны сконцентрироваться как на ключевых параметрах медиаманипуляций, делающих их особенно эффективными, так и на когнитивных особенностях людей, формирующих подверженность негативным эффектам медиаманипуляций. Дальнейшие исследования должны позволить противостоять современным технологиям распространения манипулятивной информации через их фильтрацию, индикацию недобросовестного контента и обучение людей эффективным когнитивным стратегиям противостояния манипуляциям.

В связи с широким распространением новых форматов дезинформации перспективным направлением дальнейших исследований представляется, например, изучение долгосрочных эффектов воздействия фейков и манипуляций. Не-

обходимо исследовать когнитивные и поведенческие последствия воздействия фейковых новостей, такие как снижение психического благополучия, социальная изоляция и отсутствие рациональности в принятии решений. Не менее важна разработка эффективных стратегий развития критического мышления и объективной оценки достоверности источников. Люди, обладающие высокими аналитическими способностями, менее подвержены влиянию дезинформации и манипуляций [Ренпускоок, Ранд, 2019]. Тем не менее даже они могут быть введены в заблуждение замаскированной фейковой информацией, в связи с чем методы повышения устойчивости к манипуляциям (например, обучение навыкам фактчекинга) остаются важной темой для изучения.

Важным и перспективным направлением также является исследование роли личностных факторов и психологических особенностей в восприимчивости к дезинформации. Некоторые работы показывают, что такие черты, как догматизм, религиозный фундаментализм и авторитаризм, могут быть связаны с большей склонностью верить ложной информации [Бряннов, Взиатышева, 2021]. Углубленное понимание этих факторов поможет разрабатывать более эффективные стратегии преодоления дезинформации для разных групп населения.

Список литературы (References)

1. Джавадова С. А. Медиафрейминг как инструмент влияния на общественное мнение // *E-SCIO*. 2020. Т. 5. № 44. С. 85—93.
Javadova S. A. (2020). Media Framing as a Tool for Influencing Public Opinion. *E-Scio*. Vol. 5. No. 44. P. 85—93. (In Russ.)
2. Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Специфика контента российских фейковых новостей в Интернете и на телевидении // *Вестник Московского университета*. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 3—22. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.322>.
Zuykina K. L., Sokolova D. V. (2019) Content Specifics of Russian Fake News on the Internet and on Television. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Seriya. 10. Zhurnalistika. No. 4. P. 3—22. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.322>. (In Russ.)
3. Климова А. М., Чмель К. Ш., Савин Н. Ю. Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 266—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>.
Klimova A. M., Chmel K. S., Savin N. Y. (2020) Believe It or Not: Public Opinion and Rumors About COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 6. P. 266—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>. (In Russ.)
4. Лопатин С. В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // *Дискурс-Пи*. 2019. Т. 16. No. 1. С. 68—76.
Lopatin S. V. (2019) Political Framing as a Strategy for Manipulating Political Consciousness. *Discourse-Pi*. Vol. 16. No. 1. P. 68—76. (In Russ.)

5. Муценек В. Е. Дезинформация как инцидент информационной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 24—32.
Mutsenek V. E. (2018) Disinformation as an Information Security Incident. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»*. Vol. 24. P. 24—32. (In Russ.)
6. Родина О. Н., Прудков П. Н. Апробация русскоязычных версий теста когнитивной рефлексии // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 155—162.
Rodina O. N., Prudkov P. N. (2019) Testing of a Russian-Language Version of a Cognitive Reflection. *Voprosy Psichologii*. No. 4. P. 155—162. (In Russ.)
7. Ahmed S. (2023) Navigating the Maze: Deepfakes, Cognitive Ability, and Social Media News Skepticism. *New Media & Society*. Vol. 25. No. 5. P. 1108—1129. <https://doi.org/10.1177/14614448211019198>.
8. Allen J., Howland B., Mobius M., Rothschild D., Watts D. J. (2020) Evaluating the Fake News Problem at the Scale of the Information Ecosystem. *Science Advances*. Vol. 6. No. 14. Art. eaay3539. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aay3539>.
9. Bauer P. C., Clemm von Hohenberg B. (2020) Believing and Sharing Information by Fake Sources: An Experiment. *Political Communication*. Vol. 38. No. 6. P. 647—671. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1840462>.
10. Bechara A., Damasio A. R. (2005) The Somatic Marker Hypothesis: A Neural Theory of Economic Decision. *Games and Economic Behavior*. Vol. 52. No. 2. P. 336—372. <https://doi.org/10.1016/j.geb.2004.06.010>.
11. Bronstein M. V., Pennycook G., Bear A., Rand D. G., Cannon T. D. (2019) Belief in Fake News is Associated with Delusionality, Dogmatism, Religious Fundamentalism, and Reduced Analytic Thinking. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. Vol. 8. No. 1. P. 108—117. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2018.09.005>.
12. Bruner J. (1991) The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*. Vol. 18. No. 1. P. 1—21. <https://doi.org/10.1086/448619>.
13. Bryanov K., Kliegl R., Koltsova O., Miltsov A., Pashakhin S., Porshnev A., Sinyavskaya Y., Terpilovskii M., Vziatysheva V. (2023) What Drives Perceptions of Foreign News Coverage Credibility? A Cross-National Experiment Including Kazakhstan, Russia, and Ukraine. *Political Communication*. Vol. 40. No. 2. P. 115—146. <https://doi.org/10.1080/10584609.2023.2172492>.
14. Bryanov K., Vziatysheva V. (2021) Determinants of Individuals' Belief in Fake News: A Scoping Review Determinants of Belief in Fake News. *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 6. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253717>.
15. Burkhardt J. M. (2017) Combating Fake News in the Digital Age. *Library Technology Reports*. Vol. 53. No. 8. Chicago, IL: American Library Association. URL: <https://www.journals.ala.org/index.php/ltr/issue%20/viewFile%20/662/423> (accessed: 08.04.2024).

16. Cacioppo J. T., Petty R. E., Feng Kao C. (1984) The Efficient Assessment of Need for Cognition. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 48. No. 3. P. 306—307. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4803_13.
17. Chaiken S., Maheswaran D. (1994) Heuristic Processing Can Bias Systematic Processing: Effects of Source Credibility, Argument Ambiguity, and Task Importance on Attitude Judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 66. No. 3. P. 460—473. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.66.3.460>.
18. Chesney B., Citron D. (2019) Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy. *California Law Review*. Vol. 107. No. 6. P. 1753—1820. <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J>.
19. Cialdini R. B., Goldstein N. J. (2004) Social Influence: Compliance and Conformity. *Annual Review of Psychology*. Vol. 55. P. 591—621. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.142015>.
20. Cohen A. R., Scotland E., Wolfe D. M. (1955) An Experimental Investigation of Need for Cognition. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 51. No. 2. P. 291—294. <https://doi.org/10.1037/h0042761>.
21. Colliander J. (2019) “This is Fake News”: Investigating the Role of Conformity to Other Users’ Views When Commenting on and Spreading Disinformation in Social Media. *Computers in Human Behavior*. Vol. 97. P. 202—215. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.03.032>.
22. Cornelissen J. P., Werner M. D. (2014) Putting Framing in Perspective: A Review of Framing and Frame Analysis Across the Management and Organizational Literature. *Academy of Management Annals*. Vol. 8. No. 1. P. 181—235. <https://doi.org/10.5465/19416520.2014.875669>.
23. Druckman J. N., Bolsen T. (2011) Framing, Motivated Reasoning, and Opinions About Emergent Technologies. *Journal of Communication*. Vol. 61. No. 4. P. 659—688. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2011.01562.x>.
24. Entman R. M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43. No. 4. P. 51—58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
25. Ericsson K. A., Charness N. (1994) Expert Performance: Its Structure and Acquisition. *American Psychologist*. Vol. 49. No. 8. P. 725—747. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.49.8.725>.
26. Evans J. S. B., Stanovich K. E. (2013) Dual-Process Theories of Higher Cognition: Advancing the Debate. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8. No. 3. P. 223—241. <https://doi.org/10.1177/1745691612460685>.
27. Falk E., Scholz C. (2018) Persuasion, Influence, and Value: Perspectives from Communication and Social Neuroscience. *Annual Review of Psychology*. Vol. 69. P. 329—356. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011821>.

28. Farrow K., Grolleau G., Mzoughi N. (2021) 'Let's Call a Spade a Spade, Not a Gardening Tool': How Euphemisms Shape Moral Judgement in Corporate Social Responsibility Domains. *Journal of Business Research*. Vol. 131. P. 254—267. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.04.002>.
29. Fernandez M., Alani H. (2018) Online Misinformation: Challenges and Future Directions. In: *WWW'18: Companion Proceedings of The Web Conference 2018*. Geneva: International World Wide Web Conference Steering Committee. P. 595—602. <https://doi.org/10.1145/3184558.3188730>.
30. Fetzer J. H. (2004) Information: Does it Have to Be True? *Minds and Machines*. Vol. 14. P. 223—229. <https://doi.org/10.1023/B:MIND.0000021682.61365.56>.
31. Fisher W. R. (1984) Narration As a Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument. *Communications Monographs*. Vol. 51. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/03637758409390180>.
32. Folkes V. S. (1988) Recent Attribution Research in Consumer Behavior: A Review and New Directions. *Journal of Consumer Research*. Vol. 14. No. 4. P. 548—565. <https://doi.org/10.1086/209135>.
33. Frederick S. (2005) Cognitive Reflection and Decision Making. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 4. P. 25—42. <https://doi.org/10.1257/089533005775196732>.
34. Figueiras M. J., Ghorayeb J., Coutinho M. V., Marôco J., Thomas J. (2021) Levels of Trust in Information Sources as a Predictor of Protective Health Behaviors During COVID-19 Pandemic: A UAE Cross-Sectional Study. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.633550>.
35. Gelfert A. (2018) Fake News: A Definition. *Informal Logic*. Vol. 38. No. 1. P. 84—117. <https://doi.org/10.22329/il.v38i1.5068>.
36. Giansiracusa N. (2021) Deepfake Deception: What to Trust When Seeing Is No Longer Believing. In: Giansiracusa N. *How Algorithms Create and Prevent Fake News: Exploring the Impacts of Social Media, Deepfakes, GPT-3, and More*. Berkeley, CA: Apress. P. 41—66. <https://doi.org/10.1007/978-1-4842-7155-1>.
37. Gilbert T. (2011) Information Aggregation around Macroeconomic Announcements: Revisions Matter. *Journal of Financial Economics*. Vol. 101. No. 1. P. 114—131. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2011.02.013>.
38. Gladney G. A., Rittenburg T. L. (2005) Euphemistic Text Affects Attitudes, Behavior. *Newspaper Research Journal*. Vol. 26. No. 1. P. 28—41. <https://doi.org/10.1177/073953290502600104>.
39. Grinberg N., Joseph K., Friedland L., Swire-Thompson B., Lazer D. (2019) Fake News on Twitter during the 2016 U. S. Presidential Election. *Science*. Vol. 363. No. 6425. P. 374—378. <https://doi.org/10.1126/science.aau2706>.

40. Guo B., Ding Y., Sun Y., Ma S., Li K., Yu Z. (2021) The Mass, Fake News, and Cognition Security. *Frontiers of Computer Science*. Vol. 15. Art. 153806. <https://doi.org/10.1007/s11704-020-9256-0>.
41. Haidt J., Baron J. (1996) Social Roles and the Moral Judgement of Acts and Omissions. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 26. No. 2. P. 201—218. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0992\(199603\)26:2<201::AID-EJSP745>3.0.CO;2-J](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0992(199603)26:2<201::AID-EJSP745>3.0.CO;2-J).
42. Heesacker M., Petty R. E., Cacioppo J. T. (1983) Field Dependence and Attitude Change: Source Credibility Can Alter Persuasion by Affecting Message-Relevant Thinking. *Journal of Personality*. Vol. 51. No. 4. P. 653—666. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1983.tb00872.x>.
43. Herman E. S., Chomsky N. (1988) Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. London: The Bodley Head. URL: http://www.lib.yosu.am/disciplines_bk/0b336d5592d19eef6f12f6aa52a93a8c.pdf.
44. Hochschild J. L., Einstein K. L. (2015) Do Facts Matter? Information and Misinformation in American Politics. *Political Science Quarterly*. Vol. 130. No. 4. P. 585—624. <http://www.jstor.org/stable/43828727>.
45. Hovland C. I., Weiss W. (1951) The Influence of Source Credibility on Communication Effectiveness. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 15. No. 4. P. 635—650. <https://doi.org/10.1086/266350>.
46. Huynh T. L. D. (2020) Does Culture Matter Social Distancing under the COVID-19 Pandemic? *Safety Science*. Vol. 130. Art. 104872. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104872>.
47. Jääskeläinen I. P., Sams M., Glerean E., Ahveninen J. (2021) Movies and Narratives as Naturalistic Stimuli in Neuroimaging. *NeuroImage*. Vol. 224. Art. 117445. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2020.117445>.
48. Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *The American Economic Review*. Vol. 93. No. 5. P. 1449—1475. <https://www.jstor.org/stable/3132137>.
49. Kany C. E. (1960) American-Spanish Euphemisms. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520403215>.
50. Karnouskos S. (2020). Artificial Intelligence in Digital Media: The Era of Deepfakes. *IEEE Transactions on Technology and Society*. Vol. 1. No. 3. P. 138—147. <https://doi.org/10.1109/TTS.2020.3001312>.
51. Kietzmann J., Lee L. W., McCarthy I. P., Kietzmann T. C. (2020) Deepfakes: Trick or Treat? *Business Horizons*. Vol. 63. No. 2. P. 135—146. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.11.006>.
52. Klucharev V., Shestakova A. (2015) Social Influence and Persuasion and Message Propagation. *Brain Mapping: An Encyclopedic Reference*. No. 3. P. 251—258. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-397025-1.00189-5>.

53. Korshunov P., Marcel S. (2018) DeepFakes: A New Threat to Face Recognition? Assessment and Detection. *arXiv*. Art. 1812.08685. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1812.08685>. (дата обращения: 09.06.2024).
54. Lachlan K., Spence P.R. (2010) Communicating Risks: Examining Hazard and Outrage in Multiple Contexts. *Risk Analysis: An International Journal*. Vol. 30. No. 12. P. 1872—1886. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2010.01511.x>.
55. Lazer D. M., Baum M. A., Benkler Y. et al. (2018) The Science of Fake News. *Science*. Vol. 359. No. 6380. P. 1094—1096. <https://doi.org/10.1126/science.aao2998>.
56. Levy N. (2023) What Does the CRT Measure? Poor Performance May Arise from Rational Processes. *Philosophical Psychology*. Vol. 36. No. 1. P. 58—84. <https://doi.org/10.1080/09515089.2022.2038123>.
57. Loewenstein G. F., Weber E. U., Hsee C. K., Welch N. (2001) Risk as Feelings. *Psychological Bulletin*. Vol. 127. No. 2. P. 267—286. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.2.267>.
58. Loftus E. F., Palmer J. C. (1974) Reconstruction of Automobile Destruction: An Example of the Interaction between Language and Memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 13. No. 5. P. 585—589. [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(74\)80011-3](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(74)80011-3).
59. Machill M., Köhler S., Waldhauser M. (2007) The Use of Narrative Structures in Television News: An Experiment in Innovative Forms of Journalistic Presentation. *European Journal of Communication*. Vol. 22. No. 2. P. 185—205. <https://doi.org/10.1177/0267323107076769>.
60. Mills J., Aronson E. (1965) Opinion Change as a Function of the Communicator's Attractiveness and Desire to Influence. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 1. No. 2. P. 173—177. <https://doi.org/10.1037/h0021646>.
61. Molina M. D., Sundar S. S., Le T., Lee D. (2021) “Fake News” Is Not Simply False Information: A Concept Explication and Taxonomy of Online Content. *American Behavioral Scientist*. Vol. 65. No. 2. P. 180—212. <https://doi.org/10.1177/0002764219878224>.
62. Moravec P., Minas R., Dennis A. R. (2018) Fake News on Social Media: People Believe What They Want to Believe When It Makes No Sense at All. *Kelley School of Business Research Paper*. No. 18—87. Bloomington, IN: Indiana University. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3269541>.
63. Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J. G., Rand D. G. (2020) Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention. *Psychological Science*. Vol. 31. No. 7. P. 770—780. <https://doi.org/10.1177/0956797620939054>.
64. Pennycook G., Cheyne J. A., Koehler D. J., Fugelsang J. A. (2016) Is the Cognitive Reflection Test a Measure of Both Reflection and Intuition? *Behavior Research Methods*. Vol. 48. P. 341—348. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0576-1>.

65. Pennycook G., Fugelsang J. A., Koehler D. J. (2015) What Makes Us Think? A Three-Stage Dual-Process Model of Analytic Engagement. *Cognitive Psychology*. Vol. 80. P. 34—72. <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2015.05.001>.
66. Pennycook G., Rand D. G. (2019) Lazy, Not Biased: Susceptibility to Partisan Fake News Is Better Explained by Lack of Reasoning than by Motivated Reasoning. *Cognition*. Vol. 188. P. 39—50. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.06.011>.
67. Petty R. E., Cacioppo J. T., Goldman R. (1981) Personal Involvement as a Determinant of Argument-Based Persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 41. No. 5. P. 847—855. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.41.5.847>.
68. Petty R. E., Cacioppo J. T. (1986) The Elaborative Likelihood Model of Persuasion. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. P. 123—205. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60214-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60214-2).
69. Piotrowski S., Grimmeliikhuijsen S., Deat F. (2019) Numbers over Narratives? How Government Message Strategies Affect Citizens' Attitudes. *Public Performance & Management Review*. Vol. 42. No. 5. P. 1005—1028. <https://doi.org/10.1080/15309576.2017.1400992>.
70. Plous S. (1993) *The Psychology of Judgment and Decision Making*. New York, NY: McGraw-Hill.
71. Priester J. R., Petty R. E. (2003) The Influence of Spokesperson Trustworthiness on Message Elaboration, Attitude Strength, and Advertising Effectiveness. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 13. No. 4. P. 408—421. https://doi.org/10.1207/S15327663JCP1304_08.
72. Rhine R. J., Severance L. J. (1970) Ego-Involvement, Discrepancy, Source Credibility, and Attitude Change. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 16. No. 2. P. 175—190. <https://doi.org/10.1037/h0029832>.
73. Rossler A., Cozzolino D., Verdoliva L., Riess C., Thies J., Nießner M. (2019) Faceforensics++: Learning to Detect Manipulated Facial Images. *arXiv*. Art. 1901.08971. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1901.08971>.
74. Schnall S., Haidt J., Clore G. L., Jordan A. H. (2008) Disgust as Embodied Moral Judgment. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 34. No. 8. P. 1096—1109. <https://doi.org/10.1177/0146167208317771>.
75. Seate A. A., Harwood J., Blecha E. (2010) “He Was Framed!” Framing Criminal Behavior in Sports News. *Communication Research Reports*. Vol. 27. No. 4. P. 343—354. <https://doi.org/10.1080/08824096.2010.518917>.
76. Shu K., Sliva A., Wang S., Tang J., Liu H. (2017) Fake News Detection on Social Media: A Data Mining Perspective. *ACM SIGKDD Explorations Newsletter*. Vol. 19. No. 1. P. 22—36. <https://doi.org/10.1145/3137597.3137600>.
77. Sindermann C., Cooper A., Montag C. (2020) A Short Review on Susceptibility to Falling for Fake Political News. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 36. P. 44—48. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.014>.

78. Stanovich K. E. (2009). Distinguishing the Reflective, Algorithmic, and Autonomous Minds: Is It Time for a Tri-Process Theory. In: Evans J. S. B., Frankish R. (eds.) *Two Minds: Dual Processes and Beyond*. Oxford: Oxford University Press. P. 55—88.
79. Sundar S. S. (2008). The MAIN Model: A Heuristic Approach to Understanding Technology Effects on Credibility. In: Metzger M. J., Flanagin A. J. (eds.) *Digital Media, Youth, and Credibility*. Cambridge, MA: The MIT Press. P. 73—100.
80. Thaler R., Sunstein C. (2008) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. New Haven, CT: Yale University Press.
81. Thiruchselvam R., Gopi Y., Kilekwang L., Harper J., Gross J. J. (2017) In God We Trust? Neural Measures Reveal Lower Social Conformity among Non-Religious Individuals. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. Vol. 12. No. 6. P. 956—964. <https://doi.org/10.1093/scan/nsx023>.
82. Tsfati Y., Ariely G. (2014) Individual and Contextual Correlates of Trust in Media Across 44 Countries. *Communication Research*. Vol. 41. No. 6. P. 760—782. <https://doi.org/10.1177/0093650213485972>.
83. Tversky A., Kahneman D. (1981). The Framing of Decisions and the Psychology of Choice. *Science*. Vol. 211. No. 4481. P. 453—458.
84. Vaccari C., Chadwick A. (2020). Deepfakes and Disinformation: Exploring the Impact of Synthetic Political Video on Deception, Uncertainty, and Trust in News. *Social Media + Society*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2056305120903408>.
85. Valkenburg P. M., Peter J., Walther J. B. (2016) Media Effects: Theory and Research. *Annual Review of Psychology*. Vol. 67. P. 315—338. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122414-033608>.
86. Von Neumann J., Morgenstern O. (2004). *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829460>.
87. Wasserman H., Madrid-Morales D. (2019) An Exploratory Study of “Fake News” and Media Trust in Kenya, Nigeria and South Africa. *African Journalism Studies*. Vol. 40. No. 1. P. 107—123. <https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1627230>.
88. Westney Z. V., Hur I., Wang L., Sun J. (2023) Examining the Effects of Disinformation and Trust on Social Media Users’ COVID-19 Vaccine Decision-Making. *Information Technology & People*. Vol. 37 No. 3. P. 1334—1359. <https://doi.org/10.1108/ITP-05-2022-0410>.
89. Wijenayake S., van Berkel N., Kostakos V., Goncalves J. (2020) Impact of Contextual and Personal Determinants on Online Social Conformity. *Computers in Human Behavior*. Vol. 108. Art. 106302. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106302>.
90. Zajonc R. B. (1980) Feeling and Thinking: Preferences Need No Inferences. *American Psychologist*. Vol. 35. No. 2. P. 151—175. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.35.2.151>.

91. Zhou X., Zafarani R., Shu K., Liu H. (2019) Fake News: Fundamental Theories, Detection Strategies and Challenges. In: *WSDM'19 Proceedings of the Twelfth ACM International Conference on Web Search and Data Mining*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 836—837. <https://doi.org/10.1145/3289600.3291382>.
92. Zillmann D., Chen L., Knobloch S., Callison C. (2004) Effects of Lead Framing on Selective Exposure to Internet News Reports. *Communication Research*. Vol. 31. No. 1. P. 58—81. <https://doi.org/10.1177/0093650203260201>.
93. Zuckerman A., Chaiken S. (1998) A Heuristic-Systematic Processing Analysis of the Effectiveness of Product Warning Labels. *Psychology & Marketing*. Vol. 15. No. 7. P. 621—642. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6793\(199810\)15:7<621::AID-MAR2>3.0.CO;2-H](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6793(199810)15:7<621::AID-MAR2>3.0.CO;2-H).

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2530](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2530)

А. О. Макаренцева

СУЖДЕНИЯ О ДОПУСТИМОСТИ АБОРТА: РОЛЬ ПОРЯДКА ВОПРОСОВ В АНКЕТЕ И ВЛИЯНИЕ ДРУГИХ ФАКТОРОВ

Правильная ссылка на статью:

Макаренцева А. О. Суждения о допустимости аборта: роль порядка вопросов в анкете и влияние других факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 67—87. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2530>.

For citation:

Makarentseva A. O. (2024) Judgments about the Acceptability of Abortion: Role of the Questions Order in the Survey Questionnaire and Influence of Other Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 67–87. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2530>. (In Russ.)

Получено: 04.12.2023. Принято к публикации: 15.04.2024.

СУЖДЕНИЯ О ДОПУСТИМОСТИ АБОРТА: РОЛЬ ПОРЯДКА ВОПРОСОВ В АНКЕТЕ И ВЛИЯНИЕ ДРУГИХ ФАКТОРОВ

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>*

Аннотация. В фокусе статьи находится анализ мнений о допустимости аборт в трех предложенных обстоятельствах (по желанию женщины, при наличии аномалий развития плода и при серьезных материальных трудностях в семье). Эмпирической базой выступает репрезентативный общероссийский опрос Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, проведенный в 2023 г. Для анализа из него были отобраны респонденты в возрасте до 50 лет (5634 человека).

Используя равновероятностную расщепленную выборку, автор оценивает влияние последовательности предложенных в анкете обстоятельств на поддержку суждений о допустимости аборта при контроле на социально-демографические характеристики респондентов. На примере изменения последовательности медицинского и безусловного сценариев автор показывает, что доля поддержавших оба суждения варьирует от 64% до 88%, а доля не поддержавших ни одного — от 34% до 68%. Влияние порядка вопросов подтвердило статистиче-

JUDGMENTS ABOUT THE ACCEPTABILITY OF ABORTION: ROLE OF THE QUESTIONS ORDER IN THE SURVEY QUESTIONNAIRE AND INFLUENCE OF OTHER FACTORS

Alla O. MAKARENTSEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at "Institute of Social Analysis and Forecasting" Center, Institute of Applied Economic Research

*E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>*

¹ Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article analyses opinions on the acceptability of abortion under three proposed circumstances (at the will of the woman, in the presence of fetal abnormalities and in the presence of serious financial difficulties in the family). Empirically, the study bases on a representative all-Russian survey conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) in 2023. 5,634 respondents under the age of 50 were selected for the analysis.

Using equal-probability split sampling, the author estimates the effect of a sequence of circumstances offered in a questionnaire on support for judgments of abortion acceptability when controlling for socio-demographic characteristics of respondents. Studying variation in the sequence of the medical and unconditional scenarios, the author shows that the proportion supporting both judgments ranges from 64% to 88%, while the proportion supporting neither range from 34% to 68%. The effect of the judg-

скую значимость в ходе регрессионного анализа. Вместе с тем порядок появления суждений не повлиял на долю тех, кто не поддерживает ни одного из них, что свидетельствует в пользу гипотезы об относительной устойчивости консервативной позиции.

На основе обзора теоретических и предыдущих эмпирических работ автор подтверждает высокое значение ценностных установок как для формирования ожиданий от того или иного выбора, так и для его совершения. Полученные эмпирические оценки обогащают наши представления о двойственности общественного мнения в отношении допустимости аборта и дополняют дискуссию о связи репродуктивного выбора и ценностных ориентаций.

Ключевые слова: опрос общественного мнения, аборт, прерывание беременности, расщепленная выборка, ценностные установки, количественные опросы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ment order confirmed its statistical significance in the regression analysis. However, the order of the judgments did not affect the proportion of those who supported none, which favors the hypothesis of the relative stability of the conservative position.

Based on a review of theoretical and previous empirical work, the author confirms the high importance of value attitudes both for the formation of expectations of a particular choice and for making it. The empirical findings enrich our understanding of the ambivalence of public opinion regarding the acceptability of abortion and add to the debate on the relationship between reproductive choice and value orientations.

Keywords: public opinion survey, abortion, artificial termination of pregnancy, split sample, values, quantitative surveys

Acknowledgments. The article was written within the RANEPА state assignment research programme.

Отношение к абортам и представления о них вызывают разногласия на протяжении десятилетий [Evans, 2002; Rye, Underhill, 2020]. Во многих странах мира споры об их приемлемости продолжают до сих пор. Более того, по мере развития пренатальной диагностики пространство дискуссий только расширяется. Повышение доступности неинвазивных пренатальных тестов и других средств генетической диагностики смещает споры в те слои населения, которые ранее не были склонны поддерживать аборт как таковой. Кроме того, возникают смешанные установки — например, когда человек негативно относится к абортам, но положительно относится к предоставлению выбора [Rye, Underhill, 2020]. Усложнение общественной дискуссии влияет и на развитие методологии исследований этой сферы. Длительная история измерения отношения населения к абортам ко-

личественными опросами движется от оценок поддержки их законности и доступности [Jelen, Wilcox, 2003] к оценкам их индивидуальной моральной приемлемости [Patel, Kooverjee, 2009]. В методическом обзоре «Общего социального обследования» рассматривается, как первый подход утрачивает свою актуальность, а включение индивидуальной моральной составляющей повышает валидность полученных оценок [Cowan, Hout, Perrett 2022]. Данная работа использует инструментарий второго подхода.

В фокусе статьи находятся мнения о допустимости аборта в трех предложенных обстоятельствах: по желанию женщины, при наличии аномалий развития плода и при серьезных материальных трудностях в семье. Целью исследования выступает оценка факторов выбора ответа респондентом с учетом последовательности предложенных обстоятельств. Был проведен методологический эксперимент с ротацией суждений в вопросе о допустимости абортов, его итоги выступают одним из центральных результатов работы. Прикладное значение эксперимента состоит в обогащении представлений об устойчивости и ограничениях измерений массовых установок.

Историческая инерция развития законодательства об аборте и репродуктивном выборе влияет на трансформацию социальной нормы в отношении аборта. В России оно длительное время оставалось достаточно мягким [Сакевич, Денисов, Ривкин-Фиш, 2016]¹. Специальных оснований для прерывания беременности в сроке до 12 недель не требуется, достаточно желания женщины (№ 323-ФЗ, ст. 56). При этом в условиях высокой доступности абортов их число сокращается² — преимущественно за счет изменения отношения населения к планированию семьи и вытеснения абортов контрацепцией [Сакевич, Денисов, Никитина 2021]. В последние годы циклично возникает общественная дискуссия по вопросам ужесточения доступа к абортам, что способно влиять на мнения респондентов в ходе опросов населения. В связи с этим следует отметить, что опрос «Человек. Семья. Общество» проводился в апреле 2023 г., а обсуждения в связи с контролем лекарственных средств для прерывания беременности и отказами частных клиник отдельных регионов от проведения абортов состоялись позже.

Рамки исследования

Мнение респондента о допустимости или недопустимости аборта в ходе опроса отражает, с одной стороны, его ценностную установку, а с другой стороны, является итогом когнитивной работы в момент конкретного интервью³. Репродуктивная тематика чувствительна, поэтому надстройка искажений в ответах на подобные вопросы выше. Вместе с тем в данной работе мы принимаем высказанное мнение как тесно связанное с ценностными ориентациями респондента и задаемся вопросом, как оно может соотноситься с самим репродуктивным выбором.

Классические теоретические модели, объясняющие процесс выбора и принятия решений, пришли из поведенческой экономики. Однако работы, посвященные

¹ Обзор законодательства см. в [Волченко, 2022; Данилова, 2022].

² С 54,2 аборта на 1000 женщин в 2000 г. до 31,7 в 2010 г. и до 16,1 в 2020 г. Статистика включает самопроизвольные аборты (выкидыши) и аборты по медицинским показаниям.

³ О процессах формирования ответов в ходе опросов см., например, обзор [Мягков, 2008].

выборам в репродуктивной сфере, трансформируют понятие полезности в социально-психологическом ключе — психологические издержки и выгоды ввели в эту теоретическую рамку в 1973 г. Л. Хоффман и М. Хоффман [Hoffman et al., 1973], — и широко вовлекают в концептуальную рамку ценностные основания и установки. Л. Р. Бич использовал понятие скрининга опций перед совершением жизненного выбора, в процессе которого индивид оценивает совместимость каждой альтернативы с тремя ментальными образами: образ ценностей (установок, моральных принципов), образ траектории (цели и устремления) и стратегический образ (способы, с помощью которых индивид планирует достичь своих целей) [Beach 1973]. Скрининг опций подходит для описания выбора из небольшого числа альтернатив, к каковому относится и репродуктивный выбор.

Процесс принятия решения о прерывании или продолжении беременности может быть помещен и в парадигму поведенческих намерений М. Фишбеина [Fishbein, Ajzen, 1972]. Его представление требует установления таких теоретических рамок, которые представили бы в явном виде издержки и выгоды решения, а также прояснили бы убеждения, взгляды и ценности, лежащие в оценке альтернатив [Smetana, Adler, 1979]. Модель М. Фишбеина предсказывает намерение человека к тому или иному действию и фактическое следование намерению как функцию от: (1) отношения к данному действию в конкретной ситуации и (2) убеждения в отношении ожиданий других людей по поводу этого действия и мотивации соответствовать их ожиданиям («нормативные убеждения»). Данная модель получила обширную эмпирическую поддержку в контексте исследования разных репродуктивных решений [Ajzen, Klobas, 2013; Dommermuth, Klobas, Lappegård, 2011; Williamson, Lawson, 2015]. Индикаторы поддержки суждения в отношении допустимости аборта относятся ко второму компоненту данной модели.

В социальной психологии к процессу принятия репродуктивного решения применяется подход из теории приверженности [Brickman, Dunkel-Schetter, Abbey, 1987]. Он используется, в частности, в работе, посвященной выбору между пролонгацией незапланированной беременности или абортom [Lydon, 1996]. Приверженность беременности служит предиктором репродуктивного выбора, она оценивается на основе самозаполнения вопросника в момент ожидания результатов теста в клинике. Ее измерение включает оценку намерений по методологии У. Миллера [Miller, 1973], широко применяемую в репродуктивных исследованиях. Авторы отмечают, что ценности индивида обладают особенно высокой предсказательной силой для оценки приверженности решениям, которые являются стрессовыми и сложными.

П. Хасс углубилась в анализ силы намерений в отношении пролонгации беременности [Hass 1974]. В частности, она выделила «амбивалентную беременность» как ту, в которой женщина или оба родителя испытывают внутренний конфликт от одновременного переживания сильного желания и сильного нежелания беременности. И, напротив, немотивированная беременность — та, в которой женщине или обоим родителям не свойственно ни сильное желание, ни нежелание ее, другими словами, издержки и выгоды аборта воспринимаются как несущественные. С нашей точки зрения, исследование неопределенности в убеждениях, желаниях и намерениях длительное время было за скобками научных работ, но в современных условиях его актуальность возрастает.

В ранней литературе по жизненному выбору М. Брэкеном и соавторами было показано, что отношение к абортам влияет на фактическое решение о пролонгации или прерывании беременности вкупе с продолжительностью партнерских отношений с отцом ребенка и субъективной оценкой важности карьерных и социальных целей [Bracken, Klerman, Bracken, 1978].

Современная парадигма жизненного выбора рассматривает его как растянутый во времени процесс, сплетенный с ценностными установками индивида, которые, в свою очередь, также могут меняться. Интересно, что и такой «микро»-выбор как выбор ответа респондентом в ходе интервью, вписывается в эту концепцию.

Каковы результаты предыдущих релевантных исследований факторов поддержки суждений о допустимости аборта? В целом на решение о репродуктивном выборе влияют факторы двух уровней. На первом находится пространство давления нормативных убеждений и индивидуальных ценностей, на втором — демографические и социально-экономические характеристики женщины. К первому уровню факторов, влияющих на поддержку суждений о допустимости аборта, относятся религиозность (и, самостоятельно, конфессиональная принадлежность) и политические взгляды [Crawford, LaRoche, Jozkowski, 2022]. На втором уровне рассматриваются разные наборы факторов, как то: (1) обстоятельства, приведшие к беременности; (2) статус отношений; (3) выбор (или его отсутствие) со стороны партнера; (4) финансовые обстоятельства, положение и перспективы на рынке труда, (5) здоровье женщины (а также убеждения в отношении влияния того или иного решения на здоровье женщины), (6) здоровье плода, (7) возраст женщины (или срок до угасания репродуктивной функции), а также (8) гестационный срок плода⁴ [Biggs, Gould, Foster, 2013; Vumpass, 1997; Finer et al., 2005 и др.]. Вопрос влияния гестационного возраста плода на допустимость аборта — еще одна обширная тема теоретического и эмпирического исследования, однако в силу отсутствия в нашей эмпирической базе данных вопросов по этой проблеме мы уходим от ее обсуждения⁵.

Соотношение весов разных факторов непостоянно на протяжении жизненного пути женщины, однако ценностный компонент задает саму ширину «коридора», в котором осуществляется жизненный выбор. Невозможно говорить о связи установок в отношении аборта и репродуктивного решения «в целом», так как разные полюсы установки будут иметь разную тесноту связи с непосредственным выбором в момент принятия решения. Так, консервативная позиция, утверждающая недопустимость аборта ни при каких обстоятельствах [Антипова, 2005], будет достаточно сильным предиктором репродуктивного выбора, а именно отказа от аборта. Как правило, такая позиция проистекает из фундаментальных консервативных установок (в том числе религиозных), и поэтому является относительно устойчивой и последовательной. Выбор респондентом либеральной позиции, утверждающей право на аборт как право женщины распоряжаться своим телом⁶,

⁴ Количество полных недель, прошедших с первого дня последней менструации.

⁵ Нельзя не отметить, что в отдельных странах аборт без медицинских показаний разрешены вплоть до срока 24 недель (Нидерланды: <https://www.government.nl/topics/abortion> (дата обращения: 13.06.2024) и др.); однако современные медицинские технологии позволяют выхаживать недоношенных новорожденных, начиная примерно с 22,5 недель. Схождение этих границ вызывает острые этические дискуссии.

⁶ Интересно, что в публично организованном в СССР процессе обсуждения законопроекта «О запрещении абортов...» 1936 г. его противниками из числа «трудящихся» уже приводились аргументы, опирающиеся на концепт «права» женщины совершать свой репродуктивный выбор [Крадецкая 2023].

на наш взгляд, не может служить предиктором фактического решения — оно будет зависеть от обстоятельств и субъективного соотношения его «выгод» и «издержек» в конкретный момент времени.

Методология, данные и их ограничения

Эмпирической базой работы выступает обследование населения «Человек. Семья. Общество» (ЧСО). Это крупный репрезентативный по Российской Федерации опрос 2023 г., проведенный Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС на выборке 9500 респондентов 18—72 лет. В своем анализе мы рассматриваем подвыборку мужчин и женщин репродуктивных возрастов (18—49-лет, 5634 респондента). Инструментарий ЧСО содержал табличный вопрос с тремя суждениями о допустимости аборта (см. табл. 1). Формулировки вопросов не уникальны, в похожем виде вопросы задавались в лонгитюдной Программе международных социальных обследований (International Social Survey Programme)⁷.

Таблица 1. **Формулировка вопроса, порядок суждений рандомизирован**

	На ваш взгляд, в перечисленных ситуациях скорее допустимо или скорее не допустимо делать аборт: 1. Скорее допустимо 2. Скорее недопустимо 99. Не знаю / затрудняюсь ответить / отказ
Медицинское / жесткое условие	1. Есть аномалии развития плода
Социальное / мягкое условие	2. Серьезные материальные трудности в семье
Безусловный сценарий	3. В любой ситуации, по желанию женщины

Два из предлагаемых нами к оценке респондентом вариантов обстоятельства аборта — это «аномалии развития плода⁸» и «серьезные материальные трудности в семье». Они представляют две основные категории условных сценариев: так называемая медицинская, или «жесткая», причина аборта и так называемая социальная, или «мягкая», причина аборта соответственно [Jelen, Wilcox, 2003; Patel, Myeni, 2008]. Можно постулировать тесную связь поддержки данных суждений с потенциальным выбором при реализации конкретного сценария. Однако для более корректного предсказания следует анализировать ее в связке с позицией респондента по «безусловному» сценарию, то есть с поддержкой или неподдержкой суждения о допустимости аборта по желанию женщины.

Был проведен методологический эксперимент: порядок появления суждений был равновероятностно рандомизирован. Такой метод позволяет оценить эффект расположения вопроса [McClendon, O'Brien, 1988]. В конце 1980-х годов Р. Туранго и К. Расински предложили модель процесса, согласно которой респонденты отвечают на вопросы об установках, и описали, как контекст во-

⁷ В раунде 2019 г. они звучали так: «Считаете ли вы лично неправильным или не правильным для женщины делать аборт в двух случаях: если у ребенка есть сильная вероятность серьезного дефекта и если семья имеет низкий доход и не может позволить себе больше детей?». В ранних раундах опроса формулировки были иными (см. <https://issp.org/> (дата обращения: 13.06.2024)).

⁸ В массовом сознании это прежде всего большая пятёрка хромосомных нарушений, самое известное из которых — Синдром Дауна, а также другие наиболее известные генетические заболевания (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK115545/> (дата обращения: 13.06.2024)).

проса, а именно содержание предыдущих вопросов в анкете, может повлиять на каждый этап процесса ответа и какие контекстные эффекты могут возникнуть [Tourangeau, Rasinski, 1988]. В частности, они ссылаются на исследование Г. Шумана и С. Прессера [Schuman, Presser, 1981], которые задавали респондентам вопросы о допустимости аборта в двух ситуациях — при серьезном дефекте плода и при нежелании замужней женщины иметь детей, — и показали, что если первым задается вопрос с проблемой плода, то это уменьшает количество позитивных, или прочойс-ответов, на второй вопрос.

Эффект последовательности вопросов сказывается на каждом этапе когнитивной модели формулирования ответа [Wänke, Schwarz, 1997]. Во-первых, предыдущий вопрос анкеты влияет на интерпретацию респондентами семантического и прагматического смысла заданного вопроса. Во-вторых, в своем ответе респонденты опираются на ранее сформированное суждение или формируют суждение в моменте; предыдущие вопросы делают ранее сформированное суждение более доступным, побуждая респондентов выдавать консистентный ответ. Наконец, предыдущий вопрос способен смещать восприятие оценочных шкал, в том числе шкалы социально приемлемого, и тем самым влиять на то, что респонденты считают социально желательными ответами.

Все это вписывается в общую рамку когнитивного подхода, при котором принимается, что «в обыденной жизни респондент не задумывается над вопросами, которые интересуют исследователя» [Рогозин, 2000] и тем, что отношение респондента к суждению формируется в момент его озвучивания интервьюером. Нередко, по мнению Т. Петерсона, оптимален ответ, требующий меньше всего усилий от респондента и не противоречащий фундаментально его убеждениям [цит. по: Мануильская, 2002].

Итак, мы работаем с «расщепленной» выборкой: респондентам предлагается одинаковый набор вопросов, различающийся только тестируемыми параметрами анкеты, а именно их порядком (размеры подвыборки даны в таблицах приложения П1 и П2).

В статье используются методы эконометрического анализа⁹, в ходе которого оценивается влияние характеристик респондента на выбор того, считать ли аборт допустимым или нет. При этом основной анализируемый нами индикатор — это безусловная поддержка аборта («по желанию женщины»), отражающий современную либеральную позицию о праве женщины распоряжаться своим телом. Контролирующими переменными выступает стандартный набор социально-демографических характеристик — пол, возраст, тип населенного пункта, уровень образования, состояние в браке, уровень религиозности и число уже имеющихся детей. В качестве независимых переменных будут апробированы переменная порядка появления суждений об аборте в опросе и ценностные установки респондентов. Последние рассчитаны в виде индекса на основе трех из четырех доменов методологии индекса эмансипативных ценностей Р. Инглхарта и К. Вельцеля — «равенство», «автономия» и «голос» (методология [Welzel, 2013], нормирование от 0 до 1, где «0» соответствует ответам, отража-

⁹ Все расчеты выполнены в IBM SPSS Statistics.

ющим более традиционные ценности, а «1» — эмансипативные). Домен «выбор» исключен, так как он базируется на ответах о допустимости аборта. Регрессионные модели выполнены как на полной выборке, так и только среди женщин, состоящих в браке, с добавлением независимых переменных по характеристикам партнера.

Отдельно отметим, что опрос «Человек. Семья. Общество» не специализируется на проблеме репродуктивного выбора. В связи с этим вопросный инструментарий по ней очень короткий, в частности отсутствует такой индикатор, как опыт аборта. Впрочем, из результатов других исследований известно, что об опыте аборта сообщает лишь около половины респонденток, имевших таковой [Jones, Forrest, 1992], поэтому включение подобной переменной в модели вряд ли было бы оправданным. Если сценарий «по желанию женщины» — это парадигмальный индикатор, то сценарий «трудности в семье» — смешанный (он предполагает наличие у женщины семьи). Сценарий с «аномалиями плода» подразумевает хотя бы минимальную информированность респондента о том, какие это аномалии и каковы перспективы в отношении не только жизнеспособности плода, но и ограничений здоровья будущего ребенка в случае его появления на свет. Уровень информированности оказывает влияние на выбор. Наиболее информированными можно считать молодых женщин, у которых уже есть дети. В разных группах с неполной информированностью смещение в оценках перспектив плода с выявленными аномалиями развития будет разным, и оценить его невозможно.

Поддержка суждений о допустимости аборта в разных сценариях: результаты дескриптивного и регрессионного анализа

Женщины традиционно выше оценивают допустимость аборта [Loll, Hall, 2019], поэтому сначала остановимся на анализе этих ожидаемых различий. По нашим данным, среди женщин почти треть поддержала все три суждения, и только 14,4% — ни одного¹⁰ (см. табл. 2). Среди мужчин 18% поддержали все три суждения, и почти 30% — ни одного. Аборт по желанию женщины поддержало 40,4% мужчин и 60,3% женщин¹¹.

В сумме около половины респондентов давали поддержку при одних сценариях и не давали при других. Порядок появления суждений не повлиял на долю тех, кто не поддерживает ни одного из них, что подтверждает гипотезу об относительной устойчивости консервативной позиции. Доля поддерживающих все три суждения варьирует от 15% до 24,7% среди мужчин и от 25,6% до 40% среди женщин в зависимости от порядка вопросов. Наиболее высокая доля поддержавших все суждения ожидаемо оказалась в подвыборке с последовательностью вопросов, начинающихся с безусловного сценария.

¹⁰ Масштаб отсутствия поддержки сопоставим с оценками ВЦИОМ: по их данным, в 2022 г. 13% россиян считало аборт недопустимым ни при каких обстоятельствах (4% в 2016 г., <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/preryvanie-beremennosti-za-protiv-i-kakova-rol-gosudarstva> (дата обращения: 13.06.2024)). ФОМ по состоянию на 2013 г. год приводил следующие оценки: 62% опрошенных называли аборт недопустимым (<https://fom.ru/TSennosti/11069>).

¹¹ По оценкам, приводимым в исследовании С. В. Захарова и В. И. Сакевич 2017 г. 51% респондентов отвечали, что женщине «следует самой принимать решение, как поступать в случае беременности» [Захаров, Сакевич 2019].

Таблица 2. Число поддержанных суждений о допустимости аборта, % по строке

		Ни одного	Одно	Два	Все три
Мужчины		29,5	31,0	21,4	18,2
Женщины		14,4	24,8	28,4	32,3
В среднем		22,0	27,9	24,9	25,2
Мужчины	Аномалии — трудности — по желанию	28,7	34,8	21,5	15,0
	Аномалии — по желанию — трудности	29,9	26,6	25,2	18,3
	Трудности — по желанию — аномалии	30,6	31,7	19,8	18,0
	Трудности — аномалии — по желанию	28,8	31,5	23,4	16,2
	По желанию — аномалии — трудности	30,1	31,9	21,0	17,0
	По желанию — трудности — аномалии	29,0	29,4	17,0	24,7
Женщины	Аномалии — трудности — по желанию	16,5	26,4	31,5	25,6
	Аномалии — по желанию — трудности	15,1	21,4	29,2	34,2
	Трудности — по желанию — аномалии	13,8	26,9	28,1	31,2
	Трудности — аномалии — по желанию	13,3	23,3	33,5	29,9
	По желанию — аномалии — трудности	13,3	27,2	25,8	33,7
	По желанию — трудности — аномалии	14,7	23,7	21,6	40,0

* Подвыборка 18—49 лет, N = 5634.

Порядок, в котором респонденту предлагались суждения, действительно оказал влияние на уровень поддержки каждого из них. Так, поддержка суждения о допустимости аборта «по желанию женщины» варьирует от 47 % до 55 % на выборке респондентов до 50 лет (см. рис. 1). Наибольшую поддержку допустимости получил сценарий наличия аномалий развития у плода (от 65,9 % до 71,1 %). Он же оказался наиболее устойчивым к изменяемому порядку вопросов. Аборт при условии серьезных материальных трудностей в семье поддержали от 29,5 % до 43,1 %, этот показатель оказался самым чувствительным к порядку вопросов.

Небольшое число респондентов (5,4 %) ответили, что аборт допустим по желанию женщины, но при этом недопустим в случае аномалий развития плода. Вероятно, влияет субъективная интерпретация вопросов: например, версия, что врачи настаивают на прерывании беременности по медицинским показаниям, но женщина не хочет. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу на наших данных невозможно.

Как выбор в предыдущем вопросе влияет на выбор в последующем? Рассмотрим на примере одной из комбинаций (см. рис. 2). Здесь представлено два сценария — в левом ответы респондентов из подвыборок, в которых сначала задавался вопрос об аборте при наличии аномалий развития плода, а затем — по желанию женщины; справа — наоборот. Место вопроса, содержащего условие серьезных материальных трудностей в семье, в данном случае мы не учитываем. Полученные распределения оказались сильно зависящими от последовательности вопросов: доля поддержавших оба суждения в левом сценарии составляет 64 %, в правом — почти 88 %; доля не поддержавших оба суждения — почти 68 % и 34 % соответственно.

Рис. 1. Доля поддерживающих суждение о допустимости аборта в предложенных ситуациях в зависимости от порядка вопросов, % от подвыборки респондентов до 50 лет (N = 5634)

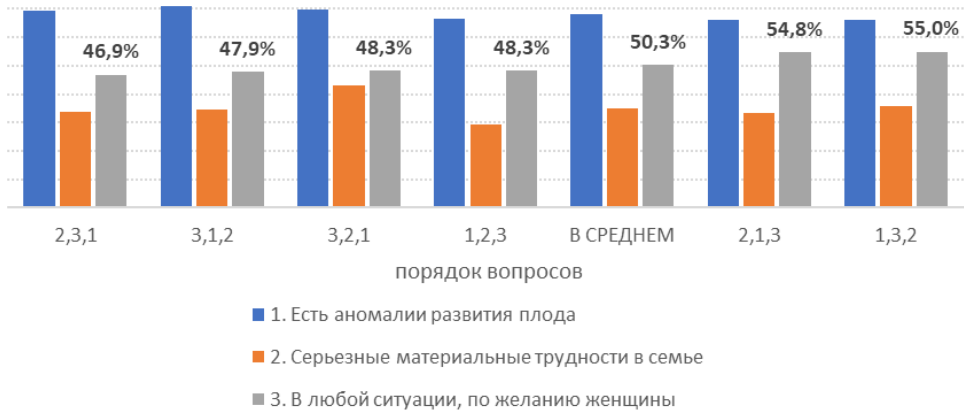
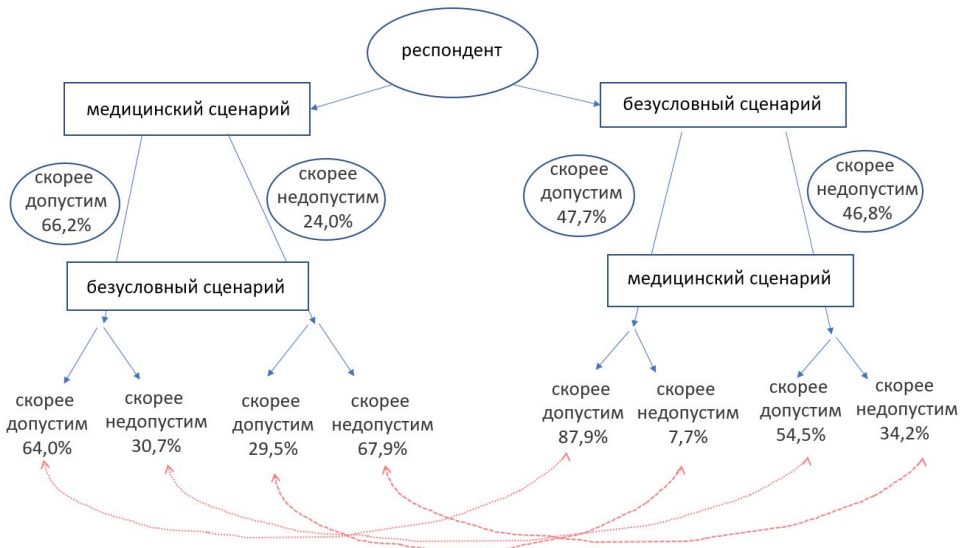

Рис. 2. Последовательности ответов на вопросы об абортах, расщепленные подвыборки, % от отвечающих¹²

Значения попарных корреляций в расщепленных по порядку вопросов подвыборках находятся в интервале от 0,23 до 0,37 (см. таблицу ПЗ Приложения). Связанность ответов на эти три вопроса довольно низкая, и они могут быть включены в регрессионные модели как самостоятельные индикаторы.

¹² Затруднившиеся ответить не исключены из анализа и не перекодированы, но не представлены на рисунке.

При апробации регрессионных моделей возраст респондента (в интервале от 18 до 49 лет) и партнерский статус не показали статистической значимости. Порядок вопросов остался значимым при прочих равных условиях (см. табл. 3). Теснота связи выбора при безусловном сценарии с выбором при сценарии материальных трудностей в семье выше, чем при сценарии аномалий развития плода (отношение шансов 4,95 раза и 2,96 соответственно). Индекс эмансипативных ценностей статистически значим, и направление его влияния ожидаемо таково, что респонденты, разделяющие более эмансипативные ценности, чаще поддерживают либеральную позицию в отношении аборта.

**Таблица 3. Результаты логистической регрессии, общая выборка.
Зависимая переменная — поддержка аборта по желанию женщины**

	B	P-value	Exp(B)
«По желанию» задан первым			
Аномалии — трудности — по желанию	0,227	0,014	1,255
Аномалии — по желанию — трудности	0,472	0,000	1,604
Трудности — по желанию — аномалии	0,074	0,447	1,077
Трудности — аномалии — по желанию	0,506	0,000	1,659
Аборт допустим при аномалиях развития плода	1,087	0,000	2,964
Аборт допустим при серьезных материальных трудностях в семье	1,600	0,000	4,952
Пол респондента = женщина	0,694	0,000	2,002
Тип населенного пункта = города-миллионники			
Все остальные города	-0,064	0,392	0,938
Сельская местность	-0,207	0,043	0,813
Наличие детей = есть дети	-0,274	0,000	0,761
Уровень образования = есть высшее образование	-0,185	0,005	0,831
Религиозность = высокая			
Религиозность: не практикующий	0,175	0,018	1,192
Религиозность: отсутствует	0,564	0,000	1,758
Индекс эмансипативных ценностей	0,992	0,000	2,696
N = 5620 Nagelkerke R Square = 0,342			

На каждой из расщепленных подвыборок были построены аналогичные регрессионные модели с целью проверки устойчивости набора значимых ковариат, список значимых факторов приведен в таблице 4. Наблюдается неустойчивость значимости набора социально-демографических факторов, при этом направление их влияния всегда сохраняется. Это может быть проинтерпретировано как еще одно свидетельство в пользу значения последовательности вопросов для совершения выбора респондентом.

**Таблица 4. Значимые переменные в регрессиях на подвыборках.
Зависимая переменная — поддержка аборта по желанию женщины**

	Последовательность суждений в подвыборке				
	Аномалии — трудности — по желанию	Аномалии — по желанию — трудности	Трудности — по желанию — аномалии	Трудности — аномалии — по желанию	«По желанию» идет первым
Аборт допустим при аномалиях развития плода	+	+	+	+	+
Аборт допустим при серьезных мат. трудностях в семье	+	+	+	+	+
Пол респондента — женщина	+	+	+	+	+
Наличие детей	+		+	+	+
Есть высшее образование				+	
Религиозность: высокая	+		+		+
Религиозность: не практикующий	+				+
Религиозность: отсутствует	+	+	+		+
Индекс ценностей без домена выбора, нормированный		+		+	+
<i>N</i> (респ.)=	970	967	854	979	1850
Nagelkerke R Square	,264	,336	,393	,271	,420

* Тип населенного пункта незначим.

Репродуктивные установки и фактическое поведение тесно связаны с матримониальным статусом, поэтому мы провели регрессионный анализ на подвыборке женщин, имеющих супруга (в зарегистрированном браке или незарегистрированном), апробировав включение таких доступных дополнительных переменных, как возраст и образование супруга. Не имея индикатора отношения супруга к аборту, мы включили в модель мнение респондентки о том, хочет ли ее супруг еще детей (см. табл. П4 Приложения, представлены только значимые переменные). Этот индикатор статистически значим, при прочих равных нежелание супруга иметь детей повышает склонность женщины поддерживать допустимость аборта по безусловному сценарию.

Как было отмечено в начале статьи, по мере развития пренатальной диагностики все больший интерес представляет дискуссия о поддержке аборта при выявленных аномалиях развития плода при отсутствии безусловной поддержки. В общей выборке респондентов с такой позицией оказалось 22,8%. К сожалению, возможностей опроса ЧСО оказалось недостаточно для исследования портрета таких респондентов. Ключевые социально-демографические переменные, равно как и по-

рядок вопросов об аборте, плохо объясняют склонность выражать такую позицию (выполнен дескриптивный и регрессионный анализ, последний показал низкое качество модели). На данный момент можно сформулировать только гипотезу о том, что эта позиция тесно связана с уровнем информированности о медицинских рисках в ходе беременности и развитии плода. Эта гипотеза выдвинута на основании того, что единственные показатели, сильно влияющие на долю выражающих поддержку этой позиции, — вопросы-утверждения «откладывание материнства приводит к связанным с беременностью рискам для здоровья женщины» и «откладывание материнства уменьшает способность женщины забеременеть» (варианты ответов: «скорее да» и «скорее нет»). Однако эти вопросы в ходе ЧСО задавались только бездетным женщинам и не могут быть верифицированы на всей выборке.

Наконец, выше было отмечено, что порядок суждений не влияет на долю тех, кто не поддерживает ни одно из них. Это утверждение нашло подтверждение в ходе регрессионной проверки. Кроме того, было установлено, что на выбор «консервативной позиции» (1240 респондентов) при прочих равных значимо и положительно влияют: проживание в сельской местности по сравнению с крупными городами, мужской пол, отсутствие детей, отсутствие высшего образования, религиозность, «традиционность» по индексу ценностей (см. табл. П5 Приложения).

Выводы и дискуссия

Центральный элемент дискуссии о допустимости абортов приходится на вопрос «что есть эмбрион?». Ответ на него должен определять моральный статус плода и влиять на высказываемые мнения. Однако поддержка респондентом суждений в ходе интервью оказалась зависящей от характеристик опросного инструментария. Выявленные факты обогащают наши представления об устойчивости установок, измеренных в ходе массовых опросов. Результаты работы также дополняют дискуссию о зависимости репродуктивного выбора от ценностных ориентаций. На основе обзора теоретических и предыдущих эмпирических работ мы постулировали высокое значение ценностных установок для формирования ожиданий от того или иного выбора и для его совершения. Однако сама возможность измерения подобных установок в массовых опросах ограничена, так как ее результат зависит от вопросного инструментария и других обстоятельств интервью. Анализ влияния контекста вопросов об аборте на результаты опроса был описан в работе [Schuman, Presser 1981]. Авторы полагают, что его наличие представляет доказательства двойственного, неоднозначного отношения к проблеме абортов. Исследование природы искажений, возникающих при ответе на чувствительные вопросы, имеет длительную историю в научной литературе [Zaller, Feldman, 1992], но не приводит к отказу от использования таких вопросов в анкетах. Неустойчивость и смешанный характер оценок мнений не делает их недостоверными.

В среднем около половины респондентов давали поддержку при одних сценариях и не давали при других. Выбор, совершенный респондентом в предыдущем вопросе, влиял на выбор в последующем. Вместе с тем порядок появления суждений не повлиял на долю тех, кто не поддерживает ни одно из них (около 30% мужчин и около 15% женщин), что свидетельствует в пользу гипотезы об относительной устойчивости консервативной позиции. На примере изменения последовательности

медицинского и безусловного сценариев мы увидели, что доля поддержавших оба суждения варьирует от 64 % до 88 %, а доля не поддержавших ни одного — от 34 % до 68 %. Влияние порядка вопросов подтвердило свою статистическую значимость в ходе регрессионного анализа. Доля мужчин и женщин, поддерживающих прерывание беременности при выявленных аномалиях развития плода, но не поддерживающих его безусловно, оказалась довольно высока (почти 23 %). Она не варьирует по социально-демографическим группам, но, предположительно, зависит от уровня информированности респондента в медицинских вопросах.

Для более полного исследования мнений о репродуктивном выборе и их связи с фактическим жизненным выбором необходимо проведение специализированных опросов с расширенным инструментарием и панельными выборками, которые позволят однозначно соединить высказываемые суждения и последующие решения.

Список литературы (References)

1. Антипова Н. Д. Этические коллизии вокруг проблемы аборта в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 1. С. 107—119.
Antipova N. D. (2005) Ethical Conflicts around the Problem of Abortion within the Framework of Various Value-Worldview Orientations. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. No. 1. P. 107—119. (In Russ.)
2. Волченко Ю. Ю. Запрет на проведение аборт в СССР: 1936—1955 гг. // XX Международная научная конференция молодых ученых и студентов «Эволюция российского права». Екатеринбург, 2022. С. 91—97.
Volchenko Y. Y. (2022) Introduction of the Prohibition of Abortion in the USSR 1936—1955. *XX International Scientific Conference of Young Scientists and Students "Evolution of Russian Law"*. Ekaterinburg. P. 91—97. (In Russ.)
3. Данилова С. И. Об искусственном прерывании беременности // СПС КонсультантПлюс. 2022.
Danilova S. I. (2022) On Artificial Termination of Pregnancy. *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)
4. Захаров С. В., Сакевич В. И. Долговременные тенденции уровня рождаемости и проблемы ее контроля на внутрисемейном уровне в современной России // Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: С. В. Захаров. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022.
Zaharov S. V., Sakevich V. I. (2022) Long-Term Birth Rate Trends and Problems of Its Control at the Intra-Family Level in Modern Russia. In: Zakharov S. V. (ed.) *Population of Russia 2019: Twenty-Seventh Annual Demographic Report*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
5. Крадецкая С. В. «Женщина должна иметь право выбирать». Вокруг закона о запрете абортов 1936 г. // Сборник докладов XVI Конференции РАИЖИ. 2023. С. 184—197.

- Kradetskaya S. V. (2023) «A Woman Should Have the Right to Choose.» Around the Anti-Abortion Act of 1936. In: *Collection of Reports of the XVI Conference RAIZHI*. P. 184—197. (In Russ.)
6. Мануильская К. М. Полевой эксперимент в прикладных исследованиях: Peterson T. Das Feldexperiment in der Umfrageforschung. Frankfurt: Campus, 2002 // Социологический журнал. 2004. № 3—4. С. 203—209.
Manuil'skaya K. M. (2004) Field Experiment in Applied Research: Peterson T. Das Feldexperiment in der Umfrageforschung. Frankfurt: Campus, 2002. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 203—209. (In Russ.)
 7. Мягков А. Ю. Всегда ли респонденты говорят правду? Мета-анализ зарубежных источников // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 20—31.
Myagkov A. Yu. (2008) Do Respondents Always Tell the Truth? Meta-Analysis of Foreign Sources. *Sociological Studies*. No. 9. P. 20—31. (In Russ.)
 8. Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 18—70.
Rogozin D. M. (2000) Cognitive Analysis of the Survey Tool. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 18—70. (In Russ.)
 9. Сакевич В. И., Денисов Б. П., Ривкин-Фиш М. Непоследовательная политика в области контроля рождаемости и динамика уровня аборт в России // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 461—478.
Sakevich V. I., Denisov B. P., Rivkin-Fish M. (2016) Incoherence in Birth Control Policy and Dynamics of Abortion in Russia. *Journal of Social Policy Research*. Vol. 14. No. 4. P. 461—478. (In Russ.)
 10. Сакевич В. И., Денисов Б. П., Никитина С. Ю. Прерывания беременности в России по данным официальной статистики // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 42—53.
Sakevich V. I., Denisov B. P., Nikitina S. Y. (2021) Termination of Pregnancy in Russia According to Official Statistics. *Sociological Research*. No. 9. P. 42—53. (In Russ.)
 11. Ajzen I., Fishbein M. (1972) Attitudes and Normative Beliefs as Factors Influencing Behavioral Intentions. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 21. No. 1. P. 1—9. <https://doi.org/10.1037/h0031930>.
 12. Ajzen I., Klobas J. (2013) Fertility Intentions: An Approach Based on the Theory of Planned Behavior. *Demographic Research*. Vol. 29. P. 203—232. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.8>.
 13. Beach L. R. (1993) Image theory: Personal and Organizational Decisions. In: Klein G. A., Orasanu J., Calderwood R., Zsombok C. E. (eds.) *Decision Making in Action: Models and Methods*. New York, NY: Ablex Publishing Corporation. P. 148—157.
 14. Biggs M. A., Gould H., Foster D. G. (2013). Understanding Why Women Seek Abortions in the US. *BMC Women's Health*. Vol. 13. No 29. P. 1—13. <https://doi.org/10.1186/1472-6874-13-29>.

15. Bracken M. B., Klerman L. V., Bracken M. (1978). Coping with Pregnancy Resolution among Never-Married Women. *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 48. No. 2. P. 320—334. <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1978.tb01320.x>.
16. Brickman P., Dunkel-Schetter C., Abbey A. (1987) The Development of Commitment. In P. Brickman (ed.) *Commitment, Conflict, and Caring*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. P. 145—221.
17. Bumpass L. L. (1997) The Measurement of Public Opinion on Abortion: The Effects of Survey Design. *Family Planning Perspectives*. Vol. 29. No. 4. P. 177—180.
18. Cowan S. K., Hout M., Perrett S. (2022) Updating a Time-Series of Survey Questions: The Case of Abortion Attitudes in the General Social Survey. *Sociological Methods & Research*. Vol. 53. No. 1. P. 193—234. <https://doi.org/10.1177/004912412111043140>.
19. Crawford B. L., LaRoche K. J., Jozkowski K. N. (2022) Examining Abortion Attitudes in the Context of Gestational Age. *Social Science Quarterly*. Vol. 103. No. 4. P. 855—867. <https://doi.org/10.1111/ssqu.13157>.
20. Dommermuth L., Klobas J., Lappegård T. (2011) Now or Later? The Theory of Planned Behavior and Timing of Fertility Intentions. *Advances in Life Course Research*. Vol. 16. No. 1. P. 42—53. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2011.01.002>.
21. Evans J. H. (2002) Polarization in Abortion Attitudes in US Religious Traditions, 1972—1998. *Sociological Forum*. *Sociological Forum*. Vol. 17. No. 3. P. 397—422. <https://doi.org/10.1023/A:1019627006778>.
22. Finer L. B., Frohworth L. F., Dauphinee L. A., Singh S., Moore A. M. (2005) Reasons US Women Have Abortions: Quantitative and Qualitative Perspectives. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*. Vol. 37. No. 3. P. 110—118.
23. Jelen T. G., Wilcox C. (2003). Causes and Consequences of Public Attitudes toward Abortion: A Review and Research Agenda. *Political Research Quarterly*. Vol. 56. No. 4. P. 489—500.
24. Jones Ö., Forrest J. (1992) Underreporting of Abortions in Surveys of US Women: 1976 to 1988. *Demography*. Vol. 29. No. 1. P. 113—126.
25. Hass P.H. (1974). Wanted and Unwanted Pregnancies: A Fertility Decision-Making Model. *Journal of Social Issues*. Vol. 30. No. 4. P. 125—165.
26. Hoffman L. W., Hoffman M. L. (1973) The Value of Children to Parents. In: Fawcett J. T. (ed.) *Psychological Perspectives on Population*. New York, NY: Basic Books. P. 19—76.
27. Loll D., Hall K. S. (2019). Differences in Abortion Attitudes by Policy Context and between Men and Women in the World Values Survey. *Women & Health*. Vol. 59. No. 5. P. 465—480.

28. Lydon J., Dunkel-Schetter C., Cohan C. L., Pierce T. (1996) Pregnancy Decision Making as a Significant Life Event: A Commitment Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 71. No. 1. P. 141—151. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.1.141>.
29. McClendon M. J., O'Brien D. J. (1988) Question-Order Effects on the Determinants of Subjective Well-Being. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 52. No. 3. P. 351—364.
30. Miller W. B. (1974) Relationships between the Intendedness of Conception and the Wantedness of Pregnancy. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 159. No. 6. P. 396—406.
31. Patel C. J., Kooverjee T. (2009) Abortion and Contraception: Attitudes of South African University Students. *Health Care for Women International*. Vol. 30. No. 6. P. 550—568.
32. Patel C. J., Myeni M. C. (2008). Attitudes toward Abortion in a Sample of South African Female University Students. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 736—750.
33. Rye B. J., Underhill A. (2020) Pro-choice and Pro-life Are Not Enough: An Investigation of Abortion Attitudes as a Function of Abortion Prototypes. *Sexuality & Culture*. Vol. 24. No. 6. P. 1829—1851.
34. Schuman H., Presser S. (1996) Questions and Answers in Attitude Surveys: Experiments on Question Form, Wording, and Context. New York, NY: Academic.
35. Smetana J. G., Adler N. E. (1979) Decision-Making Regarding Abortion: A Value × Expectancy Analysis. *Journal of Population*. Vol. 2. No. 4. P. 338—357.
36. Tourangeau R., Rasinski K. A. (1988) Cognitive Processes Underlying Context Effects in Attitude Measurement. *Psychological Bulletin*. Vol. 103. No. 3. P. 299—314. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.103.3.299>.
37. Wanke M., Schwarz N. (1997) Reducing Question Order Effects: The Operation of Buffer Items. In: Lyberg L. E., Biemer P. P., Collins M., de Leeuw E., Dippo C., Schwarz N., Trewin D. (eds.) *Survey Measurement and Process Quality*. New York, NY: Wiley. P. 115—139.
38. Welzel C. (2013) Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation. New York, NY: Cambridge University Press.
39. Williamson L. E., Lawson K. L. (2015) Young Women's Intentions to Delay Childbearing: A Test of the Theory of Planned Behaviour. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. Vol. 33. No. 2. P. 205—213. <https://doi.org/10.1080/02646838.2015.1008439>.
40. Zaller J., Feldman S. (1992) A Simple Theory of the Survey Response: Answering Questions versus Revealing Preferences. *American Journal of Political Science*. Vol. 36. No. 3. P. 579—616. <https://doi.org/10.2307/2111583>.

Приложение

Таблица П1. Размеры подвыборок по каждому сценарию

	Частота	Процент
Аномалии — трудности — по желанию	973	17,3
Аномалии — по желанию — трудности	968	17,2
Трудности — по желанию — аномалии	858	15,2
Трудности — аномалии — по желанию	980	17,4
По желанию — аномалии — трудности	954	16,9
По желанию — трудности — аномалии	901	16,0
Итого	5634	100,0

Таблица П2. Размеры подвыборок по каждому сценарию и основным контрольным переменным (в %)

		Аномалии — трудности — по желанию	Аномалии — по желанию — трудности	Трудности — по желанию — аномалии	Трудности — аномалии — по желанию	По желанию — аномалии — трудности	По желанию — трудности — аномалии
Пол	Мужчины	50,2	50,8	51,9	49,2	48,0	51,7
	Женщины	49,8	49,2	48,1	50,8	52,0	48,3
Тип населенного пункта	Города-миллионники	27,6	27,0	28,1	25,2	26,6	26,5
	Все остальные города	55,6	58,0	55,1	56,6	57,9	58,2
	Сельская местность	16,8	15,1	16,8	18,2	15,5	15,3
Наличие детей	Нет детей	35,0	38,3	35,3	36,6	34,3	35,3
	Есть дети	64,6	61,6	64,2	63,3	65,4	64,5
Уровень образования	Есть высшее	46,4	46,8	46,2	51,3	48,4	49,1
	Нет высшего	53,6	53,2	53,8	48,7	51,6	50,9
Итого по сценарию, чел.		973	968	858	980	954	901

Таблица П3. Значения попарных корреляций Пирсона

		В любой ситуации, по желанию женщины		
		Корреляция	Верхняя граница ДИ	Нижняя граница ДИ
Аномалии — трудности — по желанию	Есть аномалии развития плода	0,303**	0,245	0,359
	Серьезные материальные трудности в семье	0,372**	0,317	0,425
Аномалии — по желанию — трудности	Есть аномалии развития плода	0,301**	0,242	0,357
	Серьезные материальные трудности в семье	0,345**	0,288	0,399
Трудности — по желанию — аномалии	Есть аномалии развития плода	0,226**	0,161	0,288
	Серьезные материальные трудности в семье	0,248**	0,184	0,310
Трудности — аномалии — по желанию	Есть аномалии развития плода	0,324**	0,267	0,379
	Серьезные материальные трудности в семье	0,262**	0,202	0,319
По желанию идет первым	Есть аномалии развития плода	0,238**	0,195	0,280
	Серьезные материальные трудности в семье	0,330**	0,289	0,370

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таблица П4. Результаты логистической регрессии, подвыборка женщин с партнером.
Зависимая переменная — поддержка аборта по желанию женщины

	B	P-value	Exp(B)
По желанию идет первым			
Аномалии — трудности — по желанию	0,228	0,168	1,256
Аномалии — по желанию — трудности	0,494	0,003	1,639
Трудности — по желанию — аномалии	0,096	0,574	1,101
Трудности — аномалии — по желанию	0,353	0,031	1,424
Тип населенного пункта = города-миллионники			
Все остальные города	-0,299	0,029	0,742
Сельская местность	-0,411	0,024	0,663
Наличие детей = есть дети	-0,302	0,061	0,739
Уровень образования респондентки = есть высшее образование	-0,332	0,005	0,717
Аборт допустим при аномалиях развития плода	1,144	0,000	3,139
Аборт допустим при серьезных мат. трудностях в семье	1,647	0,000	5,194
Религиозность = высокая			
Религиозность: не практикующий	0,327	0,008	1,387
Религиозность: отсутствует	0,449	0,004	1,567
Индекс ценностей без домена выбора, нормированный	1,319	0,000	3,741

	B	P-value	Exp(B)
Мнение респондентки о желании супруга иметь детей: «да, хотел бы»			
Мнение респондентки о желании супруга иметь детей: «нет, не хотел бы»	0,216	0,074	1,240
Мнение респондентки о желании супруга иметь детей: затруднилась ответить	0,333	0,225	1,395
N = 1779 Nagelkerke r square = 0,306			

Таблица П5. Результаты логистической регрессии, зависимая переменная — поддержка аборта по желанию женщины

	B	P-value	Exp(B)
Пол респондента = женщина	-0,996	0,000	0,369
Тип населенного пункта = города-миллионники			
Все остальные города	0,056	0,498	1,058
Сельская местность	0,345	0,001	1,412
Наличие детей = есть дети	-0,125	0,091	0,883
Уровень образования = есть высшее образование	-0,268	0,000	0,765
Религиозность = высокая			
Религиозность: не практикующий	-0,552	0,000	0,576
Религиозность: отсутствует	-1,182	0,000	0,307
Индекс ценностей без домена выбора, нормированный	-1,211	0,000	0,298
N = 5620 Nagelkerke r square = 0,126			

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2538](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2538)

А. В. Андрееenkova

**ЖИЗНЕННЫЕ ВЫБОРЫ
НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ —
АВТОБИОГРАФИИ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ**

Правильная ссылка на статью:

Андрееenkova А. В. Жизненные выборы на разных этапах жизненного пути — автобиографии одного поколения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 88—113. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2538>.

For citation:

Andreenkova A. V. (2024) Life Choices on Different Stages of the Life Course — Autobiographies of One Generation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 88—113. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2538>. (In Russ.)

Получено: 12.12.2023. Принято к публикации: 03.05.2024.

ЖИЗНЕННЫЕ ВЫБОРЫ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ — АВТО- БИОГРАФИИ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

*E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

Аннотация. Статья посвящена изучению жизненных выборов людей на протяжении их жизненного пути на основе событийного анализа автобиографий и глубинных интервью с респондентами поколения 1960—1975 гг. рождения. Из всех жизненных событий, упомянутых как значимые в автобиографиях или определенных как таковые в глубинных интервью, три четверти представляли собой ситуации выбора. Ситуация выбора характеризуется пространством выбора — широтой и свободой от серьезных ограничений. 40 % всех ситуаций выбора были отнесены к категории ситуаций с широким выбором, 30 % — к ситуациям выбора с существенными ограничениями, 20 % — с узким выбором. Ограничениями выступали материальные сложности, инфраструктурные возможности, а также внешние нормативные и внутренние ценностные факторы, предыдущие решения и решения других людей. Для разных социальных групп пространство выбора неодинаково. В ситуациях узкого или ограниченно выбора женщины оказываются чаще, чем мужчины; люди с низким социально-экономическим статусом — чаще, чем люди со средним или высоким статусом.

Автор предлагает схему-классификацию характера выбора, выделяя норматив-

LIFE CHOICES ON DIFFERENT STAGES OF THE LIFE COURSE — AUTOBIOGRA- PHIES OF ONE GENERATION

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Deputy Director

*E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia

Abstract. The article studies people's life choices across their life course based on the autobiographies and follow-up in-depth interviews of randomly selected respondents from the generation born in 1960—1975. Of all life events mentioned as significant in the autobiographies or identified as such in the in-depth interviews, three quarters were classified as the situation of choice. A situation of choice is characterized by the space of choice, its breadth and freedom from serious constraints. 40 % of all choice situations considered were categorized as situations with broad choice, 30 % as situations with significant limitations, and 20 % as narrow choice situations. The constraints were material difficulties, infrastructural possibilities, as well as external normative and internal value factors, previous personal decisions, and decisions of other people. The space of choice varies for different social groups. Women find themselves in situations of narrow or limited choice more often than men; people with low socio-economic status are limited in choice more often than people with medium or high socio-economic status.

The author of this study proposes a classification scheme for the nature of choice, distinguishing normative, active-cre-

ный, активно-созидательный, вынужденный и конформный выборы. Около половины жизненных выборов делаются на нормативных основаниях, около трети — активно-созидательных, гораздо менее распространены вынужденный и конформный. Позитивные последствия с точки зрения самореализации человека чаще возникают в результате активно-созидательного выбора, реже — нормативного. Ситуации выбора-преодоления или конформного выбора в большинстве случаев влекут негативные последствия. Факторы, способствующие жизненному выбору с позитивными долговременными результатами, — благоприятные социально-исторические условия, готовность к изменениям и определенному риску, независимость в принятии решений, осознанность собственных желаний и целей.

Жизненный выбор людей из поколения, рожденного в 1960—1975 гг. и взрослого во время радикальных трансформаций 1990-х, был ограничен как институциональными и общими социетальными условиями, так и ценностно-нормативными факторами. В ходе анализа выделены такие концептуальные особенности жизненного выбора, как сложная субъектность, ограниченность в рациональности, зависимость от предыдущих выборов и выборов других людей, а также долгосрочность последствий.

Ключевые слова: жизненный выбор, жизненный путь, сценарий жизни, возрастные этапы жизни, социальные изменения, метод автобиографий

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поко-

ative, forced, and conformal choices. About half of life choices are made on normative grounds, about one third are active-creative, while forced and conformal choices are much less common. Positive consequences from the point of view of a person's self-realization more often arise as a result of active-creative choices, less often as a result of normative choices. Situations of choice-overcoming or conformal choice in most cases entail negative consequences. Factors contributing to life choices with positive long-term results are favorable socio-historical conditions, readiness for change and certain risk, independence in decision-making, awareness of one's own desires and goals.

The life choices of people from the generation born in 1960—1975 and growing up during the radical transformations of the 1990s were limited by both institutional and general societal conditions and value-normative factors. The analysis highlights such conceptual features of life choices as complex subjectivity, limited rationality, dependence on previous choices and the choices of others, and long-term consequences.

Keywords: life choice, life course, life scenario, life stages, social change, method of autobiographies

Acknowledgments. The research was done with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-

ления, взрослого в 1990-е, — лонгитюдное исследование через 30 лет».

00635 «Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990x, — longitudinal survey after 30 years».

Вопросы о том, как человек принимает решения на значимых этапах своей жизни, где границы возможностей для осуществления такого выбора и каковы его основы — рациональные, эмоциональные, морально-нормативные, — занимают умы людей на протяжении всей интеллектуальной истории человечества, от первого библейского выбора людей в райском саду. Жаркие споры по поводу внешней детерминированности решений и выборов, предопределенности и судьбы, кармы, моральной ответственности и нравственного самоопределения продолжают от Пелагия и Августина до Лютера и наших дней. В современном обществе возможности для осуществления жизненного выбора — в идеале рационального, свободного и продуктивного, — наличие разных вариантов и сценариев построения жизненного пути говорят о благоприятной социальной и институциональной структуре общества, способствуют развитию и самореализации личности, социальному благополучию. Несмотря на значимость вопроса о жизненном выборе, социологических работ, основанных на эмпирических данных и доказательствах, пока немного.

Научное изучение механизмов, условий и социальных последствий человеческого выбора, роли выбора в построении жизненного пути на протяжении многих десятилетий проводилось в рамках философии и психологии. В психоанализе наибольшее внимание уделялось вопросам о механизмах волевого решения, роли бессознательного, в бихевиоризме — влиянию внешних обстоятельств на осуществление выбора. В отечественной психологии С. Л. Рубинштейн предложил идею взаимодополняющего влияния объективных условий жизни, их онтологической первичности и деятельности человека, его способности изменять условия и закреплять их в форме знания [Рубинштейн, 2000]. В рамках теорий развития личности выбор определяется как одна из основных ее функций, а история личности понимается как история выборов [Поршнева, 1979]. Важным шагом в понимании мотивации жизненных выборов стало изучение роли ценностных оснований выбора и внутренней позиции личности с целью реализации собственного потенциала [Feather, 1992; Филоник, 2011], а также включение жизненного выбора в концепцию «жизненных миров» [Василюк, 1984]. В последние годы исследователи уделяли внимание вопросу взаимосвязи социально-психологических характеристик личности и жизненных выборов, особенностям выбора в разных ситуациях — жизнеопределяющих и обыденных [Фам, Леонтьев, 2013]. Помимо условий и процесса выбора, была предложена концепция его субъективного качества, учитывающая характер, мотивацию и последствия выбора [Личностный потенциал..., 2011].

В рамках культурно-деятельностного направления в социальной психологии свобода воли и возможность выбора стали пониматься как культурные ценности, результат исторического развития человека и человечества [Леонтьев, 1975],

что открывает новые возможности для перехода к социологическому осмыслению проблемы жизненного выбора — его особенностей в разных социально-исторических условиях разными поколениями и социальными группами. В социологии основное внимание и достижения в изучении выбора, его причин и последствий были сделаны в отношении решений в образовательной и профессиональной сфере [Титма, 1975; Шубкин, 1979; Константиновский, 2010], в области брачно-семейных отношений [Hofäcker, Chaloupková, 2014; Носкова, 2004] и на этапе перехода к взрослой жизни [Billari, Liefbroer, 2010; Митрофанова, 2020].

Жизненный выбор в социологическом понимании становится предметом исследований не столь часто, как можно было бы ожидать, из-за трудностей с получением эмпирических данных. Методом сбора таких данных могут стать нарративные биографии, написанные участниками событий или другими людьми, для целей, не связанных с исследованиями. Этот метод имеет самую долгую историю и чаще всего используется при изучении жизненного пути элит, представителей отдельных профессий и групп [Bass, Farrow, 1977; Hyvarinen, 1992; Krcmaric, Nelson, Roberts, 2020]. Другой вариант — использование качественных методов — интервью с людьми об их жизненном пути, обсуждение выбора в разных жизненных ситуациях, чаще всего в поворотных [Atkinson, 1998; Рождественская, 2012; Nico, 2016]. Такой подход позволяет выявить сценарии, модели, описать варианты, получить примеры разного типа выборов, но ограничен в оценке распространенности и частоты этих моделей. Экспериментальные методы (психологические, метод виньет-сценариев) применяются при изучении механизма принятия решения по конкретным вопросам [Galotti, 2007]. Ограничения этих методов обусловлены искусственностью ситуаций, из-за которой не учитываются внешние по отношению к ситуации конкретного выбора решения других людей, а также предыдущие решения самого человека, его долгосрочные цели и планы. В количественных формализованных массовых опросах собираются данные об условиях, которые предшествовали решению, самом решении (что и когда реализовалось) и мотивации выбора в ретроспективном формате. На базе этого метода в последние три десятилетия стали изучаться вопросы электорального выбора, поведения в области здоровья и образа жизни. Еще один методический подход — использование метода сравнения социально-демографических, экономических или психологических характеристик групп, которые сделали разные выборы (например, [Муртазина, 2016]).

Новые возможности для изучения жизненного выбора открываются при использовании метода лонгитюдных исследований. Если замеры производятся достаточно часто, можно получить информацию об исходных данных ситуации, базовых факторах выбора — характеристиках личности, условиях жизни, социальных параметрах, источниках возникновения ситуации выбора, о самом выборе, а также проследить его последствия в синхронном формате — в момент совершения выбора. Достоинство такого подхода — отсутствие ошибок и смещений в измерении из-за влияния памяти и последующего контекста, что является проблемой в случаях, когда данные получаются ретроспективно. Однако количество столь масштабных и долговременных лонгитюдных исследований, позволяющих анализировать жизненные выборы людей на протяжении жизненного пути, невелико как в России, так и во всем мире.

Жизненный выбор как предмет социологического изучения ограничен своей концептуальной неопределенностью и непростой проблемой сочетания данных разного уровня — микроданных о выборе человека в контексте его индивидуального «жизненного мира» и задачи макроуровневых обобщений. В социальной психологии жизненный выбор определяется как рациональное действие по определению приоритетов и предпочтений в зависимости от имеющихся ресурсов и сформулированных целей — долгосрочного жизненного сценария или образа будущего [Ананьев, 1980; Гинсбург, 1988]. Данное определение включает выделение таких свойств выбора, как его рациональность, планомерность и долгосрочность. Однако если речь идет о жизненном выборе, наличие этих свойств и их распространенность становятся неопределенной частью исследовательского вопроса, а не его исходными предпосылками. Насколько распространены рациональность, планомерность и долгосрочность при осуществлении жизненного выбора в реальной жизни людей, в каких случаях они следуют этим принципам и какие именно люди — эти вопросы пока остаются до конца неизученными.

В этом исследовании мы ставим перед собой задачу рассмотреть жизненный выбор в реальных условиях жизни людей одного поколения. В частности, мы стараемся ответить на вопрос, как часто человек сталкивается с ситуациями, которые можно считать «ситуациями выбора», в какой степени человек осознает их как ситуации выбора, в каких сферах и на каких жизненных этапах сосредоточены ситуации выбора, насколько равномерно они распределены по времени на жизненном пути, какой тип выбора используется для принятия решений в разных сферах жизни и на разных жизненных этапах. Структурными элементами выбора являются ситуация выбора, субъект выбора, процесс выбора — мотивация, степень рациональности, соотнесение вариантов с планами и желаниями, а также оценка последствий — краткосрочных или долгосрочных.

Методология

Для ответов на поставленные вопросы будут использоваться данные нового проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е годы», направленного на изучение особенностей жизненного пути на фоне радикальных социальных, экономических и политических трансформаций в России в 1990-х и 2000-х годах. Проект включает проведение комплексного исследования поколения людей, родившихся в 1960—1975 гг., как самого близкого к сегодняшнему дню поколения, которое прошло большую часть ключевых жизненных событий, что позволяет провести анализ выборов на протяжении жизненного пути. Для пилотной части проекта респонденты были отобраны из случайной вероятностной панели респондентов ЦЕССИ по России по квотным параметрам, которые включали пол, возрастную группу (три группы по пятилетним интервалам между 1960 и 1975 годами рождения) и уровень образования. Респонденты были отобраны из разных регионов РФ (структура выборки представлена в Приложении). Исследование реализовано летом 2023 г., в нем приняли участие 100 респондентов.

Работа включала следующие этапы: а) отбор респондентов согласно квотным параметрам, получение их согласия на участие во всех этапах исследования;

б) подготовка автобиографий; в) первичный анализ автобиографий — построение хронологической событийной сетки и кодирование параметров каждого события, включая параметры выбора; г) разработка протокола глубинного интервью для стандартизации биографий между собой и реконструкции пропущенной информации, событийных и мотивационных пробелов; д) проведение глубинных интервью по индивидуальным протоколам, в ходе которых обсуждались мотивы, причины и основы жизненных выборов на разных этапах жизненного пути.

Участники исследования писали автобиографии самостоятельно в свободном формате — рукописном, печатном или устном (аудиозапись) — по своему выбору. Каждый из этих форматов предполагает индивидуальную работу респондента без влияния второго лица (интервьюера или исследователя), является гибким по времени — позволяет потратить столько времени на заполнение, сколько респондент считает нужным, дает возможность редактирования — внесения изменений, дополнений, сокращений. В качестве руководства для написания автобиографии было решено предоставить респондентам минимальное количество инструкций, чтобы не влиять на отбор событий, искусственно не увеличивать и не уменьшать их количество. Направляющими инструкциями для респондентов выступали название задания, размер документа — формы автобиографии и базовые вопросы-напоминания. В ходе проекта были протестированы несколько названий автобиографии, включая «Моя автобиография», «Рассказ о моей жизни», «История моей жизни». Размер формы автобиографий должен был косвенно показать респонденту, какой размер автобиографии предполагается — три разлинованные под запись страницы. Методические эксперименты по определению структуры автобиографии показали, что выделение отдельных этапов биографии ведет к более детальному рассказу, чем неструктурированная форма. При этом названия частей автобиографии помимо детства и молодости (зрелость, взрослость, старость и другие варианты названия жизненных этапов) понимаются респондентами по-разному и ведут к снижению эквивалентности изложения. Поэтому первая страница была озаглавлена «Взросление и молодость», а остальные — через отнесение к историческому времени: «1990-е — первое десятилетие 2000-х годов», «2010-е годы по настоящее время». На каждой странице были включены несколько вопросов — напоминаний о содержании: «Что происходило? Когда? Ваши шаги, решения, важные для Вас события, люди, чувства, отношения». В целом метод автобиографий показал высокую чувствительность к направляющим инструкциям и информации от исследователя [Андрееenkova, 2024].

С помощью автобиографий удалось восстановить последовательность событий и периодов на жизненном пути участников, определить взаимосвязи, причины и мотивационные стимулы разных событий, общую траекторию жизни человека (линейная, восходящая, нисходящая, колеблющаяся), субъективную значимость разных событий и сфер жизни. Однако автобиографии разных респондентов существенно различались по включенным и исключенным событиям, последовательности событий и отнесению их к точному времени, упоминанию чувств и эмоций, причин и мотивов действий и выборов, исторического контекста и макрособытий. Такая неравномерность в полноте данных серьезно затруднила общий анализ. Полнота данных выравнивалась методом глубинных интервью. Для каждого

респондента был разработан индивидуальный гайд — план проведения интервью, который позволял уточнить информацию, которая была пропущена или не ясна из текста автобиографии. Все глубинные интервью проводились тремя исследователями-модераторами, прошедшими общую подготовку к проведению интервью, чтобы минимизировать различия в интервью из-за влияния модератора. В результате двухступенчатого подхода была создана база данных со структурированными биографическими данными о респондентах, позволяющая проводить сравнительный анализ.

Для целей исследования жизненный выбор был определен как действие или решение, принятое в ситуации, предполагающей переход из одного состояния в другое, изменение жизненной траектории и имеющей как минимум два варианта решения. Метод анализа подразумевает использование суждений из двух разных источников — суждение респондента и суждение внешнего наблюдателя. Внешними наблюдателями выступали исследователи и кодировщики, анализирующие информацию, полученную от респондента. Как информация от респондента, так и суждения внешних наблюдателей не свободны от субъективности, что является ограничением метода.

Кодирование автобиографий и глубинных интервью (основа — письменная расшифровка интервью) проводилось методом параллельной работы двух независимых друг от друга кодировщиков, которые прошли одинаковое обучение и получили одинаковые инструкции. Один кодировщик, который проводил работу по всем событиям и всем респондентам, обеспечивал внутреннюю стандартизацию и стабильность кодирования для всех респондентов, несмотря на то что это очень большая нагрузка на одного человека и работа заняла много времени. Два параллельных кодировщика обеспечивали проверку качества кодирования и снижение субъективности в оценках.

Анализ результатов проводился с помощью выстраивания событийной сетки жизненного пути каждого респондента. Основным элементом являлось «жизненное событие» — ситуация, которая ведет к переходу от одного состояния в другое — выделенное как субъективно значимое либо самим респондентом как часть его (ее) автобиографии, либо исследователем по критерию значимости последствий. Каждое «событие» было описано с помощью нескольких показателей: время, когда оно произошло, и возраст респондента в момент события; место; тип события; обстоятельства вокруг события, эмоциональный фон, участники события. Все события были классифицированы внешними наблюдателями как ситуация выбора (реализованного или нереализованного) и ситуация вне выбора. Выбором считалась ситуация, которая подразумевала больше одного варианта решения и исход которой хотя бы в некоторой степени зависел от респондента. Иногда определить это было довольно легко, как в случае с поступлением в вуз (практически всегда засчитывалось как ситуация выбора). Иногда определить ситуацию как выбор или невыбор было сложно. Например, первая работа по распределению или окончание учебного заведения, что делается многими людьми «по умолчанию» — как следствие предыдущего выбора (поступления), а иногда ставится под вопрос (бросить институт, прервать образование, выбрать между браком и образованием). Для каждой из таких ситуаций были выработаны единые правила кодирова-

ния, чтобы даже при учете неоднозначности ситуации правила отнесения были одинаковы для всех случаев и респондентов.

Всего было выделено 2632 «события», из которых 1910 были отнесены к категории «ситуаций жизненного выбора». Каждая ситуация выбора была описана несколькими оценочными показателями: пространство или широта выбора, тип ограничений, субъектность решения, тип выбора и последствия выбора.

Событийная сетка жизненного пути, плотность событий на разных этапах и ситуации выбора

По результатам анализа событийной сетки жизненного пути, среднее количество «событий» на жизненном пути человека составило 26, но разброс крайне велик — от 10 до 47 событий. Большая часть событий (86 %) были определены самими респондентами во время написания автобиографий, что подтверждает субъективную важность события для жизненного пути человека. Некоторая часть событий была добавлена на основе анализа логики автобиографии и информации из глубинных интервью. Например, если респондент «поступил в вуз» и не бросил учебу, то должно быть включено событие «окончил вуз», которое нередко пропускается, или если указано событие «развод», то логично предположить наличие события «брак». На основе глубинных интервью были добавлены события, которые респонденты первоначально сочли не важными для «читателей», но были важны для самих респондентов, а также «щепетильные», сенситивные события, которые часто также не включались в первоначальный текст, но раскрывались во время глубинных интервью.

Выбор и невыбор. В событийную матрицу «жизненных выборов» были включены не только события, которые определили переход от одного статуса или положения к другому (классическое определение жизненного выбора), но и события, когда такой переход не был сделан. Сохранение status quo также включается нами в список ситуаций выбора, если вопрос об этом стоял перед респондентом. В ситуации выбора включены неудачи или выбор с отрицательным результатом, когда перехода к другому статусу не было сделано. К таким ситуациям относится решение о переезде, даже когда решено было этого не делать, ситуация поступления в вуз, когда поступить не удалось. Такой подход согласуется с идеями, предложенными российскими исследователями Л. С. Кравченко, М. С. Филоник, которые связывают жизненный выбор с его влиянием на дальнейшее направление жизненного пути [Кравченко, 1987; Балл, 2010; Филоник, 2011].

События, определенные как значимые для жизненного пути человека, оказались неодинаково распределены по разным этапам жизненного пути. В целях анализа жизненный путь был условно разделен на семь этапов на основе возраста и ключевых жизненных задач, решаемых на каждом этапе:

Этап 1 — детство и подростковый возраст (от 0 до 17 лет);

Этап 2 — юность (от 18 до 24);

Этап 3 — ранняя зрелость (от 25 до 29 лет);

Этап 4 — зрелость (от 30 до 39 лет);

Этап 5 — зрелость (от 40 до 49 лет);

Этап 6 — поздняя зрелость (от 50 до 59 лет);

Этап 7 — старший возраст (60 лет и старше).

Выбор такой периодизации определялся целью не привносить заранее определенные теоретические схемы в эмпирический анализ, использовать разделение на жизненные этапы по формальным признакам и уже на основе эмпирических данных определить сходства, различия и особенности разных этапов.

Несмотря на то что в исследование включены респонденты одного поколения (1960—1975 года рождения), 15-летний интервал довольно велик, что может сказаться на оценке жизненных событий на последних двух жизненных этапах — поздней зрелости и старшего возраста, которые прошли не все респонденты в выборке. Поэтому информация об этих жизненных этапах ограничена и вероятны смещения в сторону недооценки количества важных жизненных событий на этих этапах.

Результаты анализа показали, что плотность жизненных событий на разных этапах жизненного пути существенно различается, даже если не принимать во внимание последние два этапа. Наиболее велика плотность жизненных событий, которые респонденты сочли важными, чтобы включить в автобиографию, на ранних этапах становления и перехода во взрослую жизнь — детстве, подростковом возрасте и юности. На них приходится почти половина всех упомянутых жизненных событий (см. табл. 1). Хотя эти жизненные этапы максимально отдалены от времени написания автобиографии, их детализация наиболее подробна. Количество упоминаемых жизненных событий снижается к этапу ранней зрелости (25—29 лет), затем новый, но более умеренный пик приходится на этап зрелости (30—39 лет) и затем последовательно снижается с каждым следующим жизненным этапом.

Таблица 1. Плотность событий на разных этапах жизненного пути

Временной этап жизненного пути	Плотность «событий», среднее количество событий	Разброс (разница между мин. и макс. количеством событий)	Доля всех событий жизни, которые приходятся на этап (%)	Доля ситуаций, подразумевающих выбор (%)
Детство и подростковый возраст (от рождения до 17 лет)	5,7	8	22	44
Юность (18—24 лет)	6,7	13	26	87
Ранняя зрелость (25—29 лет)	3,1	11	12	90
Зрелость (30—39 лет)	4,9	14	18	86
Поздняя зрелость (40—49 лет)	3,5	12	13	69
Поздняя зрелость (50—59 лет)	2,1	9	7	62
Старший возраст (60 лет и старше)	1,8	3	2	89
Среднее количество событий на жизненном пути	26,2	37		73

Примерами событий, которые называли респонденты, являются: уход из школы после 8 класса, поступление в учебное заведение, служба в армии, первые отношения, заключение брака, переезд из родительского дома, рождение ребенка, переезд в другой город, первая работа, смена работы, болезнь, развод.

В аналитических целях все жизненные события были разделены на две группы: события выбора и события, не связанные с выбором. Например, ситуация с выбором учебного заведения для поступления или решения о браке определялась как ситуация выбора, а болезнь, смерть, переезд других людей — как ситуация вне выбора. В среднем доля ситуаций выбора составила 73% от всех субъективно значимых событий на жизненном пути человека. Таким образом, можно говорить, что выбор является важной частью структуры жизненного пути и задачей, которая встает перед человеком довольно часто.

На разных этапах жизненного пути доля ситуаций, которые подразумевают и которые не подразумевают выбор, неодинаковы. Меньше всего ситуаций, предусматривающих выбор, на этапе детства и подросткового возраста — 44% от всех событий. На этом жизненном этапе решения принимаются либо под влиянием юридических или социальных норм (например, начало школьного образования, количество обязательных лет общего образования определены законом), либо другими людьми (например, переезд в другой регион с семьей). На этапе детства количество ситуаций выбора минимально, на подростковом этапе их становится значительно больше. В юности (18—24 года), ранней взрослости (25—29 лет) и на основном этапе взрослости (30—39 лет) доля ситуаций выбора максимальна — 86% от всех жизненных событий. В зрелости (40—49 лет) и поздней зрелости (50—59 лет) доля ситуаций, подразумевающих выбор, снижается до двух третей от всех упомянутых событий. В этот период многие события связаны со здоровьем и состоянием других людей — родителей, детей, других близких, а также обязательным уходом на пенсию и увольнениями с работы. На этапе жизни в старшем возрасте (60 лет и старше) доля ситуаций с выбором увеличивается, хотя общая плотность событий ниже, чем на других жизненных этапах (возможна недооценка из-за особенностей выборки). В это время люди принимают решения об уходе с рынка труда или продолжении работы, о типе занятости и новом месте жительства — переезде за город или к детям.

Помимо плотности событий базовым параметром для описания ситуаций с выбором являются категории событий по их содержанию. Всего было выделено десять широких категорий, среди которых демографические (брачные и репродуктивные), образовательные, профессионально-карьерные, социальные (встречи с людьми, построение отношений), географические перемещения; события, связанные с материальными приобретениями или потерями, активизм и участие в общественной жизни, события духовной или интеллектуальной сферы, жилищные перемещения. Большинство событий, которые описываются респондентами в автобиографиях и подразумевают выбор, относятся к трем категориям: демографические, образовательные и профессионально-карьерные. На них приходится две трети всех событий с выбором.

На разных жизненных этапах люди вынуждены делать выбор в ситуациях, относящихся к разным сферам жизни. Ситуации выбора на подростковом этапе относятся преимущественно к одной сфере жизни — образовательной. На юность приходится самое большое разнообразие событий с выбором, основную часть которых составляют профессионально-карьерные, образовательные и демографические выборы. На этапе взрослости на первый план выходят два типа собы-

тий — демографические и карьерно-профессиональные. В зрелости наряду с центральными карьерно-профессиональными событиями встречаются социальные, духовные и другие. На этапе старости чаще принимаются решения о занятости, но также по большому количеству разнообразных вопросов — в том числе о жилищном переезде, активизме и участии в общественной жизни, а также материальных вопросов.

«Событийная сетка» и ситуации жизненных выборов, с которыми встречаются люди из разных гендерных и социальных групп, схожи. Различия возникают в характеристиках ситуаций выбора, в частности в отношении пространства и широты выбора.

Субъект выбора. Если в теоретических схемах выбора субъект выбора определен [Vaumeister, 1999], в реальности этот вопрос не столь однозначен. По утверждению одного из основоположников подхода жизненного пути Г. Элдера, люди создают свою собственную жизнь через выборы и действия, которые они принимают в рамках ограничений и возможностей, предоставляемых им историей и социальными обстоятельствами [Elder, 1995]. В наш анализ были включены только ситуации, определенные как «ситуации выбора» для конкретного человека. Ситуации, где выбор был сделан полностью за него, не включен в это определение. Однако участие человека в жизненном выборе далеко не всегда было единоличным. В значительной части жизненных выборов (около 25%) респондент выступал субъектом выбора наравне с другими людьми или его вклад был еще меньшим. Нельзя исключать, что и в случаях индивидуального выбора интересы, желания, потребности других людей принимались во внимание. Многосубъектность жизненного выбора или индивидуальный выбор при учете интересов или воли других людей представляют собой разные ситуации. Например, выбор учебного заведения или профессии по совету родителей или под их давлением определялся как выбор респондента, хотя пространство выбора может быть ограничено волей или желаниями других людей. Решение о заключении официального брака во многих случаях принимается двумя людьми, то есть является многосубъектным. Вероятно, субъектность жизненных выборов в значительной степени зависит от культурных особенностей страны или группы. Пока мы можем говорить о том, что в российской культуре последних десятилетий большая часть жизненных выборов осуществляется индивидуально, влияние индивидуального выбора на жизненный путь очень велико, если не определяющее, хотя автономность этого выбора различается в зависимости от типа семей и других факторов.

Пространство выбора — его широта и ограничивающие факторы

Одна из главных характеристик ситуации жизненного выбора, использованных в анализе, — его широта, то есть пространство выбора, понимаемое как наличие вариантов, возможностей выбора и их разнообразия, а также серьезности ограничений, в рамках которых осуществляется выбор. К «широкому» пространству выбора отнесены ситуации, когда выбор не имеет по крайней мере видимых ограничений, помимо естественных. К ситуациям с «серьезными» ограничениями были отнесены те, где выбор ограничен какими-либо видимыми факторами (материальным положением, здоровьем, местом жительства), предыдущими выборами

или решениями, когда расширение вариантов выбора требует особенных усилий, преодоления. К ситуациям с «узким» пространством выбора относятся те, где выбор ограничен одним или двумя вариантами, при этом часто один из них является «псевдовыбором», то есть сопряжен с очень большими проблемами или потерями.

Среди всех ситуаций выбора 40% были отнесены к категории широкого выбора; треть ситуаций — выбора с существенными ограничениями; чуть меньше трети — к категории узкого выбора (см. табл. 2).

Таблица 2. *Пространство выбора на разных жизненных этапах (% от всех событий с выбором)*

	Широкое	С серьезными ограничениями	Узкое
<i>Этап жизненного пути</i>			
Детство и подростковый возраст (от рождения до 17 лет)	59	27	14
Юность (18—24 лет)	40	27	34
Ранняя взрослость (25—29 лет)	35	33	31
Взрослость (30—39 лет)	38	33	27
Зрелость (40—49 лет)	38	36	27
Поздняя зрелость (50—59 лет)	23	43	33
Старший возраст (60 лет и старше)	28	41	31
<i>Пол</i>			
Мужчины	50	31	19
Женщины	39	32	27
<i>Социально-экономическое положение — наивысшее достигнутое</i>			
Низкое	34	35	32
Среднее	47	35	18
Высокое	61	24	15

Пространство выбора на разных этапах жизненного пути у людей неодинаково. Наиболее велика доля ситуаций с широким пространством выбора на этапе детства и подросткового возраста. С каждым новым возрастным этапом доля ситуаций с широким пространством выбора последовательно уменьшается, при этом увеличивается количество факторов и ограничений, связанных с личными предыдущими решениями, выбором других людей и внешними обстоятельствами.

На основе полученных данных были выделены несколько факторов, которые служат ограничениями или барьерами для осуществления жизненного выбора. Среди них значительную по размеру группу составляют социетальные факторы — юридические, институциональные, инфраструктурные, социально-экономические и политические. Особенно большое влияние эти факторы оказывают на жизненный выбор в образовательной и профессиональной сфере, а также в сфере определения места жительства, географической мобильности. Другая группа состоит из социальных факторов, включая индивидуальное материальное положение, со-

циальный статус, возрастные и моральные социальные нормы, а также решения и волю других значимых людей. Третью группу составляют личностные факторы — ценности, жизненные приоритеты, планы и желания, а также предыдущие выборы. В некоторых случаях ограничителем выбора выступал один из этих факторов, а в некоторых — совокупность факторов.

Для анализа межгрупповых различий использовались следующие группы: гендерные, возрастные и социально-экономические. Социально-экономическое положение определялось как наивысшее достигнутое положение в течение жизни по субъективной оценке респондента (вопрос «Как бы Вы описали наивысшее социально-экономическое положение, которое Вы достигли в течение Вашей жизни, как очень низкое, низкое, среднее, выше среднего, высокое или очень высокое?»). Ответы респондентов в таблице 2 сгруппированы в три категории — низкое социально-экономическое положение (1—2), среднее (3), высокое (4—5).

Были обнаружены значимые межгрупповые различия в пространстве выбора по гендеру и социально-экономическому положению. Женщины чаще, чем мужчины, сталкиваются с ситуациями, когда пространство их выбора ограничено. Для мужчин в половине жизненных ситуаций пространство выбора было широким, для женщин такие ситуации составили лишь 39%. Разное пространство выбора оказалось у людей с разным социально-экономическим положением. Пространство выбора людей из групп с низким социально-экономическим положением значительно чаще было узким или ограниченным по сравнению с людьми из групп с высоким социально-экономическим положением (например, при выборе места учебы и работы).

Тип и характер выбора

Помимо характеристик ситуации выбора, процесс выбора может быть описан через способы принятия решения — характер выбора. В психологических исследованиях чаще всего выделяют выбор рациональный и выбор эмоциональный/интуитивный [Savioni et al., 2023]. Однако применить такую дихотомическую схему для анализа данных реальных жизненных выборов оказалось довольно трудно. Значительное количество ситуаций не могло быть отнесено ни к одной из этих двух групп. Остальные ситуации включали и рациональный, и эмоциональный элемент.

На основе анализа данных была разработана новая схема-классификация характера выбора, которая строится по двум осям: активная или пассивная роль субъекта в выборе и мотивация выбора — личностная (внутренняя) или внешняя. На пересечении этих осей выделены четыре категории по характеру выбора: нормативный, активно-созидательный, вынужденный и конформный (см. рис. 1).

Нормативный выбор делается под влиянием социальных норм, традиций, общепринятых практик. Такой выбор можно было бы назвать подражательным или автоматическим. Делая такой выбор, человек не следует рациональной модели «осознание ситуации, рассмотрение вариантов, принятие оптимального решения», но делает его «экономно», следуя уже апробированному другими пути, который в определенный момент времени и в определенной группе считается стандартным. Иногда такая ситуация даже не рассматривается человеком как ситуация

выбора, выбор не является осознанным. Можно было бы предположить вынужденность такого выбора, но в реальности он становится возможен, если нормативные требования или практики интернализированы и оказываются частью мотивационно-ценностной системы самого человека, а также не входят в противоречие с его личными планами, желаниями или предпочтениями. Например, к нормативному по характеру выбору было отнесено решение после окончания техникума пойти работать на предприятие, которое является профильным или ведущим для техникума, если это в целом совпадало с представлениями человека о том, как он в дальнейшем хотел бы строить свою профессиональную жизнь. К нормативному выбору отнесено решение заключить брак в 20—22 года с мотивацией «все вокруг так делают, а он казался приемлемым вариантом», «принято жениться к этому возрасту, я к ней хорошо относился, почему бы и нет».

Активно-созидательный выбор — человек сам создает ситуацию выбора (созидательный) либо делает выбор сознательно в соответствии со своими стратегическими планами, желаниями, мечтами, с целью изменить или улучшить свою жизнь, выбрать новое направление, перейти в новое качество (активный). Чаще всего такой выбор связан с усилиями, которые нужно предпринять, чтобы сделать такой выбор или чтобы его реализовать. Это осознанный выбор, но не обязательно рациональный, он может базироваться и на эмоциональных мотивах. Основаниями выбора служат личностные ориентации субъекта — желания, предпочтения, планы. Например, желание вступить в брак с любимым человеком и усилия, чтобы этого добиться, или желание поступить в вуз по профессии своей мечты, переехать в город, где хочется жить. Такой выбор может быть как конструктивным, так и протестным или разрушительным. Например, решение в 1990-е годы войти в преступную группу, чтобы много заработать, или уйти из семьи, чтобы начать другую жизнь, были отнесены к этой категории.

На *вынужденный выбор (выбор-преодоление)* человека толкают внешние обстоятельства. Характер такого выбора чаще всего рациональный, он делается из расчета выгод и затрат, имеет целью минимизацию потерь. Например, выбор пойти на не очень привлекательную работу, но с наилучшими условиями из-за трудных материальных или семейных обстоятельств был отнесен к категории «выбора-преодоления».

Конформный, или ведомый, выбор — тот, который сделан под влиянием или давлением других людей или норм, при этом личные желания человека могут ему либо противоречить, либо оставлять равнодушным. Таким выбором является, например, вступление в брак по настоянию семьи.

Один и то же выбор, сделанный разными людьми в разных обстоятельствах и с разной мотивацией, может быть отнесен к разным категориям. Такая классификация была применена как первый шаг к описанию типов и характера жизненного выбора, возможно, более масштабные исследования потребуют корректировки, уточнения или расширения этой классификации. Но на данном этапе почти все жизненные выборы нам удалось отнести к одной из четырех категорий.

Анализ данных показал, что почти всем респондентам в выборке на протяжении жизненного пути приходилось делать выборы разного характера. Среди всех респондентов, включенных в исследование, не было ни одного, кто бы система-

тически делал выбор одного и того же характера во всех или хотя бы в большинстве жизненных ситуаций. Однако встречались респонденты, которые делали выбор только двух или трех типов. В целом определить «тип человека» по характеру жизненных выборов довольно трудно, это можно сделать на уровне конкретного выбора, но не жизненного пути в целом.

Рис. 1. Тип выбора в жизненных ситуациях, основания выбора и результат

Из всех выборов, сделанных участниками исследования, самым распространенным был нормативный выбор — на него пришлось половина случаев. Второй по частоте — активно-созидательный (около трети). Вынужденный выбор-преодоление происходил в 15 % случаев, а конформный — в 7 %.

Тип выбора связан со сферой жизненной ситуации, в которой он делается. Нормативный выбор чаще всего принимался для демографических, образовательных или социальных ситуаций. Активно-созидательный выбор чаще встречался в таких сферах, как активизм и общественное участие, духовная и интеллектуальная сфера, географическая мобильность, образовательная и материальная сфера, значительно реже — демографическая сфера. Вынужденный выбор-преодоление в большей степени характерен для ситуаций профессиональной жизни и занятости, географической мобильности и решений по материальным вопросам. Конформный выбор — решение скорее для демографических ситуаций (брак, рождение детей) и географической мобильности.

Жизненный выбор и самореализация

Одним из наиболее значимых и интригующих вопросов в отношении жизненного выбора является вопрос о том, какой тип выбора связан с наилучшими результатами. Для оценки результата выбора нужно определить, что такое «результат» с точки зрения жизненного пути. Человек строит свою жизнь через множественные выборы в разных ситуациях. Для оценки успешности или неуспешности, «правильности» или результативности жизненных выборов, последствий выбора возможно применить разные критерии. Один из них — субъективная удовлетворенность жизнью, соответствие достигнутого планам и ожиданиям, идеальной картине жизненного пути. Другой критерий — показатели «достижений»: достигнутый социальный статус, условия жизни, материального положения. Мы применили оба этих подхода, однако при использовании первого мы видим только суммарный результат, высказанный в определенный период времени, и не можем судить о каждом жизненном выборе отдельно. Кроме того, даже те респонденты, кто делал определенно неудачные выборы на взгляд внешнего наблюдателя, оценивали свою жизнь как «вполне удачную и благополучную», противоречия во внешней и внутренней оценке были существенными. Критерии достижений не были применимы ко многим сферам жизни, положительный результат не всегда относился к линейному движению вверх.

Успешность и результат жизненных выборов можно оценить через понятие самореализации. При таком подходе жизненный путь в целом понимается как пространство, на котором формируется, развивается и реализуется потенциал человека через его жизненные выборы. Самореализация может проявляться как созидательная деятельность — использование своих способностей и жизненной энергии для создания нового. Она может представлять собой обретение определенных социальных ролей или преодоление социальных барьеров, например, движение по карьерной или социальной лестнице, приобретение материальных благ. А также она может иметь и внутренний характер. Например, личностной реализацией потенциала можно считать духовное или культурное развитие, воспитание детей в духе определенных ценностей.

Если понимать самореализацию как степень того, насколько человек смог выразить себя в своей жизни (по шкале — вообще нет, совсем мало, в некоторой степени, в достаточно большой степени или в очень большой), то этот критерий можно использовать для оценки последствий жизненного выбора. Жизненные выборы, которые увеличивают степень реализации потенциала человека, отнесены к категории «положительный результат», те, которые ведут к его уменьшению, — «отрицательный», не оказывают определенного влияния — «нейтральный». Результаты выбора разбивались по категориям на основе двух критериев — оценки самого респондента, которую он давал в тексте автобиографии или в глубинном интервью, и оценки исследователя (метод параллельной оценки двумя исследователями и командного решения в случае расхождений), основанной на анализе последствий для дальнейшего хода жизненного пути. Такие оценки субъективны и со стороны респондента, который делает их ретроспективно и не всегда учитывает свои желания, планы, мысли и цели на момент выбора, и со стороны исследователя, который выносит суждение на основе информации от респондента и собственного опыта.

Важнейшей составляющей «последствий» является время. Влияние события может быть положительным на коротком отрезке и отрицательным на более долгосрочном. Например, человек может быть влюблен и счастлив в первые годы брака, но затем после конфликта такой брак может вести к негативным изменениям жизненного пути. Мы использовали ретроспективную оценку в конце жизненного пути, учитывающую долговременные последствия.

Данные говорят, что разные типы выборов ведут к неодинаковому результату (см. табл. 3). Активно-созидательный выбор чаще других имеет позитивные последствия. Выбор-преодоление имеет противоречивые или нейтральные последствия, но реже других ведет к позитивному результату. Например, выбор первого места работы не по специальности, а в сферах, где можно было заработать немного больше, например торговать на рынке, во многих случаях привел к возможности выжить в трудных условиях, но также к потере полученной профессии и закрыл возможности для дальнейшего профессионального развития. Конформный тип выбора наиболее противоречив с точки зрения последствий: при этом выборе есть вероятность позитивного исхода, но и негативных и двойственных последствий больше, чем при других типах выборов. Например, в более чем трех четвертях случаев географического переезда, которые были инициированы другими членами семьи, респонденты не нашли для себя перспектив на новом месте, некоторые позже решили вернуться на старое место. Для сравнения, во всех случаях, когда географический переезд был результатом активно-созидательных мотивов, предпринят для улучшения условий жизни или получения шанса продвигаться в профессиональной сфере, он положительно сказался на дальнейшем жизненном пути, возвратов на прежнее место не было. В большинстве случаев такой выбор привел к получению новой работы с более широкими перспективами, к улучшению материального уровня жизни и новым возможностям для развития. Нормативный выбор как апробированный путь для многих людей чаще имеет позитивные последствия, но вероятность двойственных, неоднозначных последствий также довольно велика.

Таблица 3. *Результат/последствия жизненных выборов разного типа (% по строке)*

Тип выбора/ последствия	Позитивный	Негативный	Противоречивый	Нейтральный	Неопределенный
Активно-созидательный выбор	77	3	8	3	9
Нормативный выбор	67	1	9	22	1
Выбор-преодоление (вынужденный)	26	9	24	38	3
Конформный	39	20	19	22	–

В целом активные по характеру выборы чаще ведут к радикальным результатам — положительным или отрицательным, риски таких выборов выше, как и возможный выигрыш. Пассивные типы выборов чаще ведут к неопределенным или противоречивым результатам. Выборы, сделанные на основе учета личных же-

лений и предпочтений, — личностно-ориентированные — значительно чаще ведут к положительному результату, чем выборы, сделанные без учета этих факторов.

Выяснить, что же определяет «удачный» выбор, то есть выбор, ведущий к позитивному результату или увеличивающий шансы на общий позитивный результат, понимаемый как более полное раскрытие личностного потенциала, довольно трудно. На основе наших ограниченных данных мы видим, что к нему ведут благоприятные социально-исторические условия, влияющие на широту выбора, готовность к изменениям — деятельно-созидательному подходу, хотя бы относительная независимость в принятии решений и высокая значимость и осознанность собственных желаний, потребностей, планов в общей ценностной системе.

На основе анализа автобиографий удалось сделать некоторые выводы — предположения о факторах и обстоятельствах, ведущих к неудачному выбору (выбору с негативными последствиями). Неудачный с точки зрения результата выбор происходит при нескольких условиях. Первое из них — неправильная интерпретация ситуации выбора. Например, ситуация не определяется как момент выбора или оценивается человеком как незначимая, хотя в результате оказывается поворотной или ключевой. Второе — недооценка возможных вариантов выбора, следование стандартным решениям в случаях, когда другие пути тоже возможны. Такая проблема возникает особенно часто на подростковых этапах, в юности и ранней взрослости при отсутствии социального опыта, позволяющего «разглядеть» разные варианты или создать их там, где их вроде бы нет. Третьим условием является влияние социетальных исторических факторов — высокая турбулентность, быстрая смена правил, экономическая нестабильность. Например, осознанное и активно-созидательное решение стать инженером в конце 1980-х годов могло привести к негативному результату из-за изменившихся условий в 1990-х годах.

Поколению, включенному в анализ, досталось жить в очень жестких условиях переходного общества 1990-х годов в начале их жизненного пути и новых неопределенностей 2020-х годов на этапе завершения трудовых лет. Их выбор часто был ограничен как нормативно-ценностной системой, так и институциональными и общими социетальными условиями. Произошло ли расширение пространства для жизненного выбора активно-созидательного типа в последующие поколения — нам предстоит увидеть только со временем, когда новые поколения пройдут все жизненные этапы.

И снова о том, что такое жизненный выбор

По результатам анализа были выделены некоторые общие характеристики жизненного выбора, которые могут помочь уточнить и прояснить понимание жизненного выбора как социологической категории. Жизненный выбор может быть как моносубъектным, когда человек играет главную роль в принятии решения, так и многосубъектным, когда такой выбор принимается сразу несколькими людьми — парой, группой (например, семьей), сочетая желания, воли и решения разных акторов в разных пропорциях. Например, решение о заключении брака или решение о переезде семьи чаще всего парное или групповое. Помимо прямого участия в выборе, другие люди могут участвовать в нем косвенным образом — человек принимает решение, учитывая их интересы, мнения или поступая вопреки

им. Такой вывод подтверждает важность включения понятия «связанных жизнью» (*linked lives*) [Landes, Settersten, 2019] в изучение индивидуального жизненного пути. Однако результаты исследования показали, что большинство жизненных выборов были сделаны респондентами индивидуально и относятся к категории личного выбора, поэтому недооценивать автономность личности, по крайней мере в рамках культуры России, также нельзя.

Выбор в жизненных ситуациях далеко не всегда рационален, что показывали и предыдущие исследования [Settersten, 2005]. Возможности прогнозирования и моделирования такого выбора, в отличие от, например, потребительского выбора, очень ограничены. Сама ситуация выбора для жизненных ситуаций не всегда определяется как очевидный выбор и поэтому может не рассматриваться рационально. Свести характер жизненного выбора к дихотомическому делению на эмоциональный и рациональный, как это предлагается в ряде теоретических работ, на эмпирических данных не удалось. Более половины ситуаций с жизненным выбором не укладывались в такую мотивационную схему. В ряде работ говорится о важности саморефлексии, принятия контроля и ответственности при осуществлении жизненного выбора, о связи жизненного выбора и жизненной стратегии, подразумевающей четкий план или образ желаемого [Абульханова-Славская, 1991]. Результаты данного исследования показывают, что такие категории применимы к некоторым видам жизненного выбора — активно-созидательным, но не ко всем. Значительное количество жизненных выборов осуществляется на мотивационных основаниях, не подразумевающих включение в стройную жизненную стратегию или учет долговременных последствий. Жизненные выборы представляют собой ситуации с разной содержательной и мотивационной структурой и последствиями. Полученные результаты в отношении типологии жизненных выборов по его мотивационным характеристикам близки к идеям Н. Ф. Наумовой, которая выделила четыре стратегии целеполагания: стратегию иррефлекторного выбора, форматирования индивидуальной психологической гибкости, рационализированного выбора в контексте принятия решений и свободного выбора [Наумова, 1983]. Е. Ю. Мандрикова предложила классификацию личностного выбора из трех типов: активный выбор неизменности, активный выбор неизвестности и реактивный личностный выбор при отсутствии развернутой аргументации оснований выбора [Мандрикова, 2006]. Различия между субъектами выбора исследователь видит в индивидуально-психологических характеристиках личности — уровне жизнестойкости, толерантности к неопределенности, осмысленности жизни, параметрах субъективного качества выбора, отношении к личному будущему, уровне оптимизма и самоофективности [там же]. В классификации, предложенной Л. С. Кравченко на основе биографических интервью, выделены три типа выбора, связывающие его с обстоятельствами (ограничениями) и целями: выбор вопреки неблагоприятным обстоятельствам, выбор в соответствии с обстоятельствами, отказ от выбора при восприятии цели как недостижимой [Кравченко, 1987]. Однако для объяснения полученных эмпирических данных этого исследования возникла необходимость дополнить социально-психологические мотиваторы факторами социокультурного нормативного контекста и экономических и социальных ресурсов. Только в комплексе они позволяют описать или хотя бы отчасти объяснить жизненные выборы людей в их многообразии.

Исследование показало, что жизненный выбор не является единичным актом и не может рассматриваться и анализироваться как таковой, но представляет собой часть процесса «жизненных выборов» — последовательности выборов в разных ситуациях и сферах, оказывающих взаимное влияние. При этом основания и тип выбора у одного и того же субъекта в разных жизненных ситуациях отнюдь не одинаковы. Один и тот же человек делает разные типы выбора в разных сферах жизни: например, активно-созидательные выборы в профессиональной сфере, но конформные в демографической или наоборот. Тем не менее можно предположить, что общий профиль человека в отношении жизненной стратегии заключается в типе выбора по наиболее значимым для его индивидуальной судьбы событиям.

Выводы исследования в отношении дифференциации плотности жизненных выборов на разных этапах жизненного пути согласуются с результатами, полученными Н. В. Носковой о том, что основная часть жизненных выборов происходит после 15—16 лет, а в более ранние периоды возможен лишь «псевдовыбор», так как «личностные условия выбора» до этого возраста еще не сформированы [Носкова, 2004]. Дополнительно анализ данных автобиографий показал, что помимо «личностных условий» и роли родителей в этот период ключевыми ограничителями индивидуального выбора выступают юридические и институциональные нормы, определяющие порядок получения образования, вступление в партнерские отношения и брачные союзы, возможности для независимого проживания и передвижения. Результаты исследования говорят о том, что наиболее высокая плотность ситуаций выбора наступает сразу после подросткового возраста — на этапе юности (18—24 года). Такой резкий переход от ограниченного выбора в подростковом возрасте к максимальному по частоте и широте в юности является одной из основных причин неоднозначности и сложной мотивационной структуры выбора на этом этапе.

В отличие от необъятного множества ситуаций, где человек делает выбор — что надеть, что есть, как себя вести, что купить и т. п., — жизненный выбор оказывает долгосрочное воздействие и определяет направление жизни на целый период, а также влияет на другие стороны жизни. Например, покупка нового платья может казаться значимым событием в конкретный момент времени, но не является таковой в долгосрочной перспективе, а покупка машины, особенно первой, может иметь долговременные последствия — для территориальной мобильности, образа жизни, коммуникации, может вести к смене профессии, стать средством заработка. Одни и те же события имеют потенциал как стать «жизненными событиями», так и остаться в категории проходных ситуативных решений.

В ходе исследования получены предварительные результаты о взаимосвязи социально-экономического положения с пространством жизненных выборов: люди с низким социально-экономическим положением чаще сталкиваются с ситуациями с узким пространством выбора, а люди с высоким положением — с ситуациями с широким пространством выбора. Такие результаты подтверждают выводы предыдущих исследований о социально-экономическом неравенстве в построении жизненного пути. Вместе с тем эти результаты требуют проверки на более масштабных репрезентативных опросах, включении разных оценок социально-экономического положения на разных этапах жизни — от стартовых (родитель-

ская семья) до максимально достигнутого и текущего. Гипотеза о том, что люди с низким социально-экономическим положением, низкими ресурсами склонны к конформным или нормативным решениям в отличие от активно-созидательных из-за более острого опасения возможных потерь, требует отдельной проверки.

Исторические и институциональные условия, а также нормативно-ценностная среда оказывают существенное влияние на жизненный выбор человека — пространство выбора, варианты и мотивы. Однако, чтобы оценить степень влияния макроусловий на жизненный выбор по сравнению или в сочетании с другими факторами выбора, необходим сравнительный анализ жизненного пути нескольких поколений либо сравнительный анализ одного и того же поколения, жизненный путь которого прошел в разных странах, что выходит за пределы и масштабы нашего исследования, но не перестанет быть мечтой и целью на будущее.

Список литературы (References)

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
Abulchanova-Slavskaya K. A. (1991) *Strategy of Life*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
2. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1.
Ananiev B. G. (1980) *Selected Psychological Works: In 2 Volumes*. Moscow: Pedagogika. Vol. 1. (In Russ.)
3. Андреевкова А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>.
Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. Vol. 12. No. 1. P. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>. (In Russ.)
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство Московского университета, 1984.
Vasilyuk F. E. (1984) *Pshcyology of Feelings*. M.: Moscow University. (In Russ.)
5. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19—27.
Ginzburg M. P. (1988) Personal Self-Definition as Psychological Problem. *Issues of Psychology*. No. 2. P. 19—27. (In Russ.)
6. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя». Социологическое исследование. М.: ИС РАН, 2010.
Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A., Khochklyushkina F. A. (2010) *Life Trajectories of Youth: 10 Years After*. Sociological Research. Moscow: Institute of Sociology. (In Russ.)
7. Кравченко Л. С. Жизненный выбор личности (психологический анализ): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987.

- Kravchenko L. S. (1987) *Personal Life Choice (Psychological Analysis). Extended Abstract of PhD Dissertation in Psychology*. Moscow. (In Russ.)
8. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
Leontiev D. A. (ed.) (2011) *Personal Potential: Structure and Diagnosis*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
 9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
Leontiev A. N. (1975) *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 10. Мандрикова Е. Ю. Виды личного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: дисс. ... канд. психол. наук. М.: ИППК МГУ, 2006.
Mandrikova E. Y. (2006) *Types of Personal Choice and Their Individual-Pshychological Prerequisites*. PhD Dissertation in Psychology. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
 11. Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.
Mitrofanova E. S. (2020) (No)Time to Grow Up: Changing Ages of Debut Biographical Events in Russia. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. (In Russ.)
 12. Муртазина И. Р. Ценностно-смысловые факторы изменения жизненной ситуации (на примере выбора обучения в другом городе) // Мир науки. Педагогика и психология. 2016. Т. 4. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/51PSMN216.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).
Murtazina I. R. (2016) Value-Meaning Factors of Life Situation Change. *Mir Nauki*. Vol. 4. No. 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/51PSMN216.pdf> (accessed: 30.06.2024). (In Russ.)
 13. Наумова Н. Ф. Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник / Гл. ред. Д. М. Гвишиани. М.: Наука, 1983. С. 197—221.
Naumova N. F. (1983) Psychological Mechanisms of Free Choice. In: Gvishiani D. M. (ed.) *Systemic Research. Methodological Problem*. Moscow: Nauka. P. 197—221. (In Russ.)
 14. Носкова Н. В. Психология выбора в контексте возрастного развития человека // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 24—29.
Noskova N. V. (2004) Pshycology of a Choice in a Context of Age Development of the Person. *Siberian Psychological Journal*. No. 19. P. 24—29. (In Russ.)
 15. Носкова А. В. Меняющиеся семейные отношения — гендер и поколения (о VIII Конгрессе Европейского общества изучения семейных отношений) // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 158—160.

- Noskova A. V. (2017) Changing Family Relations — Gender and Generation (About the 8th Congress the European Society for Studying Family Relations). *Sociological Studies*. No. 2. P. 158—160. (In Russ.).
16. Поршневу Б. Ф. Социальная психология и история (2-е изд.). М.: Наука, 1979. Porshnev B. F. (1979) *Social Psychology and History* (2nd edition). Moscow: Nauka. (In Russ.)
17. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. Rozhdestvenskaya E. Y. (2012) *Biographical Method in Sociology*. Moscow: HSE University. (In Russ.)
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. Rubinshtein S. L. (2000) *Basics of General Psychology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
19. Шубкин В. Н. Начало пути: Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М.: Молодая гвардия, 1979. Shubkin V. N. (1979) *Start of the Way: Problems of the Youth in the Mirror of Sociology and Literature* Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)
20. Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). М.: Мысль, 1975. Titma M. (1975). *Profession Choice as a Social Problem*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
21. Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 84—96. Fam A. K., Leotniev D. A. (2013) Subjective Construction of Choice in the Situations of Different Level of Significance. *Lomonosov Psychology Journal*. No. 1. P. 84—96. (In Russ.)
Филоник М. С. Ценностные основания лично значимого выбора: анализ случая // Консультативная психология и психотерапия. 2011. Т. 19. № 1. С. 156—180.
22. Filonik M. S. (2011) The Value Foundations of Personally Important Choice: A Case Studying. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 19. No. 1. P. 156—180. (In Russ.)
23. Atkinson R. (1998) *The Life Story Interview*. London: SAGE. <https://doi.org/10.4135/9781412986205>.
24. Baumeister R. F. (1999) The Nature and Structure of the Self: An Overview. In: Baumeister R. F. (ed.) *The Self in Social Psychology*. Philadelphia, PA: Psychology Press. P. 1—20.
25. Bass B. M., Farrow D. L. (1977) Quantitative Analyses of Biographies of Political Figures. *The Journal of Psychology*. Vol. 97. No. 2. P. 281—296. <https://doi.org/10.1080/00223980.1977.9923975>.

26. Billari F. C., Liefbroer A. C. (2010) Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*. Vol. 15. No. 2—3. P. 59—75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>.
27. Elder G. H. Jr. (1995). Life Trajectories in Changing Societies. In: Bandura A. (ed.) *Self-Efficacy in Changing Societies*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 46—68.
28. Feather N. T. (1992) Values, Valences, Expectations, and Actions. *Journal of Social Issues*. Vol. 48. No. 2. P. 109—24. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1992.tb00887.x>.
29. Galotti K. M. (2007) Decision Structuring in Important Real-Life Choices. *Psychological Science*. Vol. 18. No. 4. P. 320—325.
30. Hofäcker D., Chaloupková J. (2014) Patterns of Family Life Courses in Europe — Between Standardisation and Diversity: A Cross-National Comparison of Family Trajectories and Life Course Norms in European Countries. *Comparative Population Studies*. Vol. 39. No. 3. P. 559—586. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2014-11>.
31. Hyvarinen M. (1992) Narrative Analysis and Political Autobiography. *Journal of Political Science*. Vol. 20: No. 1. Art. 5. <https://digitalcommons.coastal.edu/jops/vol20/iss1/5> (дата обращения: 12.06.2024).
32. Krčmaric D., Nelson S. C., Roberts A. (2020) Studying Leaders and Elites: The Personal Biography Approach. *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. P. 133—151. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050718-032801>.
33. Landes S. D., Settersten R. A. (2019) The Inseparability of Human Agency and Linked Lives. *Advances in Life Course Research*. Vol. 42. Art. 100306. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2019.100306>.
34. Nico M. L. (2016) Bringing Life “Back into Life Course Research”: Using the Life Grid as a Research Instrument for Qualitative Data Collection and Analysis. *Quality and Quantity*. Vol. 50. P. 2107—2120.
35. Savioni L., Triberti S., Durosini I., Pravettoni G. (2023) How to Make Big Decisions: A Cross-Sectional Study on the Decision Making Process in Life Choices. *Current Psychology*. Vol. 42. P. 15223—15236. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02792-x>.
36. Settersten R. A. Jr. (2005) Toward a Stronger Partnership between Life-Course Sociology and Life-Span Psychology. *Research in Human Development*. Vol. 2. No. 1—2. P. 25—41. https://doi.org/10.1207/s15427617rhd0201&2_2.

Приложение.
Структура выборки

	Количество респондентов
<i>Пол</i>	
Мужчины	47
Женщины	53
<i>Год рождения</i>	
1960—1964	32
1965—1969	38
1970—1975	30
<i>Образование</i>	
Меньше высшего	46
Высшее или больше	54
<i>Регион (место жительства) на время опроса</i>	
Москва	30
Санкт-Петербург	16
Центральный ФО	11
Северозападный ФО	6
Приволжский ФО	11
Южный и Северокавказский ФО	8
Уральский ФО	6
Сибирский ФО	9
Дальневосточный ФО	3

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2542](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542)

Т. Е. Даутова, Е. Ю. Рождественская

РЕПЕРТУАР БИОГРАФИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ ВETERANОВ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Правильная ссылка на статью:

Даутова Т. Е., Рождественская Е. Ю. Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 114—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>.

For citation:

Dautova T. E., Rozhdestvenskaya E. Y. (2024) Repertoire of Biographical Choices of the Afghan War Veterans. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 114–140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>. (In Russ.)

Получено: 15.12.2023. Принято к публикации: 16.04.2024.

РЕПЕРТУАР БИОГРАФИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ ВЕТЕРАНОВ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

ДАУТОВА Татьяна Евгеньевна — аспирант школы по социологическим наукам, стажер-исследователь Центра социологии культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: te.dautova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9380-7505>

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

Аннотация. В фокусе статьи — биографический репертуар выборов ветеранов Афганской войны, которые так или иначе меняли свои жизненные траектории под влиянием полученного опыта боевых действий. Военная социология, социология жизненного пути и биографии позволяют наметить ряд уместных концепций для изучения перехода к гражданскому миру, биографической неопределенности и (не)ресурсности жизненных выборов. Понятие выбора увязано с понятием агентности в контексте биографических переходов, маркирующих утрату прежних и обретение новых социальных идентичностей. Примененная типология агентности С. Хитлена и Г. Элдера в биографическом действии дает возможность значимо дифференцировать характеристики различных выборов в военной биографии.

REPERTOIRE OF BIOGRAPHICAL CHOICES OF THE AFGHAN WAR VETERANS

*Tatyana E. DAUTOVA*¹ — PhD student in Doctoral School of Sociology; Research Assistant, Centre for Cultural Sociology
E-MAIL: te.dautova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9380-7505>

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Social Institutions Analysis, Faculty of Social Sciences; Leading Researcher
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the biographical repertoire of choices made by veterans of the Afghan War, who in one way or another changed their life trajectories under the influence of their combat experience. Military sociology, the sociology of life course and biography provide several relevant concepts for exploring the transition to civilian peace, biographical uncertainty, and the (un)resourcefulness of life choices. The notion of choice is linked to the notion of agency in the context of biographical transitions marking the loss of former and acquisition of new social identities. The typology of agency applied by Steven Hitlin and Glen Elder in biographical action makes it possible to differentiate the characteristics of various choices in military biography in a meaningful way.

Эмпирически исследование построено на 17 биографических нарративных интервью с ветеранами Афганской войны, проведенных в технике Ф. Шютце. Обнаружено, что биографические траектории ветеранов содержат как преемственность с накопленным до службы опытом, так и смену ожидаемых событий. Участие в войне как поворотный момент биографии отражается в нарративно донесенной переработке жизненного пути ветеранов. Варьирующаяся ресурсность ветеранов — как призывников, так и кадровых военных, — по-разному позволила им распорядиться своим опытом, чтобы обеспечить преемственность или «отремонтировать» биографические разрывы за счет осуществляемых выборов. Но есть и те ветераны, кому это не удалось в силу потерь, инвалидизации, непреодоленных биографических разрывов. Биографическая неопределенность вследствие опыта войны и транзитакратно осложняет поствоенную адаптацию комбатантов и превращает биографический переход в биографический выбор, для которого требуется больше агентности и вовлеченности в социальное действие.

Ключевые слова: выбор, биографическая неопределенность, ветеранская идентичность, ресоциализация, Афганская война

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Empirically, the study bases on 17 biographical narrative interviews with veterans of the Afghan War, conducted in the technique of Fritz Schütze. It was found that the veterans' biographical trajectories contain both continuity with their pre-service experience and change of expected events. Participation in war as a turning point in biography is reflected in the narratively delivered reworking of veterans' life trajectories. The varying resourcefulness of veterans, both enlisted and career military, variously allowed them to manage their experiences to provide continuity or to "repair" biographical gaps through ongoing choices. However, some veterans have not been able to do so due to loss, disability, or unbridged biographical gaps. Biographical uncertainty due to the experience of war and transit makes post-war adaptation of combatants much more difficult and turns biographical transition into biographical choice, which requires more agency and involvement in social action.

Keywords: choice, biographical uncertainty, veteran identity, resocialization, Afghan war

Acknowledgments. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University, within the framework of the project "Experience of local conflicts: processing, resocialization, disability".

Введение

Биографическая контекстуализация выбора требует соотнесения с той рамкой, которая совокупно обеспечивает аналитическую дискурсивизацию порождающего контекста — военной социологией и социологией жизненного пути, опыта и биографии, оперирующими понятиями выбора, ключевых моментов и переходов.

Война (военный конфликт, военная операция) — масштабный социологический феномен, связанный с отложенным пониманием событий и сопровождающих их социальных проблем, реконструкция и переосмысление которых происходят с течением времени [Malešević, 2010]. Но ветераны с их опытом переживания войны психологически и социально «остаются» в войне [MacLeish, 2013: 7], испытывая потребность в интеграции пережитого опыта в непрерывность их жизненной истории [Shay, 2002; Hynes, 1998; Shay, 1995].

Военная социология представляет собой социологическую субдисциплину, возникшую после Второй мировой войны, в основе которой работы С. Хантингтона и М. Яновица [Huntington, 1981; Janowitz, 1960]. Она фокусируется на фундаментальных исследованиях военно-гражданских отношений. Сегодня в ее ведении широкий круг вопросов: трансформация армии как социального института и военных организаций, военная культура и профессия военного [Haaland, 2008: 26—27], мотивация военного [Battistelli, 1997; Segal, Tiggie, 1997; Moskos, 1977], военная и ветеранская идентичность [Higate, 2003; Franke, 2000]. Однако, несмотря на появление большого количества исследований, многие из которых в силу ведомственности не знакомы широкой научной публике, военная социология явно не изобретает собственную методологию, скорее это диалог с идеями общей социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Зиммель, Д. Аддамс, У.Э.Б. Дюбуа, И. Гоффман, М. Фуко, М. Яновиц, Н. Элиас, К. Ламмерс, А. Хохшилд, С. Энлоз, Д. Батлер и др.). В России военная социология развивается с дореволюционных времен (работы Н. Н. Головина, Н. А. Корфа, Н. П. Михневича, П. А. Сорокина и др.¹). Исследования проводились и в течение советского периода (В. К. Коноплев, А. П. Дмитриев, Н. И. Бородин, В. М. Чепуров и др.), постепенно приобретая ведомственно закрытый характер. Тем не менее с начала 1990-х годов военная социология «перестала быть прерогативой только социологов силовых структур» [Образцов, 1998: 104].

Одна из причин тому — более открытый со времен перестройки режим функционирования армии как социального института в обществе. Эта «приоткрытость» армии обществу корреспондирует с дебатами о подотчетности военных обществу и гражданском контроле над военными, что представлено классическими работами «Солдат и государство» [Huntington, 1981] и «Профессиональный солдат» [Janowitz, 1960]. Подзабытый сегодня М. Яновиц связывает военный профессионализм прежде всего с военной эффективностью, которую ограничивает гражданский контроль. Для автора сама возможность аполитичных военных — это иллюзия, поскольку военные активно участвуют в процессе поддержания на-

¹ См., например: Корф Н. А. Общее введение в стратегию, понимаемую в широком смысле. (Этюды военных наук). СПб.: Тип. шт. Отд. корп. жандармов, 1897; Головин Н. Н. О социологическом изучении войны. Белград, 1937; Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. Т. 1. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939; Михневич Н. П. Стратегия: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1899; Сорокин П. А. Причины войны и пути к миру. Пг.: Н. Н. Кабареников, 1917.

циональной безопасности [ibid.: 342]. С. Хантингтон, гораздо более популярный автор среди военных, выступал больше за автономию военных профессионалов, которые «проявляют качества опыта, ответственности и корпоративности в свободной от гражданского контроля сфере, поскольку профессиональный военный стремится дистанцироваться от политики» [Huntington, 1981: 84]. Современная же дискуссия [Nielsen, Liebert, 2021; Coletta, Crosbie, 2021] имеет итогом объединение идей обоих авторов в направлении общей концепции военной профессии с социальной ответственностью, которая поддерживает одновременно и автономию, и подчинение гражданской власти.

В этой статье мы ставим цель реконструировать контекстно специфичные выборы, осуществляемые в своей биографии военнослужащими с опытом участия в Афганской войне (1979—1989). Биография, маркированная участием в войне / локальном конфликте или военной операции, осложненная перестройкой, представляет собой особый объект социологического анализа, поскольку война *per se* и социально-экономический транзит привносят массу неопределенности в социальные траектории. Какие выборы стояли перед нашими респондентами, военнослужащими по призыву и профессионалами / кадровыми военными, в их биографиях, что общего и различного можно выделить в их способе ответить на вызовы социального времени?

Концептуальный подход: жизненный опыт военного и конструирование выбора в биографической неопределенности

Мы обращаемся к биографии как основному ресурсу. Под ней подразумевается рассказанная история жизни отдельного человека (или группы) как субъективное отражение динамики жизненного пути, включая пережитый опыт, планы на жизнь, ожидания, а также ретроспективную интерпретацию опыта. Биографическая перспектива выдвигает на первый план активность (*agency*) индивида, но также предполагает обращение к способам, которыми такая активность и мера свободы действий запоминаются, конструируются, интерпретируются и оцениваются самими биографантами, как она передается в нарративе другим. Внимание к переходам и выборам в военной биографии и стоящей за ней траектории весьма велико. Так, в исследовательской тематике широко представлен пограничный с социологией сюжет транзита от военной службы к гражданской и поиску трудоустройства [Dickstein et al., 2010; Hirsch, Mehay, 2003]. Большая часть исследований перехода от военного статуса к гражданскому выполнена во фрейме военных исследований (*military studies*) как концептуально и методологически синтетическом поле и требует смешанных подходов, построенных на понимании психологических, когнитивных, эмоциональных и поведенческих паттернов, а также на использовании статистических методов, чтобы выделить значимые предикторы этого процесса. Так, в научной литературе представлены многочисленные исследования рынка труда с учетом военного опыта соискателей [Angrist, 1998; Gade, Lakhani, Kimmel, 1991].

Целый корпус исследований сосредоточен на эффектах военной социализации в армии, как призывной, так и профессиональной, и необходимости адаптации после завершения службы или военной карьеры. По мере того как ветераны

уходят из армии / со службы с ее военной структурой и военной социализацией, они могут столкнуться с вопросом, как найти порядок и структуру в своей жизни посредством внешнего и внутреннего контроля. Им часто приходится переконфигурировать свои социальные сети, чтобы реализовать потребность в принадлежности, которую они обрели в армии, но изменили, поскольку покинули сплоченную группу, где могли иметь общую структурированную идентичность [Hart, Lancaster, 2019]. Если к опыту службы присоединяется опыт участия в войне, то значимым становится и поле коммеморативных практик — как резервуар разделяемых паттернов реагирования на вызовы социального времени, производства коллективных смыслов прошлых событий, взаимопомощи и т. д.

Из-за преобладающего внимания к психологическим последствиям участия в войнах большая часть современных исследований по ветеранам проводилась с точки зрения «войны как травмы» [Lomsky-Feder, Ben-Ari, 1999] и в рамках изучения социальной памяти (memory studies). Эту же тенденцию можно наблюдать и среди российских работ [Rozhdestvenskaya et al., 2016; Ушакин, 2009; Данилова, 2005 и др.]. Не отрицая, что служба в военное время часто бывает драматичной и травмирующей, нужно отметить, что это предположение отчасти является культурным продуктом изучения последствий Первой мировой войны [Malešević, 2010; Fussell, 1975]. Мы также придерживаемся позиции, что травму нельзя назначить, но посттравматический синдром нельзя проглядеть.

В поле военных исследований было обнаружено, что оценки различных проблем (например, безработицы, уровня психических заболеваний, не говоря об интерпретации военного опыта, меры личной ответственности, смысла военного труда) меняются со временем. Успех интеграции ветеранов с военным опытом на рынке труда и ресоциализации в целом зависит от эпохи, этничности, образования, возраста и т. д. Обсуждаются и социальные различия ветеранских моделей бывших комбатантов, например ВОВ и Афганской войны, с попыткой последних стать преемниками той роли, которую имели в советском/постсоветском обществе ветераны ВОВ. Так, в обзоре изменений в ветеранском законодательстве РФ Н. Данилова описывает постепенное развитие иерархической ранговой системы обеспечения ветеранов, которая отличалась в зависимости от войны и боевых действий. В этой системе одна группа ветеранов — Великой Отечественной войны — имела наиболее привилегированное положение как настоящие ветераны настоящей войны [Danilova, 2007]. Правда, эта констатация ограничена временем до начала СВО в Украине.

Это обстоятельство — изменение оценок событий со временем — существенно для нашего исследования, поскольку речь идет о нарративной реконструкции прошлых событий и выборов в военных «афганских» биографиях, носители которых застали неоднократное изменение идеологических оснований Афганской войны, переоценку ее значения на различных уровнях. Неудивительно, что и мы в исследовании столкнулись с этими интерпретативными сложностями, заставляющими рассказчиков реконструировать контексты «как это было тогда» и «как это менялось со временем». Связующим звеном в этой ситуации выступают меняющаяся идентичность рассказчика и нарративная установка от исследователя информанту рассказывать от первого лица о совершенных действиях, контекстах встречаемых выборов и принимаемых решениях с рефлексией об их последствиях.

Выбор в биографической неопределенности

Некоторые исследования идентичности бывших военных, где основное внимание уделяется ее содержанию, указывают на полезность категории жизненного опыта. Такие работы содержат оценку телесного и аффективного измерения военной идентичности [Hockey, 2002, 2009; Lande, 2007; Sasson-Levy, 2007; Higate, Cameron, 2006], совмещение этих идентичностей через дисциплинирующие практики военного образа жизни [Thornborrow, Brown, 2009], экспериментальное и нарративное измерение перехода от военной службы к гражданской жизни [Walker, 2010; Higate, 2001; Karner, 1998].

В центре — качественная исследовательская традиция, изучающая личный опыт как таковой. Аналитический акцент делается на опыте, воплощенном, вербализованном и проинтерпретированном теми, кто его пережил, и переданном через нарратив. Однако, чтобы понять, какое значение приобретает личный опыт комбатанта-ветерана, важно погрузить его в более широкий контекст биографии. Таким образом, документация пережитого опыта требует теоретического размышления о том, как свидетельства соотносятся с более широким контекстом интерпретации пройденного жизненного пути [Smith, Flower, Larkin, 2009: 21].

Для связей опыта и породившего его контекста необходим ряд понятий, упорядочивающих биографию и тематизирующих репертуар выборов. Классическая социология жизненного пути, продвигающая тему изменений в жизни, предлагает нам набор категорий, эти изменения описывающий: *траектории или пути* — как последовательности ситуаций, которые происходят в течение всей жизни; *переход* — как изменения в состоянии, которые происходят в короткие промежутки времени на протяжении всей биографической траектории; *поворотный момент* — как существенное изменение в направлении жизни, субъективной или объективной [Elder et al., 2004]. К этому набору В. Хайнц и Х. Крюгер добавляют *ресурсы* как набор различных, в том числе социальных, капиталов индивида; *возможности* как доступный репертуар вариантов, которые индивид перебирает, реализуя активный залог своей деятельности; *модели реализации* как практику эффективно осуществленных шагов [Heinz, Krüger, 2001]. Наконец, В. Хайнц формулирует понятие биографического выбора как способа реагирования на жизненные вызовы и использования открывающихся перед индивидами возможностей в структурно ограниченном поле действия [Heinz, 2001: 6].

В нашем исследовании биографических выборов в структуре ветеранского опыта афганцев мы отталкиваемся от понятия *биографической неопределенности*, заданной опытом войны и разрешаемой в серии жизненных поворотов и выборов. Если принять коррозию нормальности ожиданий как одну из основных причин неопределенности на биографическом уровне [Bonß, Zinn, 2005; Zinn, 2004], то участие в Афганской войне и последующая смена режима могут быть рассмотрены как генератор биографической неопределенности. Социально-политический и экономический транзит переопределил для наших респондентов социальные институты и привел к распаду прежних ожиданий. Неопределенность была принесена в переходы жизненного пути от этапа демобилизации к трудовой жизни в новом обществе по крайней мере на четырех уровнях, аналитически выделяемых в литературе: пути трудоустройства были диверсифицированы, институцио-

нальные принципы потеряли свой обязательный характер, смыслообразующие конструкции участия в войне были девальвированы, структура биографических ожиданий пострадала от обесценивания традиционных моделей нормальности жизни. Решения в повседневности были индивидуализированы, точки зрения дестандартизированы. В этом контексте мы увязываем системы новых выборов с понятием переходов как моментов биографических изменений, когда индивиды в определенных биографических, социальных и материальных ситуациях формируют ожидания на основе своего опыта и других форм доступных им знаний. Нормативно под переходами [van Genner, 1981] представляют «статусные переходы» между жизненными позициями, определяя тайминг и условия входа [Lecardi, 2005; Cieslik, Pollock 2002]. Биографии ветеранов Афганской войны представляют собой такие переходные образцы советско-постсоветского социума. В этом смысле их нарративы отражают динамические паттерны выборов не только через привитые диспозиции или репертуар альтернатив, но также и через наборы культурно-специфических практик выбора [Schwarz, 2017], способов выбора, встроенных в смысл, нормативность и материальность военной и гражданской повседневности.

Понятие выбора довольно близко соседствует в социологии жизненного пути с понятием активности, способности к действию, или агентности. Агентность подразумевает способность к долгосрочному планированию в биографии [Hitlin, Elder, 2007], она проявляется в моменты биографических переходов, маркирующих утрату прежних и обретение новых социальных идентичностей [Heinz, 2009; Evans, 2002]. В силу этого становится понятным, что далеко не каждый выбор судьбоносен. Вводя временные горизонты настоящего и будущего (а в биографическом рассказе появится и реконструируемое прошлое) С. Хитлен и Г. Элдер выделяют 1) общий тип экзистенциальной агентности, распространяемый на все временные горизонты и любые обстоятельства; 2) тип прагматической агентности в новых обстоятельствах, «острие ножа» настоящего момента, поворотный, судьбоносный момент, побуждающий к выбору; 3) тип идентификационной агентности, побуждающий к нормативно ориентированным действиям в рутинных ситуациях; 4) тип долгосрочной структуризации жизненного пути [Hitlin, Elder, 2007: 176]. Предложенная типология агентности в биографическом действии значимо дифференцирует характеристики различных выборов в биографии, для которых необходима определенная степень биографической компетенции как способности выбирать между альтернативами, в опоре на наличные ресурсы.

Наблюдаемое ядро биографической неопределенности состоит из нарратива о совершенном биографическом действии как протоколе последовательных выборов и проекции их следствий на обозримое будущее путем рационализируемой связи опыта с ожиданиями. Насколько можно доверять этой рационализации? Социологически мы должны отнестись к последующему ретроспективному припоминанию основных событий и совершенных выборов через призму последующего искажения, обусловленного обусловленного актуальной Я-концепцией. Методологическим решением для отслеживания этих искажений было обращение к нарративному глубинному интервью, позволяющему оперировать событийными структурами, соотнесенными с конкретными ситуациями их происхождения.

Для этого мы различаем темпоральную последовательность событий жизненного пути респондента из выборки ветеранов-афганцев и собственно нарратив о субъективно выделенных и описанных событиях жизни до, во время и после войны.

Дизайн исследования

В итоговую выборку вошли 17 интервью с ветеранами: кадровыми офицерами (5), солдатами срочной службы (11) и добровольцем. Преимущественно из Москвы, но также из ряда регионов². Рекрутинг в основном осуществлен через ветеранские организации (региональную общественную организацию «Общество инвалидов войны в Афганистане „Московский Дом солдатского сердца“», Патриотическое объединение инвалидов войны в Афганистане и воинов-интернационалистов «Панджшер», «Боевое братство»), через связи информантов и собственные знакомства. Основное поле собрано в Москве в силу доступности членов организаций и приезжающих ветеранов из регионов в «Московский Дом солдатского сердца» для протезирования. Часть информантов рекрутирована при посещении тематических музеев и организаций в Москве, на Урале и северо-западе страны. Часть информантов были найдены с помощью контактов уже опрошенных или тех, кто сам не захотел участвовать, но делился связями.

Важнейшим критерием отбора был факт задокументированного участия в Афганской войне, следующим критерием была представленность в выборке как младших и старших офицеров, профессиональных военных, так и солдат, сержантов, прапорщиков. Срок службы информантов составляет в среднем около двух лет, включая учебную подготовку до Афганистана, с исключениями из-за полученных ранений, задержек смены состава. По годам службы в выборку попали ветераны с разными периодами участия, от начала кампании до вывода войск. Все так или иначе были включены в военные действия, есть информанты из разных родов войск, в частности тогда засекреченные пограничники. Возраст информантов, служивших по призыву, — около 60 лет, офицеров — около 70 лет. Большинство информантов в выборке имеют инвалидность разной степени, прямо или косвенно связанную с опытом службы (список информантов приведен в Приложении).

Интервью с ветеранами Афганской войны были проведены с использованием техники биографического интервьюирования Ф. Шютце [Schuetze, 1983; Рождественская, 2012]. Интервью проходили в 2022—2023 гг. при личной встрече, один раз по видеосвязи, в некоторых случаях с присутствием двоих или даже троих интервьюеров — участников проекта (один ведущий и один-два дополняющих интервьюера). В среднем интервью длились около 2—2,5 часов. В качестве опоры служил гайд с тремя основными блоками: до службы (детство, родительская семья), служба (Афганистан) и после службы, — предполагающими фазы нарративного рассказа (когда информанту задается широкий вопрос про этот период жизни и представляется возможность самому рассказать историю) и нарративного расспрашивания (когда интервьюер уточняет различные детали по этому периоду). Интервью предварялись заполнением формализованной анкеты, в которой фиксировались социально-демографические характеристики, в частности опыт работы и образование.

² Центральная Россия, северо-запад, Урал, Сибирь, а также за пределами РФ — Узбекистан.

Исследование продолжается, и на данный момент авторам доступна большая коллекция интервью (порядка 30 интервью). Тем не менее мы полагаем, что используемые здесь 17 интервью информативны как одна из первых итераций анализа ввиду присутствия в выборке информантов с разным опытом.

Аналитически материал представлен по следующей схеме, продиктованной фокусом на контекстах упомянутой биографической неопределенности и предъявленных нарративно выборах. Они касались контекста выбора (не) служить в армии / (не) отправиться в Афганистан, чем заниматься после возвращения: (где) учиться, (где) работать, как (ре)конфигурировать личную жизнь, как перестроить свой поствоенный гражданский договор с социальными институтами, как (не) интегрироваться в коммеморативные сообщества комбатантов.

Эмпирическое исследование: структура биографических выборов бывших комбатантов Афганской войны

Выбирают ли службу в армии и отправку на войну?

По результатам интервью с отслужившими «афганцами» вопрос невыбора службы трансформируется в легитимирующие конструкции, например, маскулинности или укорененности паттерна службы в армии в социальной среде:

В наше время не пойти в армию — это считалось... чем-то таким, клеймом неполноценности. (Инф. 10, призыв)

И у этого фактически отсутствия выбора есть социальная подоплека. Социальное происхождение призывников — рабочие, сельские жители. Люди с высшим образованием не призывались на срочную службу (военные сборы) либо были профессиональными военными:

Семьи-то были все одинаковые, рабочие, у кого крестьяне... (Инф. 7, призыв)

Отправка на войну и для солдат срочной службы, и для кадровых военных часто, но не всегда, оказывается событием внешнего характера — это выбор, сделанный кем-то за самого служащего. В целом респонденты уточняют, что возможность отказаться была, но это не рассматривалась как реальная опция. Среди офицеров одни в принципе не называют альтернатив, другие дают понять, что отказ влек за собой санкции — социальные и материальные: порицание со стороны сослуживцев и подчиненных, карьерные трудности. В дополнение офицеры могут приводить и ряд аргументов в пользу командировки, тем самым, возможно, чуть больше присваивая выбор себе, а не обстоятельствам: например, готовность отправиться в Афганистан объясняется необходимостью, долгом или честью. В качестве мотивов отправиться на войну также могут называться скука, неудовлетворенность на нынешнем месте службы или начальством, а также желание нести более полезную службу — по сути, предельно военную.

Для срочников способы избежать отправки также были, но рассматривались как неадекватные, — вероятно, в силу нормализации армии. Некоторые объясняют свое принятие фатализмом. Укореняют в армии подготовительная служба

(в «учебке») и социализация: встраивание как в армейские институты (получение первых званий), так и в межличностные отношения («быть со своими» (инф. 12, призыв)), индивидуально-биографическая готовность к службе («часть судьбы» (инф. 13, призыв)), хотя это не отменяет и возможных переживаний, страха «до дрожи» (инф. 15, призыв).

Отправка в Афганистан некоторыми легитимируется ретроспективно, с позиции сегодняшнего дня. Возможно, в этом отчасти кроется попытка присвоения совершенного за служащего выбора или эффект пострефлексии, размышления спустя годы о последствиях участия в войне как попытка не обесценить тяжелый опыт, но найти в нем биографический ресурс: «если все вернуть назад, то я-то и не жалею даже» (инф. 6, призыв), «война меня сделала сильнее» (инф. 4, кадровый военный).

Но готовность к войне как установка вкупе с наработанными навыками и знаниями военного дела обнаруживала сложности в адаптации, согласовании с приобретаемой идентичностью военного в режиме боевых действий: «Физически точно были готовы, морально не скажу» (инф. 10, призыв).

Процессуально эта адаптация занимала время, социализируя новобранцев уже в режиме реальной военной операции:

После Второй мировой войны все было про войну забыто уже. Про Афганистан слышали, но всерьез не понимали, куда идем. Как уже туда прибыли, посмотрели, начали стрелять, уже тогда всерьез мы поняли, конечно. Сначала страшно было, и постепенно привыкли. (Инф. 9, призыв)

Вызовы, которые обнаруживаются в ходе упорядочивания и балансирования в структуре подразделения из-за отсутствия опыта, психологической неготовности к ответственности, несогласованности в идентичности, порождают необходимость выбора, провоцируют на проявление агентности внутри иерархической структуры:

Если он [командир] сопли жует, не умеет командовать, то приходится командовать уже сержантам. (Инф. 7, призыв).

В целом по выборке продукт адаптации (участие в боевых действиях как нормализованная мужская работа) элиминирует необходимость каких-либо выборов (кроме индивидуального выживания, запросов повседневности, проблем коммуникации с сослуживцами и пр.). Фрейм службы покрывает собой период, когда «думать не надо», выборы остались до и возникнут после:

И к этому относишься, как к нормальной мужской работе. Ты же не думаешь, что колонну сейчас расхреначит и ты погибнешь. Ты думаешь о том, что сейчас — пока туда съездим, обратно, две недели пройдет, и ты уже — «е-мое, полмесяца» — уже твой дембель скоро будет. (Инф. 7, призыв)

Это не задача была солдата... знать слишком много и делать выводы. Выжить, выполнить задачу, приказ — все. (Инф. 10, призыв)

Сняты выборы, и близка по смыслу позиция кадрового военного, которая также легитимирует необходимость не думать, а выполнять приказ:

Я могу ответить просто: если офицер будет задумываться или армия будет задумываться над отданным приказом, это будет не армия. (Инф. 2, кадровый военный)

Армия оказывается нормализованным этапом жизни, который встраивается в биографию без особой оглядки на прошлое или будущее, как этап, который необходимо пройти. Сама служба институционально, за счет уставного порядка избавляет от необходимости выбора, хотя и не абсолютно.

Во временном горизонте реконструируемого выбора перспектива служить в Афганистане впоследствии приобретает характер судьбоносного момента (было честью, сделало сильнее, достойный выбор, много дал...). Но этот прагматический тип вовлечения в действие, по Г. Элдери и С. Хитлену, похоже, не сильно связан с агентностью биографантов. На войну посылают, на службу призывают. Выбор и определенная мера агентности связаны здесь с согласием, неотклонением судьбоносного вызова. Но биографический рассказ дает картину постоценивания сложившихся обстоятельств пережитого опыта войны, в рамках которой происходят наделение смыслом и конструирование агентности. Последующее биографическое развитие будет удерживать афганский опыт как ключевой для идентичности биографантов и «работать» на усиление агентности уже в символическом плане.

Вернувшись с войны: императивы выбора

По возвращении с войны перед комбатантом встает вопрос, чем заниматься дальше, куда пойти работать и/или учиться. Не всегда выбор сопровождается нарративной легитимацией, но благодаря методическому решению предваряющая интервью анкета последовательно фиксирует сложившиеся образовательные и трудовые траектории. В результате анализа мы выделяем три сценария для солдат срочной службы (смена траектории, преемственная траектория, конвертация военного опыта в парамилитари) и отдельно рассмотрим траектории кадровых офицеров как продукт репертуара выборов.

Итак, начнем с рассмотрения траекторий солдат срочной и сверхсрочной (один доброволец) службы. Для солдат-срочников возвращение сопровождалось общими возможностями самореализации: льготы при поступлении, некоторые получили приглашение на службу в силовые структуры. В 1990-е годы открылись возможности уйти в коммерческую деятельность, в том числе в криминальные группировки. В контексте последних, в частности, сами ветераны отмечают ценность афганского опыта — умение обращаться с оружием и т. д. Также сыграли свою роль и частные ресурсы, такие как поддержка и помощь родственников, товарищей по оружию.

Смена траектории проявлялась в выборе в пользу другого образовательного и профессионального трека. Хотя у всех есть довоенный опыт — техническое образование и даже опыт работы или начатое высшее образование, по возвращении продолжить этот трек у некоторых респондентов не получилось. Смена траектории происходила по-разному.

Ветераны меняли жизненную траекторию, столкнувшись с физическими ограничениями из-за военного ранения: если для одних смена оказалась сопряжена с собственными решениями и усилиями (активный поиск будущей профессии, попытки поступления), то в другом случае это скорее следование рекомендации врачей. Для смены траектории задействовался в том числе эксклюзивный для ветеранов ресурс — льготы при поступлении в вузы.

Институционально обеспеченные шансы, призванные отчасти скомпенсировать отдаленный «интернациональный долг», использованы не всеми, но теми, кто был осведомлен о льготах и мотивирован на получение образования.

Ну так одно дело идти бесплатно учиться, и другое дело — хотеть учиться, желать учиться. (Инф. 6, призыв)

Частные ресурсы (условный социальный капитал) также задействовались для смены траектории. Так, один информант отмечает роль дяди, который готов был пристроить его к себе на работу с потенциалом зарубежных командировок. Информант поступил в соответствующий вуз, однако бросил его и изменил траекторию вновь — ушел в свободное творчество. Его собственные интересы взяли верх и увели в сторону как от первой попытки послевоенного устройства, так и от довоенных трудовых и образовательных практик.

Выбор иного трека после войны — тоже поле возможностей, это потенциал для мобильности, как восходящей, так и горизонтальной. Например, информант после войны планировал получить высшее образование, до войны ему легко давалась математика, он ориентировался на экономическое направление. Однако при подготовке он понял, что те довоенные знания уже утрачены, то есть война — пусть и с льготами на поступление — забрала прежние навыки и таким образом привела к смене гипотетически возможного трека с экономическим образованием. Вроде и получено высшее образование, но по другой специальности (юрист) — в контексте тех ограничений, которые наложило участие в боевых действиях.

В случае другого информанта война привела скорее к ломаной линии мобильности: он был вынужден отказаться от идеи получить высшее образование и заняться ручным неквалифицированным трудом, но впоследствии ушел в бизнес, продемонстрировав не прямой путь к социальному успеху.

Другой вариант смены деятельности: демобилизованный, потерявший ногу, возвращается на производство, где работал газосварщиком до призыва, но уже в должности методиста. Казалось бы, опыт войны привел к физическим ограничениям освоенной специальности, но достаточно быстро ветеран получил высшее образование, сменил род деятельности, используя образование для восходящей мобильности.

Для некоторых солдат срочной службы характерна стратегия *преимущества* — возвращение с войны сопровождалось возвращением к довоенной профессиональной занятости, хотя и с небольшими изменениями. Например, это могло быть возвращение в ту же сферу, но на другое предприятие, или рост в изначально выбранном направлении (переходя от строителя по найму к строительному бизнесу). В частности, такая траектория оказалась актуальна для добровольца, вернув-

шегося к своей довоенной работе, как бы восстановившего случившийся разрыв (хотя в дальнейшем, в том числе из-за последствий войны для здоровья, он ушел с производства и стал временно работать пастухом).

Альтернативными возможностями были силовые структуры, командировки в новые горячие точки. Однако их скорее опасались:

Я на тот момент уже в Азербайджане побывал, и что-то не хотелось мне ехать воевать. (Инф. 14, призыв)

В рамках иной траектории — *переход к парамилитари* — представлена попытка устроить жизнь после войны с опорой на освоенный военный опыт и накопленные на войне компетенции и навыки. Этот опыт конвертировался в работу в сфере охраны, в милиции, более общего физического труда (например, работу взрывником). Притом необязательно в статусе рядового исполнителя, а с возможностью карьерного роста — например, до позиции директора охранного предприятия. То есть восходящая мобильность реализовалась и в рамках этой траектории.

Некоторым респондентам опора на военный опыт кажется путем наименьшего сопротивления: «Пошел, устроился на работу взрывником, ну как-то, хоть что-то ближе к Афгану» (инф. 12, призыв). Для других же это осознанное решение, например, когда демобилизованный по собственному выбору получил духовное образование для военнослужащих.

В этой траектории выбора могло и не оказаться: рекрутирование в силовые структуры оборачивалось и разовыми командировками охранительного порядка, например, в Армению после землетрясения или в Нагорный Карабах. Также сыграли роль специфические условия 1990-х годов: двое опрошенных занимались сферой безопасности, один из информантов хотел уйти в криминал, но семья и личные недопонимания с бандитами его остановили.

Также эта траектория отражает вариант жизненного пути тех, кто после демобилизации поступил в вуз: один информант получил образование, но выбрал более материально выгодное направление (инкассацию, охрану), а другой получил образование в высшей школе милиции и в центре духовного образования военнослужащих.

Подытоживая осуществленные выборы и сложившиеся траектории для солдат срочной службы (смена, преемственность и конвертация в парамилитари), отметим, что наши информанты так или иначе оказались успешны в своей поствоенной адаптации: они нашли себя, свое занятие и сами обеспечивают свое существование. Ожидаемо полученное образование скорее связано с восходящей мобильностью, хотя и не всегда напрямую: некоторые получили его, но карьерное продвижение получили в другой сфере, или вовсе бросили учебу, реализовавшись иначе. Наряду с реконструктивной оценкой поворотного момента — призыва и отправкой в Афганистан — описанные выборы представляются скорее сходными с экзистенциальным типом по Г. Элдеру и С. Хитлену. И вне войны и осложненной ею военной службы нужно искать работу и зарабатывать на жизнь, строить семью и поднимать детей. Но фрейм этих нормализованных жизненных задач — опыт войны и транзита, вследствие чего биографическая неопределенность крат-

но осложняет решение этих задач и превращает биографический переход в биографический выбор, для которого требуется больше вовлеченности в социальное действие, больше агентности.

Кадровые военные: преемственная военная идентичность и биографический опыт как результат выбора военного образования и службы

Отдельно рассмотрим траектории кадровых военных. В их случае мы ожидаем более консистентный жизненный путь: они уже включены в военную карьеру, зачастую до отправки на войну имеют за плечами опыт профильного образования и службы, а после войны имеют возможность продолжать службу, при этом также и со сменой деятельности (что, в частности, было подспорьем при получении ранения) — уходя на работу в военное училище, военкомат или аналитический центр. Помимо карьеры, военные обычно оказываются старше призывников, и в связи с этим обладают еще одним ресурсом поддержки — у них уже есть семья.

Война для кадрового офицера — это карьерная возможность, командировка, часть профессионального трека. Кадровые военные в принципе более готовы к войне: они прошли специфическую военную социализацию, получая профильное военное образование.

Военный человек происходит от слова «война», то есть нас готовят к войне. Мы должны быть готовы к войне, а война может быть любая. (Инф. 1, кадровый военный)

Тем не менее и перед военными встает вопрос о выборе занятости после войны, хотя и не так остро, как для солдата срочной службы. Помимо этого, у военных есть иной поворотный момент, снова заставляющий совершать выбор, — уход в отставку и планирование дальнейшей занятости.

Мы отметили, что военные располагают эксклюзивными возможностями продолжения своей карьеры после войны, в частности, несколько меняя род занятий. При этом они опираются на опыт своих коллег и товарищей по службе — те подсказывают им нюансы, необходимые для того, чтобы остаться, или советуют переход в конкретную деятельность (звучит в военное училище по своему примеру).

Тем не менее нормативная преемственная траектория претерпела изменения по причине наложения внешних политических и социальных обстоятельств — страна в перестройку разительно менялась. По возвращении с войны двое остались в штабе, но сменили род деятельности. Для одного из них внешние обстоятельства (развал СССР) привели к отставке, для другого реорганизация армии на фоне 1990-х годов и трудности карьерного роста — к решению уволиться.

При нормативной траектории информанта отставка сопровождается военной пенсией, а также может включать инициативы в сообществе или ветеранском музее. В других случаях за отставкой следует переход на новую работу, зачастую не связанную с военной тематикой напрямую (заместитель директора в газете, аналитик, инженер по охране труда и т. д.).

Совсем в стороне оказывается траектория офицера, после участия в войне сменившего деятельность. Он изначально отличается от остальных в нашей выборке — моложе, у него нет семьи, Афганистан — его первая командировка, пер-

вый опыт службы после учебы. На войне он получил ранение, три года провел в госпиталях, и затем перед ним встал выбор: продолжать службу или сменить трек — пойти в институт, заниматься писательством. Возникшая альтернатива в виде писательской карьеры — результат обращения к иным своим интересам и увлечениям. Работы информанта опубликовали в газете, он получил рекомендации, советы к поступлению. Решающую роль в выборе сыграло его собственное решение — пойти по писательской стезе, хотя и не без сопротивления значимых других (матери, которая ранее повлияла на его выбор военной карьеры). В отличие от коллег-офицеров, он еще не был связан ответственностью за семью, а потому был более свободен в отношении последующего профессионального выбора:

А я в двадцать лет уже стал военным пенсионером, и это немножко меня освободило... шла пенсия — раз, потом шла стипендия — два, и на первых порах даже родители что-то помогали... В этом плане довольно... счастливо все это... сложилось. (Инф. 4, кадровый военный)

Таким образом, нормативная траектория кадрового военного связывает довоенный, военный и поствоенный этапы. А бывшие военные, покидающие армию по возрасту или в связи со структурными изменениями в армии, находят новые занятия, в том числе с использованием прошлого опыта или связей. В нашей выборке профессиональные военные — выжившие, сохраненные, умалчивающие о ПТСР или алкоголизации, — предъявляют нарратив преемственной и без особых поворотных моментов биографии. Значит ли это, что они не совершали ключевых судьбоносных выборов или их уровень агентности существенно ниже, чем у срочников? На наш взгляд, сам жанр биографического рассказа военного, предъявляемый вовне, не внутри своей профессиональной группы, несет черты нормализации (и в этом ее глубокий смысл³). Но попутным эффектом является и расфокусирование: рассказ функционален для жизни здесь и сейчас (или актуальной Я-концепции демобилизованного). Фраза «я знал, куда иду» отражает социализированную готовность, высокую степень агентности, в рамках которой ситуации, требующие прагматического, по Г. Элдеру и С. Хитлену, выбора, дискурсивно микшируются как запланированные, хотя и трудновыполнимые задачи.

Близкие, их реакция на опыт комбатантов

Личная жизнь комбатантов не в фокусе их рассказа, этот сюжет реже предъявляется, зачастую сдержанно. Сами ветераны могут упоминать трудности, объясняя это последствиями войны, или, напротив, оспаривают подобные объяснения, рассказывая о себе и/или своих товарищах.

Теща ей там все доказывала, разводись, мол, говорит, и так не совсем здоровый был, а сейчас с Афгана придет, этот афганский синдром. Ну а сейчас теща говорит: «Господи! Хоть одной повезло!» (Инф. 12, призыв)

³ Нарративные практики — род психотерапевтической помощи, направленной на выяснение предпочитаемых способов жизни для их последующей имплементации в жизненные сценарии.

Развелись [знакомые]. Ну, она тоже устала: понятно, что это нагрузка такая — мы же аки бешеные. (Инф. 154, призыв)

Ну, это ж не только у афганцев, это, вон, у соседей такая фигня. Потому что пьют — все, изменяют — частично. (Инф. 7, призыв)

В личной жизни ветеранов можно наблюдать обусловленные военным опытом проблемы: «Ну какая может быть личная жизнь, блин, у одноногого там, который прыгает на костылях?» (инф. 6, призыв). Или в режиме ироничного отстранения: «Как мне говорит жена, „хорошо, что у тебя одна нога, а так бы мы не встретились. Ты бы на меня не посмотрел (смех)“» (инф. 10, призыв).

Итак, в личной жизни комбатантов присутствуют те же социально-демографические события, что и у других. Но пережитый военный опыт, неидентифицированный⁴ вовремя ПТСР реконструируют проблематику частной жизни, создают для объяснения и способов (не)совладания с семейными проблемами свой — афганский синдром.

Социально-гражданская идентификация: преемственность, слом, «ремонт»

Вероятно, ситуации слома социальных ожиданий комбатантов (война, перестройка и распад СССР) можно рассматривать как возможные триггеры для переосмысления динамики социально-гражданской идентификации ветеранов, в концептуальном плане это увязано с предложенным в статье понятием биографической неопределенности. Прошлые связи, структурные ожидания, нарабатанная стабильность в биографии нарушаются. Ожидалось, что возникнут реакции ресентимента при нарративизации слома «социального договора». Опрошенные ветераны формулируют отношения с государством в рамках такого договора: сначала государство растит — а потому отправка на войну не ставится под сомнение, это долг: «Оно учило, воспитывало, поэтому имеет право посылать... Мы служили верно, позвали — это закон — мы должны идти вперед» (инф. 9, призыв).

Затем комбатант возвращается с войны, и государство возмещает ему потери, в особенности утраченное здоровье и жизненные шансы. И советское государство отчасти справлялось с этим — предоставляло льготы, материальные пособия, пенсии, социальную поддержку, символическое признание. Но уже российское государство существенно минимизировало и эту поддержку, что вызвало недовольство ветеранов:

Люди рисковали своей жизнью, своим здоровьем, и они как-то должны отличаться» (Инф. 4, кадровый военный)

В то время, когда вот эта фраза «мы вас туда не посылали» — мы, наоборот, чуть ли не зубами грызли. (Инф. 6, призыв)

⁴ Афганский синдром — как ПТСР это нарушения психики в ответ на психотравмирующее событие, проявляется в виде нервного состояния, тревожности, страха, возвращающихся на соматическом уровне травматических переживаний, депрессии, биполярное аффективное расстройство и т. д. По мнению А. Золотаревой, специалиста по психосоматике, ПТСР характерен для около 13% комбатантов. См.: «Военные действия меняют личность человека». Кто помогает ветеранам СВО с ПТСР возвращаться к мирной жизни? // Лента.ру. 2024. 1 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/03/01/ptsr/> (дата обращения: 15.04.2024).

Реконструируемые нами в нарративах компоненты ветеранской биографии проявлены через призму трех моделей: «преемственность», «слом» и «ремонт», в каждой из которых своя мера фиксируемого выбора, своя мера проявляемой агентности. Конечно, эти модели негерметичны и неидеальны, а кроме того выборка их контурирует не целиком, но отражает их следы. Поэтому речь идет о частичной преемственности, частичном сломе или «ремонте».

1. *Преемственность.* Информанты этой модели предъявляют опыт нормальной, оцененной ими субъективно как хорошей, успешной жизни с учетом самореализации, материального и социального благополучия. Идеальная преемственность в таком случае — это переход довоенного опыта через опыт службы в Афганистане в поствоенный с нормативно обеспеченными выборами работы, мобильности, строительства частной жизни. В контексте этого определения для солдат-срочников преемственность ограниченная: среди них мы не наблюдаем траектории, внутри которой все три периода оказываются неразрывно связаны, это скорее история кадровых военных. В случае призывников мы наблюдаем преемственность либо довоенного и поствоенного периодов, либо же конвертацию военного опыта в поствоенный.

При этом связь между обозначенными этапами может быть прерывистой и отражать своеобразную претензию на «ремонт». Так, один информант после войны ушел в милицию (конвертация военного опыта), затем выбрал военно-духовное образование, но разочаровался и вновь вернулся к парамилитари профессиональному занятию.

Еще один вариант реализации преемственности — сохранение идейно-ценностной советской идентичности, когда информант ностальгирует по советскому опыту и остается верен «старому порядку». Для него нет границ между бывшими союзными республиками, он воспринимает территориальность условно — ощущает себя человеком советского времени.

Большую преемственность мы ожидаем среди кадровых военных, чей жизненный путь скорее не нарушается, а наполняется войной. В среде профессиональных военных сложившаяся карьера в целом дает возможность оставаться в ее рамках, в отличие от призывных военнослужащих, которые во время перестройки чаще сталкивались с проблемами при трудоустройстве. Показательно, что для военных служба стране (или также встречается и более выразительный вариант — Родине), вероятно, снимает вопрос о смене социально-гражданской идентичности. Так или иначе военный человек служил и служит своему государству, дав присягу, даже если произошли серьезные режимные изменения.

2. *Слом.* В случае слома мы ожидаем радикальную смену идентификации или ее кризис (с возможным открытым концом, без состоявшегося успешного «ремонта»). В данном случае может быть и отказ от опыта прошлого, или же частичная его «перекройка» или переозначивание в рассказе. Один из информантов, вернувшись из Афганистана, имея за плечами строительный техникум, переживая драму не дождавшейся его невесты, неуспех попытки учиться в вузе, на пару лет забрасывает свои планы и связи и работает грузчиком, пока его не привлекают как ветерана сначала в службу охраны правопорядка, а затем предлагают работу на Севере. Период глубокого ресентимента сменился построением карье-

ры и параллельным вовлечением в коммеморативную работу. Модель слома или ее следы соседствуют с положительным образом советского детства (с нормативно похожим образом жизни), легитимацией войны на политическом уровне («помощь соседу в беде», выполнение интернационального долга, пресечение наркотрафика и прочее), на личном уровне (как опыта, жизненного урока и прочего), в рамках «социального договора» — осторожными ламентациями на его выполнение со стороны государства. Слом и вследствие него закрытие горизонта выборов возможны в том числе и в связи с инвалидизацией.

Я не скажу, чтобы было как-то особо тяжело, да, пришлось привыкать, что ты другой теперь уже — бегать не можешь, прыгать и так далее. (Инф. 10, призыв)

3. «Ремонт» — восстановление социально-гражданской ветеранской идентичности. Информанты, реализовавшие смену трека, столкнулись со сломом — из-за ранения и последствий войны они были вынуждены сменить вид деятельности (помимо физических ограничений из-за ранения это также утрата тех возможностей, что были до службы: например, знаний по интересующему направлению или адаптационных ресурсов после участия в боевых действиях). То есть война разбила биографию, не позволяя вернуться в то же состояние, что было накануне.

С другой стороны, такой разрыв в биографии для некоторых респондентов открыл новые выборы, сделал возможным обращение к другим возможностям — интересам, увлечениям довоенного периода. Именно так произошло с молодым офицером, который после ранения радикально изменил свой едва начавшийся трек из-за ранения. «Ремонт» возможен и благодаря установкам, когда взгляд направлен в настоящее и будущее: другой информант явно проговаривает, что «не живет прошлым» и не «ностальгирует», чтобы иметь «энергию двигаться вперед» (инф. 13, призыв).

Перестройка в нарративах информантов не репрезентируется через слом и кризис — скорее это вызов, ее воспринимают и адаптируются к ней (работая и подрабатывая; пробуя себя в новой коммерции, чтобы содержать семью; получая образование) или вовсе игнорируют, погружаясь в личную жизнь и собственные интересы. Если опыт Афгана маркирует респондентов как отличных от других, то опыт перестройки уравнивает всех.

Время пришло... другое, как-то жили, пробовали. Произошло переформатирование и сознания в том числе. Ничего такого катастрофического мы не видели. (Инф. 10, призыв)

За счет моделей слома, преемственности и «ремонта» мы хотим показать репертуар реакций идентификации ветерана на продолжительный переходный период (имея в виду и переход от службы к гражданской жизни, и более широкие перемены, спровоцированные перестройкой). На такой идентификации сказываются как отношения с государством, разочарование в его социальных функциях, так и мера собственной агентности в изменившихся социальных условиях жизни.

Общественная и коммеморативная деятельность

Коммеморация (поддержание памяти) Афганской войны и погибших — практика, образующая сообщество афганских ветеранов [Semenova, 2016].

Самой доступной практикой поддерживать память можно назвать отмечание релевантных дат. Ветераны встречают эти дни зачастую коллективно — собравшись с товарищами у памятника афганцам или съездив на кладбище. Особое внимание получает 15 февраля (день вывода советских войск из Афганистана), официально отмечаемое государством как День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. В связи с этим афганцы высказывают возмущение и непонимание:

Нет такого праздника нигде. Его же переименовали. В какой-то... соотечественников, за рубежом, там и хрен поймешь, чего... (Инф. 8, призыв)

В целом это соответствует ранее описанному сопротивлению объединению ветеранов под общим ярлыком ветеранов локальных конфликтов [Николаи, Кобылин, 2017; Semenova, 2016].

Встречи с другими ветеранами войны в Афганистане — актуальная практика для большинства информантов. Ветераны отмечают рост коммуникации с появлением социальных сетей и мессенджеров, позволивших общаться с сослуживцами с разных концов страны. Содержание встреч, видимо, не предполагает углублений в воспоминания о войне:

Друзья встречаются, обо всем говорят. Кому это надо — вспоминать о том там, как было? Это такой тяжелый период в жизни. (Инф. 10, призыв)

Разговоры во время таких встреч преимущественно непринужденные (много анекдотов и баек) [Semenova, 2016] или посвящены будничным темам (в частности, формальные встречи на базе ветеранской организации могут иметь на повестке распределение путевок в санатории). Участвующие в коммеморативных организациях комбатанты видят основную цель своей деятельности как помощь таким же ветеранам. Те, для кого память об Афганистане оказывается важна и сильна, обычно имеют опыт общественной работы, которую мы обозначили как «патриотическую», например, это выступления в школах перед детьми. Как отмечает один из информантов, в первое время (конец 1980-х) это могла быть возможность поделиться информацией, потому что мало кто знал про Афганистан. Позже выступления перед школьниками стали проводиться в рамках патриотических уроков — они готовили детей к предстоящей службе и способствовали реализации и укреплению ветеранской идентичности:

Приглашают вот в школу. Так иногда даже приятно. Придешь, а там тебя слушают школьники. (Инф. 1, кадровый военный)

Стоит отметить, что не все одинаково положительно высказываются о таком опыте. Например, воспитатель кадетского корпуса, ветеран Афганистана, инва-

лид, негативно оценивающий войну как явление, но воспринимающий Афганскую войну как важную часть своей жизни, не приветствует патриотическое воспитание: «Человеком быть надо, а не ветераном и не героем» (инф. 10, призыв).

Участие в коммеморативной деятельности сообществ афганцев дает возможность социальной поддержки, институциональной мобилизации ресурсов и личностной самореализации.

Заключение

В фокусе исследования на концептуальном и эмпирическом уровне — биографический репертуар выборов ветеранов Афганской войны, которые в режиме биографической неопределенности так или иначе меняли свои траектории под влиянием полученного опыта боевых действий. Биографический выбор бывших афганцев концептуализирован в логике В. Хайнца [Heinz, 2001] как специфический, увязанный с военным опытом способ реагирования на жизненные вызовы и использования открывающихся перед комбатантами возможностей в структурно ограниченном поле действия. Их траектории содержат как преемственность с накопленным до периода Афганистана опытом, так и смену ожидаемых событий. Концептуально структуры биографического выбора увязаны с понятием варьирующей агентности как способности к действию, которая вносит различия в тот же опыт — от экзистенциальных до прагматических, идентификационных и планирующих [Hitlin, Elder, 2007]. Опыт Афганской войны как поворотный судьбоносный момент биографии причинно отражается в нарративно донесенной переработке конструкта жизненного пути ветеранов. Варьирующая ресурсность и прагматическая, по Г. Элдеру и С. Хитлену, агентность комбатантов — как призывников, так и кадровых военных, — по-разному позволила им распорядиться наслоенным опытом, образовательными капиталами, кругом сильных и слабых связей, чтобы обеспечить преемственность, «отремонтировать» биографические разрывы за счет осуществляемых выборов. Но есть и те ветераны, кому это не удалось в силу потерь, инвалидизации, непреодоленных биографических разрывов.

Могли ли ветераны боевых действий в Афганистане как социальная группа решить проблемы поствоенной ресоциализации успешнее? Ответ на это вопрос требует контекстуализации: демобилизованные и уволенные в запас возвращались в иную страну и переживали наряду с собственными трансформациями опыт перестройки, коснувшийся всех граждан страны. Это обстоятельство усложняет проблематизацию адаптации к гражданскому миру и обществу собственно ветеранов Афганской войны.

Проведенное исследование не лишено ограничений: в анализ не включены особые категории комбатантов, такие как афганцы с опытом криминализации в постперестроечное время, женщины-военнослужащие. Также ограничением следует признать методологический фокус на биографических нарративах, хотя не менее интересны и многообещающи методы групповой дискуссии, позволяющие обнаружить групповые представления о пережитом военном опыте, ведущие гранд-нарративы этой социальной группы, опыт которой оказывается востребованным и сегодня.

Список литературы (References)

1. Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979—1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 262—281.
Danilova N. (2005) Memorial Version of the Afghan War (1979—1989). In: Gabovich M. (ed.) *Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe*. Moscow: New Literary Observer. P. 262—281. (In Russ.)
2. Николаи Ф., Кобылин И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России. Кухонные разговоры с ветеранами локальных конфликтов // Логос. 2017. Т. 27. № 5. С. 115—136.
Nikolai F., Kobylin I. (2017) American Trauma Studies and the Limits of Their Transitivity in Russia. Heart-to-Heart Talks with Veterans of Local Conflicts. *Logos*. Vol. 27. No. 5. P. 115—136. (In Russ.)
3. Образцов И. В. Военная социология в России: история, современное состояние и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 91—107.
Obraztsov I. (1998) Military Sociology in Russia: History, Current Situation and Prospects. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 1. No. 3. P. 91—107. (In Russ.)
4. Рождественская Е. Биографический метод в социологии. М.: ИД ВШЭ, 2012.
Rozhdstvenskaya E. (2012) *Biographical Method in Sociology*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
5. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5—44.
Ushakin S. (2009) “We are to Breathe This Pain”? About Trauma, Memory and Communities. In: Ushakin S., Trubina E. (eds.) *Trauma: Points: Collection of Articles*. Moscow: New Literary Observer. P. 5—44. (In Russ.)
6. Angrist J. D. (1998) Estimating the Labor Market Impact of Voluntary Military Service Using Social Security Data on Military Applicants. *Econometrica*. Vol. 66. No. 2. P. 249—288.
7. Battistelli F. (1997) Peacekeeping and the Postmodern Soldier. *Armed Forces & Society*. Vol. 23. No. 3. P. 467—484. <https://doi.org/10.1177/0095327X9702300308>.
8. Bonß W., Zinn J. (2005) Erwartbarkeit, Glück und Vertrauen-Zum Wandel biographischer Sicherheitskonstruktionen in der Moderne. *Soziale Welt*. 56. Jahrg. H. 2/3. S. 183—202.
9. Cieslik M., Pollock G. (2017) *Young People in Risk Society: The Restructuring of Youth Identities and Transitions in Late Modernity*. New York, NY: Routledge.
10. Coletta D., Crosbie T. (2022) Janowitz and Huntington — Better Together: A Response. *Armed Forces & Society*. Vol. 48. No. 3. P. 723—729. <https://doi.org/10.1177/0095327X20988556>.

11. Danilova N. (2007) Veterans' Policy in Russia: A Puzzle of Creation. *The Journal of Power Institutions in Post-soviet Societies*. No. 6/7. <https://doi.org/10.4000/pipss.873>.
12. Dickstein B. D., Vogt D. S., Handa S., Litz B. T. (2010) Targeting Self-Stigma in Returning Military Personnel and Veterans: A Review of Intervention Strategies. *Military Psychology*. Vol. 22. No. 2. P. 224—236. <https://doi.org/10.1080/08995600903417399>.
13. Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. In: Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds.) *Handbook of the Life Course*. Handbooks of Sociology and Social Research. New York, NY: Springer. P. 3—19. https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1.
14. Evans K. (2002) Taking Control of Their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany. *Journal of Youth Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 245—269.
15. Franke V. C. (2000) Duty, Honor, Country: The Social Identity of West Point Cadets. *Armed Forces & Society*. Vol. 26. No. 2. P. 175—202. <https://doi.org/10.1177/0095327x0002600202>.
16. Fussell P. (1975) *The Great War and Modern Memory*. New York, NY: Oxford University Press.
17. Gade P. A., Lakhani H., Kimmel M. J. (1991) Military Service: a Good Place to Start? *Military Psychology*. Vol. 3. No. 4. P. 251—267. https://doi.org/10.1207/s15327876mp0304_5.
18. Haaland T. L. (2008) *Small Forces with a Global Outreach. Role Perceptions in the Norwegian Armed Forces after the Cold War*. Doctoral Thesis. Oslo: University of Oslo.
19. Hart R. C., Lancaster S. L. (2017) Identity fusion in U. S. Military Members. *Armed Forces & Society*. Vol. 45. No. 1. P. 45—58. <https://doi.org/10.1177/0095327x17737021>.
20. Heinz W. R. (2001). Work and the Life Course: A Cosmopolitan-Local Perspective. In: Marshall V. W., Heinz W. R., Krüger H., Verma A. (eds.) *Restructuring Work and the Life Course*. Toronto: University of Toronto Press. P. 3—22.
21. Heinz W. R., Krüger H. (2001) Life Course: Innovations and Challenges for Social Research. *Current Sociology*. Vol. 49. No. 2. P. 29—45. <https://doi.org/10.1177/0011392101049002004>.
22. Heinz, W. R. (2009) Youth Transitions in an Age of Uncertainty. In: Furlong A. (Ed.) *Handbook of Youth and Young Adulthood. New Perspectives and Agendas*. London; New York, NY: Routledge. P. 3—13.
23. Higate P. (2001) Theorizing Continuity: From Military to Civilian Life. *Armed Forces & Society*. Vol. 27. No. 3. P. 443—460. <https://doi.org/10.1177/0095327x0102700306>.
24. Higate P., Cameron A. M. (2006) Reflexivity and Researching the Military. *Armed Forces & Society*. Vol. 32. No. 2. P. 219—233. <https://doi.org/10.1177/0095327x05278171>.

25. Higate P. R. (2003) *Military Masculinities: Identity and the State*. Westport, VA: Praeger.
26. Hirsch B. T., Mehay S. L. (2003) Evaluating the Labor Market Performance of Veterans Using a Matched Comparison Group Design. *Journal of Human Resources*. Vol. 38. No. 3. P. 673—700. <https://doi.org/10.3368/jhr.xxxviii.3.673>.
27. Hitlin S., Elder G. (2007) Time, Self, and the Curiously Abstract Concept of Agency. *Sociological Theory*. Vol. 25. No. 2. P. 170—191.
28. Hockey J. (2002) 'Head Down, Bergen on, Mind in Neutral': The Infantry Body. *Journal of Political & Military Sociology*. Vol. 30. No. 1. P. 148—171.
29. Hockey J. (2009). 'Switch on': Sensory Work in the Infantry. *Work, Employment and Society*. Vol. 23. No. 3. P. 477—493. <https://doi.org/10.1177/0950017009337065>.
30. Huntington S. P. (1981) *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil — Military Relations*. London: Harvard University Press.
31. Hynes S. (1998) *The Soldiers' Tale: Bearing Witness to a Modern War*. New York, NY: Penguin.
32. Janowitz M. (1960) *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*. Glencoe, IL: The Free Press.
33. Karner T. X. (1998) Engendering Violent Men: Oral Histories of Military Masculinity. In: Bowker L. H. (ed.) *Masculinities and Violence*. Beverley Hills, CA: Sage. P. 197—232.
34. Lande B. (2007) Breathing like a Soldier: Culture Incarnate. *The Sociological Review*. Vol. 55. No. 1_suppl. P.95—108. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.2007.00695.x>.
35. Leccardi C. (2005). Facing Uncertainty. Temporality and Biographies in the New Century. *Young Nordic Journal of Youth Research*. Vol. 13. No. 2. P. 123—146.
36. Lomsky-Feder E., Ben-Ari E. (eds.) (1999) *The Military and Militarism in Israeli Society*. Albany, NY: State University of New York Press.
37. MacLeish K. T. (2013) *Making war at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400846290>.
38. Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
39. Moskos C. C. (1977) From Institution to Occupation. *Armed Forces & Society*. Vol. 4. No. 1. P. 41—50. <https://doi.org/10.1177/0095327x7700400103>.
40. Nielsen S. C., Liebert H. (2021) The Continuing Relevance of Morris Janowitz's *The Professional Soldier* for the Education of Officers. *Armed Forces & Society*. Vol. 47. No. 4. P. 732—749.
41. Rozhdstvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaja I., Koseła K. (eds.) (2016) *Collective Memories in War*. London; New York, NY: Routledge.

42. Sasson-Levy O. (2007) Individual Bodies, Collective State Interests. *Men and Masculinities*. Vol. 10. No. 3. P. 296—321. <https://doi.org/10.1177/1097184x06287760>.
43. Semenova V. (2016) 'Wounded' Memory and Collective Identity. In: Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaja I., Kosela K. (eds.) *Collective Memories in War*. London; New York, NY: Routledge. P. 125—138.
44. Schuetze F. (1983) Biographieforschung und Narratives Interview. *Neue Praxis*. No. 3. P. 283—293. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09cn.6>
45. Schwarz O. (2017) Cultures of Choice: Towards a Sociology of Choice as a Cultural Phenomenon. *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 3. P. 845—864. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12305>.
46. Segal D. R., Tiggler R. B. (1997) Attitudes of Citizen-Soldiers Toward Military Missions in the Post-Cold War World. *Armed Forces & Society*. Vol. 23. No. 3. P. 373—390. <https://doi.org/10.1177/0095327x9702300304>.
47. Shay J. (1995) *Achilles in Vietnam. Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York, NY: Simon & Schuster.
48. Shay J. (2002) *Odysseus in America: Combat Trauma and the Trials of Homecoming*. New York, NY: Scribner.
49. Smith J. A., Flower P., Larkin M. (2009) *Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research*. London: Sage.
50. Thornborrow T., Brown A. D. (2009) 'Being Regimented': Aspiration, Discipline and Identity Work in the British Parachute Regiment. *Organization Studies*. Vol. 30. No. 4. P. 355—376. <https://doi.org/10.1177/0170840608101140>.
51. Van Gennep A. (1981) *Les rites de passage. Étude systématique des rites*. Paris: A. et J. Picard.
52. Walker D. (2010) *Narrating Identity: Career Soldiers Anticipating Exit from the British Army*. Doctoral dissertation. Durham: Durham University.
53. Zinn J. O. (2004) Health, Risk and Uncertainty in the Life Course: A Typology of Biographical Certainty Constructions. *Social Theory & Health*. Vol. 2. No. 3. P. 199—221.

Приложение. Выборка исследования

№	Год рождения	Статус службы (срочная/ кадровая)	Годы службы в Афганистане	Звание, род деятельности в Афганистане*	Инвалидность в результате службы**	Нынешняя деятельность/статус	Регион проживания
1	1951	Кадровая	1987—1989	Полковник, пограничник	«Отложенные последствия»	Пенсионер, экскурсовод в афганском музее	Москва
2	1958	Кадровая	1981—1982	Лейтенант	+	Пенсионер	Москва
3	1951	Кадровая	1979	Офицер связи	+	Пенсионер	Центральная Россия
4	1961	Кадровая	1981	Младший офицер	+	Пенсионер МВД, лит. редактор, поэт	Москва
5	1955	Кадровая	1986—1989	Прапорщик	«Общие заболевания»	Пенсионер, член вет. орг., патриотическая работа с учащимися	Южный Урал
6	1966	Срочная	1985—1986	Наводчик-оператор бмп-2, ВДВ	+	Пенсионер	Южный Урал
7	1962	Срочная	1983—1984	Рядовой, сержант, замкомвзвода	–	Директор ветеранского музея	Москва
8	1963	Срочная	1981—1982	Сапер, пулеметчик, ВДВ	–	Руководитель вет. орг.	Москва
9	1961	Срочная	1979—1981	Сержант	+	Пенсионер, предприниматель	Узбекистан
10	1965	Срочная	1984—1985	Стрелок-разведчик	+	Сотрудник детского корпуса	Сибирь
11	1951	Доброволец	1979—1981	Прапорщик	+	Пенсионер, организация вет. мероприятий	Москва
12	1964	Срочная	1984—1987	Мл. сержант, ВДВ	Травма после службы	Пенсионер, зам. Ветер. Орг., экскурсовод в вет. музее	Северо-запад
13	1963	Срочная	1981—1983	Старший сержант	–	видеоблогер, художник	Москва
14	1964	Срочная	1983—1986	Разведчик частей специального назначения, замкомвзвода, пулеметчик	–	Управляющий крупного бюджетного учреждения	Москва
15	1967	Срочная	1986—1987	Рядовой, снайпер, замкомвзвода	+	Управляющий частного охранного предприятия	Москва

№	Год рождения	Статус службы (срочная/кадровая)	Годы службы в Афганистане	Звание, род деятельности в Афганистане*	Инвалидность в результате службы**	Нынешняя деятельность/статус	Регион проживания
16	1960	Срочная	1978—1980	Командир БМД (боевая машина десанта)	+ (?)	Пенсионер	Москва
17	1965	Срочная	1984—1986	Сержант, санинструктор, дежурный по заставе	- (?)	Председатель районного совета ветеранов, патриотическая работа с учащимися	Поволжье, Москва

* Фиксировалось со слов информантов, в некоторых случаях информация неполная.

** В целом у многих на сегодняшний день уже есть инвалидность по тем или иным причинам, связанным в том числе с возрастом. По словам информантов, сказываются и отложенные последствия полученных ранений и травм. В данном столбце мы отмечаем наличие инвалидности как от общих проблем со здоровьем, так и прямо («+») или косвенно («отложенные последствия») связанной с полученными ранениями и травмами. В основном в нашей выборке это 2-я и реже 3-я группы инвалидности. В некоторых случаях природа инвалидности осталась не прояснена (отмечено «?»).

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2540](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2540)

Н. С. Первушин

МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ВИДЫ, СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Правильная ссылка на статью:

Первушин Н. С. Моральные дилеммы в период пандемии COVID-19: виды, способы решения, последствия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 141—163. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2540>.

For citation:

Pervushin N. S. (2024) Moral Dilemmas during the COVID-19 Pandemic: Types, Solutions, Consequences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 141–163. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2540>. (In Russ.)

Получено: 15.12.2023. Принято к публикации: 24.04.2024.

МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ВИДЫ, СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ

ПЕРВУШИН Николай Сергеевич — старший преподаватель кафедры психологии личности, исследователь в Междисциплинарном центре прикладного анализа поведения, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: nickd17@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

Аннотация. В статье анализируются различия между реальными и гипотетическими моральными дилеммами; сравниваются эмпирический и рационалистский подходы к их существованию. Описывается спектр дилемм в контексте пандемии, анализируются способы решения дилемм и их последствия в медицинской и общественной сферах. В качестве основного метода используется анализ публикаций 2020—2023 гг. по теме принятия решений в период пандемии COVID-19 (91 статья из WoS, Scopus, eLIBRARY.RU и ResearchGate), а также данных социально-экономической статистики.

Автор приходит к выводу, что в рамках эмпирического подхода, признающего существование морального выбора, медперсонал решал дилемму распределения коек и ИВЛ, что при отсутствии четких инструкций увеличивало смертность, обостряло проблему дефицита медицинских ресурсов и имело негативные психологические последствия. Рационалистский подход реализовывался в виде протоколов и использования искусственного интеллекта, то есть в сочетании строгости мер государственного и социального контро-

MORAL DILEMMAS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: TYPES, SOLUTIONS, CONSEQUENCES

Nikolay S. PERVUSHIN¹ — Senior Lecturer at the Department of Personality Psychology; Researcher at the Interdisciplinary Center for Applied Behavior Analysis

E-MAIL: nickd17@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article analyzes the differences between real and hypothetical moral dilemmas and compares empiricist and rationalist approaches to their existence. The author describes the spectrum of dilemmas in the context of a pandemic and reviews the ways of solving dilemmas and their consequences in the medical and public spheres. The study bases on the analysis of publications from 2020–2023 on the topic of decision-making during the COVID-19 pandemic (91 articles from WoS, Scopus, eLIBRARY.RU and ResearchGate) along with socio-economic statistics.

The author concludes that the empiricist approach, which recognizes the existence of moral choice, involved nursing staff solving the dilemma of bed allocation and ventilator use, which, in the absence of clear guidelines, increased mortality, exacerbated the shortage of medical resources, and had negative psychological consequences. The rationalist approach was implemented in the form of protocols and the use of artificial intelligence (AI), that is, a combination of the rigor of state and social controls and strict pandemic discourse. This led to a lack of moral choices and adherence to constraints.

ля и строгого пандемийного дискурса. Это привело к отсутствию моральных выборов и следованию ограничениям.

В заключении статьи описываются преимущества интерпретации дилемм как ситуаций, имеющих однозначно вычисляемое решение, а не как морального выбора в условиях чрезвычайных обстоятельств. Анализируется дискуссия о допустимости ограничения свободы выбора, дискриминации отдельных категорий граждан, возможной дегуманизации и рисках использования протоколов и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: моральная дилемма, моральный выбор, рациональность, свобода, принятие решений, COVID-19, утилитаризм, деонтология

The article concludes by describing the advantages of interpreting dilemmas as situations with an unambiguously computable solution rather than as moral choices under extraordinary circumstances. The author proposes a discussion on the permissibility of restricting freedom of choice, discrimination of certain categories of citizens, possible dehumanization, and risks of using protocols and AI.

Keywords: moral dilemma, moral choice, rationality, freedom, decision-making, COVID-19, utilitarianism, deontology

Моральные дилеммы и способы их решения

Моральные дилеммы — ситуации, которые содержат в себе «моральный конфликт», означающий невозможность выявить приоритет одного из двух моральных соображений [Разин, 2014]. В таких случаях осознается несовместимость конкурирующих способов поведения и возможных последствий [Christensen, Gomila, 2012]. Предпочтение любой из альтернатив оборачивается негативными последствиями — физическими, моральными, психологическими, юридическими и пр.; внешними и внутренними. Это выбор между плохим и плохим. Подобные обстоятельства не слишком распространены в реальной жизни, однако востребованы в исследованиях.

В середине прошлого века Ф. Фут предложила «дилемму вагонетки»: «Трамвай едет по колее, на которой находятся пять человек. Они погибнут при столкновении с транспортом. У вас есть кран, который может повернуть трамвай на другую колею, где погибнет один. Будете ли вы переключать кран?» [Foot, 1978]. Эта задача положила начало развитию «вагонеткологии», в которой изучается принятие решений в ситуациях морального выбора. Переключение крана означает утилитаристское решение; обречение пятерых на смерть — деонтологическое. В основе утилитаризма лежат два аспекта: 1) инструментальный вред — принесение в жертву одних ради других; 2) беспристрастная благотворительность — забота о всеобщем благе [Bentham, 1970; Everett et al., 2021]. То есть ради достижения всеобщего блага можно делать аморальные поступки. Деонтология, напротив, подразумевает, что контекст не влияет на возможность совершения определенных действий [Кант, 1788]. Большинство людей демонстрируют утилитарность при решении «дилеммы вагонетки» [Greene et al., 2004].

Однако модификации классической проблемы вагонетки дают иные результаты. «Вагонетка мчится по рельсам и вскоре собьет пять человек. Вы стоите на мосту, а рядом с вами толстый человек. Если сбросить его перед вагонеткой — она остановится и пятеро выживут. Что будете делать?». Большинство людей считают недопустимым утилитаристское решение этой проблемы [Шабалин, Первушина, 2017]. Более того, исследования показывают, что утилитаристский выбор может говорить о психопатии [Bartles, Pizarro, 2011; Everett et al., 2021]. Дж. Грин и соавторы для объяснения различий в решении двух рассматриваемых задач предложили теорию двойственных процессов, согласно которой мы принимаем решения на основе двух систем переработки информации: когнитивной, ответственной за утилитаристские решения, и эмоциональной, ответственной за неутилитаристские решения [Greene et al., 2004]. Эмоциональная система часто приводит к неоптимальным решениям и ее использование оправдано применительно к уже знакомым ситуациям. Для ответа на новые моральные вызовы, с которыми у нас нет должного опыта взаимодействия, необходимо задействовать когнитивную систему, приводящую к утилитарным ответам (это проблемы изменения климата, глобального терроризма, искусственного интеллекта и других новых для нас явлений) [Greene, 2013]. Наши общие моральные интуиции — эволюционное наследие, но на них нельзя полагаться при совершении морального выбора в современном мире, поэтому «нужно относиться к ним с меньшим уважением» [Singer, 2005: 349]. Отказ от аморальных действий в чрезвычайных ситуациях чреват катастрофическими последствиями [McCConnell, 1996]. Такая логика приводит к необходимости утилитарных выборов в ситуации пандемии: у большинства людей, медицинских организаций и государственных органов не было опыта столкновения со стремительным распространением неизвестного вируса. Возникает проблема: нужно действовать утилитарно ради общего блага, но при этом противоречить представлениям моральных абсолютистов, что может привести к их недовольству (протесты) и несоблюдению новых правил (инструкций медперсонала и защитных мер для всех).

В большинстве исследований моральных дилемм противопоставляются утилитаризм и деонтология. Однако существуют и другие подходы к совершению морального выбора. Этика добродетелей предлагает оценивать выбор с точки зрения намерения соответствовать некоторому набору положительных нравственных свойств (мудрость, справедливость, мужество и пр.) [Макинтайр, 2000]. Этика контрактуализма базируется на принципах рациональности и фальсифицируемости выбора [Scanlon, 1982]. Еще одним вариантом является «пороговая деонтология» — слабая версия деонтологии, при которой при пересечении определенной границы допустимо руководствоваться не долгом и моральным императивом, а представлением о всеобщем благе [Мехед, 2015]. Примером такой концепции может служить «конкретный абсолютизм» А. Гевирта, в котором рассматривается иерархия прав, где на вершине — право на жизнь [Gewirth, 1994].

Существуют ли моральные дилеммы?

Рассмотрим два основных подхода к существованию моральных дилемм. Рационалисты констатируют, что есть возможность возникновения ситуации сложного морального выбора, но из этих тягот принятия решения не следует противо-

речивости внутри самой моральной системы [Разин, 2014]. Всегда есть критерий (принцип), с помощью которого можно выбрать приоритет одной из двух альтернатив, и рациональный человек склонен его применить. В этой логике моральных дилемм не существует, а руководствоваться надо исключительно рациональностью, поскольку разум не допускает ошибок. Поэтому после сущностно единственно возможного рационального решения не должно возникать сожалений [Разин, 2014; Donagan, 1977].

Эмпиристы подвергают критике непротиворечивость моральных принципов внутри одной системы. А. Макинтайр детально иллюстрирует ситуации, в которых невозможно использовать универсальный моральный принцип (одновременная необходимость быть готовым использовать военную силу, но быть пацифистом; женщины свободны в своем праве на аборт, но никто не хотел бы быть на месте жертвы этой медицинской процедуры) [Макинтайр, 2000]. Так как общество не обладает универсальной рациональной иерархией приоритетности моральных принципов, выбор человека становится моральным и его следствием может быть сожаление от предпочтения одного морального принципа другому (может, все-таки нужно было сделать иначе?) [Разин, 2014]. Данное тягостное последствие выбора в ситуации моральных дилемм ярко проявилось во время пандемии COVID-19, когда, например, медики были вынуждены распределять места в палатах интенсивной терапии и аппараты ИВЛ [Chamsi-Pasha, Chamsi-Pasha, Albar, 2020; Robert et al., 2020]. Столкновение с моральными дилеммами — серьезное испытание, которое ведет к тяжелым последствиям: из-за неоптимального выбора возникают большие потери людей (в случае жертвенных дилемм) и ресурсов, депрессия, моральная травма принимающего решение [Greene, 2013; Shortland, McGarry, Merizalde, 2020].

Итак, рационалисты предполагают наличие четкого алгоритма решения дилемм пандемии (и иных). Эмпиристы говорят о необходимости морального выбора. В реальности эти подходы могут сосуществовать, но мы будем рассматривать их как идеально-типические конструкции.

Исследование гипотетических моральных дилемм и ситуаций выбора в период пандемии COVID-19

Среди предлагаемых исследователями задач «вагонеткологии» и до пандемии были дилеммы, связанные с опасными вирусами. Д. Канеман и А. Тверски предложили испытуемым задачу об «азиатской болезни» [Канеман, Тверски, 2003]. Результаты демонстрируют «эффект отражения»: склонность к риску возрастает, когда речь идет о потерях, и падает в отношении приобретений [ibid.]. На выбор влияет отношение к одной и той же дилемме. Соответственно, медийное и государственное представление дилемм пандемии разными способами может воздействовать на восприятие людьми ситуации пандемии и перспективу соблюдения ими вводимых ограничений, вакцинации и пр. Например, акцент на спасении ожидаемого числа жизней при всеобщем соблюдении вводимых ограничений может быть лучшей информационной кампанией, нежели акцентирование внимания на смертности вируса.

Е. Комкова и С. Конон предложили задачу: шесть человек заразились страшным вирусом, но у одного есть иммунитет и из его тела можно сделать лекарство,

чтобы спасти пятерых, поэтому респондентам предлагается выбрать: спасти пятерых, убив одного, или оставить все как есть [Комкова, Конон, 2016]. Ряд исследований посвящен тому, как пандемия и сопутствующий стресс влияют на принятие решений [Ениколопов и др., 2020; Schiffer, O’Dea, Saucier, 2021; Carron, Blanc, Brigaud, 2022; Kneer, Hannikainen, 2022; Соловова, Шарипова, 2021; Wilkinson et al., 2020]. В. Никишина и соавторы выяснили, что врачи склонны принимать решения в пользу лечения / спасения / предоставления места в палате лицам одного с ними пола, при этом в «красной» зоне предпочтение отдается молодым пациентам, а в «зеленой» — пожилым [Никишина и др., 2023]. Было выявлено, что студенты-медики скорее предпочли бы спасти/лечить более молодых с хроническими заболеваниями и лиц одного с ними пола [Никишина, Пертраш, Моргун, 2023].

Тем не менее у «вагонеткологии» есть ряд ограничений. Респондентам предлагается достаточно маловероятная ситуация, похожая скорее на выбор героя какого-нибудь художественного произведения. Ответ испытуемого проективен и может носить социально одобряемый характер, приближаться к норме, принятой в том или ином обществе. В конечном счете мы не знаем, как респондент повел бы себя, на самом деле оказавшись в ситуации, когда за пару секунд нужно решить, кому жить, а кому нет. Ситуация жертвенной дилеммы далека от обыденного опыта и существует вне контекста, а масштаб предлагаемой исследователем катастрофы несопоставим с повседневными выборами. Задействованы ли в гипотетических задачах те же психические процессы, что и в реальных жизненных ситуациях? Существует ли в таких задачах достаточная вовлеченность испытуемых в описываемую исследователем ситуацию, серьезное восприятие задачи [Bauman et al., 2014]? К. Бауман и соавторы указывают на неестественность и абсурдность многих задач «вагонеткологии» [ibid.]. Кроме того, зачастую альтернативы формируются как точные или имеющие вероятностную оценку, но в реальности степень неопределенности происходящего гораздо выше и точные прогнозы относительно действий или бездействий невозможны.

Р. Кэррон и др. предлагали участникам исследования задачи о пандемии COVID-19 и выяснили, что правдоподобность жертвенных моральных дилемм приводит к большей утилитарности их решения [Carron et al., 2022]. Правдоподобие — это оценка ситуации как вероятной в реальной жизни, признание двух альтернатив как единственно возможных и реалистичное восприятие последствий выбора (если столкнуть человека на рельсы, то это действительно может остановить поезд) [ibid.]. При этом не было обнаружено влияния пандемийного контекста задач на моральные выборы. К схожим выводам пришли Д. Бостин и коллеги, когда сравнивали реальные и гипотетические решения моральной дилеммы: есть разрыв между тем, что люди декларируют в гипотетической ситуации, и тем, что они делают в реальной. Чтобы исправить это методическое несовершенство, исследователи прибегают к использованию виртуальной реальности в экспериментах, создавая эффект присутствия [Bostyn, Sevenhant, Roets, 2018]. Такие попытки вызывают критику, связанную с возможным негативным воздействием эксперимента на испытуемого (если выбор воспринимается как реальный, то реальны и эмоции по его поводу). Впрочем, погружение в виртуальную реальность не обеспечивает нужного правдоподобия ситуации для испытуемых [Weber, Weibel, Mast, 2021].

Еще один недостаток гипотетических моральных дилемм — их текстовый формат и, как следствие, зависимость результата от стиля описания проблем и альтернатив [Christensen, Gomila, 2012]. Другое ограничение, которое нужно учитывать при формулировке дилемм, — эффект отражения, рассмотренный ранее.

Проблемой гипотетических моральных дилемм также оказывается то, что практически всегда действие означает утилитаризм, а бездействие — деонтологию. Но в реальности действие может быть ценно само по себе вне привязки к калькуляции выгод и благ и, напротив, бездействие может привести ко всеобщему благу (например, ограничение активности и контактов приводит к меньшему распространению вируса). А. Кёрнер и соавторы указывают на возможное увеличение деонтологических ответов из-за желания сохранить свободу, находящуюся под угрозой из-за слишком жестких условий задачи [Körner, Joffe, Deutsch, 2019].

Тем не менее ценным для исследователя остается изучение человека в стимульных условиях [Фёдоров, Злобина, 2023]. Кроме того, «вагонеткология» привела к построению междисциплинарной области знания со своими теориями (теория двойных процессов, теория нравственного развития Л. Кольберга). Однако исследование столкновения человека с реальными дилеммами представляет особую ценность. Речь не только о неоспоримом преимуществе реалистичности, правдоподобности ситуации, отсутствии искажений из-за стиля и формулировок текста. Наличие подобных дилемм свидетельствует о несовершенстве общественного устройства [Разин, 2014]. Это проблемы, которые требуют разрешения. Люди вынуждены совершать моральный выбор, что сопряжено с негативными психологическими последствиями и может приводить к большим потерям (человеческим, ресурсным и пр.) из-за ограниченной рациональности. Помимо выбора, исходя из соображения всеобщего блага или предпочтения одной ценности другой, человек может руководствоваться рядом эвристик [Thaler, Sunstein, 2008].

Вместе с горем, ужасами и испытаниями пандемия дала возможность наблюдать и анализировать выборы человека в реальных, а не гипотетических или виртуальных условиях. Проанализируем далее реализацию рационалистского и эмпирического подходов к дилеммам на практике. Наши исследовательские намерения заключаются в описании спектра дилемм, вызванных пандемией COVID-19, а также в анализе разных решений дилемм и последствий этих выборов. Вероятно, использование эмпирического подхода, предполагающего индивидуальные ценностные выборы, сопряжено с рядом проблем (низкая эффективность медицинской системы, нежелание соблюдать карантинные меры и вакцинироваться и пр.).

Основной метод нашего исследования — анализ корпуса публикаций (преимущественно зарубежных) по теме принятия решений в период пандемии COVID-19. Для этого мы использовали базы данных Scopus, Web of Science, ResearchGate, eLIBRARY.RU. Поиск публикаций за 2020—2023 гг. осуществлялся по ключевым словам: «COVID-19» («пандемия», «коронавирус»), «moral dilemma» («моральная дилемма»), «ethical dilemma». Применялся и метод «снежного кома» — статьи обнаруживались в ссылках изначально найденных. В итоге была рассмотрена 91 публикация по теме. Кроме того, для иллюстрации реализации различных подходов к моральным дилеммам разными странами использовались данные социально-

экономической статистики¹, данные Google Mobility Trends об изменении времени, проводимого пользователями дома.

Мы разделим анализ на две группы дилемм: 1) дилеммы в медицинской сфере, преимущественно затрагивающие медицинский персонал, и 2) общие дилеммы, касающиеся всех. Первая группа ситуаций приближена по своему содержанию к гипотетическим моральным дилеммам. Вторая подразумевает большую неопределенность в последствиях выбора в реалиях пандемии.

Дилеммы в медицинской сфере: виды, решения, последствия

Перечислим наиболее типичные дилеммы, с которыми столкнулись медицинские работники и система здравоохранения в целом во время пандемии. Во-первых, это необходимость оказывать помощь в условиях дефицита медицинского оборудования, мест в больницах и палатах интенсивной терапии, подразумевающая отбор пациентов для подключения к ИВЛ и выделение мест в палатах [Chamsi-Pasha, Chamsi-Pasha, Albar, 2020; Robert et al., 2020]. Нужно ли отдавать приоритет пожилым и имеющим проблемы со здоровьем, у которых небольшие шансы на выживание даже с ИВЛ, или более молодым и здоровым, у которых шансы выжить выше? Справедливо ли использовать критерий очередности поступления пациентов при распределении дефицитных средств? Нужно ли учитывать при распределении коек профессию пациента (например, если он врач или исследователь, то его выздоровление может быть полезнее в борьбе с пандемией) или оценивать всех одинаково? Возможно ли уменьшать шансы на помощь тем, кто пренебрегал коронавирусными ограничениями? Допустимо ли отключать пациентов, имеющих невысокие шансы на выживание, от ИВЛ ради возможного спасения других? Стоит ли в условиях дефицита ресурсов реперофилировать больницы под тяжелые случаи пациентов с COVID-19, увеличивая количество коек и врачей, но при этом нанося ущерб другим пациентам (отмена плановых операций и процедур, закрытие амбулаторий) [Kooli, 2021]? Возможно ли в условиях пандемии ограничить общение медперсонала с близкими пациентов? Помимо серьезности самих выборов ситуация усугублялась минимальным количеством времени для принятия решения и непрерывным потоком новых пациентов, что приводило к выбору посредством моральной интуиции, а не рациональных аргументов [Greene, 2013; Robert et al., 2020].

Дефицит ресурсов может быть вызван несовершенством планирования, неучетом возможных нужд во время экстремальных ситуаций, низкой долей выделяемых на медицину бюджетных средств и пр. Но поскольку ситуация нехватки коек, СИ-Зов, врачей, ИВЛ наблюдалась во всем мире (в богатых и бедных странах, в странах с разными стратегиями борьбы с COVID-19), можно констатировать разрушительную силу самого вируса [Neves, Bitencourt, Bitencourt, 2020]. Столкновение медицинского персонала с необходимостью выбора приводит к неоптимальным решениям с самыми разными обоснованиями (нет единого для всех стандарта, но есть дефицит времени, моральные интуиции, эвристики, когнитивные искаже-

¹ Количество смертей от коронавируса на 1 млн человек в разных странах, избыточная смертность на 1 млн человек, уровень «полной» вакцинации, динамика ВВП (ППС) 2020 г. к 2019 г. и 2021 г. к 2020 г.; информация об ограничениях и их строгости в течение пандемии в той или иной стране (Policy Responses to the Coronavirus Pandemic).

ния, личные этические предпочтения) [Greene, 2013; Robert et al., 2020]. Отсюда большая смертность пациентов и еще больший дефицит коек [Robert et al., 2020; Kooli, 2021; Thaler, Sunstein, 2008]. Ч. Кули отмечает также проблему неэтичного поведения при решении этих дилемм в виде фальсификации медицинских документов и коррупции при распределении СИЗов, коек и оборудования, что уподобляется автором действиям военных преступников [Kooli, 2021]. Отмечается, что медперсонал вынужден чаще испытывать чувство вины [Robert et al., 2020]. Кроме того, данное практическое применение эмпирического подхода влечет за собой тяжелые психологические последствия для врачей [Kooli, 2021; Robert et al., 2020; Shortland et al., 2020]. Описан случай суицида медсестры из-за стресса и моральных страданий во время пандемии [Kooli, 2021]. Н. Шортлэнд и соавторы представляют необходимость совершения выборов медиками как набор морально вредных событий (действий, которые противоречат собственной морали и убеждениям и нарушают глубоко укорененные ценности) [Shortland et al., 2020]. Последствия выборов для врачей сравниваются с последствиями участия в боевых действиях (ПТСР) [Shortland et al., 2020; Frankfurt, Frazier, 2016]. Воздействие морально вредных событий связано с рядом возможных когнитивных и эмоциональных последствий — социальной изоляцией, отчуждением, употреблением психоактивных веществ и злоупотреблением алкоголем, депрессией, самообвинением, деморализацией, стрессом, безнадежностью и пр. [Litz et al., 2017; Bryan et al., 2016].

Какие возможны выходы из столь разрушительной ситуации как для врачей, так и для пациентов? Во-первых, это изменение и предотвращение условий, способствовавших появлению моральной дилеммы. Во-вторых, интерпретация ситуации не как моральной дилеммы, а как выбора, имеющего ясный и просчитываемый алгоритм.

Исследователи из Китая обнаружили, что облегчение восприятия моральной дилеммы обусловлено солидарностью жителей района (существует государственный и социальный контроль за потенциально инфицированными людьми), достоверным освещением пандемии в медиа, созданием специальных ковидных больниц, должным снабжением медицинскими ресурсами и предметами первой необходимости, психологическим консультированием медицинского персонала [Zhao et al., 2022].

Э. Эмануэл с коллегами утверждает, что было бы продуктивнее, если бы сортировочные принципы спускались сверху, из органов власти, поскольку это сняло бы дополнительную нагрузку и ответственность с врачей, при этом решения были бы прозрачными [Emanuel et al., 2020]. Р. Роберт и соавторы анализировали разные варианты протоколов сортировки (триажа) зараженных и нуждающихся в лечении [Robert et al., 2020]. Авторы предлагают иерархию принципов для предоставления коек и ИВЛ, в приоритете оказываются: 1) те, кто скорее всего выживет; 2) те, кто проживет (вероятно) больше всех после выздоровления; 3) те, кто прожил меньше этапов жизни; 4) те, кто имеет социальную полезность в условиях пандемии (врачи, исследователи); 5) самые больные или самые бедные; 6) те, кто раньше приехал; 7) лотерея. Отмечается их несовершенство, например, инструкции могут дискриминировать более пожилых, так как у них меньше шансов выжить и меньше ожидаемая продолжительность жизни после возможного

выздоровления. Л. Валера и коллеги утверждают, что «дилемма последней койки» существует только в головах теоретиков, ведь каждый новый случай должен оцениваться отдельно вне зависимости от состояния других пациентов [Valera, Carrasco, Castro, 2022]. Чилийские авторы предлагают использовать набор критериев для определения необходимости давать пациенту место или нет, главный из них — ожидаемое количество лет жизни после выздоровления. Оцениваются обычность/экстраординарность мер и соразмерность ситуации (насколько оправданно подвергнуть пациента тяжелой процедуре, исходя из вероятности его выживания, состояния здоровья и ожидаемого количества лет жизни после выздоровления). Выдвигается достаточно спорный тезис, что нет реальной дилеммы в ситуации выбора между предоставлением койки молодому пациенту и пожилой женщине, так как первый скорее выживет, дольше проживет и легче перенесет страдания от медицинских процедур [ibid.]. Но у молодого мужчины и так высокие шансы выжить без использования экстраординарных мер. При всей неоднозначности таких чисто утилитарных решений важно стремление исследователей перевести ситуацию выбора из неопределенного и болезненного для всех состояния в более формализованное и объяснимое [ibid.]. М. Кнеер и И. Ханникайнен изучали моральное отношение людей к распределению пациентов в отделениях интенсивной терапии и выявили поддержку утилитарных мер в условиях глобальной угрозы [Kneer, Hannikainen, 2022]. Британские исследователи выяснили, что респонденты отдавали приоритет тем, кто имел бóльшие шансы на выживание; кто имел бóльшую ожидаемую продолжительность жизни после выздоровления; кому требовалось меньше времени на лечение; кто моложе; у кого «меньшая степень хрупкости» [Wilkinson et al., 2020]. Таким образом, в контексте чрезвычайных обстоятельств утилитаризм при распределении коек не осуждается.

Другая важная мера — разделение лиц, осуществляющих уход за пациентом, и бригады сортировки [Robert et al., 2020]. Соответственно, врачи заняты своими прямыми обязанностями, а сортировка происходит в более адекватных условиях (больше времени на обдумывание). Ряд исследователей предлагают снять ответственность за выборы с врачей, непосредственно занятых лечением ковидных больных, через использование «триажных офицеров»² и триажных комитетов [Emanuel et al., 2020; Truog, Mitchell, Daley, 2020].

Наиболее радикальное решение связано с использованием искусственного интеллекта как в процессе сортировки, так и для недопущения ситуации дефицита [Neves et al., 2020; Etienne, 2022]. Предполагается, что это наиболее справедливый, быстрый и прозрачный способ, который направлен на достижение всеобщего блага и уменьшение страданий и мук, связанных с выбором. Х. Этьен указывает на два ограничения, которые пока не позволяют полностью переложить бремя выбора на искусственный интеллект: 1) техническое несовершенство (возможны ошибки); 2) отсутствие легитимности (кто несет ответственность в случае ошибочного, необоснованного решения?) [Etienne, 2022]. На сегодняшний день искусственный интеллект (ИИ) может быть помощником человека при сортировке, но не его заменой.

² Под триажем подразумевается вынужденная медицинская сортировка в условиях чрезвычайных ситуаций.

ИИ помогает перераспределять ресурсы внутри больниц, городов и стран, что позволяет предотвратить дефицит и возникновение дилемм. Он может перенаправить аппараты ИВЛ из мест, где нет и не ожидается притока пациентов, в места, где скоро будет много больных. Такие проекты реализовывались во время пандемии, например, в Нью-Йорке и Нью-Джерси. В России начали применение ИИ для ускорения процесса сортировки (например, цифровой помощник «Триаж»).

Х. Этьен рассматривает ситуацию дефицита СИЗов во Франции в начале пандемии, когда французское правительство заявляло о больших запасах масок, респираторов и пр. и отсутствии прагматизма в их использовании, чтобы обеспечить ресурсами в первую очередь медицинскую систему [ibid.]. Возможно, речь идет о намеренной лжи из утилитарных соображений. Такое решение подрывает доверие к правительству и размывает серьезность восприятия чрезвычайной ситуации населением [ibid.]. К тому же это может ускорить распространение вируса. Дж. Эверетт и соавторы выявили связь между доверием правительству и готовностью соблюдать вводимые коронавирусные ограничения [Everett et al., 2021]. Впрочем, А. Гевирт, выстраивая иерархию моральных прав, ставит право на истину ниже наивысшего права — права на жизнь, поэтому в такой логике возможна «ложь во спасение» [Gewirth, 1994]. Ключевой вопрос — спасла ли действительно утилитарная ложь больше жизней или, напротив, стимулировала рост заражаемости? Впрочем, в ситуации неопределенности, в которой находились французские чиновники, оценить последствия крайне затруднительно.

Другой ряд моральных дилемм связан с понятием врачебного долга. Должен ли врач в условиях столкновения с неизвестным вирусом подвергать себя и своих близких большому риску заразиться? Должен ли врач выполнять свой долг в условиях дефицита средств индивидуальной защиты, подвергая себя высокому риску заражения, или он может отказаться? Допустимо ли обязывать стажеров, имеющих низкую оплату труда и социальный статус, идти на передний фронт борьбы с COVID-19 [Han, Luc, Pak, 2020]? Г. Маггу и соавторы отвечают на эти вопросы, отсылая читателей к идеям индийской философии, А. Камю и И. Канта. Долг врача — спасать жизни в критических ситуациях, и именно этим они и заняты. Требуется отбросить эмоции и сожаления по поводу выборов и неудач, поскольку поток пациентов не прекращается [Maggu et al., 2021]. Здесь врачи демонстрируют беспристрастную благотворительность, направленную на максимизацию всеобщего блага, при этом инструментальный вред касается лично их самих.

Еще одна группа дилемм связана с предоставлением возможности посещения пациентов их близкими. Можно ли запрещать мужу присутствовать при родах жены, если ей требуется поддержка? Этичен ли запрет на посещение пациентов с COVID-19 [Bunnik, Siddiqui, van Bruchem-Visser, 2022; Chamsi-Pasha, Chamsi-Pasha, Albar, 2020; Pattison, 2020]? Споры вызывают невозможность проститься с родственниками и измененный формат ритуальных церемоний. Подчеркиваются важность общения близких с больными в тяжелой форме и негативные психологические последствия его отсутствия [Robert et al., 2020]. Право на общение с пациентом не является абсолютным правом и в экстраординарной ситуации пандемии оно может ставиться под сомнение [Bustan et al., 2020]. Тем не менее необходимо изыскивать возможности для того, чтобы такие встречи были возмож-

ными, но не способствовали дальнейшему распространению вируса. Кроме того, рекомендуется регулярно проводить телефонное общение членов бригад интенсивной терапии с родственниками пациента [Robert et al., 2020]

Существует и набор дилемм, связанных с экспериментальным лечением и непредсказуемыми последствиями. Здесь же можно упомянуть выбор между прерыванием беременности у пациентки с COVID-19 для облегчения ее состояния и сохранением плода с большим риском для состояния здоровья матери [Suryadi, Sarjani, Kulsum, 2021]. Однако эти моральные дилеммы характерны не исключительно для пандемии.

Общие моральные дилеммы в ситуации пандемии COVID-19: виды, решения, последствия

Основная группа моральных дилемм, с которыми человечество столкнулось в период пандемии коронавируса, — дилеммы между безопасностью и свободой. Стоит ли вводить ограничения и соблюдать их для спасения жизней, если это приводит к потере части прав, свобод и комфорта (право на собрания, свобода передвижения, неиспользование масок, работа и учеба офлайн и пр.)? Можно ли отслеживать контакты и передвижение зараженных, не является ли это вмешательством в частную жизнь? Возможно ли ограничение прав и возможностей невакцинированных? Можно ли спасти жизни ценой падения экономики? Можно ли ради спасения преимущественно пожилых ущемлять молодых (онлайн-образование, ограничение активности, перекалывание растущего государственного долга на будущие поколения)?

Эти дилеммы возникают из-за внешней чрезвычайной ситуации. Однако разные подходы к их решению на уровне государственной власти приводят к разным интерпретациям ситуации отдельными людьми. Далее мы рассмотрим два подхода к решению этих дилемм.

Первый подход реализовывался, например, в странах Западной Европы, Канаде, Китае, ОАЭ, Австралии, Новой Зеландии и Японии. Он предполагал введение достаточно строгих мер и государственный контроль за их соблюдением с введением штрафов и более суровых наказаний. Парадоксально, но некоторые страны, где наблюдалось повсеместное ношение масок (Япония, Южная Корея и др.), социальное дистанцирование и пр., не характеризовались высокой степенью вводимых ограничений. Это можно объяснить тем, что помимо суровых мер и внешнего государственного контроля существует феномен морализаторства, когда некоторые обыденные действия становятся предметом общественного осуждения (например, празднование дня рождения с друзьями) [Francis, McNabb, 2022]. Кроме того, восточные культуры отличает высокий уровень коллективизма, не позволяющий ставить личные интенции выше общественного блага. Отметим и наличие прошлого опыта борьбы с распространением ближневосточного синдрома и атипичной пневмонии, а также распространенную практику ношения масок на улице до начала пандемии COVID-19. Таким образом, оценивать нужно не только жесткость вводимых мер, но и их сочетание с наличием государственного/социального контроля.

Применялся и дискурсивный контроль. Вводились даже законы против распространения фейков о COVID-19. Например, в ОАЭ сообщать информацию о панде-

мии и рекомендации имели право только государственные учреждения здравоохранения и министерство здравоохранения, за нарушение грозил штраф в 20 тыс. дирхамов [Kooli, 2021]. Х. Этьен отмечает, что использование ИИ позволило выявлять материалы и комментарии, распространяющие фейки, и блокировать их [Etienne, 2022]. Критике подвергались публичные персоны, открыто нарушавшие правила или транслирующие ковид-диссидентский дискурс.

В данных обстоятельствах отдельный человек не сталкивается с реальной моральной дилеммой — речь идет о простом соблюдении или несоблюдении правил. За нарушением следует наказание, то есть одна из альтернатив очевидно проигрышна. При этом не столь важно, что выбрал бы человек, если бы наказание не предполагалось. Г. Беккер рассматривает исполнение моральной нормы как функцию от трех элементов: риска попасться, строгости наказания и возможных приобретений от отклонения [Becker, 1968]. В описываемом случае высок риск попасться и получить наказание (штраф или более сильное), но явных выгод от несоблюдения ограничений не наблюдается (скорее, наоборот, можно заработать). Человек максимизирует личную выгоду, когда его действия совпадают с общественными правилами и моралью [Baier, 1995]. Когда нет морального выбора, не может возникнуть и сожаления по его поводу. Таким образом, решение правительства спасти жизни, а не отдавать приоритет свободе и экономике, создает для граждан рационалистскую рамку для интерпретации дилемм. Отметим, что такой подход был актуален и в России, и во многих восточноевропейских странах, и в Южной Америке в первой половине 2020 г.

Другой подход проявлялся либо в отсутствии строгих ограничений, либо в их декларировании при недостатке должного государственного и социального контроля. Такой подход, например, был характерен для России после первой волны. Декларируемые жесткие меры на практике соблюдались до июня 2020 г., хотя дальнейшие волны пандемии были гораздо масштабнее. С одной стороны, вводились новые ограничения (например, QR-коды), звучали призывы самоизолироваться и вакцинироваться, а с другой — проводились массовые мероприятия, учебный и рабочий процесс преимущественно вернулся в офлайн, сообщалось об успехах России в борьбе с пандемией и даже победе над ней.

Возникали и условия для моральных дилемм: каждый должен выбирать между своим здоровьем и здоровьем окружающих, разгрузкой медицинской системы и свободой и комфортом. Нежелание соблюдать меры может привести к тому, что человек кого-то заразит и у него возникнет чувство вины. Принципиальное следование правилам может привести к тому, что человек не посетил какое-то мероприятие, не встретился с кем-то (например, боясь заразить пожилого человека) и испытывает душевные терзания в этой связи. Приходится постоянно выбирать между ценностями. При этом трудно охарактеризовать какой-то из выборов как утилитарный, а иной — как деонтологический. Отсутствует общее понимание блага. Это спасение максимального числа жизней? Это приоритет экономики? Сохранение образа жизни? Соответственно, люди принимают решения, исходя из личных этических предпочтений. В отличие от гипотетических моральных дилемм последствия индивидуальных действий не столь очевидны. Например, решение быть свободным в своей мобильности (уехать из Ломбардии на юг Италии), игнорирующее

введенные ограничения, могло привести к экспоненциальному распространению вируса [Donnarumma, Pezzulo, 2021]. «Путешественники», находясь в стрессовой ситуации и испытывая тревогу, руководствуются моральными интуициями, которые приводят к серьезным последствиям в чрезвычайных условиях [ibid.]. У нарушителей нет опыта нахождения в условиях пандемии и понимания возможности экспоненциальных последствий своих действий [ibid.].

Вне зависимости от выбранной стратегии противодействия пандемии по всему миру наблюдались негативные психологические явления. Увеличилось количество депрессивных состояний, обострилась проблема одиночества [Etienne, 2022]. Наблюдался рост тревожности и панических состояний [Ениколопов и др., 2020; Первушина, Шабалин, 2020; McCracken et al., 2020].

В таблице 1 проиллюстрировано, как два стиля борьбы с пандемией — предписывающий (рекомендующий) и ограничивающий (требующий) — отразились на некоторых социально-экономических показателях в разных странах. Мы предполагаем, что выбор стиля борьбы подразумевает для граждан две разные ситуации: моральный выбор или следование инструкциям. Для оценки стиля борьбы с коронавирусом мы использовали данные «Индекса сдерживания и здоровья», «Оксфордского индекса строгости мер», данные Google Mobility Trends, информацию о политических заявлениях (дискурс) и проблемах с соблюдением коронавирусных ограничений из открытых источников. Стиль зависит не только от формальных государственных ограничений, но и от их практического исполнения, на который влияют государственный контроль и морализаторство. Отнесение страны к тому или иному типу носит оценочный характер, что является серьезным ограничением, поэтому стоит рассматривать таблицу как набор иллюстраций двух стилей. Отметим, что многие страны прошли путь от начального ограничивающего стиля (весной 2020 г.) к предписывающему. Набор стран выбран, исходя из доступности статистики и информации о строгости мер, контроле за их соблюдением, их фактическом соблюдении/несоблюдении, государственном дискурсе, при этом любопытство исследователя было направлено на страны с наибольшими и наименьшими показателями избыточной смертности.

Заметен ряд тенденций, которые можно рассматривать как гипотезы для дальнейших исследований. В странах с предписывающим стилем выше показатели смертности, избыточной смертности и меньше процент вакцинированных (за исключением Швеции). Существует дискуссия в отношении локдаунов и строгих ограничений³ [Agyapong-Ntra, McSharry, 2023]. Тем не менее краткосрочные и своевременные локдауны обладают большой эффективностью [Haug et al., 2020]. Ключевую роль в препятствовании распространению вируса играют маски и отказ от собраний [Agyapong-Ntra, McSharry, 2023; Haug et al., 2020]. Отмечается высокая эффективность довольно мягких мер при условии их фактического соблюдения [Haug et al., 2020]. М. Фритц и соавторы характеризуют тестирование и изоляцию как наиболее эффективные меры борьбы с пандемией до момента наступления коллективного иммунитета путем вакцинации [Fritz,

³ Herby J., Jonung L., Hanke S. A Literature Review and Meta-Analysis of the Effects of Lockdowns on COVID-19 Mortality. *Studies in Applied Economics*. 2022. No. 200. URL: <https://sites.krieger.jhu.edu/iae/files/2022/01/A-Literature-Review-and-Meta-Analysis-of-the-Effects-of-Lockdowns-on-COVID-19-Mortality.pdf> (дата обращения: 06.06.2024).

Gries, Redlin, 2023]. Если бы люди жили прежней жизнью, последствия были бы катастрофическими.

Динамика показателей роста ВВП во всех странах имеет схожие черты: падение в 2020 г. и ощутимый рост в 2021 г. Меньший контроль за пандемией не повлек за собой спасения экономики. К близкому выводу приходят и Д. Гордон с коллегами [Gordon, Grafton, Steinshamn, 2021]. Их сравнительное исследование показало отрицательную статистически значимую связь между смертностью от COVID-19 на душу населения и экономическими показателями.

Таблица 1. **Стили борьбы с пандемией и некоторые данные социально-экономической статистики***

Страна	Стиль борьбы с пандемией	Смерти от коронавируса (на 1 млн чел.) до 21 февраля 2022 г.	Избыточная смертность (на 1 млн чел.) до 21 февраля 2022 г.	Уровень «полной» вакцинации (на 21.02.22), в %	Реальный рост ВВП в 2020 г., в %	Реальный рост ВВП в 2021 г., в %
Россия	Предписывающий	2326	8030	49,1	-2,7	5,6
Сербия	Предписывающий	2169	8219	47,4	-0,9	7,5
Литва	Предписывающий	3073	7029	69,5	0	6,0
Украина	Предписывающий	2567	5081	34,9	-3,8	3,4
Грузия	Предписывающий	3992	6122	31,2	-6,8	10,5
Болгария	Предписывающий	5102	10180	29,6	-4,0	7,6
Словакия	Предписывающий	3349	4783	50,2	-3,3	4,9
Швеция	Предписывающий	1658	1249	74,5	-2,2	6,1
Германия	Ограничивающий	1449	1382	74,5	-3,8	3,2
Австрия	Ограничивающий	1614	1817	72,2	-6,5	4,6
Франция	Ограничивающий	1969	1552	77,4	-7,7	6,4
Финляндия	Ограничивающий	420	1062	76	-2,4	3,2
Дания	Ограничивающий	747	517	81,6	-2,4	6,8
США	Промежуточный	2811	3397	64,4	-2,8	5,9
Мексика	Предписывающий	2423	5488	60,4	-8,7	5,8
Бразилия	Предписывающий	3014	3495	71,8	-3,3	5
Новая Зеландия	Ограничивающий	11	-480	77,1	-1,5	6,1
ЮАР	Предписывающий	1646	4143	29,2	-6,0	4,7
Израиль	Ограничивающий	1076	1089	65,8	-1,5	9,3
Китай	Ограничивающий	3	324	85	2,2	8,4
Индия	Промежуточный	389	3790	54	-5,8	9,1
Канада	Ограничивающий	946	957	80,8	-5,1	5
Япония	Ограничивающий	175	239	79,4	-4,2	2,2
Южная Корея	Ограничивающий	146	211	86,4	-0,7	4,3
ОАЭ	Ограничивающий	230	600	94,5	-5	4,4
Сингапур	Ограничивающий	175	262	88,5	-3,9	8,9

* В таблице использованы данные: Giattino C., Ritchie H., Ortiz-Ospina E., Hasell J., Rodes-Guirao L., Roser M. Excess Mortality During COVID-19. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (дата обращения: 06.06.2024); Mathieu E., Ritchie H., Rodes-Guirao L. et al. Policy Responses to the Coronavirus Pandemic. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/policy-responses-covid> (дата обращения: 06.06.2024); Real GDP Growth. *International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWorld/ (дата

обращения: 06.06.2024); Number of COVID-19 cases reported to WHO. *WHO Data*. URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 06.06.2024); COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 06.06.2024); Mathieu E., Ritchie H., Rodes-Guirao L. et al. COVID-19: Google Mobility Trends. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/covid-google-mobility-trends> (дата обращения: 06.06.2024); Hale T., Angrist N., Goldszmidt R. et al. (2021) A Global Panel Database of Pandemic Policies (Oxford COVID-19 Government Response Tracker). *Nature Human Behaviour*. Vol. 5. P. 529—538. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01079-8>; Mathieu E., Ritchie H., Rodes-Guirao L. et al. (2020) COVID-19: Stringency Index. URL: <https://ourworldindata.org/covid-stringency-index> (дата обращения: 06.06.2024).

Выводы

Мы рассмотрели практическую реализацию двух теоретических подходов к существованию моральных дилемм. Эмпирический подход означает необходимость личного утилитарного или деонтологического морального решения. Медики сталкиваются с необходимостью выбора, кому из пациентов достанутся койка и оборудование в условиях дефицита. Это приводит к неоптимальным решениям, увеличивая смертность, а также страдания врачей, пациентов и их близких. Наличие протоколов и применение искусственного интеллекта облегчают выбор, дилемма перестает носить моральный характер. Однако такая реализация рационалистского подхода к существованию моральных дилемм встречает ряд критических замечаний, связанных с дискриминацией целых групп населения (например, пожилых), и общих опасений по поводу расширения сферы использования ИИ, в том числе для принятия витальных решений.

В глобальном контексте пандемия коснулась практически всех. Страны, реализующие эмпирический подход, использовали предписывающий стиль борьбы с пандемией и поставили своих граждан в условия непрерывного личного морального выбора, что сопровождалось большими человеческими потерями и более долгим преодолением пандемии из-за низкого желания вакцинироваться, но не улучшило экономическую ситуацию. Напротив, в странах, реализующих рационалистский подход к существованию моральных дилемм, использовался ограничивающий стиль борьбы с пандемией. Это сопровождалось меньшей смертностью от COVID-19 и общей избыточной смертностью от всех причин; нельзя утверждать, что это поставило экономику в относительно худшее положение. Скорость выхода из пандемии в таких странах, вероятно, выше из-за большего желания населения вакцинироваться. В изученных нами публикациях не было обнаружено различий в психологических проблемах, с которыми столкнулись жители стран с разными стилями борьбы с пандемией. Однако можно предположить, что предписывающий стиль может вызывать у человека чувство вины по поводу его моральных выборов, если наблюдаемые последствия оказались субъективно значимыми и нежелательными. Итак, в контексте пандемии мы наблюдаем очевидные преимущества перевода ситуации моральной дилеммы в ситуацию, где выбор легко вычисляем.

Тем не менее рационалистский подход вызывает у теоретиков ряд серьезных опасений. Приоритет безопасности над свободой — это не универсальный принцип. Либертарианцы полагают, что снижение смертности не оправдывает наступление на свободу личности⁴. В этой логике каким бы тяжелым ни было бремя морального выбора, какими бы ни были последствия и сожаление по поводу

⁴ Delanty G. Six Political Philosophies in Search of a Virus: Critical Perspectives on the Coronavirus Pandemic. *LSE 'Europe in Question' Discussion Paper Series*. LEQS Paper No. 156. 2020. URL: <https://www.lse.ac.uk/european-institute/Assets/Documents/LEQS-Discussion-Papers/LEQSPaper156.pdf> (дата обращения: 05.06.24).

выбора, приоритетны свобода выбора и возможность самому решать моральные дилеммы. Дж. Агамбен видит в принятии разного рода пандемийных ограничений подтверждение своей концепции чрезвычайного положения, полагая, что меры перейдут из разряда временных в постоянные⁵. Это становится причиной милитаризации общественного устройства, усиления страха и паники жителей⁶. Введение мер рассматривается как лаборатория, в которой создают новый социальный порядок [Delanty, 2020]. Социальное дистанцирование — угроза социальным связям, ведущая к разъединению, разобщению [ibid.]. М. Десмет высказывает схожие идеи, интерпретируя введение ограничений и всеобщую готовность им следовать как масс-формацию, массовый гипноз и путь к тоталитаризму [Desmet, 2022]. Скептическое отношение к пандемийным ограничениям выражают и отечественные авторы [Прощай, COVID?, 2020]. Впрочем, такие апокалиптические прогнозы оказались несправедливыми, так как по мере улучшения эпидемической обстановки ковидные ограничения снимались во всем мире.

Список литературы (References)

1. Ениколопов С. Н., Медведева Т. И., Бойко О. М., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Принятие моральных решений во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 22—43. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.02>.
Enikolopov S., Medvedeva T., Boyko O., Vorontsova O., Kazmina O. (2020) Moral Decision-Making During the COVID-19 Pandemic. *Moscow University Psychology Bulletin*. No. 4. P. 22—43. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.02>. (In Russ.)
2. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31—42.
Kahneman D., Tversky A. (2003) Rational Choice, Values and Frames. *Psychological Journal*. Vol. 24. No. 4. P. 31—42. (In Russ.)
3. Кант И. Критика практического разума // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. М.: Мысль, 1965.
Kant I. (1965) *Kritik der Praktischen Vernunft*. In: *Collected Works in Six Volumes*. Vol. 4. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Комкова Е. И., Конон С. Н. Иррациональность выбора в зависимости от свойств личности студентов разных специальностей // Инновационные образовательные технологии. 2016. № 2. С. 31—36.
Komkova E., Conon S. (2016) Irrationality of Choice Depending on Personality of Students of Different Specialties. *Innovative Educational Technologies*. No. 2. P. 31—36. (In Russ.)
5. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

⁵ Агамбен Дж. Граждане второго сорта // Центр политического анализа. 2021. 23 июня. URL: <https://www.centerfor-politicsanalysis.ru/position/read/id/grazhdane-vtorogo-sorta> (дата обращения: 05.06.2024).

⁶ Delanty G. Op. cit.

- MacIntyre A. (2000) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business Book. (In Russ.)
6. Мехед Г. Н. Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы // *Этическая мысль*. 2015. Т. 15. С. 27—50.
Mekhed G. (2015) *Moral Absolutism: General Description and Contemporary Approaches*. *Ethical Thought*. Vol. 15. P. 27—50. (In Russ.)
7. Никишина В. Б., Петраш Е. А., Моргун А. Н., Моргун Л. А., Недуруева Т. В. Профессиональный выбор как моральная дилемма врачей в условиях COVID-19 // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2023. Т. 67. № 2. С. 163—171. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-2-163-171>.
Nikishina V. B., Petrash E. A., Morgun A. N., Morgun L. A., Nedurueva T. V. (2023) *Professional Choice As a Moral Dilemma for Doctors in the Context of COVID-19*. *Health Care of the Russian Federation*. Vol. 67. No. 2. P. 163—171. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-2-163-171>. (In Russ.)
8. Никишина В. Б., Петраш Е. А., Моргун Л. А. Решение моральных дилемм «свой — чужой» студентами медицинских вузов // *Системная психология и социология*. 2023. № 2. С. 49—59. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.46.2.4>.
Nikishina V. B., Petrash E. A., Morgun L. A. (2023) *Solving Moral Dilemmas of “Friend — Stranger” by Medical University Students*. *System Psychology and Sociology*. No. 2. P. 49—59. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.46.2.4>. (In Russ.)
9. Первушина О. Н., Шабалин А. П. Пандемия COVID-19: обзор первых публикаций // *Reflexio*. 2020. Т. 13. № 2. С. 5—29.
Pervushina O. N., Shabalin A. P. (2020) *COVID-19 Pandemic: A Review of the First Publications*. *Reflexio*. Vol. 13. No. 2. P. 5—29. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-2-5-29>. (In Russ.)
10. Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
Gaaze K., Danilov V., Dudenkova I., Kralechkin D., Safronov P. (eds.) (2020) *Goodbye, COVID?* Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)
11. Разин А. В. Моральные дилеммы // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2014. № 2. С. 66—82.
Razin A. V. (2014) *Moral Dilemmas*. *RUDN Journal of Philosophy*. No. 2. P. 66—82. (In Russ.)
12. Соловова Н. А., Шарипова Э. Р. Решение этических дилемм, связанных с новой коронавирусной инфекцией, вызывающей COVID-19 и ее преодолением // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN621.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).
Solovova N. A., Sharipova E. R. (2021) *Addressing the Ethical Dilemmas of Overcoming the Novel Coronavirus Infection Causes COVID-19*. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. Vol. 9. No. 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN621.pdf> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.)

13. Федоров А., Злобина М. Игра в мораль: связана ли оценка инструментальной пригодности моральных дилемм с их решением // *Reflexio*. 2023. Т. 16. № 1. С. 5—28. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-1-5-28>.
Fedorov A., Zlobina M. (2023) The Morality Game: Is the Evaluation of the Instrumental Utility of Moral Dilemmas Related to Decision Outcomes. *Reflexio*. Vol. 16. No. 1. P. 5—28. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-1-5-28>. (In Russ.)
14. Шабалин А. П., Первушина О. Н. Проблема морального выбора: междисциплинарный подход // *Reflexio*. 2017. Т. 10. № 2. С. 37—56. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2017-10-2-37-56>.
Shabalin A. P., Pervushina O. N. (2017) The Problem of Moral Decision Making: An Interdisciplinary approach. *Reflexio*. Vol. 10. No. 2. P. 37—56. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2017-10-2-37-56>. (In Russ.)
15. Agyapong-Ntra K., McSharry P. E. (2023) A Global Analysis of the Effectiveness of Policy Responses to COVID-19. *Scientific Reports*. Vol. 13. Art. 5629. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-31709-2>.
16. Baier K. (1995) *The Rational and the Moral Order: The Social Roots of Reason and Morality*. Chicago, IL: Open Court.
17. Bartels D. M., Pizarro D. A. (2011) The Mismeasure of Morals: Antisocial Personality Traits Predict Utilitarian Responses to Moral Dilemmas. *Cognition*. Vol. 121. No. 1. P. 154—161. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.05.010>.
18. Bauman C. W., McGraw A. P., Bartels D. M., Warren C. (2014) Revisiting External Validity: Concerns about Trolley Problems and Other Sacrificial Dilemmas in Moral Psychology. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 8. No. 9. P. 536—554. <https://doi.org/10.1111/spc3.12131>.
19. Becker G. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No. 2. P. 169—217. <https://doi.org/10.1086/259394>.
20. Bentham J., Burns J. H. (ed.), Hart H. L. A. (ed.) (1970) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: Athlone Press.
21. Bostyn D. H., Sevenhant S., Roets A. (2018) Of Mice, Men, and Trolleys: Hypothetical Judgment Versus Real-Life Behavior in Trolley-Style Moral Dilemmas. *Psychological Science*. Vol. 29. No. 7. P. 1084—1093. <https://doi.org/10.1177/0956797617752640>.
22. Bryan C. J., Bryan A. O., Anestis M. D., Anestis J. C., Green B. A., Etienne N., Morrow C. E., Ray-Sannerud B. (2016) Measuring Moral Injury: Psychometric Properties of the Moral Injury Events Scale in Two Military Samples. *Assessment*. Vol. 23. No. 5. P. 557—570. <https://doi.org/10.1177/1073191115590855>.
23. Bunnik E., Siddiqui S., van Bruchem-Visser R. (2022) Ethics of Rooming-in with COVID-19 Patients: Mitigating Loneliness at the End of Life. *Journal of Critical Care*. Vol. 67. P. 182—183. <https://doi.org/10.1016/j.jcrc.2021.09.021>.

24. Bustan S., Nacoti M., Fischkoff K. et al. (2020) COVID-19: Ethical Dilemmas in Human Lives. *Authorea*. June 20. <https://doi.org/10.22541/au.159170655.59077009>.
25. Carron R., Blanc N., Brigaud E. (2022) Contextualizing Sacrificial Dilemmas within Covid-19 for the Study of Moral Judgment. *PLOS ONE*. Vol. 17. No. 8. Art. e0273521. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0273521>.
26. Chamsi-Pasha H., Chamsi-Pasha M., Albar M. A. (2020) Ethical Dilemmas in the Era of COVID-19. *Avicenna Journal of Medicine*. Vol. 10. No. 3. P. 102—105. https://doi.org/10.4103/ajm.ajm_119_20.
27. Christensen J. F., Gomila A. (2012) Moral Dilemmas in Cognitive Neuroscience of Moral Decision-Making: A Principled Review. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. Vol. 36. No. 4. P. 1249—1264. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.02.008>.
28. Desmet M. (2022) *Psychology of Totalitarianism*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing.
29. Donagan A. (1977) *The Theory of Morality*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
30. Donnarumma F., Pezzulo G. (2021) Moral Decisions in the Age of COVID-19: Your Choices Really Matter. *Social Sciences & Humanities Open*. Vol. 4. No. 1. Art. 100149. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100149>.
31. Emanuel E., Persad G., Upshur R., Thome B., Parker M., Glickman A., Zhang C., Boyle C., Smith M., Phillips J. (2020) Fair Allocation of Scarce Medical Resources in the Time of Covid-19. *New England Journal of Medicine*. Vol. 382. No. 21. P. 2049—2055. <https://doi.org/10.1056/NEJMs2005114>.
32. Etienne H. (2022) Solving Moral Dilemmas with AI: How It Helps Us Address the Social Implications of the Covid-19 Crisis and Enhance Human Responsibility to Tackle Meta-Dilemmas. *Law, Innovation and Technology*. Vol. 14. No. 2. P. 305—324. <https://doi.org/10.1080/17579961.2022.2113669>.
33. Everett J. A. C., Colombatto C., Awad E. et al. (2021) Moral Dilemmas and Trust in Leaders During a Global Health Crisis. *Nature Human Behaviour*. Vol. 5. P. 1074—1088. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01156-y>.
34. Foot P. (2002) *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy* (2nd edition). Oxford: Oxford University Press.
35. Francis K. B., McNabb C. B. (2022) Moral Decision-Making During COVID-19: Moral Judgements, Moralisation, and Everyday Behaviour. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.769177>.
36. Frankfurt S., Frazier P. (2016) A Review of Research on Moral Injury in Combat Veterans. *Military Psychology*. Vol. 28. No. 5. P. 318—330. <https://doi.org/10.1037/mil0000132>.
37. Fritz M., Gries T., Redlin M. (2023) The Effectiveness of Vaccination, Testing, and Lockdown Strategies against COVID-19. *International Journal of Health Economics*

- and Management*. Vol. 23. P. 585—607. <https://doi.org/10.1007/s10754-023-09352-1>.
38. Gewirth A. (1994) Are There Any Absolute Rights? In: Harber J. G. (ed.) *Absolutism and Its Consequentialist Critics*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publ. P. 129—146.
39. Gordon D. V., Grafton R. Q., Steinshamn S. I. (2021) Cross-Country Effects and Policy Responses to COVID-19 in 2020: The Nordic Countries. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 71. P. 198—210. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.04.015>.
40. Greene J. D., Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M., Cohen J. D. (2004) The Neural Bases of Cognitive Conflict and Control in Moral Judgment. *Neuron*. Vol. 44. No. 2. P. 389—400. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2004.09.027>.
41. Greene J. D. (2013) *Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them*. New York, NY: The Penguin Press.
42. Han J. J., Luc J. G. Y., Pak E. (2020) Ethical Dilemmas Associated With the COVID-19 Pandemic: Dealing With the Unknowns and Unanswerables During Training. *Journal of the American College of Cardiology*. Vol. 76. No. 10. P. 1266—1269. <https://doi.org/10.1016/j.jacc.2020.07.041>.
43. Haug N., Geyrhofer L., Londei A. et al. (2020) Ranking the Effectiveness of Worldwide COVID-19 Government Interventions. *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. P. 1303—1312. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-01009-0>.
44. Kneer M., Hannikainen I. (2022) Trolleys, Triage and Covid-19: The Role of Psychological Realism in Sacrificial Dilemmas. *Cognition and Emotion*. Vol. 36. No. 1. P. 137—153. <https://doi.org/10.1080/02699931.2021.1964940>.
45. Kooli C. (2021) COVID-19: Public Health Issues and Ethical Dilemmas. *Ethics, Medicine and Public Health*. Vol. 17. Art. 100635. <https://doi.org/10.1016/j.jemep.2021.100635>.
46. Körner A., Joffe S., Deutsch R. (2019) When Skeptical, Stick with the Norm: Low Dilemma Plausibility Increases Deontological Moral Judgments. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 84. Art. 103834. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103834>.
47. Litz B. T., Lebowitz L., Gray M. J., Nash W. P. (2017) *Adaptive Disclosure: A New Treatment for Military Trauma, Loss, and Moral Injury*. New York, NY: The Guilford Press.
48. Maggu G., Sharma S., Jaishy R., Jangid S. (2021) COVID-19 Moral Dilemmas Viewed Through Eastern and Western Philosophy. *Industrial Psychiatry Journal*. Vol. 30. No. 1. P. 273—276. <https://doi.org/10.4103/0972-6748.328828>.
49. McConnell T. C. (1996) Moral Residue and Dilemmas. In: Mason H. E. (ed.) *Moral Dilemmas and Moral Theory*. New York, NY: Oxford University Press. P. 36—47.
50. McCracken L. M., Badinlou F., Buhrman M., Brocki K. C. (2020) Psychological Impact of COVID-19 in the Swedish Population: Depression, Anxiety, and Insomnia

- and Their Associations to Risk and Vulnerability Factors. *European Psychiatry*. Vol. 63. No. 1. Art. e81. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2020.81>.
51. Neves N., Bitencourt F., Bitencourt A. (2020) Ethical Dilemmas in COVID-19 Times: How to Decide Who Lives and Who Dies? *Revista da Associação Médica Brasileira*. Vol. 66. No. 2. P. 106—111. <https://doi.org/10.1590/1806-9282.66.S2.106>.
52. Pattison N. (2020) End-of-Life Decisions and Care in the Midst of a Global Coronavirus (COVID-19) Pandemic. *Intensive Critical Care Nursing*. Vol. 58. Art. 102862. <https://doi.org/10.1016/j.iccn.2020.102862>.
53. Robert R., Kentish-Barnes N., Boyer A. et al. (2020) Ethical Dilemmas Due to the Covid-19 Pandemic. *Annals of Intensive Care*. Vol. 10. Art. 84. <https://doi.org/10.1186/s13613-020-00702-7>.
54. Scanlon T. (1982) Contractualism and Utilitarianism. In: Sen A. K., Williams B. A. O. (eds.) *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 103—128.
55. Schiffer A., O’Dea C., Saucier D. (2021) Moral Decision-Making and Support for Safety Procedures Amid the COVID-19 Pandemic. *Personality and Individual Differences*. Vol. 175. Art. 110714. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110714>.
56. Shortland N., McGarry P., Merizalde J. (2020) Moral Medical Decision-Making: Colliding Sacred Values in Response to COVID-19 Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Vol. 12. No. S1. P. S128—S130. <https://doi.org/10.1037/tra0000612>.
57. Singer P. (2005) Ethics and Intuitions. *The Journal of Ethics*. Vol. 9. P. 331—352. <https://doi.org/10.1007/s10892-005-3508-y>.
58. Suryadi T., Sarjani S., Kulsum K. (2021) Resolution of Ethical Dilemmas Using Basic Ethical Principles in Cases of Pregnancy with Severe Symptoms of Coronavirus Disease 2019 Complications. *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*. Vol. 9. No. C. P. 267—272. <https://doi.org/10.3889/oamjms.2021.7486>.
59. Thaler R., Sunstein C. (2008) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven, CT: Yale University Press.
60. Truog R., Mitchell C., Daley G. (2020) The Toughest Triage — Allocating Ventilators in a Pandemic. *New England Journal of Medicine*. Vol. 382. No. 21. P. 1973—1975. <https://doi.org/10.1056/NEJMp2005689>.
61. Valera L., Carrasco M., Castro R. (2022) Fallacy of the Last Bed Dilemma. *Journal of Medical Ethics*. Vol. 48. No. 11. P. 915—921. <https://doi.org/10.1136/medethics-2021-107333>.
62. Weber S., Weibel D., Mast F. (2021) How to Get There When You Are There Already? Defining Presence in Virtual Reality and the Importance of Perceived Realism. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Art. 628298. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.628298>.

63. Wilkinson D., Zohny H., Kappes A. et al. (2020) Which Factors Should Be Included in Triage? An Online Survey of the Attitudes of the UK General Public to Pandemic Triage Dilemmas. *BMJ Open*. Vol. 10. No. 12. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-045593>.
64. Zhao Q., Hu X.-li, Zhang R.-xia, Yu Y. (2022) Emergency Methods, Moral Dilemma and Coping Styles Among Frontline Nurses: An Explorative Study During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Global Health Reports*. Vol. 6. Art. e2022031. <https://doi.org/10.29392/001c.36456>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): май — июнь 2024 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 164—178.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): May — June 2024. (2024) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 164–178.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАЙ — ИЮНЬ 2024

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

БРИКС: НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ165

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СКОЛЬКО НУЖНО ДЕТЕЙ ДЛЯ СЧАСТЬЯ?167

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ: МОНИТОРИНГ170

КВАРТИРА, АВТОМОБИЛЬ И БИЗНЕС172

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПОШЛИ В МУЗЕЙ?174

АВТОТУРИЗМ — 2024177

ПОЛИТИКА**БРИКС: НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ165****БРИКС: НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ***19—21 мая 2024 г.*

БРИКС — межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, основанное в 2006 г. В этом году к БРИКС присоединился еще ряд стран: Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Эфиопия. С 1 января 2024 г. председательство в БРИКС перешло к нашей стране, а в октябре в Казани состоится главное событие — саммит глав государств.

Осведомленность наших сограждан о БРИКС за эти годы выросла с 85 % в 2015 г. до 97 % в текущем замере. Кроме того, с 2015 г. россияне стали заметно чаще говорить о сильном влиянии группы БРИКС на ситуацию в мире: сегодня так думает большинство (57 %, +19 п. п. к 2015 г.). Доля россиян, оценивающих влияние как слабое, не изменилась (2015, 2024 гг. — по 29%). То есть за девять лет БРИКС не только стал более заметным в российском информационном пространстве, но и укрепил свой авторитет в обществе.

Молодежь 18—34 лет несколько чаще говорит о слабом влиянии БРИКС на ситуацию в мире — 33—34 %, с возрастом укрепляется мнение о БРИКС как о значимом мировом игроке (61—63 % в группе старше 45 лет).

Ключевым направлением сотрудничества, представляющим первоочередной интерес для нашей страны, по мнению россиян, является финансово-экономическое сотрудничество — углубление экономических и торговых связей (44 %) и создание единого валютно-финансового рынка (37 %). Страны БРИКС — важные торговые партнеры России, поэтому развитие взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества позволяет диверсифицировать экономические связи и компенсировать потери от разрыва отношений с Западом.

Чем старше россияне, тем чаще они говорят о создании единого валютно-финансового рынка (21 % среди 18—24-летних и 46 % в группе 60 лет и старше).

Каждый третий россиянин (32 %) отметил важность сотрудничества с БРИКС в сфере совместного решения вопросов международной безопасности и военно-технического сотрудничества. Это говорит о важности данной повестки для российского общества. Примечательно, что женщины выбирали такой вариант чаще мужчин (37 % vs. 27 %): вероятно, тема безопасности волнует их сильнее. С возрастом интерес россиян к сотрудничеству в этом направлении усиливается (11 % среди 18—24-летних и 41 % в группе старше 60 лет).

В меньшей степени актуальной наши сограждане находят кооперацию России и БРИКС в борьбе с международным терроризмом (18 %), реализации научно-технологических проектов (17 %) и в сфере энергетических рынков (16 %). Еще 5 % указали на упрощение визовых режимов.

Вместе с тем анализ ответов в разрезе возрастных групп показывает, что для молодых россиян эти направления видятся скорее перспективными. Так, среди

респондентов в возрасте 18—24 лет 35 % считают важным сотрудничество в реализации научно-технологических проектов, в то время как в группе старше 60 лет таких только 12 %. Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении сферы энергетики (23 % среди 18—24-летних vs. 12 % в группе старше 60 лет). Молодежь также в большей степени заинтересована в упрощении визовых режимов в рамках БРИКС (13 % среди 18—24-летних vs. 2 % в группе старше 60 лет).

Рис. 1. Оцените, пожалуйста, влияние на ситуацию в мире группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, ОАЭ, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия) (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СКОЛЬКО НУЖНО ДЕТЕЙ ДЛЯ СЧАСТЬЯ?	167
ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ: МОНИТОРИНГ	170
КВАРТИРА, АВТОМОБИЛЬ И БИЗНЕС	172

СКОЛЬКО НУЖНО ДЕТЕЙ ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

24 мая 2024 г.

ВЦИОМ выяснил, что среди россиян сохраняется ориентация на двух- (38 %) и трехдетную (39 %) семью — именно такое количество детей должно быть в семье по мнению наших сограждан. Десять лет назад ситуация была иной, в большей степени россияне тогда ориентировались на рождение двух детей (53 %) и реже — трех (28 %). С 2014 г. заметно сократилась доля тех, кто считает достаточным рождение одного ребенка (2014 г. — 10 %, 2024 г. — 3 %). Можно сделать вывод, что в российском обществе наблюдается сдвиг в сторону усиления ориентации на многодетность (2014 г. — три и более детей — 34 %, 2024 г. — 48 %). Однако модель многодетной семьи в большей степени присуща россиянам среднего и старшего возраста (реформенное поколение, поколение застоя и оттепели — 54—61 %). Чем моложе россияне, тем чаще они говорят о двух детях как идеальном варианте (зумеры, миллениалы — 41—42 %). Каждый десятый зумер ориентирован на одного ребенка (9 %), а каждый пятый — на бездетную семью (22 %).

Мужчины чаще женщин считают идеальной семьей, где воспитываются трое и более детей (55 % vs. 43 %), тогда как женщинам ближе идея семьи с двумя детьми (41 % vs. 34 %). Женщины, как правило, несут большую нагрузку по уходу за детьми и их воспитанию, поэтому они могут быть более сдержаны в оценках идеального числа детей.

В значительной степени на представления об идеальном количестве детей в семье влияет родительский опыт. Чем больше у человека детей, тем чаще он считает идеальной многодетную семью: среди россиян с тремя детьми так думают 77 %, это почти в два раза больше в сравнении с теми, кто воспитывает одного ребенка (40 %), и почти в три раза выше в сравнении с теми, у кого нет детей (28 %). В то же время 17 % бездетных россиян отмечают необязательное наличие детей в семье.

Чаще многодетную модель семьи поддерживают также жители села (55 % vs. 48 % среди всех россиян), активные телезрители (55 %) и жители Северо-Кавказского федерального округа (65 %).

Материальное положение влияет на представления об идеальном количестве детей нелинейно: и наиболее обеспеченные россияне, и россияне с плохим материальным положением чаще граждан со средними доходами ориентированы на многодетность (52 %, 54 % и 44 % соответственно). Россияне «среднего» достатка чаще предпочитают двоих детей в семье (42 % vs. 32—34 % в группе с высокими и низкими доходами).

Существует множество причин, по которым люди решаются завести ребенка. Главная из них, по мнению россиян, — реализация традиционных семейных функ-

ций — 91% ответов (предназначение брака — 56%, ради своего будущего, помощи в старости — 18%, заложено природой, традициями общества — 10%, передать культурное и духовное наследие — 7%). За десять лет этот мотив рождения детей заметно укрепился в российском обществе, в 2014 г. он набирал 34% ответов, в 2018 г. — 79%.

Вторая по значимости причина стать родителем — реализация смысло-жизненных целей — 35% ответов (счастье — 19%, обретение смысла — 14%, самореализация — 2%). С 2014 г. этот мотив стал звучать чаще (27%). Иными словами, родительство воспринимается не только как социальная обязанность, но и как способ самоактуализации и обретения жизненного смысла.

Заводить детей ради целей всего общества — эта группа ответов набирает 15% (улучшить демографию — 9%, ради будущего страны — 6%), за десять лет данный мотив заметно утратил свою актуальность (2014 г. — 36%).

Рис. 1. По Вашему мнению, в идеале сколько детей должно быть в семье? Если Вы считаете, что в семье необязательно должны быть дети, то так и скажите об этом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Существует ряд факторов, которые влияют на снижение мотивации к родителству. Россияне убеждены, что чаще всего отказ от рождения детей кроется в личностных причинах — 75% ответов (дети мешают свободе — 23%, слишком большая ответственность — 15%, не хотят детей — 13%, лень — 9%, ориентация на карьеру — 7%, нежелание вступать в брак — 6%, не любят детей — 2%). Эта группа ответов в 2014 г. набирала в два раза меньше — 37%, в 2018 — 64%.

Часть россиян полагают, что стать родителями людям мешает нехватка материальных или иных ресурсов — 37% ответов (недостаточно денег — 26%, отсутствие собственного жилья — 5%, сложное состояние экономики — 4%, дети требуют слишком много сил — 2%). Этот мотив сегодня звучит чаще, чем в 2014 г. (18%), но реже, чем в 2018 г. (43%).

В 28% случаев ответы касались такого ограничительного фактора, как проблемы со здоровьем (плохое здоровье — 17%, невозможность иметь детей — 11%), в предыдущие замеры россияне реже говорили об этой проблеме (2014 г. — 19%, 2018 г. — 13%). Социальные, средовые факторы набирают 14% ответов (нет уверенности в будущем, трудные времена — по 5%, западная пропаганда, чайлдфри — 4%).

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ: МОНИТОРИНГ

15 июня 2024 г.

Уехать за границу на постоянное место жительства сегодня хотели бы только 5% россиян, тогда как абсолютное большинство опрошенных (93%) скорее исключают для себя такой вариант событий. За все время наблюдений процент миграционно настроенных граждан находился в диапазоне от 5% до 17%, показатели последнего года самые низкие. Начиная с 2022 г. желание россиян остаться в России постепенно укреплялось (2021 г. — 81%, 2022 г, март — 88%). Одновременно с этим снижалась и доля тех, кто допускает отъезд за границу, с 2022 г. она сократилась в два раза (2022 г., март — 10%, 2024 г., июнь — 5%). Важно понимать, что исследования фиксируют не фактическую готовность населения переехать в другую страну, а миграционные настроения.

Анализ всего временного ряда позволяет выделить несколько периодов миграционных настроений.

1. Начало 1990-х годов (1991 год) — 16%. Этот период характеризовался глубокими политическими и экономическими трансформациями в стране после распада СССР, когда «железный занавес» рухнул и многие россияне устремились к новым возможностям и большей свободе за рубежом.

2. Снижение эмиграционных настроений в 2000-х — первой половине 2010-х (2011—2018) до 10—13%. Этот период был отмечен стабилизацией ситуации в России, экономическим ростом и повышением уровня жизни, что сдерживало желание граждан эмигрировать.

3. Рост эмиграционных настроений в 2019—2021 гг. до 16—17%. Этот период связан с нарастанием политической напряженности, ухудшением экономической ситуации, санкциями, пандемией, на этом фоне отмечался небольшой рост миграционных намерений граждан.

4. Снижение эмиграционных настроений в 2022—2024 гг. до 5—10%. Этот период связан с началом проведения специальной военной операции, обострением отношений с Западом и укреплением государственного суверенитета, а также государственной поддержкой экономики, бизнеса и многих сфер общества. Сокращение доли желающих выехать за рубеж на постоянное место жительства в этот период может быть обусловлено консолидацией российского общества, постепенной адаптацией к новым реалиям, а также связью с ограничениями выезда за границу.

В целом динамика эмиграционных настроений отражает реакцию российского общества на политические, экономические и социальные изменения в стране. Периоды роста связаны с кризисными явлениями, а снижение — с некоторой стабилизацией ситуации.

Чем моложе россияне, тем чаще они допускают для себя возможность переезда за границу (11% зумеров и младших миллениалов vs. 0—2% среди россиян старшего возраста).

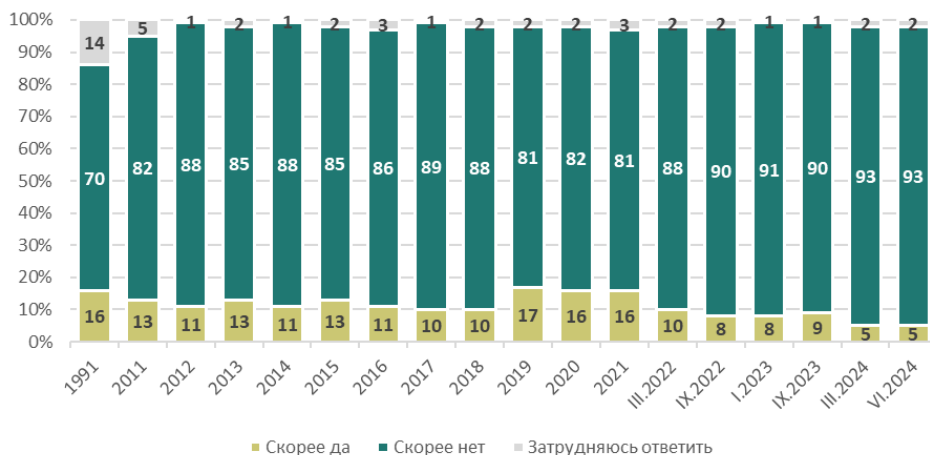
Граждане с плохим материальным положением в два раза чаще, чем наиболее обеспеченные россияне, говорят о желании покинуть Россию (10% и 5% соответственно).

Абсолютное большинство россиян не только сами хотят жить в России, они желали бы этого и для своих детей (84 %). За десять лет такая позиция укрепилась (2014 г. — 72 %). Еще 2 % хотели бы дать возможность своим детям пожить в СССР, другие страны не набирают больше 1 %.

Тот факт, что опросы фиксируют не столько планы на переезд, сколько миграционные настроения, подтверждается следующими данными: половина декларирующих готовность к переезду (45 %) пока не думали о том, когда примерно могли бы осуществить его. Этот вариант во все замеры набирает большинство ответов (39—51 %). Еще 21 % не знают, когда смогут переехать, хотя и думали об этом. Только 12 % отметили, что намерены реализовать свои планы уже в ближайшие год-два.

Основными драйверами миграционных настроений выступают экономическая ситуация в стране (37 % от числа настроенных на отъезд) и недовольство внутренней политикой России, работой правительства (35 %). Остальные варианты звучат в ответах заметно реже: климат (11 %), лучшее образование, поиск новой жизни (по 10 %), отсутствие стабильности, СВО и возможная мобилизация (по 9 %), недовольство социальной политикой (7 %) и прочее.

Рис. 2. Хотели бы Вы уехать за границу на постоянное жительство или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Примечание. До 2017 г. опросы проводились методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов.

КВАРТИРА, АВТОМОБИЛЬ И БИЗНЕС

21 июня 2024 г.

В ходе июньского опроса ВЦИОМ семь из десяти россиян ответили, что планируют свою жизнь (72%), в том числе 24% ограничиваются краткосрочным горизонтом планирования — на ближайшую неделю (10%) или месяц вперед (14%), примерно столько же, 26%, строят среднесрочные планы — на год вперед. Планирование «вдолгую» — на пять и десять лет вперед, характерно для 12% и 10% соответственно. Совсем не строят планов на жизнь 25%, или каждый четвертый.

«Игра на длинную дистанцию» — прерогатива молодых. Планы на жизнь, по собственным оценкам, строит абсолютное большинство молодых людей в возрасте 18—35 лет — 85% (vs. 66% среди «остальных»), не строят только 13%, это вдвое меньше в сравнении с россиянами 36+ лет (29%). Чаще других молодежи свойственны как краткосрочный, так и средне- и долгосрочный горизонты планирования: на месяц (19% vs. 12% среди остальных), на год (31% vs. 24%) и на пять лет вперед (16% vs. 10%).

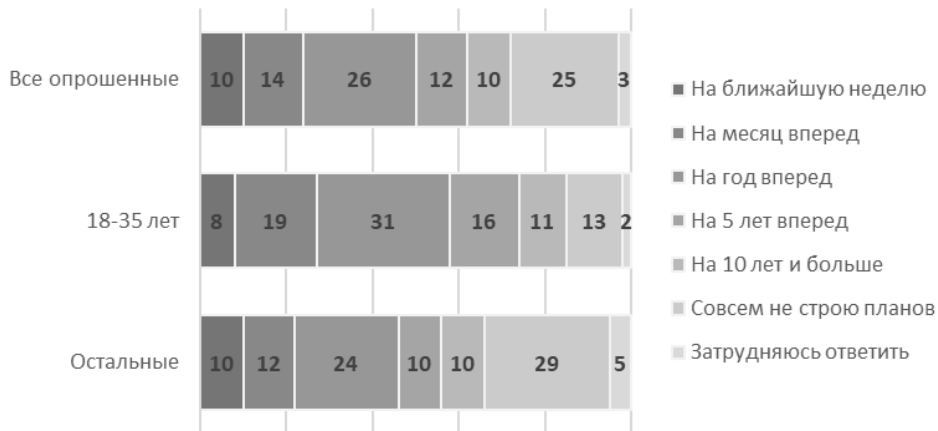
Согласно полученным данным, две трети россиян успели обзавестись собственным жильем (66%), одновременно с этим такая цель видится россиянам самой желанной — свою квартиру/дом в ближайшие десять лет хотели бы приобрести трое из десяти опрошенных (29%). Более половины россиян создали семью и стали родителями (57% и 56% соответственно), еще 16% и 21% хотели бы это сделать в обозримом будущем. Собственный автомобиль есть у 44% наших сограждан, стать автовладельцами хотели бы 26%. Реже всего из пяти тестируемых жизненных целей россиян привлекает свое дело: только каждый седьмой назвал себя бизнесменом (14%), еще 24% желают им стать.

Молодые люди 18—24 лет, относительно недавно вступившие во взрослую жизнь, в большинстве своем пока только декларируют желание достичь вышеуказанных целей в ближайшие десять лет. Наиболее актуально для них приобретение собственного жилья (хотят осуществить 73%), следом идут покупка автомобиля (64%) и создание семьи (вступление в брак, появление ребенка — по 52%). Другими словами, первостепенное для молодежи — закрыть базовые материальные потребности, а впоследствии — создавать новую ячейку общества. В вопросе открытия собственного бизнеса 18—24-летние солидарны с «соседним» молодежным поколением: доля желающих иметь свое дело в обеих группах составляет 43%.

Что касается 25—34-летних россиян, то многим из них уже удалось чего-то добиться в жизни: в частности, вступить в брак (55% vs. 16% среди 18—24-летних), стать родителями (35% vs. 3%), обзавестись собственным жильем (47% vs. 24%) и автомобилем (39% vs. 19%).

Россияне, имеющие те или иные амбиции, в большинстве своем верят в свои силы: восемь из десяти опрошенных полагают, что в ближайшие десять лет им скорее удастся создать семью и завести ребенка/детей (по 78%, здесь и далее — от числа тех, кто хочет осуществить конкретную цель). Три четверти желающих пополнить ряды автовладельцев верят, что смогут это сделать (76%). Сложнее обстоит ситуация с масштабными целями, требующими серьезных финансовых затрат: с покупкой жилья («скорее удастся» — 68%) и открытием собственного бизнеса (60%).

Рис. 3. Хотели бы Вы уехать за границу на постоянное жительство или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПОШЛИ В МУЗЕЙ?	174
АВТОТУРИЗМ — 2024	177

ПОШЛИ В МУЗЕЙ?

15 июня 2024 г.

Россияне достаточно активно посещают музеи, каждый второй (48%) был там в течение последних пары лет, в том числе 17% совсем недавно — в течение последних нескольких месяцев. С 2018 г. показатель остается на уровне 44—48%, тогда как в более ранний период наблюдений (с 2008 г.) он был заметно ниже — 23—38%. Четверо из десяти (40%) бывали в музее несколько лет назад, каждый десятый (10%) никогда не был.

Россиянин, посещавший музеи в последние пару лет, — это скорее женщина (53% vs. 43% мужчин), совсем юная (67% среди зумеров) или довольно молодого возраста (55—60% в группе миллениалов), с высшим или неполным высшим образованием (63%), с хорошим материальным положением (55%), проживающая в одной из столиц (73%) или крупном городе (миллионники — 56%, города с численностью 500—950 тыс. человек — 59%), активный интернет-пользователь (60%).

Россиянин, посещавший музеи несколько лет назад, — это скорее мужчина (46% vs. 35% среди женщин), старшего возраста (48—55% среди поколения застоя и оттепели), с неполным средним (46%) или средним специальным (48%) образованием, с плохим материальным положением (45%), житель села (45%), активный телезритель (52%).

Россиянин, никогда не бывавший в музее, — это в равной степени мужчина и женщина (9% и 10% соответственно), чаще это младшие миллениалы (14%), с неполным средним или полным средним образованием (35% и 22% соответственно), житель села (19%), предпочитающий интернету телевидение (21%).

Чаще всего музеи посещают представители городской, образованной, обеспеченной и молодой аудитории, активной в цифровом пространстве.

За последние 15 лет больше россиян стали выражать интерес к музеям. Две трети (66%) отметили, что хотели бы чаще посещать музеи, если бы у них была такая возможность, в 2009 г. так говорили 53% (+13 п. п.). Одновременно с этим более чем в два раза снизилась доля тех, у кого нет желания ходить в музеи (2009 г. — 35%, 2024 г. — 14%), и вырос процент тех, кто ходит в музеи достаточно часто (2009 г. — 3%, 2024 г. — 11%).

ВЦИОМ выяснил, что наиболее привлекательными для наших сограждан оказались музеи исторические (63%). В топ-3 вошли также художественные (44%) и краеведческие (35%). Около трети посетили бы и естественнонаучные музеи (30%). А вот литературные музеи пользуются меньшим спросом (13%), в этом году в списке оказалась еще одна музейная тематика — военно-патриотическая (2%), этот вариант респонденты предлагали сами в варианте ответа «Другое». С 2018 г. рейтинг не претерпевал значительных изменений, можно отметить, что

в последний год увеличился интерес россиян к естественнонаучным музеям (+6 п. п. к 2023 г.).

Исторические музеи одинаково интересны как мужчинам (63%), так и женщинам (62%), реже зумерам (50%), но чаще младшим миллениалам (69%). Их чаще предпочитают граждане с неполным высшим и высшим образованием (65%), жители села и городов с численностью населения 500—950 тыс. человек (по 68%), а также проживающие в Северо-Кавказском (68%), Сибирском (67%) и Дальневосточном (71%) федеральных округах.

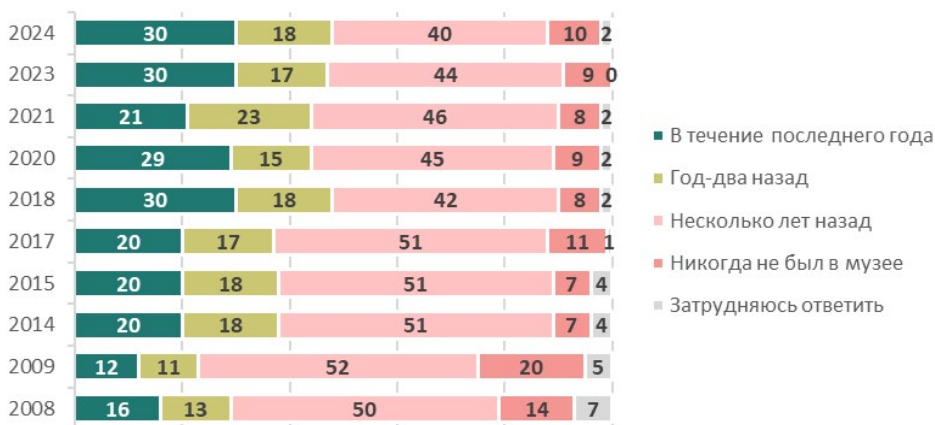
Художественные музеи скорее интересуют женщин (55% vs. 31% среди мужчин), зумеров (50%), аудиторию в высшем образовании (54%), столичных жителей (59%) и жителей крупных городов (500—950 тыс. человек — 52%), а также тех, кто предпочитает интернет (48%).

Среди посетителей краеведческих музеев выше вероятность увидеть женщин (41%), а не мужчин (28%), россиян старшего возраста (41—45% среди поколения застоя и оттепели), с плохим материальным положением (40%), жителей городов с численностью населения 500—950 тыс. человек (42%), проживающих в Дальневосточном округе (47%), а также активных телезрителей (40%).

Технические музеи в три раза чаще интересуют мужчин (49% vs. 16% женщин), миллениалов (40—45%), с высшим и неполным высшим образованием (35%), хорошим материальным положением (36%), проживающих в городах-миллионниках (41%), активно использующих интернет (35%).

Естественнонаучные музеи представляют больший интерес для женщин (34% vs. 25% среди мужчин), в основном молодого возраста (34—41% среди зумеров и миллениалов), с высшим или неполным высшим образованием (36%), столичных жителей (40%), а также активных интернет-пользователей (39%).

Рис. 1. Когда в последний раз Вы были в музее?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Наконец, литературные музеи чаще привлекают женщин (18% vs. 7%), граждан старшего возраста (26% среди поколения оттепели), скорее проживающих

в Москве или Санкт-Петербурге (17%), а также жителей Северо-Кавказского федерального округа (20%) и тех, кто не смотрит телевизор и не пользуется интернетом (23%).

Развитие музейного дела в России сопровождается ростом удовлетворенностью их оснащением. Абсолютное большинство посетителей довольны тем, как все обустроено в музеях (85%), с 2018 г. показатель растет (2018 г.— 79%). В большей степени удовлетворены оснащением музеев жители крупных городов (Москва, Санкт-Петербург — 91%, города-миллионники — 88%, города с численностью населения 500—950 тыс. человек — 88%), в селах и небольших населенных пунктах (до 100 тыс. чел.) процент довольных несколько ниже (82—84%), но все равно остается высоким.

АВТОТУРИЗМ — 2024

24 июня 2024 г.

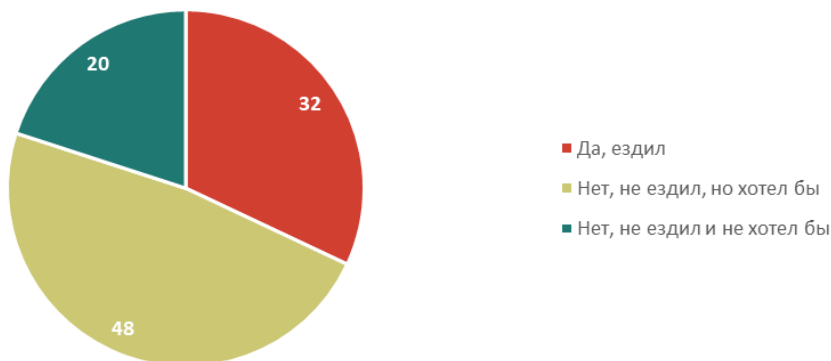
Согласно опросу ВЦИОМ, туристические поездки по стране на своем или арендованном автомобиле в течение последнего года совершали треть россиян (32%). В подавляющем большинстве случаев это были мини-поездки продолжительностью не больше недели (81% от числа автопутешественников): около половины ездили на один-три дня (51%), еще 30% на четыре-семь дней. Оставшиеся 19% отважились на более длительные поездки. Что касается дальности поездок, то 45% путешествовали по России в радиусе 500 км от дома (45%), дальше уезжали более половины опрошенных, имеющих опыт автопутешествий (55%).

Типичный россиянин, имеющий недавний опыт путешествий на автомобиле: скорее мужчина (39%), 25—44 лет (25—34 лет — 44%, 35—44 лет — 45%), с высшим или полным высшим образованием (41%) и хорошим материальным положением (43%), проживающий в одной из столиц или городе-миллионнике (40% и 43% соответственно) и работающий в коммерческой организации (43%). Наряду с Центральным и Северо-Западными федеральными округами (38% и 31% соответственно) автопутешественников привлекает Южный ФО (38%), что, вероятно, обусловлено близостью морских курортов. Как будет показано далее, Крым и Краснодарский край входят в тройку наиболее востребованных туристических направлений.

Интерес к автотуризму декларирует каждый второй россиянин («не ездил, но хотел бы» — 48%), что косвенно свидетельствует о высоком потенциале подобного формата путешествий в нашей стране. У каждого пятого опрошенного отсутствует не только опыт такого отдыха, но и желание его приобрести (20%).

О желании отправиться в туристическую поездку на авто чаще говорят женщины (не ездили, но хотели бы — 52%), россияне 45—59 лет (53%), со средним специальным образованием (54%) и плохим материальным положением (60%), а также жители сельской местности (55%).

Рис. 2. Скажите, в течение последнего года Вы, сами или в компании, ездили или нет на своем или арендованном автомобиле, посещая новые места, города по России? Если нет, то хотели бы поехать или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

В тройку наиболее предпочтительных туристических направлений вошли Южный, Северо-Западный и Сибирский федеральные округа (29%, 23% и 21% от числа реальных и потенциальных автопутешественников). В частности, чаще всего этим летом опрошенные хотели бы отправиться на автомобиле в Краснодарский край (16%), в Республику Алтай / Алтайский край (14%), в Крым (10%) и в Санкт-Петербург (9%).

Жители Центрального федерального округа чаще других хотели бы съездить в соседний Северо-Западный федеральный округ (32%), жители Северо-Кавказского ФО — в Южный (38%), а уральцы — посетить Сибирь (30%). Наибольшую «оседлость» демонстрируют жители Сибирского и Приволжского федеральных округов, которые чаще других отдали бы предпочтение поездке внутри своего региона (49% и 28% соответственно).

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2541](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2541)

С. И. Заир-Бек, Т. А. Мерцалова, Н. А. Сенина

РЕШЕНИЕ СЕМЕЙ О СМЕНЕ ШКОЛЫ: КОНТЕКСТЫ ВЫБОРА

Правильная ссылка на статью:

Заир-Бек С. И., Мерцалова Т. А., Сенина Н. А. Решение семей о смене школы: контексты выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 179—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2541>.

For citation:

Zair-Bek S. I., Mertsalova T. A., Senina N. A. (2024) Families' Decisions on Changing Schools: Choice Contexts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 179–203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2541>. (In Russ.)

Получено: 15.12.2023. Принято к публикации: 03.05.2024.

РЕШЕНИЕ СЕМЕЙ О СМЕНЕ ШКОЛЫ: КОНТЕКСТЫ ВЫБОРА

ЗАИР-БЕК Сергей Измаилович — кандидат педагогических наук, ведущий эксперт Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: szair-bek@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6390-2296>

МЕРЦАЛОВА Татьяна Анатольевна — кандидат педагогических наук, ведущий эксперт Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: tmertsalova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1482-1988>

СЕНИНА Наталья Андреевна — аналитик Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: nsenina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3324-3864>

Аннотация. В статье рассматриваются контексты родительского вторичного выбора школы при ее смене. На данных онлайн-опроса родителей школьников, проведенного в рамках Мониторинга экономики образования в 2020/2021 учебном году, показано, что вторичный выбор школы связан с комплексом контекстных факторов — территориальными особенностями, характеристиками семей и самих обучающихся, спецификой деятельности общеобразовательной организации. Поведение семей,

FAMILIES' DECISIONS ON CHANGING SCHOOLS: CHOICE CONTEXTS

Sergey I. ZAIR-BEK¹ — Cand. Sci. (Pedagogical), Leading Expert, Pinsky Centre of General and Extracurricular Education, Institute of Education

E-MAIL: szair-bek@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6390-2296>

Tatyana A. MERTSALOVA¹ — Cand. Sci. (Pedagogical), Leading Expert, Pinsky Centre of General and Extracurricular Education, Institute of Education

E-MAIL: tmertsalova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1482-1988>

Natalia A. SENINA¹ — Analyst, Pinsky Centre of General and Extracurricular Education, Institute of Education

E-MAIL: nsenina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3324-3864>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the contexts of parental school choice when changing schools. Based on the data of the online survey of parents of schoolchildren conducted as part of the Monitoring of Education Markets and Organizations in the 2020/2021, the authors show that the secondary school choice is associated with a set of contextual factors, such as geographical location, characteristics of families and students themselves, and specifics of the educational institution. The behavior of families and their

их мотивация к смене школы разнообразны и зависят от ряда объективных и субъективных факторов, которые могут действовать в различных сочетаниях, определяя характер причин смены школы. Причины могут определяться внешними обстоятельствами или образовательными устремлениями и амбициями семей. Так или иначе, смена школы становится поворотным решением в жизни ребенка, которое принимается, как правило, родителями. Выявлено, что значимость смены школы как жизненного события связана с факторами, являющимися стрессовыми для семьи и ребенка. Это касается совмещения процесса смены школы со сменой места жительства, образовательного и социального окружения ребенка, требований, предъявляемых новой школой к его поведению и прилежанию, уровню образовательных результатов. Авторы исследуют различия между теми, кто менял школу однократно и многократно, в том числе в удовлетворенности этих групп школой, в которой их дети обучаются в данный момент. Обнаружено, что родители школьников, менявших школу неоднократно, демонстрируют наиболее высокий уровень неудовлетворенности, а также наибольшую готовность сменить школу снова.

Ключевые слова: смена школы, школьная мобильность, родительский выбор, выбор семей, образовательные траектории, поворотное решение

motivation to change schools are diverse and depend on several objective and subjective factors, which can operate in various combinations, determining the nature of the reasons for changing schools. These reasons may be determined by external circumstances or educational aspirations and ambitions of families. In any case, changing school becomes a turning point in a child's life, while the choice is usually made by parents. It has been revealed that the significance of school change as a crucial life event is associated with other factors that are stressful for the family and the child. Namely, the process of changing school is often accompanied by the change of place of residence, changing educational and social environment of the child, the introduction of the requirements imposed by the new school to his/her behavior, diligence, and the level of educational results. The authors investigate the differences between those who changed schools once and many times and evaluate the satisfaction of these groups with the school their children are currently studying in. The study reveals that parents of students who have changed schools more than once show the highest level of dissatisfaction, as well as the highest willingness to change schools again.

Keywords: school choice, school mobility, changing schools, educational trajectories, educational transitions, turning point

Введение

В современных исследованиях смена школы и образовательной траектории трактуются как одно из ключевых решений в жизни ребенка. Этот выбор влияет на образовательные результаты школьника, его благополучие и, в конечном счете, на его дальнейшую жизненную и образовательную траектории [Terrin, Triventi, 2022].

Точка принятия решения («decision point») в теоретических работах рассматривается с позиции вмешательства в действия человека с целью рефлексии текущего процесса и возможных сценариев его изменения [Soman, Xu, Cheema, 2010]. Подобная точка принятия решений может трактоваться как поворотный момент («turning point»)¹, в котором происходят значительные изменения. В психологии к таким моментам относят события, рассматриваемые с позиции определенных решений на жизненном пути. Однако речь может идти не о любых событиях, а о тех, которые становятся «судьбоносными», значимыми [Ананьев, 1980; Рубинштейн, 1999]. Так, С. Л. Рубинштейн отмечает, что жизненные события становятся поворотными, или узловыми, моментами, если подразумевают принятие какого-либо решения, осуществление выбора, значимо определяющего путь личности на относительно длительный период времени [Рубинштейн, 1999].

В нашей статье поворотные решения рассматриваются как решения, принимаемые в критических точках (моментах) возникновения условий (факторов), определяющих изменение жизненных целей. Данные условия (факторы) понимаются как контексты выбора [Bronfenbrenner, 1979; Davidoff, 2019] и характеризуются действиями, направленными на изменение социального поведения и смены условий для ликвидации возникающих препятствий. При этом в ситуации жизненного выбора ребенка в силу возрастных особенностей решающую роль играют родители [Lareau, 1997; Dixon, 2008]. Выбор образовательной траектории ребенка, в большинстве исследований изучается в двух точках: «входа» — выбора общеобразовательной организации и «выхода» — выбора последующего маршрута после окончания основной и/или средней школы [Burgess et al., 2015; Бессуднов, Малик, 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019]. Еще одна точка — переход между начальной и основной школами [Тенишева, Савельева, Александров, 2018]. Решения относительно этих переходов возникают как заданные нормативно и имеют высокие ставки в контексте общего жизненного выбора.

По данным официальной образовательной статистики, ежегодно школу меняют более 1 млн обучающихся (без учета получивших аттестаты об окончании обучения), что составляет около 6 % от всей численности школьников². Таким образом, смена школы в процессе обучения без привязки к переходам между уровнями образования (начальным общим, основным общим, средним общим) — довольно распространенное явление. Однако в современной отечественной и зарубежной литературе такая смена школы рассматривается крайне редко. Основное внимание российских авторов сконцентрировано на проблемах смены образовательной организации в рамках реализации траекторий после девятого класса (например, [Косякова и др., 2016; Бессуднов, Малик, 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019]). В целом в отечественных исследованиях процесс смены школы изучен слабо, что обуславливает необходимость дополнительных исследований и определяет актуальность данной статьи.

¹ American Heritage Dictionary of the English Language — «turning point». URL: <https://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=turning+point> (дата обращения 11.11.2023).

² Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года // Банк документов. Министерство просвещения Российской Федерации. <https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf021660425786495d744405367f0/> (дата обращения: 04.06.2024).

Выбор при смене школы, как правило, осуществляется родителями и нередко не осознается ребенком как поворотное решение в моменте, но впоследствии может определять его жизненные и профессиональные траектории. Одновременно значимость смены школы может проявиться в процессе адаптации к новым условиям, в связи с изменениями образовательных требований, качеством психолого-педагогического сопровождения и др. [Holland, Kaplan, Davis, 1974; Schaller, 1974].

Цель данной работы — определить, каким образом проявляются контекстные характеристики в родительском выборе при смене школы ребенка. Смена школы в работе рассматривается как вторичный выбор. Статья позволяет ответить на исследовательский вопрос: какие особенности территорий, школ, семей и самих обучающихся связаны со сменой общеобразовательной организации для ребенка?

Теоретическая часть

В рамках теории экологических систем социализации и развития ребенка У. Бронфенбреннера [Bronfenbrenner, 1979] смена школы рассматривается как экологический переход, то есть изменение в установках, ролях или ожиданиях развивающегося человека. Смена школы подразумевает выбор, который совершается при определенных условиях, составляющими контекст этого выбора. К ним, например, относится совокупность факторов окружающей природной и социальной среды на микро-, мезо- и макроуровне, которые действуют системно, а векторы их воздействия трудно обозначить в силу их синергетического эффекта и ситуационного проявления [Bronfenbrenner, 1979]. Кроме того, воздействие может осуществляться в рамках как индивидуального [Johnson, 2002], так общественного выбора [Earle, Earle, 1999].

Выбор индивидов, связанный с реализацией доступных им возможностей, — один из центральных конструктов в теории рационального выбора. Согласно этой теории, индивид, делая выбор, пытается получить максимальную выгоду [Коулман, 2004]. Рассуждая об ограничениях данной теории, Д. Ю. Куракин и И. А. Латыпов отмечают, что они обусловлены множеством социальных факторов, в связи с чем природа самого выбора становится более сложной и определяется множеством возможных решений. Так, если раньше выбор был скорее привилегией, то сейчас он часто вынужденный (например, после 9 класса). За этот вынужденный выбор — осознанный или нет, — человеку придется нести ответственность. Таким образом, любой выбор влечет за собой последствия [Куракин, Латыпов, 2023]. Как правило, индивид делает его самостоятельно, но часть событий определяет внешняя среда [Логонова, 1978]. Например, выбор школы родителями может трактоваться как внешнее событие, воздействующее на дальнейший жизненный путь ребенка [Lareau, 1997; Dixon, 2008].

Одним из последствий выбора может быть отклонение от рациональности в целях избегания рисков, когда в приоритете оказывается более надежный, а не оптимальный вариант [Kahneman, Tversky, 2013]. Кроме того, отмечается, что в современных условиях выбор часто делается не в силу необходимости, а провоцируется избытком возможностей [Куракин, Латыпов, 2023]. Например, в образовании это может быть связано с территориальным контекстом — в крупных городах больше возможностей поиска школы, чем в сельских.

Зарубежные авторы смену школы рассматривают в рамках понятия «школьная мобильность» («school mobility»). В российских исследованиях школьная мобильность изучается в большей степени с позиции трекинга после девятого класса [Косякова и др., 2016; Бессуднов, Малик, 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019 и др.]. Смена школы на данном этапе определяется как формальный трекинг. На более ранних этапах причины школьной мобильности могут быть довольно вариативными и не связаны с построением дальнейшей профессиональной траектории, что позволяет определить такую мобильность как неформальную [Иванюшина, Уильямс, 2019]. Неформальный трекинг может быть «структурным» (переход после полного завершения ступени обучения — летом) и «неструктурным» (переход в течение учебного года, часто связанный с внешними семейными обстоятельствами) [Schwartz, Stiefel, Cordes, 2017]. Факторы смены школы — важный предмет исследования и для российских, и для зарубежных ученых [Levin, Riffel, 1998; Курганский 2010].

Школьная мобильность во многом интересна с точки зрения ее связи с *академическими успехами* [Rumberger, 2003; Mehana, Reynolds, 2004]. Например, выбор государственных образовательных организаций, особенно городских, может влиять на школьную вовлеченность обучающихся [Vaughn, Witko, 2013], которая представляет собой одно из ключевых условий достижения более высоких образовательных результатов [Finn, Rock, 1997]. Однако при выборе школы родители не всегда руководствуются учебными достижениями, часто отдавая *приоритет близости школы к дому* [Theobald, 2005; Мерцалова и др., 2022]. Среди ключевых критериев выбора значимое место также занимает *профессионализм учителей*. Тем не менее более *благополучные родители* в большей степени ориентированы на показатели академической успеваемости [Hastings, Van Weelden, Weinstein, 2007; Burgess et al., 2015].

Выбор может зависеть не только от предпочтений родителей, но и от *разнообразия доступных школ* [Burgess et al., 2015]. Здесь немаловажную роль играет их «*скрытая*» дифференциация. В ряде российских школ, например, сохраняется система отбора, что создает неравные шансы для попадания в них [Иванюшина, Уильямс, 2019].

Стоит учитывать две стороны решения, связанного со вторичным выбором школы: выбор, направленный на улучшение образовательного пути ребенка, определяющийся образовательными факторами, и выбор, связанный с внешними причинами (переездом семьи и др.), когда смена школы может оказаться вынужденной мерой. Одна из самых распространенных причин «вынужденной» смены школы — *перемена места жительства* [Rumberger, Larson, 1998; Rumberger, 2003]. Исследователи фиксируют связь социально-экономического статуса семьи со стабильностью места проживания детей [Reynolds, Chen, Herbers, 2009]. Так, в США школьники из малообеспеченных семей значительно чаще меняют образовательную организацию (от трех и более раз) [Mehana, Reynolds, 2004]. Также отмечается, что частая мобильность может значительно увеличивать риск неуспеваемости [Temple, Reynolds, 2009].

Переезды могут быть обусловлены как внешними факторами (например, *сменой работы родителями*), так и образовательными, когда смена места проживания вызвана поиском «более хорошей» школы. Второй трек более доступен и востребован обеспеченными семьями [Burgess et al., 2006]. У представителей менее крупных населенных пунктов меньше возможностей для выбора и смены школы.

Вероятность поступления в школу за пределами своего района значительно ниже как для городских детей из среднего класса, так и для детей, проживающих в сельской местности [Parsons, Chalkley, Jones, 2000]. У этих детей выбор оказывается менее осознанным [Селиверстова, Косарецкий, 2010]. Таким образом, территориальный аспект — значимый фактор при выборе и смене школы.

Связь школьной мобильности со сменой места жительства не единственный фактор. Среди других распространенных причин выделяется инициатива самого ребенка (просит родителей сменить школу), а также рекомендация школы (предлагает перевести ребенка в силу поведенческих или академических проблем) [Rumberger, 1999].

Один из центральных понятий в исследованиях механизмов смены школы — выбор. Выбор образовательной организации чаще всего рассматривается в контексте образовательного неравенства [Jackson, Jonsson, Rudolphi, 2012]. В таких работах выявляются связи принятия решения с социально-экономическим статусом семьи и воспроизводством социального неравенства [Boudon, 1974; Jackson et al., 2007; Косякова и др., 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019 и др.]. Исследования показывают, что для обучающихся из семей с более низким статусом присущ менее амбициозный образовательный выбор [Jackson et al., 2007; Erikson, Rudolphi, 2010]. Они склонны отталкиваться от доступных вариантов, в том числе доступных с финансовой точки зрения [Шпаковская, 2015]. Родители с более высоким статусом делают более осознанный и компетентный выбор школы, четче формулируют его критерии и свой запрос [Селиверстова, Косарецкий, 2010]. Выбор более привилегированных групп часто определяется долгосрочными целями, а менее привилегированных — решением сиюминутных проблем [Mullainathan, Shafir, 2013].

Еще одним аспектом в исследованиях школьной мобильности является оценка негативных эффектов смены школы, связанных с трудностями адаптации — психологической, социальной, академической [Holland, Kaplan, Davis, 1974; Schaller, 1974]. Авторы выявляют ограничения, связанные с территориальным и семейным контекстом. Одновременно отмечается, что часто речь идет о краткосрочных эффектах (например, снижение успеваемости в год смены школы), но не учитываются долгосрочные, которые могут быть иными [Schwartz, Stiefel, Cordes, 2017].

Таким образом, ситуации, определяющие вторичный выбор школы, представляют собой совокупность факторов. С позиции теории социальных экосистем [Earle, Earle, 1999] их внутренние причинно-следственные связи трудно определяемы, что обуславливает специфику исследования феномена вторичного выбора и объяснения силы и значимости различных внешних факторов, влияющих на принятие данного поворотного решения.

Опираясь на проанализированные исследования, предложим перечень ключевых контекстных характеристик, с которыми связано осуществление выбора школы при ее смене: это территориальная специфика, характеристики общеобразовательной организации, особенности школьников и их семей.

Методология, выборка и данные

Эмпирическую базу исследования составили результаты онлайн-опроса 14 337 родителей школьников из восьми федеральных округов Российской Федерации,

собранные в ходе проведения Мониторинга экономики образования в 2020/2021 учебном году³. Выборка была стратифицирована по следующим признакам: 1) федеральные округа; 2) размер и тип населенного пункта; 3) особенности общеобразовательной организации, в которой обучается ребенок (по типам собственности и реализуемым программам); 4) по возрасту ребенка (параллелям классов, где он обучается).

Ограничения исследования:

— анкетирование осуществлялось в онлайн-формате, что учитывалось при интерпретации результатов и формулировании выводов;

— участники опроса в своих ответах характеризовали ту образовательную организацию, в которой ребенок обучается в настоящее время. Это не дает возможности проанализировать ситуацию перехода в динамике. Тем не менее анкета содержит вопросы, связанные с ситуациями смены школы и позволяющие рассматривать их в контексте проблемы принятия поворотных решений на этапе школьного образования.

Для анализа различий, связанных со сменой школы, опрошенные родители разделены на три группы ($N=13\,032$):

- один раз меняли школу — 14,8% (1928 человек);
- меняли школу несколько раз — 2,9% (381 человек);
- не меняли школу — 82,3% (10 723 человек).

Анкеты родителей первоклассников (1 305 анкет) при анализе не рассматривались.

В качестве основных переменных использованы характеристики:

— семей — уровень образования родителей, их профессиональная занятость, уровень материального благополучия, территория проживания (тип и размер населенного пункта), количество детей в семье;

— образовательной организации — размер школы (численность обучающихся), наличие школ в зоне территориальной доступности семьи;

— ребенка — академическая успешность (преобладающие отметки), самостоятельность выполнения ребенком действий, связанных с обучением в школе (выполнять домашние задания и ходить в школу без сопровождения).

Для анализа последствий вторичного выбора школы использованы вопросы, связанные с оценкой родителями образовательных условий и актуального состояния ребенка в школе. Вопросы с вариантами ответов и сводный отчет по наблюдениям представлены в таблице А1 Приложения.

База данных обработана в статистическом пакете SPSS Statistics.

Основные результаты

Территориальная доступность школы

По данным официальной образовательной статистики⁴, в 2022/2023 учебном году из городских школ выбыли в другие общеобразовательные организации

³ Программу и инструментарий данного исследования можно посмотреть на сайте мониторинга: <https://memo.hse.ru/>. Опрос был проведен в период после снятия основных коронавирусных ограничений (декабрь 2020 — март 2021 г.).

⁴ Минпросвещения России. <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/> (дата обращения: 15.12.2023).

для продолжения обучения по программам начального, основного или среднего общего образования 788,6 тыс. школьников (5,8%), из сельских — 219,2 тыс. (5,4%). Схожесть городских и сельских тенденций в определенной мере объясняется неоднородностью населенных пунктов, имеющих статус города. Проведенный опрос позволяет выявить эту специфику: чем крупнее населенный пункт, тем чаще происходит смена школы в процессе обучения ребенка (см. табл. А2 Приложения). В частности, среди москвичей больше тех, кто менял школу несколько раз, чем тех, кто не менял ни разу: 10,2% против 5,6%. Для сельских жителей тренд обратный: 27,6% не меняли школу, 13,6% меняли несколько раз (см. табл. А2 Приложения).

Ограниченность выбора доступных школ в сельской местности во многом определяет специфику смены общеобразовательной организации. Для сельских жителей новая школа чаще расположена в другом населенном пункте или даже в другом регионе (см. табл. 1). Это может быть обусловлено не только переездом семьи, но и изменениями в системе школьного образования (реструктуризация сети) и/или дефицитами в ней (отсутствие тех или иных параллелей, программ в ближайших школах).

Таблица 1. **Связь между расположением новой школы с территорией проживания семей обучающихся (N = 2309, % от ответивших по столбцу)**

Вопрос	Варианты ответов	Тип населенного пункта				
		Село и ПГТ	Город, менее 100 тыс. жителей	Город, от 100 тыс. до 1 млн жителей	Город-миллионник	Москва
Если брать последний случай смены школы, то в какую школу вы перешли?	В расположенную в этом же населенном пункте	30,2%	54,4%	63,1%	65,2%	80,7%
	В расположенную в другом населенном пункте этого же региона	45,6%	26,5%	19,3%	16,7%	9,4%
	В расположенную в другом регионе	24,1%	19,1%	17,6%	18,1%	9,9%

Среди учащихся, сменивших школу хотя бы раз, добираются до нее на школьном автобусе 61,8% сельских детей, 5,5% жителей городов-миллионников и лишь 0,5% — столицы. Эти показатели позволяют предположить, что в ряде случаев местожительство семьи не меняется, а ребенок начинает посещать более удаленную сельскую школу.

Семьи, которые многократно меняли школу своего ребенка, чаще менявших однократно сообщают о переезде в другой регион: 27,3% многократно менявших школу и 17,0% менявших один раз; в школу, расположенную в другом населен-

ном пункте своего региона, переводили ребенка 19,4% и 25,4% соответственно (см. табл. 2). Этот факт требует дополнительного анализа с точки зрения причин таких переездов: связаны ли они с образовательными амбициями семей или являются вынужденными вследствие, например, смены места работы родителей.

Таблица 2. **Связь между расположением новой школы с частотой ее смены**
(N = 2309, % от ответивших по столбцу)

Вопрос	Варианты ответов	Меняли школу		Всего
		Один раз	Несколько раз	
Если брать последний случай смены школы, то в какую школу вы перешли?	В расположенную в этом же населенном пункте	57,7%	53,3%	57,0%
	В расположенную в другом населенном пункте Вашего региона	25,4%	19,4%	24,4%
	В расположенную в другом регионе	17,0%	27,3%	18,7%

Особенности семей школьников

Тип занятости родителей обнаруживает связь со сменой школы для ребенка только в ситуации, когда отец или мать являются наемными работниками (см. табл. А2 Приложения). Также на данной выборке практически не срабатывает количество детей в семье (см. табл. А2 Приложения).

Из характеристик семьи значимые связи с наличием опыта смены школы показывают некоторые формы участия родителей в школьной жизни и учебном процессе ребенка (см. табл. 3). Например, те, кто не меняет школу, чуть чаще остальных состоят в родительских комитетах, участвуют в проведении классных или внеклассных мероприятий, в мероприятиях, организуемых на уровне района, города. Они же чаще следят за выполнением детьми домашних заданий и помогают в этом. Более активное участие родителей, многократно менявших школу, наблюдается лишь в отслеживании процесса подготовки ребенка к ОГЭ или ЕГЭ.

Подобная ситуация может иметь двойственную природу: с одной стороны, родители, изначально неготовые тратить личные ресурсы (время, силы) на изменение жизнедеятельности школы, при возникновении проблем или нарастании чувства неудовлетворенности готовы эту школу просто поменять. С другой стороны, родителям, вынужденным периодически менять школу, может быть сложно включаться в уже сформировавшиеся родительские активы и активности, из-за чего они остаются в роли наблюдателей. Вероятно, для части родителей смена школы тоже является стрессовым фактором, препятствующим их вовлеченности в жизнь школы, в которой учатся их дети. Это, в свою очередь, может стать дополнительной стрессовой нагрузкой на их детей, испытывающих как проблемы в адаптации к новой школе, так и дефицит родительского участия.

Таблица 3. Связь некоторых форм участия родителей в школьной жизни и учебном процессе ребенка с частотой смены школы (N = 13 032, % от ответивших по столбцу)

Вопрос	Ответы		Меняли школу		
			Не меняли	Меняли один раз	Меняли несколько раз
Участвуете ли Вы в школьной жизни Вашего ребенка?	Участвую		88,7%	85,3%	81,1%
	Не участвую		11,3%	14,7%	18,9%
Каким образом Вы участвуете в школьной жизни Вашего ребенка?	Являюсь членом родительского комитета	Нет	72,9%	83,2%	86,6%
		Да	27,1%	16,8%	13,4%
	Участвую вместе с ребенком в культурных, спортивных и иных общественных мероприятиях, организуемых на уровне района, города	Нет	80,5%	85,1%	89,5%
		Да	19,5%	14,9%	10,5%
	Участвую и помогаю в проведении классных или внеклассных мероприятий	Нет	71,8%	79,1%	81,4%
		Да	28,2%	20,9%	18,6%
Каким образом Вы принимаете участие в учебном процессе Вашего ребенка?	Слежу за подготовкой к ОГЭ или ЕГЭ	Нет	87,9%	81,5%	78,2%
		Да	12,1%	18,5%	21,8%
	Слежу за тем, что ребенку задано на следующие уроки	Нет	37,1%	46,2%	54,6%
		Да	62,9%	53,8%	45,4%
	Проверяю готовность домашних заданий и проектов	Нет	33,3%	44,2%	50,4%
		Да	66,7%	55,8%	49,6%
	Помогаю с выполнением заданий, поиском материала для занятий	Нет	40,4%	48,0%	52,2%
		Да	59,6%	52,0%	47,8%

Особенности обучающегося

Академическая успешность ребенка — еще один параметр, относительно которого крайне сложно сказать, влияет ли он на смену школы или сам является следствием этого процесса. Ограничения данного исследования не позволяют провести сравнительный анализ образовательных результатов детей до и после смены школы. Полученные результаты показывают, что среди детей, которые многократно меняли школу, несколько меньше обучающихся только на «4» и «5», чем среди тех, кто школу не менял (см. табл. А2 Приложения). Если укрупнить опрошенных в две группы: тех, кто учится только на «4» и «5», включая «круглых отличников», и тех, у кого бывают и более низкие оценки, в том числе «3» и «2», — различия еще чуть увеличатся (см. табл. 4). В этом смысле особый интерес вызывают семьи, которые сознательно меняли школу с целью получения более высоких образовательных результатов. Анализ прохождения ими и их детьми ситуации смены школы требует специального исследования.

Таблица 4. Связь некоторых форм участия родителей в школьной жизни и учебном процессе ребенка с частотой смены школы (N=13032, % от ответивших по столбцу)

Вопрос	Ответы	Меняли школу		
		Не меняли	Меняли один раз	Меняли несколько раз
Какие оценки Ваш ребенок преимущественно получал в прошлом (2019/2020) учебном году?	Только «4» и «5», включая круглых отличников	46,0%	36,8%	31,6%
	Бывают и более низкие оценки, в том числе «3» и «2»	54,0%	63,2%	68,4%

На основании вопроса «С какого возраста ваш ребенок стал самостоятельно делать следующее?» можно определить субъективную оценку родителями уровня самостоятельности их детей. Полученные распределения демонстрируют несколько более высокий уровень самостоятельности в выполнении действий, связанных со школьным обучением, особенно в части выполнения домашних заданий, у учащихся, которым приходилось несколько раз менять школу (см. табл. А2 Приложения). Ответ «до сих пор не выполняет самостоятельно домашних заданий» выбрали 19,4% родителей, не менявших школу, 12,7% менявших один раз и 6,8% менявших несколько раз.

Гипотетически определять эту связь может возраст ребенка. Очевидно, что более старшие дети самостоятельнее и вероятность смены школы за более долгий срок обучения повышается. По данным проведенного исследования, связь рассматриваемых характеристик с классом, в котором учится ребенок на момент проведения опроса, существует, но не очень выраженная: в выполнении домашних заданий коэффициент корреляции Пирсона равен 0,337 ($p < 0,001$), в преодолении пути до школы — 0,370 ($p < 0,001$). Связь класса обучения с опытом смены школы слабая положительная — 0,209 ($p < 0,001$).

Таким образом, зависимость между самостоятельностью школьника и его опытом смены школы имеет двойственную интерпретацию: с одной стороны, высокий уровень самостоятельности детей может выступать для родителей аргументом в пользу смены школы, с другой — смена школы может подталкивать ребенка стать более самостоятельным.

Связь смены школы с благополучием учащихся и удовлетворенностью родителей

Данное исследование не позволяет оценить динамику ситуации до и после смены школы, тем не менее фиксация различий в показателях благополучия детей и удовлетворенности родителей в зависимости от наличия опыта смены школы может стать основанием для формулирования соответствующих гипотез и дальнейших исследований.

В ходе опроса родителям было предложено оценить, насколько соответствуют их ребенку разные характеристики, сформулированные в формате высказываний (см. табл. А3 Приложения). Полученные результаты позволяют говорить о нали-

чи значимой, но слабой связи опыта смены школы с такими характеристиками, как наличие друзей в школе и уровень утомляемости детей. Причем оба показателя позитивнее проявляются у школьников, не менявших школу: для них чаще характерно большое число друзей (76,7% не менявших школу, 69,2% менявших один и 63,3% — несколько раз) и реже — высокая утомляемость в школе (50,7%, 55,2% и 61,4%, соответственно). Эти характеристики чуть негативнее у тех, кто менял школу несколько раз, что может быть проявлением произошедшей смены или ее причиной, если родители принимали такое решение в попытке найти для ребенка приемлемое окружение и комфортные условия обучения.

Возможно, для части родителей причиной смены школы становится потребность изменить круг общения ребенка, улучшить психологический климат, избавиться от буллинга, найти единомышленников, друзей. Однако для детей, имеющих такие проблемы, переход в другую школу — дополнительный стресс. Тем не менее 66,9% родителей, чьи дети меняли школу один раз, и 57,5% родителей, чьи дети меняли школу несколько раз, на вопрос «С какими трудностями вы столкнулись при смене школы?» ответили, что никаких трудностей не возникло.

Вне зависимости от наличия опыта смены школы, наиболее важным при выборе для всех категорий родителей остается фактор ее близости к дому и наличие в школе квалифицированных педагогов. Причем «шаговая доступность» чаще упоминается родителями, не менявшими школу (68,8% не менявших, 57,2% менявших один и 60,4% менявших несколько раз), а частота упоминания кадрового обеспечения не имеет выраженных различий.

Выбор, реализованный родителями при смене школы, не всегда срабатывает на повышение уровня удовлетворенности образовательной организацией. Оценки родителей, полученные при ответе на вопрос «Если говорить в целом, то вас удовлетворяет или не удовлетворяет качество образования, которое получает ваш ребенок в данной организации?» слабо различаются между родителями рассматриваемых категорий, имеющие опыт смены школы в целом немного более критичны. Доля в той или иной степени удовлетворенных (сумма по ответам «безусловно удовлетворяет» и «скорее удовлетворяет») составляет: менявшие многократно — 68,0%, однократно — 72,4%, не менявшие — 74,6%. При этом следует учитывать, что такая обобщенная удовлетворенность сильно зависит и от уровня притязаний родителей, и от возможностей, которые предоставляет им доступная система образования.

Высокий уровень критичности родителей к школе, проявляющийся после ее смены, позволяет предположить, что многократная смена не обязательно приводит к улучшению ситуации, а порой и усугубляет проблему. Сам факт высокой неудовлетворенности — повод для оценки переходов из школы в школу как потенциально поворотного момента, который как минимум оказывает существенное воздействие на субъективное благополучие семьи и ребенка.

Этот тезис подтверждается и готовностью многих родителей поменять школу, в которой ребенок учится на данный момент. На вопрос «Если бы у вас была возможность перевести вашего ребенка в другую школу, в какую вы бы его перевели?» только 37,5% из уже несколько раз поменявших школу ответили, что из этой переводить никуда не хотели бы. Среди менявших однократно таких 41,2%, среди не менявших — 44,5%. Главный критерий для выбора новой

школы для всех родителей, обозначивших такую готовность — комфортные отношения между учениками и между учениками и педагогами. Частота его упоминания варьируется от 23,9% среди не менявших школу до 27,5% среди менявших несколько раз.

Выводы и дискуссия

Результаты проведенного исследования дают основание рассматривать смену школы как сложный комплексный процесс вторичного выбора, имеющий специфику при однократной и многократной смене.

Ведущая роль в принятии решения о смене школы принадлежит родителям. Для ребенка этот выбор в большинстве случаев является пассивным. Действия семей, в том числе их мотивация к выбору при смене школы и, соответственно, траектории этого выбора, разнообразны и зависят от ряда объективных (смена места жительства, переходы по уровням школьного образования и др.) и субъективных (родительские притязания и имеющиеся для этого возможности семей, неблагоприятный школьный климат, академические результаты ребенка и т. д.) факторов. Эти факторы могут действовать изолированно или системно.

В результате анализа была выявлена и подтверждена связь между сменой школы и размерами населенного пункта: чем крупнее его размеры, тем больше семей меняют школы. Это может быть обусловлено расширением возможностей выбора, увеличением разнообразия образовательных программ и их доступности. Одновременно это может быть связано с более высоким уровнем социальных притязаний семей, проживающих в крупных населенных пунктах, прежде всего, в мегаполисах (эти притязания обусловлены более разнообразным выбором школ, показывающих высокие образовательные результаты, по сравнению с меньшими по размерам населенными пунктами), в том числе к качеству школьного образования. Результаты исследования не подтверждают значимости социально-экономического статуса семьи для вторичного выбора школы, как это утверждается в ряде исследований [Reynolds, Chen, Herbers, 2009; Mehana, Reynolds, 2004]. В связи с тем, что место проживания во многом определяет социально-экономический статус семьи, в том числе уровень образования и характер трудовой занятости родителей, можно предположить, что фактор территории сглаживает их связь со вторичным выбором школы.

Обнаружена слабая связь между сменой школы и академическими результатами ребенка. Учащиеся, имеющие опыт смены школы, чаще демонстрируют более низкие академические результаты. Это согласуется с проведенными ранее исследованиями о связи между мобильностью и рисками неуспеваемости [Temple, Reynolds, 2009]. Однако рассматриваемые данные не позволяют однозначно говорить, являются ли низкие академические результаты причиной или следствием смены школы.

Дети, которым приходилось несколько раз менять школу, демонстрируют несколько более высокий уровень самостоятельности в выполнении действий, связанных со школьным обучением, особенно в выполнении домашних заданий. Одновременно родители, менявшие школу своим детям, чуть меньше вовлечены в школьную жизнь и учебный процесс ребенка, чем родители, не менявшие ее.

Возможно, это связано со склонностью таких родителей решать проблемы ребенка посредством смены школы. Наличие проблем может восприниматься ими как следствие низкого качества работы школьных педагогов и администрации или слабого контингента.

Вместе с тем результаты исследования не позволяют с уверенностью утверждать о влиянии смены школы на благополучие ребенка и удовлетворенность родителей. Исследование обнаруживает слабую связь между сменой школы и социально-психологическим состоянием детей, меняющих школу. Такие дети несколько чаще испытывают трудности в общении со сверстниками и чаще утомляются. Родители, менявшие школу, не отличаются от не менявших по уровню удовлетворенности образовательным процессом, а также у них сохраняется готовность при наличии возможности сменить школу еще раз.

Ограничения, связанные с методологией и инструментарием исследования, не позволяют зафиксировать в качестве выводов ряд предположений. Эти предположения имеют характер гипотез, требующих дальнейшего изучения. Тем не менее они представляются важными для понимания механизмов поведения семей и последствий смены школы.

Так, можно сделать предположение, что значительная доля родителей воспринимает школу как рутинную, с высокой учебной нагрузкой и не очень благоприятным психологическим климатом. Однако родители, чьи дети не меняли школу, склонны позитивнее оценивать самочувствие своего ребенка в ней. Это может означать, что поиск школы с более благоприятными условиями для обучения не всегда дает ожидаемые результаты в силу того, что негативные характеристики школы, отмечаемые родителями, характерны для всей системы школьного образования, а также, возможно, в связи с более высокой критичностью семей, меняющих школу.

Интересной для дальнейшего исследования представляется и гипотеза о том, что при наличии достаточного выбора процесс смены школы сам по себе может перестать быть значимым событием для семьи и не восприниматься частью родителей, которые неоднократно меняют школу, как поворотный момент в жизни их ребенка. Неоднократная смена школы в этом случае может становиться частью социальной нормы в такой же мере, как неоднократная смена работы, места проживания и т. д. Ограниченность имеющегося выбора при этом может снижать готовность семей менять школу, повышать порог и ставки для принятия этого решения, усиливая его значимость для судьбы ребенка.

Анализ не показал видимых различий между стратегиями поведения семей при смене школы и их внутренними психологическими и социальными характеристиками (различий в поведении полных и неполных семей, роли старшего поколения в принятии решений, распределении ролей в выборе школы между членами семьи и т. д.). Однако можно предположить, что адаптацию к новой школе родители переживают вместе с детьми. Они вынуждены решать проблемы перехода к новым требованиям учителей, ликвидировать возможные пробелы, связанные с различием образовательных программ, принимать участие в подготовке домашних заданий, привлекать репетиторов, а также снижать стресс своих детей, связанный с адаптацией к новому классу и учителям.

Поскольку смена школы в большинстве случаев является выбором родителей, а не детей, представляется важным проведение более детальных исследований психологического и социального профилей родителей, принимающих такие решения.

Список литературы (References)

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1.
Ananyev B. G. (1980) Favorite Psychological Works: In 2 Volumes. Moscow: Pedagogy. Vol. 1. (In Russ.)
2. Бессуднов А. Р., Малик В. М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>.
Bessudnov A., Malik V. (2016) Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 135—67. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. (In Russ.)
3. Иванюшина В. А., Уильямс Е. П. Трекинг, школьная мобильность и образовательное неравенство // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 47—70. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-47-70>.
Ivaniushina V., Williams E. (2019) Tracking, School Mobility, and Educational Inequality. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 47—70. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-47-70>. (In Russ.)
4. Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 5. С. 76—97. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/575>.
Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 5. P. 76—97. (In Russ.)
5. Коулман Д. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 35—44. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2004-3-35-44>.
Coleman J. (2010) A Rational Choice Perspective in Economic Sociology. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 5. No. 3. P. 35—44. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2004-3-35-44>. (In Russ.)
6. Куракин Д. Ю., Латыпов И. А. Экосистемы выбора: о некоторых ограничениях теории рационального выбора и стратегии их преодоления // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 3. С. 11—32. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/05/30/2018011696/ecsoc_t24_n3.pdf.

- Kurakin D. Yu., Latypov I. A. (2023) Ecosystems of Choice: On Some Limitations of Rational Choice Theory and a Strategy for Overcoming Them. *Economic Sociology*. Vol. 24. No. 3. P. 11—32. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/05/30/2018011696/ecsoc_t24_n3.pdf. (In Russ.)
7. Курганский С. М. Факторы эффективной школы // Народное образование. 2010. № 7. С. 118—125.
Kurganskij S. M. (2010) Factors of an Effective School. *Public Education*. No. 7. P. 118—125. (In Russ.)
8. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 156—172.
Loginova N. A. (1978) Personal Development and Its Life Path. *Principle of Development in Psychology*. Moscow: Nauka. P. 156—172. (In Russ.)
9. Мерцалова Т. А., Косарецкий С. Г., Анчиков К. М., Заир-Бек С. И., Звягинцев Р. С., Керша Ю. Д., Сенина Н. А. Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2022. URL: https://memo.hse.ru/school_level_2022 (дата обращения: 11.11.2023).
Mertsalova T. A., Kosaretsky S. G., Anchikov K. M., Zair-Bek S. I., Zvyagintsev R. S., Kersha Yu. D., Senina N. A. (2022) School Education in the Context of National Goals and Priority Projects: Analytical Report. Moscow: Higher School of Economics. URL: https://memo.hse.ru/school_level_2022 (accessed: 11.11.2023). (In Russ.)
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
Rubinstein S. L. (1999) Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
11. Селиверстова И. В., Косарецкий С. Г. Родители и школа: знакомые незнакомцы // Народное образование. 2010. № 2. С. 152—156.
Seliverstova I. V., Kosaretsky S. G. (2010) Parents and School: Familiar Strangers. *Public Education*. No. 2. P. 152—156. (In Russ.)
12. Тенишева К. А., Савельева С. С., Александров Д. А. Применение метода условных деревьев решений к моделированию выбора родителями школы // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. № 46. С. 44—84.
Tenisheva K., Savelieva S., Alexandrov D. (2018) Method of Conditional Inference Decision Trees for Modeling Parental Schoolchoice. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M)*. No. 46. P. 44—84. (In Russ.)
13. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.
Khavenson T. E., Chirkina T. A. (2019) Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 539—554. (In Russ.)

14. Шпаковская Л. Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 211—224.
Shpakovskaya L. L. (2015) The Educational Expectations of Parents: A Mechanism That Reproduces Social Inequality. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 211—224. (In Russ.)
15. Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. Wiley.
16. Bronfenbrenner U. (1979) *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
17. Burgess S., Briggs A., McConnell B., Slater H. (2006) School Choice in England: Background Facts. CMPO Working Paper Series No. 06/159. URL <https://bristol.ac.uk/media-library/sites/cmpo/migrated/documents/wp159.pdf> (accessed: 11.10.2023).
18. Burgess S., Greaves E., Vignoles A., Wilson D. (2015) What Parents Want: School Preferences and School Choice. *The Economic Journal*. Vol. 125. No. 587. P. 1262—1289. <https://doi.org/10.1111/econj.12153>.
19. Davidoff F. (2019) Understanding Contexts: How Explanatory Theories Can Help. *Implementation Science*. Vol. 14. No. 3. <https://doi.org/10.1186/s13012-019-0872-8>.
20. Dixon S. R. (2010) *A Study of Parental Involvement and School Climate: Perspective from the Middle School*. Kingsville: Texas A & M University.
21. Earle L., Earle T. (1999) Social Context Theory: A Systems Model of Social Change Based on Social Needs and Social Issues. *South Pacific Journal of Psychology*. Vol. 11. No. 2. P. 1—12. <https://doi.org/10.1017/S0257543400000572>.
22. Erikson R., Rudolphi F. (2010) Change in Social Selection to Upper Secondary School — Primary and Secondary Effects in Sweden. *European Sociological Review*. Vol. 26. No. 3. P. 291—305. <https://doi.org/10.1093/esr/jcp022>.
23. Finn J. D., Rock D. A. (1997) Academic Success among Students at Risk for School Failure. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 82. No. 2. P. 221—234. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.82.2.221>
24. Hastings J. S., Van Weelden R., Weinstein J. M. (2007) Preferences, Information, and Parental Choice Behavior in Public School Choice. NBER Working Paper 12995. <https://doi.org/10.3386/w12995>.
25. Holland J. V., Kaplan D. M., Davis S. D. (1974) Interschool Transfers: A Mental Health Challenge. *Journal of School Health*. Vol. 44. No. 2. P. 74—79. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1561.1974.tb05201.x>.
26. Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J. H., Yaish, M. (2007) Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*. Vol. 50. No. 3. P. 211—229. <https://doi.org/10.1177/0001699307080926>.

27. Jackson M., Jonsson J. O., Rudolphi F. (2012) Ethnic Inequality in Choice-Driven Education Systems: A Longitudinal Study of Performance and Choice in England and Sweden. *Sociology of Education*. Vol. 85. No. 2. P. 158—178. <https://doi.org/10.1177/0038040711427311>.
28. Johnson E. B. (2002) *Contextual Teaching and Learning: What It Is and Why It Is Here to Stay*. Thousand Oaks, CA: Corwin Press, INC; Sage.
29. Kahneman D., Tversky A. (2013) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. In: MacLean L. C., Ziemba W. T. (eds.) *Handbook of the Fundamentals of Financial Decision Making: Part I*. P. 99—127. https://doi.org/10.1142/9789814417358_0006.
30. Lareau A. (1987) Social Class Differences in Family-School Relationships: The Importance of Cultural Capital. *Sociology of Education*. Vol. 60. No. 2. P. 73—85.
31. Levin B., Riffel J. (1998) Conceptualising School Change. *Cambridge Journal of Education*. Vol. 28. No. 1. P. 113—127. <https://doi.org/10.1080/0305764980280109>.
32. Mehana M., Reynolds A. J. (2004) School Mobility and Achievement: A Meta-Analysis. *Children and Youth Services Review*. Vol. 26. No. 1. P. 93—119. <https://doi.org/10.1016/j.childev.2003.11.004>
33. Mullainathan S., Shafir E. (2013) Decision Making and Policy in Context of Poverty. In: Shafir E. (ed.) *The Behavioral Foundations of Public Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 281—297.
34. Parsons E., Chalkley B., Jones A. (2000) School Catchments and Pupil Movements: A Case Study in Parental Choice. *Educational Studies*. Vol. 26. No. 1. P. 33—48. <https://doi.org/10.1080/03055690097727>.
35. Reynolds A. J., Chen C. C., Herbers J. E. (2009) School Mobility and Educational Success: A Research Synthesis and Evidence on Prevention. In: *Workshop on the Impact of Mobility and Change on the Lives of Young Children, Schools, and Neighborhoods, June*. P. 29—30. URL: <https://www.researchgate.net/publication/237387287> (accessed: 20.11.2023).
36. Rumberger R. W., Larson K. A., Ream, R. K.; Palardy G. J. (1999) The Educational Consequences of Mobility for California Students and Schools. Berkeley, CA: Policy Analysis for California Education. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED441040.pdf> (accessed: 20.11.2023)
37. Rumberger R. W. (2003) The Causes and Consequences of Student Mobility. *Journal of Negro Education*. Vol. 72. No. 1. P. 6—21 <https://doi.org/10.2307/3211287>.
38. Rumberger R. W., Larson K. A. (1998) Student Mobility and the Increased Risk of High School Dropout. *American Journal of Education*. Vol. 107. No. 1. <https://doi.org/10.1086/444201>
39. Schaller J. (1975) The Relation between Geographic Mobility and School Behavior. *Man-Environment Systems*. Vol. 5. No. 185—187.

40. Schwartz A. E., Stiefel L., Cordes S. A. (2017) Moving Matters: The Causal Effect of Moving Schools on Student Performance. *Education Finance and Policy*. Vol. 12. No. 4. P. 419—446 https://doi.org/10.1162/edfp_a_00198.
41. Soman D., Xu J., Cheema A. (2010) Decision Points: A Theory Emerges. *Rotman Magazine*. Winter. P. 64—68.
42. Temple J. A., Reynolds A. J. (1999) School Mobility and Achievement: Longitudinal Findings from an Urban Cohort. *Journal of School Psychology*. Vol. 37. No. 4. P. 355—377. [https://doi.org/10.1016/S0022-4405\(99\)00026-6](https://doi.org/10.1016/S0022-4405(99)00026-6).
43. Terrin É., Triventi M. (2023) The Effect of School Tracking on Student Achievement and Inequality: A Meta-Analysis. *Review of Educational Research*. Vol. 93. No. 2. P. 236—274. <https://doi.org/10.3102/00346543221100850>.
44. Theobald R. (2005) School Choice in Colorado Springs: The Relationship between Parental Decisions, Location and Neighbourhood Characteristics. *International Research in Geographical & Environmental Education*. Vol. 14. No. 2. P. 92—111. <https://doi.org/10.1080/10382040508668340>.
45. Vaughn M. G., Witko C. (2013) Does the Amount of School Choice Matter for Student Engagement? *The Social Science Journal*. Vol. 50. No. 1. P. 23—33. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2012.07.004>.

Приложения

Таблица А1. *Описательная статистика по основным переменным*

Показатель / Вопрос	Наблюдения		Категории / варианты ответов	Код	Доля, %
	Валидные	Пропущенные			
	№ / %	№ / %			
Тип населенного пункта	13032/90,9	1305/9,1	Село или ПГТ	1	26,4
			Город с населением менее 100 тыс. чел.	2	25,2
			Город с населением от 100 тыс. до 1 млн чел.	3	33,3
			Город-миллионник (кроме Москвы)	4	9,0
			Москва	5	6,0
Наличие школ в зоне территориальной доступности	13032/90,9	1305/9,1	Единственная школа	0	22,3
			Есть школы в зоне территориальной доступности	1	77,7
Образование матери	13032/90,9	1305/9,1	Без высшего образования	1	46,9
			С высшим образованием	2	53,1
Образование отца	12826/88,2	1511/11,8	Без высшего образования	1	60,1
			С высшим образованием	2	39,9
Количество детей в семье	13032/90,9	1305/9,1	Один ребенок	1	29,6
			Два ребенка	2	49,8
			Три ребенка	3	15,5
			Четыре и более детей	4	5,2
Как бы вы оценили материальное положение Вашей семьи?	13032/90,9	1305/9,1	Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания	1	3,5
			На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать	2	12,6
			На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	3	12,9
			На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности	4	34,9
			Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги	5	31,1
			Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля	6	5
Сколько учащихся в школе, где учится Ваш ребенок?	10406/62,2	3931/37,8	До 100 учащихся	1	9,8
			101—500 учащихся	2	35,0
			501—1000 учащихся	3	33,6
			1001—2000 учащихся	4	17,3
			Более 2000 учащихся	5	4,2
Какие оценки Ваш ребенок преимущественно получал в прошлом (2019/2020) учебном году?	11935/79,9	2402/20,1	Бывают неудовлетворительные оценки («двойки»)	1	6,5
			Чаще удовлетворительные оценки («тройки»)	2	12,5
			В основном хорошие оценки («четверки»)	3	36,8
			Только хорошо и отлично («четверки» и «пятерки»)	4	39,7
			Только отличные оценки («пятерки»)	5	4,4

Показатель / Вопрос	Наблюдения		Категории / варианты ответов	Код	Доля, %
	Валидные	Пропущенные			
	№ /%	№ /%			
Считаете ли Вы, что в школе стоит более активно использовать интернет, компьютеры и другие цифровые технологии?	11823/78,7	2514/21,3	Нет, школа должна учить традиционными методами. Они проверенные и эффективные	1	45,9
			Да, новые цифровые технологии в современной школе необходимо активно развивать	2	54,1
Тип занятости матери	11933/79,9	2404/20,1	Является наемным работником (специалист, служащий и т. д.)	Нет — 0; Да — 1	55,0
	11933/79,9	2404/20,1	Частный предприниматель, самозанятый	Нет — 0; Да — 1	3,6
	11933/79,9	2404/20,1	Руководитель, владелец бизнеса	Нет — 0; Да — 1	10,9
Тип занятости отца	10995/69,6	3342/30,4	Является наемным работником (специалист, служащий и т. д.)	Нет — 0; Да — 1	62,9
	10995/69,6	3342/30,4	Частный предприниматель, самозанятый	Нет — 0; Да — 1	8,9
	10995/69,6	3342/30,4	Руководитель, владелец бизнеса	Нет — 0; Да — 1	17,9
Самостоятельно выполняет домашние задания	13032/90,9	1305/9,1	До сих пор не выполняет	1	19,3
			Самостоятельно выполняет	2	80,7
Самостоятельно добирается до школы	13032/90,9	1305/9,1	До сих пор не добирается	1	14,2
			Самостоятельно добирается	2	85,8

Таблица А2. Связь наличия опыта смены школы с рассматриваемыми характеристиками школы, семьи и ребенка (% от опрошенных по столбцу)

Показатель / Вопрос	Категории / Варианты ответов	Приходилось ли вам менять школу, в которой учился Ваш ребенок?		
		Не меняли школу	Меняли один раз	Меняли несколько раз
Тип населенного пункта	Село и ПГТ	27,6%	16,6%	13,6%
	Город, менее 100 тыс.	25,5%	24,7%	25,7%
	Город, от 100 тыс. до 1 млн	32,8%	38,1%	37,5%
	Город-миллионник	8,4%	12,2%	12,9%
	Москва	5,6%	8,3%	10,2%
Наличие школ в зоне территориальной доступности	Единственная школа	24,0%	13,5%	14,4%
	Есть возможности для выбора школ	76,0%	86,5%	85,6%
Количество детей в семье	1 ребенок	29,9%	29,6%	26,8%
	2 ребенка	50,2%	48,3%	50,7%
	3 ребенка	15,2%	15,8%	15,7%
	4 и более детей	4,6%	6,3%	6,8%
Какие оценки Ваш ребенок преимущественно получал в прошлом (2019/2020) учебном году?	Бывают неудовлетворительные оценки («двойки»)	6,3%	7,3%	9,9%
	Чаще удовлетворительные оценки («тройки»)	11,7%	16,4%	15,8%
	В основном хорошие оценки («четверки»)	36,1%	39,6%	42,8%
	Только хорошо и отлично («четверки» и «пятерки»)	41,5%	33,0%	28,6%
	Только отличные оценки («пятерки»)	4,5%	3,7%	2,9%
Сколько учащихся в школе, где учится Ваш ребенок?	До 100 человек	9,7%	8,8%	7,5%
	101—500 человек	35,1%	33,0%	34,5%
	501—1000 человек	33,9%	32,8%	34,5%
	1001—2000 человек	17,3%	20,4%	16,4%
	Более 2000 человек	4,0%	5,0%	7,1%
Как бы вы оценили материальное положение Вашей семьи?	Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания	3,4%	3,6%	3,7%
	На еду денег хватает, но в др. расходах приходится ограничивать	12,7%	11,6%	11,0%
	На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды вызывает трудн.	13,0%	12,8%	11,0%
	На еду и одежду хватает, но покупка техники и вызывает трудности	35,3%	32,8%	36,0%
	Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля затруд.	30,8%	33,2%	29,7%
	Материально обеспечены, можем позволить себе дорог-щий отпуск	4,8%	5,9%	8,7%
Образование матери	Без высшего	47,8%	42,3%	39,9%
	С высшим	52,2%	57,7%	60,1%
Образование отца	Без высшего	61,5%	54,4%	47,0%
	С высшим	38,5%	45,6%	53,0%

Показатель / Вопрос	Категории / Варианты ответов	Приходилось ли вам менять школу, в которой учился Ваш ребенок?		
		Не меняли школу	Меняли один раз	Меняли несколько раз
Тип занятости матери	Является наемным работником (специалист, служащий и т. д.)	56,7%	50,9%	49,6%
	Частный предприниматель, самозанятый	3,4%	3,8%	5,4%
	Руководитель, владелец бизнеса	10,9%	12,4%	11,0%
Тип занятости отца	Является наемным работником (специалист, служащий и т. д.)	63,7%	59,6%	53,3%
	Частный предприниматель, самозанятый	8,8%	10,5%	9,8%
	Руководитель, владелец бизнеса	17,2%	20,8%	23,3%
Самостоятельно выполняет домашние задания	До сих пор не выполняет	19,4%	12,7%	6,8%
	Самостоятельно выполняет	80,6%	87,3%	93,2%
Самостоятельно добирается до школы	До сих пор не добирается	11,9%	7,2%	6,3%
	Самостоятельно добирается	88,1%	92,8%	93,7%
Считаете ли Вы, что в школе стоит более активно использовать интернет, компьютеры и другие цифровые технологии?	Нет, школа должна учить традиц. методами. Они проверенные и эф-ные	46,1%	41,4%	41,5%
	Да, новые цифровые технологии в совр. школе надо развивать	53,9%	58,6%	58,5%

Таблица А3. Сопряженность наличия опыта смены школы с оценкой родителями характеристик ребенка. Вопрос: «Насколько характерно для вашего ребенка следующее» (N = 13 032, % от опрошенных по столбцу)

Утверждение	Степень согласия	Меняли школу		
		Не меняли	Меняли один раз	Меняли несколько раз
Моему ребенку легко дается учеба	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	29,1%	31,5%	33,6%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	70,9%	68,5%	66,4%
У моего ребенка много друзей в школе	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	23,3%	30,8%	36,7%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	76,7%	69,2%	63,3%
Мой ребенок не любит учиться	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	62,6%	58,5%	54,6%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	37,4%	41,5%	45,4%
Мой ребенок трудно сходится со сверстниками	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	80,5%	76,9%	73,5%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	19,5%	23,1%	26,5%
Если мой ребенок ставит себе цель, он обязательно ее добивается	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	23,5%	24,7%	23,6%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	76,5%	75,3%	76,4%
Мой ребенок тяжело переносит неудачи	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	39,3%	40,0%	42,0%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	60,7%	60,0%	58,0%
Мой ребенок всегда находит интересные занятия	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	22,4%	22,6%	26,0%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	77,6%	77,4%	74,0%
Мой ребенок часто увлекается каким-то делом, но быстро его бросает	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	52,2%	51,9%	48,8%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	47,8%	48,1%	51,2%
Мой ребенок очень устает в школе	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	49,3%	44,8%	38,6%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	50,7%	55,2%	61,4%
Мой ребенок очень много успевает сделать за день	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	48,2%	50,2%	51,7%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	51,8%	49,8%	48,3%
Мой ребенок много помогает мне по дому	«Абсолютно не характерно» и «Скорее не характерно»	50,7%	50,9%	55,6%
	«Абсолютно характерно» и «Скорее характерно»	49,3%	49,1%	44,4%

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2537](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2537)

К. Р. Романенко

**«ОСОБОГО ВЫБОРА НЕ БЫЛО»:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ НАРРАТИВЫ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЫБОРА В МОНОГОРОДАХ**

Правильная ссылка на статью:

Романенко К. Р. «Особого выбора не было»: институциональные условия и культурные нарративы образовательного выбора в моногородах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 204—229. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2537>.

For citation:

Romanenko K. R. (2024) "There Was No Choice": Institutional Conditions and Cultural Narratives of Educational Choice in Single-Industry Towns. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 204–229. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2537>. (In Russ.)

Получено: 11.12.2023. Принято к публикации: 24.04.2024.

«ОСОБОГО ВЫБОРА НЕ БЫЛО»: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ НАРРАТИВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЫБОРА В МОНОГОРОДАХ

РОМАНЕНКО Ксения Романовна — кандидат наук об образовании, доцент, эксперт проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов», научный сотрудник Лаборатории инноваций в образовании, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: kromanenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8037-9142>

Аннотация. В рамках культурсоциологического подхода в статье изучаются культурные нарративы, которыми обосновывают свой образовательный выбор студенты, обучающиеся по программам высшего образования в российских моногородах, а также то, в каких институциональных условиях осуществляется этот выбор. Исследование выполнено в качественной стратегии по результатам 70 полуструктурированных биографических и экспертных интервью со студентами, представителями вузов и предприятий моногородов Свердловской области. Полевые материалы интерпретированы с помощью процедур обоснованной теории и дискурс-анализа.

В качестве основного результата выделено восемь ключевых нарративов: нарратив избегания опасности, ловушки и освобождения, предопределенности и долга городу и предприятию, обязательного свободного времени, неотменяемой случайности, продолжения династии, инженерной гордости, надежности и заботы. Описаны практи-

“THERE WAS NO CHOICE”: INSTITUTIONAL CONDITIONS AND CULTURAL NARRATIVES OF EDUCATIONAL CHOICE IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Ksenia R. ROMANENKO¹ — Cand. Sci. (Education), Associate Professor at the Institute of Education, Expert of the Laboratory for University Development; Research Fellow at the Laboratory for Educational Innovation Research, Institute of Education
E-MAIL: kromanenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8037-9142>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Within the framework of the cultural sociological approach, the article studies the cultural narratives that justify the educational choice of students studying in higher education programs in Russian single-industry towns, as well as the institutional conditions that lead to these choices. The research was carried out in a qualitative strategy based on the results of 70 semi-structured biographical and expert interviews with students and representatives of universities and enterprises of single-industry towns in the Sverdlovsk region. The field materials were interpreted using grounded theory and discourse analysis procedures.

The study allowed to identify eight key narratives, namely: the narrative of danger avoidance the narrative of being trapped and liberated; the narrative of destiny and duty to the city and industry; the narrative of free time; the narrative of irreversible randomness; the narrative of continuing the family legacy; the narrative of pride in engineering; and the narrative of reliability and care. The author describes the practices of interac-

ки взаимодействия вузов и предприятий, определяющие образовательный выбор и включающие в себя базовые кафедры, организацию студенческих практик, совместные профориентационные мероприятия для школьников, специальные стипендии с обязательством их отработать.

Ключевые слова: моногорода, образовательный выбор, образовательные траектории, переход школа — вуз, взаимодействие университетов и предприятий, культурные нарративы

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФ научного проекта № 22-18-00687 «Исследование трансформации институционального дизайна российской образовательно-инновационной системы в условиях постпандемической реальности: экосистемный анализ и картографирование ландшафта».

Автор выражает благодарность Екатерине Шибановой за дискуссии о моногородах, Екатерине Масловой за помощь с исследовательской литературой, Адель Овакимян за помощь с гайдами, Гавриилу Агаркову за помощь с контактами в поле, а также Станиславу Авдееву, Елизавете Александровой, Анастасии Андреевой, Екатерине Абалмасовой, Анастасии Вшивковой, Михаилу Гасинцу, Алексею Егорову, Маргарите Кирюшиной, Анастасии Лаховой, Елене Мельниковой, Дмитрию Михайловскому, Анастасии Пичугиной, Анне Марии Филипповой и Гарику Чахояну за проведение интервью, использованных в работе.

tion between universities and enterprises that determine the educational choice and include basic departments, organization of student internships, joint career guidance activities for schoolchildren, and special scholarships with the obligation to work them out afterwards.

Keywords: single-industry towns, educational choice, educational trajectories, school — university transition, university-industry cooperation, cultural narratives

Acknowledgments. The publication was prepared within the scientific project supported by the Russian Science Foundation No. 22-18-00687 «Research on the institutional design of the Russian education system transformation in the context of post-pandemic reality: ecosystem analysis and landscape mapping».

The author thanks Ekaterina Shibanova for the discussions about single-industry towns, Ekaterina Maslova for her help with research literature, Adele Ovakimyan for her help with interview guides, Gavriil Agarkov for his help with the field access, and Stanislav Avdeev, Elizaveta Aleksandrova, Anastasiya Andreeva, Ekaterina Abalmasova, Anastasiya Vshivkova, Mihail Gasinec, Aleksej Egorov, Margarita Kiryushina, Anastasiya Lahova, Elena Melnikova, Dmitrij Mihajlovskij, Anastasiya Pichugina, Anna Mariya Filippova, and Garik Chahoyan for conducting interviews used in the study.

Введение

«Особого выбора не было», «выбирал глупо», «мама отправила», «мужик должен иметь специальность», «Россия вся на металлургии» — ответы, которые давали молодые люди, получающие высшее образование в небольших промышленных городах. Они показывают, как образовательный выбор вписан в культурные представления, семейные сюжеты и профессиональные ожидания.

Я хочу показать, как устроен образовательный выбор в моногородах, где почти все сферы деятельности, включая образование [Романенко и др., 2018], связаны с основным предприятием (или предприятиями), то есть в контексте, определяющем развитие в одном направлении. Кроме того, проблемы моногородов [Маслова, 2011; Hayter, 2017] — экологические, экономические, культурные — обычно рассматриваются как фактор исходящей миграции, в том числе образовательной [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2021], следовательно, важно рассмотреть группу молодежи, которая принимает решение остаться в моногороде для получения высшего образования.

Поскольку принципиально не только позитивистски изучать образовательные переходы и другие решения в образовании, но и понимать восприятие этих решений и способы их объяснения, в исследовании будет использована качественная стратегия сбора и анализа данных и культурсоциологический подход к культурным нарративам, разрабатываемый в рамках исследований образовательных траекторий и образовательного неравенства [Binder, Kurakin, 2019; Куракин, Кусимова, 2024; Minina, Pavlenko, 2023]. Под культурными нарративами понимаются классово-специфичные культурные паттерны, лежащие в основе принятия решений и обоснования этих решений. Важно, что в повседневности они обычно не проговариваются прямо, но отражают существующие в современной культуре нарративы, не обязательно строго идентичные биографическому нарративу человека, который их воспроизводит.

Для понимания контекста, в котором принимается и которым в ряде случаев обосновывается образовательный выбор, был описан комплекс формальных и неформальных отношений между организациями в моногороде, определяемый в этой работе как институциональные условия [Scott, 2008].

Отвечая на исследовательские вопросы о том, каковы институциональные условия, в которых осуществляется выбор высшего образования в моногородах и какими культурными нарративами обосновывается этот выбор, статья вносит вклад в академическую дискуссию об устройстве образовательного выбора в различных контекстах [Богданов, Малик, 2020; Куракин, 2020; Малиновский, Шибанова, Маслова, 2024; Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020], в аналитическую дискуссию об отечественном ландшафте образовательных организаций, акторах и их связях, а также в публичную дискуссию о развитии территорий, факторах миграции и удержания.

Данные, методы и работа с теорией

Выборка и вход в поле

Данные были собраны в 2018 г. в ходе экспедиции, которой я руководила, в пяти моногородах Свердловской области (Верхняя Пышма, Верхняя Салда, Ка-

менск-Уральский, Нижний Тагил, Первоуральск) и столице региона. Основными участниками исследования стали отобранные в рамках стратегии целевой выборки студенты вузов в моногородах, поступившие как после окончания школы, так и по получении среднего профессионального образования. В исследовании приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры в возрасте от 18 до 27 лет. Среди них оказались те, кто уже вовлечен в работу на предприятии. Сотрудники, много лет проработавшие на производстве и получающие высшее образование ради продвижения по службе, не вошли в выборку, так как для исследования были важны молодые люди, совершившие свой образовательный выбор в последние несколько лет.

Истории студентов вузов моногородов, которые, как правило, являются родными или соседними для участников исследования (исключение — специально приглашенные студенты из городов, где действует другие подразделения предприятия, поддерживающего вуз), дополнили истории студентов вузов Екатеринбурга, обучающихся по инженерным специальностям и уехавших из своих родных моногородов для получения высшего образования. Эта группа была включена в исследование, чтобы сравнить образовательный выбор уезжающих и остающихся в моногородах студентов, но отбросить объяснение, что такие абитуриенты переезжают ради обучения на образовательном направлении, не развитом в их родном городе.

Кроме того, проводились интервью с представителями вузов в моногородах, ответственными за работу с абитуриентами, выпускниками и/или за взаимодействие с местным предприятием, а также с представителями предприятий, ответственными за работу с молодыми специалистами.

Участники исследования были рекрутированы благодаря официальным договоренностям с университетской администрацией и неформальным договоренностям до и в момент проведения экспедиции.

Полевая работа

В статье использованы материалы 70 интервью. Их можно охарактеризовать как полуструктурированные фокусированные биографические (для студентов) и экспертные с биографическим блоком (для сотрудников университетов и предприятий).

В целях анонимизации в тексте используются измененные имена участников исследования и номер, присвоенный городу, в котором они учатся или работают. Подробности о процитированных 34 из 70 участников исследования вынесены в Приложение.

В гайд для студентов были заложены вопросы обо всех этапах образовательной траектории и ключевых развилках, индивидуальных объяснениях этих развилочек, о роли семьи (также уточнялись образование и место работы родителей), непосредственном студенческом опыте и планах на будущее — образовательных, профессиональных и семейных. Из этих данных были выведены культурные нарративы, которыми студенты обосновывают свой образовательный выбор.

Чтобы определить институциональные условия образовательного выбора в моногородах, в гайды для сотрудников университетов и предприятий были заложены

вопросы о практиках взаимодействия их организаций, городских, вузовских и индустриальных проблемах и особенностях. При этом ценные для выведения культурных нарративов комментарии были также получены от представителей университетов и предприятий, когда, отвечая на вопросы биографического блока, они высказывались не только из своей профессиональной, но и из родительской роли.

Помимо непосредственной полевой работы проводились регулярные групповые рефлексии, позволяющие исследовательской команде осмыслить получаемые данные и собственную роль в поле.

Анализ и интерпретация

Общая стратегия работы с данными шла в логике обоснованной теории (grounded theory) [Strauss, Corbin, 1990], где объяснительные модели и концептуализация следовали за сбором эмпирических данных. При этом несколько этапов исследования задавали свою логику анализа полевых материалов, их интерпретации и теоретизации: полученным данным находились объяснения в существующих теориях, и уже с теоретическими рамками, обогащающими интерпретации, я снова возвращалась к данным.

Авторским коллективом статьи «Высшее образование в моногородах: организационные форматы, практики, вызовы» [Романенко и др., 2018] были проанализированы тексты интервью вместе с анализом документов и открытых статистических данных, в процессе были сформулированы предположения о взаимодействии вузов и предприятий в моногороде. Дополнительно я провела анализ вторичных источников (публичная информация с официальных сайтов, нормативные и стратегические документы образовательных организаций).

Для целей этой статьи данные интервью были закодированы согласно процедурам обоснованной теории и проанализированы в логике дискурс-анализа [Lemke, 1994; MacLure, 2003]. При анализе я старалась сохранять чувствительность к индивидуальным метафорам, символическим подменам (например, когда на вопросы о выборе образования нерелексивно отвечали о выборе места жительства), эмоциональным выражениям, паузам, неопределенным высказываниям («что-то такое», «какой-то»), заменяющим описания событий, негативным оценкам чужих выборов, а также специфичным объяснениям событий.

Таким образом, на новом полевом материале я вывела авторскую типологию культурных нарративов, что соответствует логике обоснованной теории, но при этом описания выделенных культурных нарративов были дополнительно теоретизированы и объяснены благодаря результатам других исследований. Нарративам были даны авторские названия — они вынесены в заголовки параграфов.

Помимо концептуализации культурных нарративов для меня было продуктивно использовать концепцию организованного и естественного взросления [Lareau, 2015, 2018], понятие парадокса достижений и амбиций (achievement-aspiration paradox) [Lamont, 2017], понятие «нерешение», или «невыбор» (non-decision) [Ball et al., 2002], разделение на прогрессивные, регрессивные (трагические) и нарративы стабильности [Gergen, 2005]. Помощь в интерпретации данных оказали и другие теории, в частности о студенческих субкультурах [Clark, Trow, 1966; Trow, 1960], а также культурологические исследования культуры инженерно-технических ра-

ботников [Кукулин, 2017; Каспэ, 2018] и исследования советского идеологического проекта заводских династий [Ткач, 2007, 2008].

Ограничения

Для оценки результатов важно помнить, что в исследовании идет речь не об образовательном выборе молодежи из моногородов в целом, а об обосновании своего выбора специфичной группы — тех, кто выбрал ступень высшего образования сразу после школы или не остановился на среднем специальном образовании, при этом не уехал из своего города или района (за исключением кейса частного университета, обучающего студентов из других индустриальных городов), а также учится в вузе, где в фокусе подготовка к инженерным специальностям. Кроме того, исследование проведено в городах, где открыты и вуз, и предприятия, что свидетельствует о развитии моногорода и соответствующем самоощущении его жителей [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2021]. Наконец, необходимо учитывать эффект самоотбора: независимо от способа рекрутинга, скорее всего, в исследовании приняли участие наиболее вовлеченные в учебу, рефлексивные и коммуникабельные студенты.

Институциональные условия образовательного выбора в моногородах

Во время полевого исследования была проанализирована ситуация в пяти моногородах, где крупное предприятие находится в той или иной связи с образовательными организациями: образовательный центр на предприятии, частный инженерный вуз, выросший из корпоративного университета, три филиала крупного государственного университета, от двух из которых есть базовые кафедры на производстве.

Среди важных институциональных условий, способных определить образовательный выбор или дать ему обоснование, стоит отметить просветительскую активность вузов и предприятий как вместе, так и по отдельности, прямую образовательную подготовку к будущей профессиональной деятельности и сигналы о надежности и перспективности трудоустройства. Кроме того, это заметность предприятия на всех уровнях образования (школы и организации дополнительного образования также находятся во взаимодействии с предприятиями), его вклад в образование, социальную и культурную сферу.

Со стороны предприятия предлагаются темы для курсовых и дипломных работ. Представители предприятия присутствуют в комиссиях на защитах выпускных работ. Студенты проходят практику на производстве, есть возможность трудоустройства еще во время обучения. Студентам предлагаются специальные стипендии, которые выплачиваются при условии их хорошей успеваемости и обязательстве отработать от одного до трех лет после выпуска из вуза.

Роль вузов в удержании молодежи проговаривается представителями университетов и предприятий как ключевая, поэтому проводятся совместные профориентационные мероприятия для школьников: олимпиады и школьные конференции, экскурсии на предприятие, открытые лекции, творческие конкурсы на индустриальную тематику, выпуск книг, в развлекательной форме рассказывающих о производстве, помощь в организации дополнительного образования школьников

с фокусом на инженерных направлениях, развитие системы «школа — вуз — предприятие», где предприятие поддерживает создание профильных классов, в которых вузовские преподаватели ведут продвинутые курсы по дисциплинам, необходимым для поступления на инженерные специальности.

После такой подготовки предполагается, что старшеклассники поступят в местные вузы и будут получать повышенные стипендии с обязанностью их потом отработать. В качестве ключевой проблемы на уровне школьного образования представители и вузов, и предприятий отмечают, что такая усиленная подготовка школьников работает против цели удержания молодежи в моногородах. Получив больше академических знаний, они поступают в более селективные вузы за пределами родного моногорода. Это может объясняться тем, что дети из семей с более высоким социально-экономическим статусом эффективнее распознают и используют жизненные шансы [Minina, Pavlenko, 2023].

Следующее важное институциональное условие — в филиалах границу по баллам ЕГЭ определяет головной вуз. В итоге у филиала в моногороде оказываются более высокие баллы, чем у неселективных вузов в столице региона или других городах. Это значит, что среди участников исследования оказались студенты, которые с относительно высокими баллами ЕГЭ решили учиться в вузе в моногороде. Объяснение этому также возможно увидеть через анализ культурных нарративов образовательного выбора.

Культурные нарративы образовательного выбора в моногородах

Для понимания мотивов образовательного выбора в моногороде важно показать основания выявленных культурных нарративов. Многие из них строятся на бинарных оппозициях «уехать — остаться», «мы — они», «родной маленький город — большой чужой город», «развитие — отсутствие развития», «проигрыш — выигрыш», «инженерное — не инженерное», «выбор — отсутствие выбора». Другие в своем ядре содержат центральное понятие — «завод / индустрия / предприятие» или «заводская / инженерная династия», через которое и обосновывается образовательный выбор.

Показательно, что обоснование и рационализация своего выбора, в том числе и в форме упомянутых бинарных оппозиций, часто строятся в форме апелляции к мнениям или решениям других людей — одноклассников, друзей, студентов других вузов, воображаемых жителей других городов. Эти реальные и воображаемые Другие в формировании собственной нарративной идентичности играют роль объектов для отстраивания, осуждения, уважения или зависти, так что появляется «я как тот, кто не бросает старших родственников», «я как тот, кто получает более перспективное образование» или «я как тот, кто не знает, как что-то поменять».

Так как культурные нарративы не проговариваются в обычной жизни, а нарративная идентичность появляется в разговоре, интервьюеры — студенты и молодые сотрудники селективного университета в Москве — в ситуации исследовательской беседы стали такими же Другими, от опыта которых можно отстроить свой нарратив. Участники исследования, как студенты, так и сотрудники университетов, интересовались образовательным выбором интервьюеров, уточняя, из какого они города и как переезжали в Москву, если оказывалось, что они родом из друго-

го города. В ответных репликах студентов «наверное, было сложно, а у нас денег нет» (Наталья, 5) или преподавателей «а у нас дети домашние, по общагам не будут жить» (Борис, 2) видна принципиальная оппозиция между уехавшими в университет и оставшимися в родном городе, где, во-первых, делается фокус не столько на образовании, сколько на миграции, во-вторых, подчеркивается невозможность собственного отъезда из-за отсутствия материальных возможностей, в-третьих, отказ от отъезда рационализируется как выбор более требовательных студентов и их более ответственных (по сравнению с воображаемыми родителями интервьюеров и других уехавших для учебы) родителей.

Анализируя рационализации и обоснования, можно выделить ключевые культурные нарративы, которыми обосновывается образовательный выбор. Причем последний регулярно и довольно нерефлексивно подменяется выбором места жительства на время обучения, дальнейшей жизни и работы или выбором конкретной профессиональной деятельности, а институциональные условия встраиваются в нарративы о выборе.

Наконец, хочу подчеркнуть, что выделены не типы студентов, обосновывающих свой образовательный выбор, а специфичные нарративы обоснования выбора. Они могут сочетаться у одного человека и даже противоречить друг другу.

«Такая родная атмосфера»: нарратив избегания опасности

Первый нарратив, который используется для обоснования образовательного выбора вуза в моногороде, я назвала нарративом избегания опасности. Он не равен стратегии избегания риска при выборе образования [Minina, Pavlenko, 2023] и не связан со страхом получить плохие результаты на экзаменах или невозможностью вписаться в студенческий коллектив. Это нарратив, в котором выбор места для получения образования подменяется выбором или скорее невыбором места жительства.

Здесь принимается решение учиться в родном или соседнем городе, чтобы избежать опасностей при переезде в столицу региона, Москву и Санкт-Петербург, или в абстрактные большие города. Индустриальная специализация города и роль предприятия не проявляется в этом нарративе, важнее внимание к небольшому, хорошо знакомому и уже освоенному пространству.

Здесь мне нравится простота. Смотреть, конечно, не на что, но, с другой стороны, не заглядываться, нет метро, все довольно привычно. Ходишь: такая родная атмосфера. (Денис, 4)

В этом нарративе имеют значение противопоставления «свое — чужое», «дом — не дом», «маленькое — большое», «безопасное — опасное». Переехавшего из маленького и безопасного города для учебы в университете большого города ждут одиночество, дезориентация и вероятность стать жертвой преступлений.

Здесь довольно-таки безопасно жить по сравнению с Челябинском даже, с Екатеринбургом. Тут воровства меньше намного. Что-то я слышала, нападают на кого-то, но это очень редко по сравнению с тем, как в больших городах. У нас город тихий, воровать нечего. А если есть что, то оно охраняется. (Ольга, 3)

Желание остаться в родном городе и страх нового поддерживаются значимыми взрослыми — старшими родственниками, учителями, представителями местных вузов — как в период работы с абитуриентами, так и в коммуникации со студентами, например, подчеркиваются «домашний» характер студентов и «атмосфера дома» в местном вузе. При этом наблюдается определенное символическое противостояние между представителями наиболее селективных (на уровне города) школ, ориентирующих школьников на отъезд, и представителями местных вузов. Это противостояние проявляется и в интервью с вузовскими администраторами, и в транслируемых студентами нарративах.

Начинается куча вопросов, у родителей особенно: «Ты поедешь в Москву, боже мой! А где ты там будешь жить? А что ты там будешь кушать? Может быть, тебя где-нибудь убьют там за углом?» (Нина, 1)

Меня учителя продвигали, чтобы я поступала в Москву, в Санкт-Петербург. Думали, что у меня потенциал есть. Но мне как-то страшно было одной куда-то уезжать, поэтому я решила остаться здесь. (Софья, 2)

Уезжающие для получения высшего образования (подчеркну — не важно, какого именно), существуют в этом нарративе как «рисковые», «смелые», «сумасшедшие», «те, кому нечего терять», или «те, кто готов к трудностям».

У нас есть вообще просто сумасшедшие люди, которые уезжают в Питер, в Москву. Что самое интересное, они при этом туда поступают. Потому что очень сложно, когда ты приезжаешь с провинции в большой город, вообще очень сложно и поступить тоже. (Максим, 3)

Выявленный нарратив можно вписать в «нарратив стабильности» [Gergen, 2005], противостоящий прогрессивному и регрессивному нарративам, в котором собственная траектория описывается как неизменная.

«Развитие хорошее, но не для меня»: нарратив ловушки и освобождения

Следующий нарратив обоснования образовательного выбора и невыбора я назвала нарративом ловушки и освобождения: дилемма по-прежнему «уехать или остаться», а выбор вуза и образовательного направления уходит в тень. Однако в этом нарративе подчеркиваются ключевые проблемы моногородов помимо зависимости от предприятия — плохая экологическая обстановка, бедность культурной жизни и молодежного досуга, маргинализация населения вследствие употребления алкоголя.

Если цель — прогулка, сходить некуда. Парков мало, чаще всего они оккупированы либо старушками, либо школьниками с колонками, которые слушают русский рэп на максимальной громкости. Чаще всего в одну сторону идешь, потом разворачиваешься и идешь назад. На этом все развлечение. <...> Кофеен почти нет. У нас в основном люди пиво любят. Откройте нам пивной ларек — и мы будем счастливы. (Иван, 2)

Говорят, обстановка экологическая отстойная, но жить захочешь — хотя бы так. (Степан, 4)

Если в первом нарративе опасность приписывалась другим пространствам, тем, что больше и находятся за пределами родного города, то здесь, наоборот, опасность видится именно в повседневной жизни моногорода. Бедность среды, по мнению участников исследования, транслирующих нарратив ловушки и освобождения, соседствует с криминальной обстановкой.

Хочу, чтобы выбор был, чтобы можно было нормально сходить погулять, а не бояться. Ничего удивительного — семь зон в городе. (Иван, 2)

В этом же нарративе наблюдается внутренний спор с публичным дискурсом о развитии городов, предприятий и территорий, характерным для медиа и публичной политики. Участники исследования признают, что в городе что-то может измениться в лучшую сторону, но скорее для предприятия, а не для его жителей.

Город вообще унылый. Видно, что развивается и развитие хорошее, но не для меня. <...> Можно пример привести: недавно построили дому огромную у нас в городе. <...> Как бы круто, но что мне это дает? (Яков, 2)

В рамках этого нарратива студенты вузов, расположенных в моногородах, словно оказались в ловушке из-за моногородской среды: повлиять на ситуацию и свое положение они не могут, а освободиться можно, только уехав. Этот нарратив ловушки и освобождения, где в первую очередь подчеркивается проблемность обстановки, но не обсуждается возможность другого выбора или изменения, сходен с «трагическим нарративом» [Gergen, 2005], так как остающиеся в родном городе описывают свою ситуацию как жизненный проигрыш.

Парни есть с параллельного класса уже отслужили, отучились, работают на заводах. Я вообще не поддерживаю, честно говоря, эти заводы. У нас в принципе менталитет такой в России, что это в основном какие-то заводчане, рабочие люди. <...> Я понимаю, что это тяжелая жизнь, и я не хочу, чтобы у меня в будущем была такая же. (Филипп, 4)

Уехавшие в представлении оставшихся в рамках этого нарратива уже не «сумасшедшие», а более удачливые и получившие доступ к ресурсам большого города. Участники исследования родом из моногородов, получающие образование в столице региона, также подчеркивают ценность жизни в большом городе в большей степени, чем качество образования, и говорят о том, что, уехав, еще сильнее осознали проблемы своего родного города.

Мне именно нужен ритм города, возможность досуга, интересные мероприятия. А дома много каких-то вот прямо очень сильно спившихся людей. Я этого не замечала раньше в таком количестве, а теперь приезжаю на выходные: кучкуются алкаши, стоят орут. (Олеся, 6)

«Не будет предприятия — не будет и города»:

нарратив предопределенности и долга городу и предприятию

Следующий культурный нарратив, определяющий выбор образования в моногороде и используемый для объяснения образовательного выбора, в отличие от первых двух фокусируется на индустриальной специализации города. «Завод» / «предприятие» (как правило, так и называемый — без использования конкретного названия, так как предполагается, что все собеседники знают, о чем идет речь) видится доминантой для всех городских процессов, центром жизни города и отсюда — предопределением для его жителей.

Это единственное предприятие, которое все решает, все создает и все разрушает. Рулит делами в городе. (Артем, 5)

Завод кормит город на 100 процентов. Если вдруг умрет завод, город может просто закрыться, и поэтому все, что делает завод, — это все равно город. (Глеб, 1)

Этот нарратив предопределенности и долга схож с «трагическим» нарративом ловушки и освобождения и поддерживает явление невыбора образования и места жительства. Отъезд представляется желаемой и труднодостижимой целью, а получение образования в родном моногороде — естественным и непроговариваемым решением.

Показательно, что, говоря о моногороде, участники исследования регулярно используют слова «предприятие» и «городская власть» или «предприятие» и «город» как синонимы. Несмотря на то что предприятия давно не являются государственными, их решения, их социальные программы помощи городу, в том числе образовательным учреждениям, их заметность в городском пространстве и статус ключевого работодателя многими горожанами воспринимаются как то, что определяет безальтернативность жизненных решений даже при их нежелательности.

Эта история с Советского союза, когда при любом предприятии были и ФОКи [физкультурно-оздоровительные комплексы], и больницы, и детские сады, и жилищный фонд. <...> Если отдать городу, то без должного финансирования, мы понимаем, во что эти объекты превратятся. Поэтому содержим. Конечно, все открыто для жителей города, не только для работников. Более того, зачастую это единственные объекты такие в городе. (Игорь, 2)

В нарративе предопределенности и долга городу и предприятию город словно подчинен предприятию, а жители — городу и заводу. Соответственно, жители несут ответственность за поддержание жизни города и индустрии, а значит, должны получить такую профессию, которая позволит им занять позицию на градообразующем предприятии.

Я живу в этом городе, я, скорее всего, помру в этом городе. И как бы предприятие пока живет. Не знаю, что там будет: эти санкции-антисанкции. Не будет предприятия — не будет и города. (Павел, 3)

Важно, что этот нарратив поддерживается сверху — со стороны представителей предприятий и университетской администрации, отвечающих за работу с абитуриентами и выпускниками. В нем осуждается отъезд для получения образования в другом городе, но студенты, выбравшие образование в родном городе, описываются уже не как более «домашние», а как более ответственные и ценные для города и предприятия.

Будет вымирать город — будет вымирать промышленность. Нужна государственная программа, чтобы дети оставались здесь, чтобы дети не могли уезжать. Прямо с детства должна быть программа патриотизма, любви к городу. А иначе кто будет производить? (Валерий, 4)

У всех работодателей такая цель — они стараются коллектив омолаживать. Соответственно, студентов стараются заинтересовать всеми способами. Я считаю, что молодежи есть где работать. Заинтересован город, я считаю. И мэр у нас тоже заинтересован, чтобы молодежь не уезжала из города. (Игорь, 2)

Ценность жителей города здесь — в их роли для производства, а предопределенность с детства стать профессиональным ресурсом считается правильной. Этот нарратив можно валидировать и фиксацией описанных выше практик институционального взаимодействия предприятий и образовательных организаций.

Подписывал договор, чтобы после выпуска три года работать на заводе, потому что нам стипендию выплачивают. Я получаю 10 тысяч стипендии, учусь нормально, так что она у меня не падает. Я даже откладываю потихоньку. Родителей у меня нет, я живу с бабушкой. Бабушка работает в садике, я ее лечу. Учиться нужно, чтобы ее содержать, я один у нее. (Егор, 2)

Таким образом, культурный нарратив долга — символического или морального — поддерживается и долгом вполне реальным, когда поддержка студентов со стороны предприятия позволяет им получить образование и место работы, справиться с жизненными трудностями, при этом закрепляя их в моногороде.

*«Бесконечные проводят соревнования»:
нарратив обязательного свободного времени*

Нарративам избегания опасности, ловушки и освобождения, предопределенности и долга противопоставлен выделенный мной нарратив обязательного свободного времени, которым должен обладать студент во время учебы и будущей работы. Студенты, обосновывающие свой образовательный выбор подобным образом, подчеркивают свое везение по сравнению с теми, кто вынужден больше времени посвящать учебе, поступив в вуз в другом городе, или не имеет строго очерченного времени для личного или семейного досуга уже во время работы.

Мне уже 21 год, и пора начинать думать о семье. Мы с моим парнем думаем пожениться к концу института. Я бы хотела двоих детей. <...> Работа должна быть такая, чтобы

и детей вырастить. Не хочу, как некоторые наши профессорши, которых дома их родные давно потеряли. (Мария, 3)

При этом фокус на обязательном свободном времени в этом нарративе не равен желанию более легкой учебы или менее ответственной работы, этот нарратив вполне может сочетаться с описанным далее нарративом инженерной гордости. Собственный выбор обучения в родном (или ближнем) моногороде видится удачным, так как позволяет или даже помогает вести досуг в сфере спорта, активного туризма, университетского и городского волонтерства или самодеятельного творчества. Регулярно подчеркивалась институциональность этих практик — участие и победа в конкурсах, заявки на молодежные гранты, поддержка города, вуза или предприятия.

В нашем городе можно круглосуточно отдыхать. Проводим спортивные мероприятия — велогонки, пробеги. У нас волонтерская организация сильная. По спорту есть куда развиваться, и по клубам тоже есть. (Ян, 2)

Важность внеучебной деятельности при общей лояльности месту обучения в классификации студенческих культур [Clark, Trow, 1966; Trow, 1960] описывается как «коллегиальная» студенческая субкультура. Этот тип отношений студентов с университетом — один из ключевых, а его описание сделано на примере селективных международных университетов. Однако в этом исследовании выделенный мной нарратив обязательного свободного времени включает в себя и сюжет о том, чтобы не уезжать из родного небольшого города и активно участвовать в его жизни. Интересно, что, согласно другим исследованиям образовательного выбора [Маслова, 2023], абитуриенты, уезжающие в более крупные города и селективные университеты, довольно критически описывают учебу оставшихся знакомых как сфокусированную прежде всего на самодеятельности и досуге.

Другой важный аспект нарратива обязательного свободного времени — связь с индустрией. Как правило, это акцентируют выпускники — молодые специалисты и студенты, которые уже трудоустроены на предприятии или проходили там практику в рамках базовых кафедр. Они ассоциируют себя с предприятием не только как горожане или студенты, но и как текущие или потенциальные сотрудники.

Помимо субботников проводят первомайские демонстрации. С этими плакатами, шариками ходим по улицам города. Бесконечные проводят какие-то соревнования, спартакиады всякие разные, выставки. У нас есть недавно открывшийся инновационный культурный центр в старой части завода. Там проходят всякие выставки, спектакли, концерты. (Артур, 5)

Важно, что с предприятием связаны не только представления о будущей работе (как в нарративе предопределенности и долга), но и досуг, спорт и развлечения. Возможно, здесь можно увидеть как реальное (подшефные детские сады и дома культуры, которым дают заказы на мероприятия от предприятий), так и символическое продолжение советской системы, где предприятие отвечало за организацию жизни своих работников.

«Выбирал глупо, сумбурно»: нарратив неотменяемой случайности

Нарратив случайности как обоснование своего образовательного выбора выстроен вокруг образования, а не решения уехать или остаться, и вокруг собственной биографической линии, а не окружающей среды, ответственной за удачный или неудачный выбор. Однако в этом нарративе решение остаться для получения образования в родном или близлежащем моногороде воспринимается как естественное и непроблематизируемое, а символическая и реальная видимость предпринятия заменяется мнениями друзей и родственников, спонтанными порывами, общими впечатлениями о какой-либо профессиональной области и трудно вербализуемыми ожиданиями, что все устроится тем или иным способом.

Ну, «корочка» о высшем образовании всегда в жизни пригодится. А если конкретно с привязкой к городу, если на завод тот же самый идти, градообразующий, то понятное дело: без этой корочки ты будешь ручками работать, а с этой корочкой в кабинете в халатике сидеть. (Кирилл, 4)

Для этого нарратива свойственно не противопоставление себя «другим», принявшим иное решение, а скорее присоединение, указание на то, что образовательный выбор так же случайно складывается у «всех», «всех нас», «знакомых», «одноклассников» и так далее.

Однокурсники... Не скажу, что они без цели. Да я и сам не особо с целью. В этот вуз поступили. Ну, как получится... Вот дадут диплом на руки. Потом армия или не армия. Может, что-то другое найду. Я конкретного ответа о планах не могу дать. (Андрей, 4)

В нарративе случайности могут фигурировать старшие родственники, но в отличие от нарратива династии, который будет описан далее, члены семьи не демонстрируют собственного примера и не организуют профориентационных активностей, а директивно направляют, наказывают или в целом делятся своими неконкретизируемыми представлениями об образовании и профессиях. Такая роль родителей и других старших родственников характерна для естественного взросления, противостоящего организованному взрослению [Lareau, 2015, 2018], которое, в свою очередь, свойственно семьям с более высоким социально-экономическим статусом.

Я вообще не хотел учиться на высшем. Я хотел пойти на повара, и все. Мне бабушка сказала: «Ты debil? Иди в техникум политехнический, а потом в вуз, и учись!» (Денис, 4)

Я вот спрашивал ребят, почему пошли учиться на эту специальность. <...> Есть те, кто говорит: «Не знаю, меня мама отправила». (Владимир, 5)

Также нарратив неотменяемой случайности на уровне формулировок может, на первый взгляд, совпадать с «прогрессивным нарративом» [Gergen, 2005], то есть студенты обосновывают свой образовательный выбор «престижностью» и «перспективностью». Однако здесь наблюдается парадокс достижений и амбиций [Lamont, 2017], когда транслируются ценности групп более высокого со-

циально-экономического статуса, но декларативно, «потому что красиво звучит» (Мария, 3), без понимания того, что стоит за тем или иным образовательным и профессиональным направлением.

Специальность выбирал глупо, сумбурно. Пришел и спросил: «Кто у вас самые престижные?» И пошел на радиоаппаратостроение. (Антон, 2)

Я назвала случайность неотменяемой, потому что в этом нарративе случайный выбор нельзя отменить или исправить. Альтернативы плохо видны, а несколько лет, потраченных на образование, уже являются слишком серьезной символической инвестицией в собственную траекторию, чтобы ее можно было так легко «вывести».

Однокурсники, парни, мне кажется, пойдут по специальности именно на стройку. Есть люди, которые не хотят идти по специальности, которые поняли, что стройка — это не их, вообще ни в каком виде. Но какие у них альтернативы тогда? (Елена, 4)

Если ты четыре года, да даже два года потратил на обучение вот конкретно материаловедению, то куда ты от него уже денешься? (Глеб, 1)

В нарративе неотменяемой случайности видна, во-первых, невозможность права на ошибки и поиски себя, во-вторых, логика массового образования индустриальной эпохи, подразумевающая получение образования и профессии на всю жизнь, а не постиндустриальные возможности обучения в течение всей жизни.

«Все с детства нам закладывается»: нарратив продолжения династии

Один из ключевых культурных нарративов, который я выделила в качестве основания образовательного выбора, это «продолжение династии». В ряде случаев участники исследования называли именно этот термин, в других вариантах говорилось о роли семьи в целом.

Металлургия — это ребята в основном местные. Династийный характер. У нас много династий на заводе. У меня у самой дочь — пятое поколение. Очень много родителей, которые так же ориентируют детей. (Лидия, 2)

Этот культурный нарратив отсылает к советскому понятию династии, когда термин, относящийся к аристократическим династиям или династиям промышленников, был специально переложен на семьи врачей, учителей, инженеров или рабочих [Ткач, 2008].

Показательно, что под продолжением семейного дела участники исследования понимали работу на предприятии в статусе инженера, работу на том же предприятии, но с переходом от рабочих к инженерам, а также получение любой инженерной специальности и даже работу на том же предприятии в любой должности.

Если в других сюжетах, образовательный выбор мог дискурсивно подменяться выбором места жительства, отъезда или неотъезда, то в этом сюжете о династиях и в следующем — о ценности инженерного образования — смешиваются

образовательный выбор и выбор профессии, то есть образование в первую очередь видится как подготовка к конкретному виду деятельности, что соответствует типу «профессиональной» студенческой субкультуры [Clark, Trow, 1966; Trow, 1960].

При этом нарратив обоснования выбора «династийного» образования и «династийной» профессии по-разному используется участниками исследования. В первую очередь, это указание на раннюю профориентацию, когда именно родители или другие старшие родственники заложили основы, необходимые для инженерного или естественнонаучного образования, рассказали о своей профессии, продемонстрировали условия своей работы. В этом случае родители становятся «культурными гидами» [Lagueau, 2015, 2018] для своих детей, объясняющими устройство профессиональной деятельности. Подобное взаимодействие ближе к организованному взрослению, в котором ребенок получает комплекс ориентиров и организованные образовательные активности.

У меня мама физик, я в три года, можно сказать, шарил массу Плутона, в термоядерном синтезе на пальцах абсолютно. Я, может, и абсолютно глупый человек, но понимание мира всегда такое было — физическое. (Иван, 2)

Обучаюсь на автоматизации технологических производств. Мой отец, да и дед тоже, работали в этой области. Это все с детства нам закладывается так или иначе. Конструкторы, электроника всегда были что у отца, что у деда. Я привык к этому, для меня это стало по-своему родным. (Максим, 3)

Роль старших родственников может видеться и в демонстрации примера осмысленной работы в определенной инженерной отрасли в родном городе, что позиционируется как правильная ситуация, которую желательно сделать еще более распространенной.

Я люблю это место, я люблю этот завод. Отец в свое время тоже так к этому относился, он всегда — и сейчас, слава богу, — работает с душой. Он рассказывает о металлургии так, что можно заслушаться. <...> Когда ты любишь то, чем занимаешься, ты можешь этим, в хорошем смысле, заразить. Нам, конечно, побольше бы людей, которые могут заразить. (Вера, 1)

Этот нарратив созвучен нарративу предопределенности и долга, когда жители города подспудно считаются ресурсом для производства, а родители могут стать инструментом для удержания своих детей в моногороде.

Я вижу, что у ребенка есть определенная склонность к техническим наукам. <...>. Я стараюсь профориентировать его в сторону металлургии, например, мы с ним делали в этом году проект про древних металлургов Урала. Все потому, что у нас династия металлургов в семье. (Татьяна, 1)

Однако в другом варианте нарратива династийный характер обоснования выбора образования и профессии приближается к нарративу ловушки и освобождения.

дения, когда работа старших родственников на предприятии в моногороде дополняет центральную роль предприятия в городе в глазах участников исследования и символически лишает их выбора.

Все родственники у меня работали на заводе: дедушки, бабушки, родители. Поэтому как бы особого выбора не было. (Федор, 2)

Нарратив, который транслируют студенты, рационализируя свой образовательный выбор, и высказывания их старших коллег по вузу или предприятию соответствуют идеологическому проекту заводской династии [Ткач, 2007, 2008], где обязательны лояльность, эмоциональная вовлеченность, смешение частного, семейного и заводского. Контроль над «наследственной привязанностью» к предприятию в этой логике является прямой обязанностью родителей и других старших родственников. Одновременно родительские функции приписываются сотрудникам предприятия, ответственным за наставничество молодых. В полевых данных нашего исследования показано, что такая ситуация распространяется и на студентов в случае развитого партнерства между вузом и предприятием.

У каждого студента образовательного центра при заводе есть свой наставник. Их работа — помогать, подсказывать, рассказывать. Недавно узнал, что у нас много студентов из неполных семей. А тут ты приходишь, у тебя наставник. Кому-то он прямо баькой становится. (Альберт, 5)

Таким образом, я фиксирую культурный нарратив продолжения династии, определяющий образовательный выбор, передаваемый от старших и поддерживаемый сверху.

«Понимание какого-то глобального смысла»: нарратив инженерной гордости

Следующий важный нарратив обоснования выбора места получения образования — ценность инженерного образования, которое ведет к соответствующей профессии и характеризует, по мнению участников исследования, особый склад ума, дает жизни особый смысл.

Техническое понимание мира, эта вот закалка ума всегда дает тебе понимание какого-то глобального смысла. (Олег, 2)

Ключевая особенность этого нарратива заключается в демонстрации превосходства инженерного образования над социально-экономическим, гуманитарным или педагогическим. Занятость в сервисе не для подработки, а в качестве основного дела после окончания учебы тем более описывается как неудачная стратегия. Инженерное образование воспринимается как более сложное, а люди, способные к нему, — как более аккуратные и системно мыслящие.

Моя бывшая девушка училась в пединституте, и это просто шарага. Вот как я учился? Я приходил в восемь утра на пары, там просто «издевались» надо мной, тестирова-

ли мою психику и мое тело. В шесть я выходил оттуда убитый. А им там давали задания из серии: «Прочитайте две странички в книжке и напишите об этом свое мнение». (Иван, 2)

Таким образом, выбор инженерного образования создает определенную нарративную идентичность. Это восприятие своего социального статуса как более высокого в сравнении с представителями других специальностей и видение себя как высокообразованного человека, готового к высоким нагрузкам и способного на особый взгляд.

Подобный комплекс представлений современных студентов, обосновывающих свой образовательный выбор, вероятно, продолжает позднесоветский нарратив об ИТР, инженерно-технических работниках, составлявших особый социальный слой, куда входили инженеры, квалифицированные рабочие и научные сотрудники [Абрамов, 2017]. Их специфический дискурс и эстетика включали в себя технократическое и позитивистское видение мира, подчиненность гуманитарного знания техническому, разделение на «своих» и «чужих», иерархичность¹. В официальной культуре инженеры и ученые изображались как энтузиасты, чья жажда познания позволит найти решения для всех проблем и проложить дорогу в будущее [Кукулин, 2017; Каспэ, 2018].

Однако в других вариантах этого довольно лестного нарратива инженерное образование и соответствующая работа более выгодны по сравнению с низкооплачиваемыми педагогическими специальностями, также необходимыми в моногороде.

В нашем городе я видела для себя такие специальности, как врач, школьный учитель, воспитатель в детском саду, да, еще завод, потому что это у нас градообразующее предприятие. Я хотела пойти на учителя начальных классов, но сколько они получают? Другое дело технолог на заводе. (Ольга, 3)

«Трудоустройство практически стопроцентное»: нарратив надежности и заботы

Финальный нарратив, используемый для обоснования образовательного выбора (и здесь действительно имеет смысл говорить о выборе, а не о ситуации невыбора), это нарратив надежности и заботы. Его можно интерпретировать как «прогрессивный нарратив» [Gergen, 2005], историю об удаче и победе, уже случившейся или ожидаемой. Участники исследования описывают стратегию своего поступления и ситуацию своего обучения как удачную, выгодную и надежную, поскольку образование готовит их к желаемой профессиональной деятельности на предприятии. Трансляцию подобного нарратива можно соотнести с «профессиональной» студенческой субкультурой [Clark, Trow, 1966; Trow, 1960], где закрытость кампуса заменяется освоенным пространством моногорода, а профессионализация образования выглядит еще более близкой и значимой из-за институционального взаимодействия вузов и предприятий.

¹ Липовецкий М. И. Бездна ИТР... // OpenSpace. 2010. 22 апреля. URL: <http://os.colta.ru/projects/13073/details/17365/?expand=yes#expand> (дата обращения: 11.04.2024).

Предприятие видится незыблемой структурой, которая сохранится при любой ситуации и обеспечит рабочими местами и заработком. Получается, что не только молодые жители города видят себя должными местной индустрии как в нарративе предопределенности и долга, но и наоборот — уверены, что предприятие в любом случае примет их как сотрудников.

Мужик должен иметь специальность, которая поможет ему в любое время, в любое время суток, в любое положение в стране заработать худо-бедно какой-то себе кусок хлеба, работая на предприятии. (Степан, 4)

Ценность инженерного образования может обосновываться не только его высоким смыслом как в нарративе инженерной гордости, но и его надежностью. Таким образом, выбор инженерного образования в вузе в моногороде позиционируется как то, что обязательно даст работу на всю жизнь.

Пока металлургия есть, работа будет всегда. Россия вся на металлургии. А без огнеупоров ее просто не может быть. А огнеупоры связаны с химией, что мне и нужно было. Любые печи укладываются кирпичами огнеупорными, и, если этого не сделать, металлургия загнется, будет нечего производить. Моя специальность по огнеупорам связана с металлургией и с химией, которая мне интересна. Вот так удачно сошлось. (Олег, 2)

Взаимодействие вузов и предприятий, которое заметно студентам и по координации расписания, и по участию представителей предприятия в образовательном процессе, и по стипендиям, воспринимается как подкрепление надежности образовательного выбора, демонстрация заботы, доказательство будущего успешного трудоустройства.

Существует проблема, когда приезжает практикант от университета, и никто не знает, что с ним делать. Его там ставят двор подметать. Здесь у нас не так, поскольку в нас инвестированы средства. Мы приезжаем, находим определенного руководителя, руководитель точно знает, что нужно делать, и ставит на определенные виды работ. (Марк, 1)

Главный кузнец присутствовал у нас на вручении дипломов. Он так и сказал: «Вы получили документ, идите и заявляйте в отдел кадров. Я отсюда возьму любого». Это было таким мотивирующим моментом! Трудоустройство практически стопроцентное. (Семен, 3)

Заключение и дискуссия

Я показала набор культурных нарративов, которыми молодые люди в моногородах, а значит в специфичной среде небольшого города со слабодифференцированной экономикой, обосновывают свой выбор. При этом многие их обоснования неэсклюзивны. Образовательный выбор регулярно подменяется дилеммой «уехать или остаться» (нарратив избегания опасности, нарратив обязательного свободного времени), но и студенты селективных вузов в своей аргументации редко обращаются к качеству образования как к критерию выбора [Minina, Yanbarisova,

Pavlenko, 2020]. В нарративе ловушки и освобождения идет речь об учебе в моногороде как о жизненном проигрыше, а студенты высокоселективного вуза, приехавшие из аналогичных населенных пунктов, подтверждают его, говоря о «закрытости» и «предзаданности пути» в своем «старом мире» [Куракин, Кусимова, 2024]. Плохо вербализуемые представления о своей будущей карьере, но при этом убежденность, что в университете ценнее всего получение прикладных навыков (нарратив неотменяемой случайности, нарратив надежности и заботы) сближают участников этого исследования со студентами других неселективных отечественных вузов [Малиновский, Шибанова, Маслова, 2024]. А уверенность в особом статусе инженерного и в целом естественнонаучного знания (нарратив инженерной гордости) можно встретить в исследованиях STEM-образования в международном контексте [Cian, Dou, 2024].

Прежде всего для культурных нарративов студентов из моногородов характерно включение в них институциональных условий своего выбора — взаимодействия вуза, города и предприятия. Даже в описании важности студенческого досуга (нарратив обязательного свободного времени) указывается роль предприятия, организующего жизнь города. Особенно это заметно в нарративе продолжения династии, буквально цитирующем советский идеологический проект заводских династий. Выстроенная коммуникация между организациями воспринимается студентами как знак уверенности в будущем трудоустройстве и, соответственно, правильности своего выбора (нарратив надежности и заботы). Однако можно оценить эти институциональные условия и эти обоснования своего выбора как то, что закрепляет в моногороде со всеми его проблемами от тяжелой экологической обстановки до риска оказаться в трудной жизненной ситуации из-за кризисной ситуации в индустрии (нарратив ловушки и освобождения).

Здесь я фиксирую парадокс. Культурные нарративы классово-специфичны и понимаются как основа в том числе для различения образовательных траекторий, воспроизводящих неравенство [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020; Minina, Pavlenko, 2023]. Разница между естественным и организованным взрослением [Lareau, 2015, 2018] проходит по границе социальных групп разных статусов. А принципиальной отбивкой, определяющей высокий или низкий социально-экономический статус у семьи, считается наличие высшего образования у родителей. Однако основная часть участников нашего исследования происходит из семей, где родители получили высшее образование — инженерное или педагогическое, и сами они выбрали для себя обучения в вузе, даже если и после окончания колледжа. При этом они транслируют культурные нарративы, которые, скорее, были бы характерны для рабочего, а не среднего класса, и регулярно отмечают свое затруднительное финансовое положение. За исключением нарратива продолжения династии, приводятся примеры коммуникации с родителями, свойственные в большей степени естественному взрослению. А культурные гиды, упоминаемые участниками исследования, не показывают новые возможности — лишь ведут к упоминаемой безальтернативности жизни и работы в моногороде.

Этот парадокс может стать отправной точкой для дальнейшего анализа социальной стратификации современного российского общества и описания институционального ландшафта послешкольного образования. С другой стороны, он

свидетельствует о необходимости нюансированного использования концепции классово-специфичных культурных нарративов в изучении образовательного выбора в отечественном контексте.

Еще одной перспективой исследования я считаю дальнейшее изучение моральных оснований культурных нарративов, идентифицированных в работе, когда студенты, выбравшие и не-выбравшие образование в моногороде обращаются к категориям благородной жертвы, долга или гордости.

Список литературы (References)

1. Абрамов Р.Н. Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960—80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 114—130. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.441>.
Abramov R. N. (2017) Soviet Engineering and Technical Intellectuals from the 1960's to the 1980's: Searching for the Boundaries of Collective Consciousness. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 8. No. 1. P. 114—130. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.441>. (In Russ.)
2. Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>.
Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>. (In Russ.)
3. Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 3. С. 8—32. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-8-32>.
Veselkova N., Vandyshov M., Pryamikova E. (2021) Technical and Vocational Education and Training in Monotowns: Production of Mobility. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 8—32. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-8-32>.
4. Каспэ И. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: НЛО. 2018.
Kaspe I. (2018) In Alliance with Utopia. The Semantic Frontiers of Late Soviet Culture. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
5. Кукулин И. Периодика для ИТР: Советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 61—85.
Kukulin I. (2017) Periodicals for Engineers: Soviet Popular Science Journals and the Shaping of the Late-Soviet Scientific and Technical Intelligentsia's Interests. *New Literary Observer*. No. 3. P. 61—85. (In Russ.)

6. Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167—231. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-167-231>.
Kurakin D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 167—231. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-167-231>. (In Russ.)
7. Куракин Д., Кусимова Т. Нарративная структура «эскейпа»: прогрессивный нарратив и культурные структуры восходящей мобильности в селективном российском университете // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2024. С. 102—140. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-102-140>.
Kurakin D., Kusimova T. (2024) Narrative Structures of “Escape”: Progressive Narrative and Cultural Structures of Upward Mobility at an Elite Russian University. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. P. 102—140. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-102-140>. (In Russ.)
8. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю., Маслова Е. А. В чем разница между «самыми лучшими» и «достаточно престижными» университетами? Карьерные ожидания студентов ведущих и неселективных вузов // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*. 2024. (в печати).
Malinovskiy S., Shibanova E., Maslova E. (2024) What is the Difference between a “Top” and a “Rather Prestigious” University? Career Expectations of Students of Leading and Non-Selective Universities. *Educational Studies Moscow*. (Forthcoming). (In Russ.)
9. Маслова А. Н. Моногорода в России: проблемы и решения // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2011. Т. 4. № 5. С. 16—28.
Maslova A. N. (2011) Monocities in Russia: Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 4. No. 5. P. 16—28. (In Russ.)
10. Маслова Е. М. Уехать или остаться? Образовательная миграция выпускников селективных школ (на примере школы г. Хабаровска). Магистерская диссертация, на правах рукописи. М.: Высшая школа экономики, Институт образования, 2023.
Maslova E. M. (2023) To Leave or to Stay? Educational Migration of Graduates of Selective Schools (a Study Case of a School in Khabarovsk). Master’s Thesis. Moscow: HSE University, Institute of Education. (In Russ.)
11. Романенко К. Р., Шибанова Е. Ю., Абалмасова Е. С., Егоров А. А. Высшее образование в моногородах: организационные форматы, практики, вызовы // *Университетское управление: практика и анализ*. 2018. Т. 22. № 4. С. 110—125. <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.04.044>.
Romanenko K. R., Shibanova E. Y., Abalmasova E. S. Egorov A. A. (2018) Higher Education in Single-Industry Towns: Models, Practices, Challenges. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 22. No. 4. P. 110—125. <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.04.044>. (In Russ.)

12. Ткач О. А. Заводская династия: воспроизводство и трансформация «советского» феномена в контексте современной промышленной корпорации // Российский экономический интернет-журнал. 2007. № 3. С. 1—9.
Tkach O. A. (2007) Manufactorial Dynasty: Reproduction and Transformation of “Soviet” Phenomenon in the Context of a Modern Industrial Corporation. *Russian Economics Online-Journal*. No. 3. P. 1—9. (In Russ.)
13. Ткач О. А. Заводская династия как социально-культурный феномен: советский и постсоветский периоды: автореф. дисс. ...канд. социол. наук: 22.00.24. СПб.: Социологический институт РАН, 2008.
Tkach O. A. (2008) Manufactorial Dynasty as a Socio-Cultural Phenomenon: Soviet and Post-Soviet Periods. Extended Abstract of the Doctoral Dissertation in Sociology. Saint-Petersburg: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
14. Ball S., Davies J., David M., Reay D. (2002) ‘Classification’ and ‘Judgement’: Social Class and the ‘Cognitive Structures’ of Choice of Higher Education. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 23. No. 1. P. 51—72. <https://doi.org/10.1080/01425690120102854>.
15. Binder W., Kurakin D. (2019) Biography and Form of Life. Toward a Cultural Analysis of Narrative Interviews. *Sociología (Sociology)*. Vol. 51. No. 6. P. 563—583. <https://doi.org/10.31577/sociologia.2019.51.6.23>.
16. Cian H., Dou R. (2024) Masculinized Discourses of STEM Interest, Performance, and Competence that Shape University STEM Students’ Recognition of a “STEM Person”. *Journal of Research in Science Teaching*. Vol. 61. No. 5. P. 1062—1092. <https://doi.org/10.1002/tea.21937>.
17. Clark B. R., Trow M. (1966) The organizational context. In: Newcomb and T. M., Wilson E. K. (eds.) *College Peer Groups: Problems and Prospects for Research*. Chicago, IL: Aldine Press. P. 17—70.
18. Gergen K. (2005) Narrative, Moral Identity, and Historical Consciousness: A Social Constructionist Account. In: J. Straub (ed.) *Narration, Identity, and Historical Consciousness*. New York, NY: Berghahn. P. 99—119.
19. Hayter R. (2017) Single Industry Resource Towns. In: Sheppard E., Barnes T. J. (eds.) *A Companion to Economic Geography*. P. 290—307. <https://doi.org/10.1002/9781405166430.ch18>.
20. Lamont M. (2017) *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion, and Academic Evaluation*. Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
21. Lareau A. (2015) Cultural Knowledge and Social Inequality. *American Sociological Review*. Vol. 80. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1177/0003122414565814>.
22. Lareau A. (2018) Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life. In: Grusky D. B., Hill J. (eds.) *Inequality in the 21st Century*. Routledge. P. 444—451.
23. Lemke J. (1994) *Textual Politics: Discourse and Social Dynamics*. London: Taylor & Francis.

24. MacLure M. (2003) *Discourse in Educational and Social Research*. Buckingham: Open University Press.
25. Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. (2020) Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 29. No. 4. P. 326—343. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1728362>.
26. Minina E., Pavlenko E. (2023) ‘Choosing the Lesser of Evils’: Cultural Narrative and Career Decision-Making in Post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*. Vol. 26. No. 9. P. 1109—1129. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2071123>.
27. Scott W. R. (2008) Institutional Theory meets Organization Studies. In: Scott W. R. (ed.) *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Sage. P. 19—46.
28. Strauss A. L., Corbin, J. (1990) *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. Thousand Oaks, CA: Sage.
29. Trow M. A. (1960) *The Campus Viewed as a Culture: Research on College Students*. Boulder: Western Interstate Commission on Higher Education. P. 106—123.

Приложение.**Список процитированных участников исследования**

№	Измененное имя, присвоенное участнику исследования	Пол	Статус участника исследования	Номер, присвоенный городу
1	Нина	Ж	Студент	1
2	Вера	Ж	Студент	1
3	Глеб	М	Студент	1
4	Марк	М	Студент	1
5	Татьяна	Ж	Сотрудник университета	1
6	Софья	Ж	Студент	2
7	Иван	М	Студент	2
8	Яков	М	Студент	2
9	Егор	М	Студент	2
10	Ян	М	Студент	2
11	Антон	М	Студент	2
12	Федор	М	Студент	2
13	Олег	М	Студент	2
14	Лидия	Ж	Сотрудник университета	2
15	Борис	М	Сотрудник университета	2
16	Игорь	М	Сотрудник предприятия	2
17	Ольга	Ж	Студент	3
18	Мария	Ж	Студент	3
19	Максим	М	Студент	3
20	Павел	М	Студент	3
21	Семен	М	Сотрудник университета	3
22	Елена	Ж	Студент	4
23	Денис	М	Студент	4
24	Степан	М	Студент	4
25	Филипп	М	Студент	4
26	Кирилл	М	Студент	4
27	Андрей	М	Студент	4
28	Валерий	М	Сотрудник университета	4
29	Наталья	Ж	Студент	5
30	Артем	М	Студент	5
31	Артур	М	Студент	5
32	Владимир	М	Сотрудник образовательного центра	5
33	Альберт	М	Сотрудник предприятия	5
34	Олеся	Ж	Студент	6

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2528](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2528)**И. А. Симонова, А. В. Швецова, М. С. Кривощёкова****«РОДИЛА И РЕШИЛА...»:
МЕХАНИКА ВЫБОРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ
В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ МАТЕРЕЙ****Правильная ссылка на статью:**

Симонова И. А., Швецова А. В., Кривощёкова М. С. «Родила и решила...»: механика выбора предпринимательских стратегий в среде российских матерей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 230—255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2528>.

For citation:

Simonova I. A., Shvetsova A. V., Krivoschekova M. S. (2024) «I Gave Birth and Decided...»: Mechanics of Choosing Entrepreneurial Strategies among Russian Mothers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 230–255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2528>. (In Russ.)

Получено: 30.11.2023. Принято к публикации: 15.05.2024.

«РОДИЛА И РЕШИЛА...»: МЕХАНИКА ВЫБОРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ МАТЕРЕЙ

СИМОНОВА Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент, директор департамента философии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; старший научный сотрудник, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: luboe05@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8669-6376>

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

КРИВОЩЁКОВА Марина Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: kmsolimp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1853-8629>

Аннотация. Статья посвящена исследованию механики принятия решений о предпринимательских практиках и факторах выбора предпринимательских стратегий российскими женщинами, воспитывающими маленьких детей. Теоретическая рамка работы определе-

«I GAVE BIRTH AND DECIDED...»: MECHANICS OF CHOOSING ENTREPRENEURIAL STRATEGIES AMONG RUSSIAN MOTHERS

Irina A. SIMONOVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Philos.), Director of Philosophy Department; Senior Researcher*
E-MAIL: luboe05@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8669-6376>

Anastasia V. SHVETSOVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Laboratory of Comparative Studies of Tolerance and Recognition*
E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Marina S. KRIVOSHCHKOVA² — *Cand. Sci. (Educ.), Associate Professor at the Department of Professionally Oriented Language Education Schools*
E-MAIL: kmsolimp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1853-8629>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The study regards the mechanics of decision-making about entrepreneurial practices and factors defining the choice of various entrepreneurial strategies by Russian women raising young children. Theoretically, the study relies on the provisions of modern social topolo-

на положениями современной социальной топологии в прочтении Дж. Ло и теорией сборки (М. Деланда, И. В. Красавин), что дает возможность рассматривать материнское предпринимательство в терминах вариативной самоорганизации, предполагающей изменения отношений, предметности, хронотопа женщины. Авторы обращаются к понятию отчуждения, поскольку общая ориентация на предпринимательскую активность и тактика реализуемых матерями проектов сопряжены с выбором в пользу полных циклов производства (контролем средств производства, реализации продукта и присвоением результатов деятельности), а практики монетизации имеют эмансипационный потенциал.

Эмпирическую основу работы составили кейсы предпринимательских историй матерей, материалы с материнских форумов и сообществ (248 релевантных высказываний матерей), глубинные интервью с матерями ($n = 20$, Свердловская область). Сбор данных проходил с марта 2022 г. по май 2023 г. В результате представлен репертуар ключевых предпринимательских практик по сферам, степени организованности, формам реализации; обозначены изменения в хронотопе матерей, названы ключевые мотивы предпринимательства; выделены и описаны две наиболее распространенные стратегии: мастеровая (осторожная), характеризующаяся локальностью, аритмичностью, вниманием к продукту и процедурам его производства, низкими вложениями и высокой комфортностью; менеджерская (смелая), сфокусированная на процессах организации, росте прибыли, инвестициях, расширении рынков. Выбор предпринимательской деятельности определен потребностями

in the reading of John Law and the assemblage theory based on works by Manuel DeLanda and Igor Krasavin. These grounds make it possible to consider maternal entrepreneurship in terms of variable self-organization, implying changes in the relations, objectivity, and the chronotope of a woman. The authors refer to the concept of alienation, since the general orientation towards entrepreneurial activity and the tactics of projects implemented by mothers are associated with the choice in favor of full production cycles (control over the means of production, product sales and appropriation of the results of activity), and the practices of monetization have emancipatory potential.

Empirically, the study bases on the cases of entrepreneurial stories of mothers, materials from maternal forums and communities (248 relevant statements of mothers), and in-depth interviews with mothers ($n = 20$, Sverdlovsk region). Data was collected in March 2022 — May 2023. The analysis of these data allowed the authors to reveal a repertoire of key entrepreneurial practices by sphere, degree of organization, and forms of implementation, to outline changes in the chronotope of mothers, to list key motives for maternal entrepreneurship, and to identify two most common entrepreneurial strategies. These are artisanal (careful) strategy, characterized by localism, arrhythmicity, attention to the product and its production procedures, low investment, and high comfort, and managerial (brave) strategy, focused on organizational processes, profit growth, investments, and market expansion. The choice of entrepreneurial activity is determined by the to balance employment and family, and the desire to overcome complex aliena-

в балансе занятости и семьи, претензией на преодоление комплексного отчуждения. Такие факторы, как институциональные условия, поддержка домочадцев, подпитывающее окружение могут по-разному влиять на формы предпринимательства. Однако интенсивность предпринимательства является предметом выбора, а не необходимости, сознательно регулируется матерями. Описаны принципиальные для феномена материнского предпринимательства в России особенности: индивидуально-проблемный характер предпринимательских практик, их стремительность, ориентация на процесс, интуитивность, фокус на контроле всех этапов предпринимательского цикла, социальная ориентация деятельности.

Ключевые слова: материнство, материнское предпринимательство, «нематеринские» практики матерей, гендер, выбор, отчуждение, сборка

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636/>.

Введение

Современные российские матери редко оказываются в фокусе исследования в качестве активных социальных единиц: интерес вызывают преимущественно отношения в диаде «мать — дитя», здоровье матери, а также ситуации экстремального материнства (матери-подростки, матери из числа мигрантов и пр.). Между тем изменения в жизни женщины, связанные с ситуацией материнства, формируют совершенно новую для нее реальность: новый ритм жизни, другое тело и изменившиеся потребности, смена окружения и социальных позиций, зависимость от близких и ответственность за ребенка — все это заставляет женщину находить релевантные механизмы адаптации, искать новые возможности для развития своего потенциала и компенсации появившихся дефицитов. Такие практики, ко-

tion. Factors such as institutional conditions, household support, and nurturing environment can influence the forms of entrepreneurship in different ways. However, the intensity of entrepreneurship is a matter of choice rather than necessity, and it is consciously regulated by mothers. The paper describes the features fundamental to the phenomenon of maternal entrepreneurship in Russia, namely, the individual-problematic nature of entrepreneurial practices, their swiftness, process orientation, intuitiveness, focus on control of all stages of the entrepreneurial cycle, and social orientation of activity.

Keywords: motherhood, mumpreneurship, “non-maternal” practices of mothers, gender, choice, alienation, assemblage

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 22-28-00636 «Modern “non-maternal” practices of young mothers: repertoire, potential and social risk».

торые мы обозначаем как «нематеринские» [Швецова, Симонова, 2024] (спровоцированные и определенные ситуацией материнства, но не связанные непосредственно с уходом за детьми), отличаются разнообразием, выполняют множество функций и обладают рядом особых эффектов, заслуживают детального анализа. Некоторые из них в той или иной степени монетизируются женщинами, которые принимают на себя связанные с этим риски и задачи по организации процесса, что переводит практики, приносящие доход, в категорию экономической деятельности, в том числе в форме предпринимательства.

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 гг.¹ содержит прямое указание на поддержку женщин в сфере малого и среднего предпринимательства, в том числе социального предпринимательства в качестве одной из задач реализации направления «Повышение роли женщин в развитии общества, улучшение качества их жизни». Ориентация на поддержку предпринимательских инициатив женщин в России отчетливо просматривается и благодаря ряду государственных проектов, например, акселератору «Мама-предприниматель»: как значится на ресурсе проекта, за десять лет участие в нем приняли около 7 тыс. женщин, 247 стали победительницами конкурса². За это же время количество родившихся детей только в 2022 г. составило более 1 млн 306 тыс.,³ так что данное направление продолжает быть точкой роста. Для регулирования вопроса участия матерей в предпринимательской активности, дальнейшего формирования адекватных мер поддержки материнства необходимо детальное изучение феномена материнского предпринимательства, механики выбора женщин в пользу монетизации своих возможностей, а также порядков и сложностей реализации данных практик. Это определило проблему исследования: каковы основания принятия матерями решения о получении дохода от своей автономной деятельности и как это определяет дальнейшие особенности предпринимательства матерей?

Основной интерес (цель) исследования сосредоточен на механике выбора в пользу перевода своих практик в поле экономической деятельности, в том числе предпринимательства и особенностях его последующей организации российскими матерями. Под «механиками выбора» мы понимаем совокупность действия предметно-пространственных факторов, мотивов и стратегий организации материнского предпринимательства. Мы рассматриваем предпринимательство как одну из возможных форм реализации «нематеринских» практик, укрепляющих позиции женщины.

Обзор исследований

В 1990-х годах в англоязычной научной литературе появился термин «*motherpreneurship*» (производное от двух слов «*mother*» и «*entrepreneurship*», обозначающий

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 гг. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/#1000> (дата обращения: 23.10.2023).

² Федеральная программа «Мама-предприниматель» // Мой бизнес. URL: <https://xn-90aifddrld7a.xn-p1ai/anticrisis/federalnaya-programma-mama-predprinimatel> (дата обращения: 23.10.2023).

³ Росстат представляет данные о естественном движении населения в декабре 2022 года // Федеральная служба государственной статистики. 2023. 10 февраля. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/197667> (дата обращения: 23.10.2023).

дословно «мампринимательство»), который зафиксировал возникновение нового социального феномена — экономической активности женщин, воспитывающих малолетних детей, не связанной с работой по найму. В классической экономической литературе встречается определение предпринимательства как создание инноваций и их воплощение [Шумпетер, 2008], однако акцент на инновациях ограничивает возможности использования термина «предпринимательство» для описания экономической деятельности широкого круга агентов, использующих известные ранее модели самостоятельного получения дохода. Актуальная для нашего исследования трактовка предпринимательства основана на автономии в управлении процессом и полном принятии на себя рисков [Stevenson, Sahlman, 1991], а также попытке стабилизировать свой социальный статус [Hagen, 1963]. Гражданский кодекс РФ⁴ в пункте 1 статьи 2 определяет предпринимательство (предпринимательскую деятельность) как осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Однако нормативная трактовка признает предпринимательской только деятельность, осуществляемую после ее регистрации в установленном законом порядке, что на практике не всегда происходит, в то время как соблюдаются принятие рисков, автономность управления ресурсами, новаторство, систематический характер деятельности и наличие дохода. Потому в данной работе случаи незарегистрированной экономической деятельности, соответствующие указанным критериям, принимаются нами во внимание.

Е. Парлапиано и П. Коуб [Parlapiano, Cobe, 1996], вводя термин «материнское предпринимательство», имеют в виду инициативную социально-экономическую деятельность, направленную на получение прибыли, реализуемую женщинами, воспитывающими малолетних детей. В рамках данного исследования мы опираемся и на подход К. Ричом-Юэ и коллег: под «mumpreneurship» авторы понимают особый вид предпринимательства, иницируемого женщиной, которая идентифицирует себя и как мать, и как деловая женщина, и которая мотивирована прежде всего достижением баланса между работой и личной жизнью, опирается на свой опыт рождения детей [Richomme-Huet, Vial, d'Andria, 2013: 256]. Сходный подход предлагает группа новозеландских ученых под руководством К. Харрис, рассматривая матерей-предпринимательниц как женщин, которые переходят от традиционной занятости к владению и управлению новыми предприятиями либо для того, чтобы лучше соответствовать своей роли матери, либо вдохновляясь опытом беременности или рождения детей [Harris et al., 2012]. В большинстве актуальных определений «мампринимательства» звучат три главные темы: «быть матерью», «быть хозяйкой самой себе» и «баланс семейной жизни» [Dhaliwal, 2022: 193]. Вместе с тем необходимо учитывать, что возможность предпринимательства для матерей зависит от множества факторов: политики в отношении женского предпринимательства (в том числе юридических и налоговых механизмов), мотивов предпринимательской активности матерей (необходимость зарабатывать, стремление реализовать свой потенциал и др.), наличие соответствующих

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.06.2024).

ресурсов (временных — помощь в уходе за детьми; финансовых — стартовый капитал; образовательных — знание бизнес-процессов; социальных — поддержка предпринимательского сообщества).

Существует стереотип, что предпринимательство — гендерно-нейтральная сфера. Действительно, юридические и правовые условия для предпринимателей одинаковы, чего нельзя сказать о ресурсах (прежде всего, времени и энергии) и принципах управления этими ресурсами (приоритет потребностей детей над потребностями бизнеса). Необходимость выделения матерей-предпринимателей в отдельный подтип предпринимателей, обладающих уникальной идентичностью, мотивацией и признанием новых возможностей под влиянием выполнения материнской роли, а также нуждающихся в специфических условиях и поддержке, является солидарной позицией современных ученых, работающих в этой сфере. Уникальность материнского предпринимательства осознают и поддерживают также представители бизнеса (в частности, Комитет по развитию женского предпринимательства Общероссийской общественной организации «Опора России»⁵).

Появление матери-предпринимателя как одной из современных предпринимательских идентичностей положительно повлияло на взгляды на женское предпринимательство, однако не оказало влияния на доминирующие дискурсы мужского предпринимательства или гендерные властные отношения в предпринимательской сфере. Более того — это подсветило и укрепило доминирующий мужской дискурс в бизнесе [Lewis, Rumens, Simpson, 2022]. С этой точки зрения интересна работа, анализирующая австралийскую фотоиндустрию, где авторы обращаются к отраслевой артикуляции феномена материнского предпринимательства сквозь призму вопросов гендерной политики. Маскулинные конструкции частично усваиваются матерями, свой опыт предпринимательства они формируют как реакцию на вызовы мужской культуры бизнеса. Это позиционирует «мампринимательство» как феминизированную практику, демонстрирует общую политизацию предпринимательства и материнства, где последнее оказывается объектом критики [Mayes, Williams, McDonald, 2020].

Важным результатом предыдущих исследований является понимание того, что среди мотивов материнского предпринимательства финансовый не является ведущим. Такое видение полезно, по крайней мере, с точки зрения возможностей шире взглянуть на феномен «мампринимательства» и обнаружить множественность выполняемых им функций. В частности, Р. Хадсон Брин и А. Люн предлагают использовать реляционную модель, которая позволяет рассматривать предпринимательство как возможность автономии в выборе своей реализации [Hudson Breen, Leung, 2020]. Авторы исследуют предпринимательство как часть более широких контекстов карьеры, социальной и семейной жизни, опираясь на идеи Х. Астин [Astin, 1984], которая подчеркивает значимость восприятия женщинами своих возможностей с учетом состояния экономики, семьи и имеющейся работы. Таким образом, в англоязычных исследованиях сложилась традиция выделять два главных мотива материнского предпринимательства: вносить вклад в семейный доход и управлять своими семейными обязанностями [Ettl, Welter, 2010; Nel,

⁵ Подробнее см.: URL: <https://womanopora.ru/> (дата обращения: 19.06.2024).

Maritz, Thongprovati, 2010], причем второй считается более значимым. Однако нет достаточных данных, чтобы понять, справедливо ли это утверждение для других стран, где уровень экономического комфорта матерей отличается от европейского.

С точки зрения формирования предпосылок к предпринимательству интересно исследование группы авторов под руководством С. Мухамад [Muhamad et al., 2020], которые изучают влияние государственной поддержки и поддержки семьи на предпринимательский интерес матерей-одиночек и их готовность к соответствующим вызовам. К. Хьюз выдвигает гипотезу, что решение женщины начать предпринимательскую карьеру идет вразрез с идеей интенсивного материнства, также набирающей популярность как один из вариантов реализации материнских практик [Hughes, 2006]. Такой выбор оказывается своего рода сопротивлением культурным посылам и общественным предписаниям, связанным как с традиционной ролевой моделью женщины (женщина — мать и хранительница очага), так и с не менее традиционными представлениями о бизнесе как поле мужского действия (мужчина — добытчик), что делает материнское предпринимательство практикой эмансипации [ibid.].

Материнство небезосновательно рассматривается учеными как ресурс для реализации предпринимательства. Так М. Марковска отмечает, что опыт родительства способствует приобретению полезных для предпринимательской деятельности навыков, поэтому рождение ребенка выступает своего рода толчком для предпринимательского старта [Markowska, 2018]. «Мампринимательство» становится компромиссом, позволяя одновременно сохранять экономическую самостоятельность и оставаться хорошей матерью [Duberley, Carrigan, 2012], обеспечивает преемственность между различными сферами жизни матери [Durrak, 2016], положительно влияет на автономию и личный контроль собственной жизни [McGowan et al., 2012].

С другой стороны, М. Фоули и коллеги отмечают необходимость различать материнское видение ситуации и выделяют два типа подходов: «независимость как возможность» и «независимость как функциональную необходимость в управлении временными и воспринимаемыми моральными требованиями материнства» [Foley et al., 2018]. Таким образом, существует фундаментальная разница между желанием независимости для ведения более автономного образа жизни и потребностью в независимости для выполнения семейных обязательств. Для того чтобы материнство могло рассматриваться как предпринимательский ресурс, необходим ряд фундаментальных условий, таких как возможность делегирования части родительских функций, рабочая среда, чувствительная к потребностям семьи, компетенции, позволяющие реализовать сложные предпринимательские задачи.

В отечественной науке отсутствует традиция изучения материнского предпринимательства как особого явления. Работы, которые в первую очередь можно увидеть по запросу «материнство» и «предпринимательство», связаны с феноменом суррогатного материнства, и рассматривают такой вид женского заработка в негативном ключе [Алборов, 2021]. Однако можно выделить ряд значимых для нас исследований, касающихся женского предпринимательства. Ж. Чернова считает, что в России, как и в ряде других стран, именно женщинам приходит-

ся каким-то образом вписывать материнство в свою профессиональную деятельность или, напротив, делать участие в оплачиваемой занятости удобным для выполнения родительских обязанностей, в то время как для мужчины появление ребенка, как правило, не становится фактором изменений в характере труда [Чернова, 2012]. В этом контексте материнство — один из ключевых факторов, определяющих характер и направленность предпринимательских активностей женщин [Райманова, 2019].

Важно, что российские исследователи иначе, чем европейские коллеги, расставляют акценты в определении мотивов женского предпринимательства: желание самореализации, негативные условия работы в найме, запрос на финансовую независимость, реализация себя в семье и материнстве [Дьячкова, Харькова, 2021], — что подчеркивает как сложности ситуации работы в найме для матерей, так и ориентацию на баланс между экзистенциальным комфортом, заработками и потребностью быть хорошей матерью. И. Ершова, приводя результаты исследования женского предпринимательства, фокусируется на дефицитах и необходимости правовых мер поддержки женщин в этом вопросе — необходимости легитимации женского предпринимательства, разработки правового механизма регулирования женского бизнеса, а также целостной экосистемы поддержки женского предпринимательства [Ершова, 2022]. Основными препятствиями женского предпринимательства в России считаются неразвитость рыночной экономики и неравные условия ведения бизнеса женщинами при наличии сильной профессиональной сегрегации; слабое представительство женщин в сферах политики, бизнеса, управления; перегруженность в домашнем хозяйстве; стереотипы об ущербности женщин как менеджеров, сохранение и укоренение в массовом сознании патриархальных представлений о единственном предназначении женщины как жены и матери [Бессчетнова, Крекова, Арзамасова, 2020].

Таким образом, уникальный характер материнского предпринимательства требует подбора специфической оптики для изучения механики выбора в пользу этой деятельности. Анализ актуальной литературы показывает, что социальный запрос на исследования материнского предпринимательства значительно превышает объем и глубину тех ответов, которыми располагает научное сообщество. Существующий пул исследований свидетельствует, что, в отличие от традиционных структур занятости, материнское предпринимательство позволяет влиять на собственный образ жизни, контролировать соотношение семейного и профессионального времени. Дефицит представляют работы, которые объясняют выбор в пользу материнского предпринимательства, что является предметом данной статьи. Нас интересуют механизмы принятия женщинами решений о начале предпринимательской деятельности и форме организации своего дела, будет ли оно временным или произведет транзитивный эффект, а также то, какую роль в этом процессе играет опыт материнства. Для глубокого понимания специфичности материнских предпринимательских практик важно обращать внимание на изменения в сфере пространственно-предметного, временного, коммуникативного положения женщины, абсолютно нового для нее порядка организации жизни, что требует привлечения соответствующей оптики.

Теоретическая рамка и методы исследования

Общим основанием для нашего исследования выступает теория социального конструирования гендера, позволяющая рассматривать гендер и материнство как социальную, историческую и культурную конструкции [Takseva, 2019]. Циркулирующие в обществе представления о материнстве понимаются как социальные конструкции, созданные посредством властных отношений и подразумевающие власть и иерархии, которые определены спецификой социально-исторических, политических и экономических процессов [Haslanger, 1995].

Методологическая рамка исследования также опирается на философские теории социальной сборки и объектно-ориентированной онтологии, позволяющие объяснить механику выбора через пространственную организацию жизни современных матерей. Новая предметная среда формирует новые потребности, определяя выбор предпринимательства как способа взаимодействия с социальной действительностью. Опора делается на теорию сборки М. Деланда в прочтении некоторых ее позиций И. В. Красавиным: «в процессе сборки происходит совпадение изменения формы объекта с эволюцией среды, в которой он находится, изменяются свойства акторов и результаты совершаемых и претерпеваемых действий: акторы приобретают новые свойства и система отношений самоорганизуется» [Красавин, 2019: 143]. Это дает возможность рассматривать материнское предпринимательство как одну из форм сборки, неиерархическую самоорганизацию, протекающую сообразно новым отношениям, возникшим вследствие изменения хронотопа матери. Анализируя механику выбора предпринимательства, мы ориентируемся на встроенность данного решения в общий поток изменений предметно-пространственной среды в условиях материнства. Отношения с предметностью, определяющие практики, которые впоследствии становятся предпринимательскими, изначально не имеют такой цели, а напротив — проявляют себя в ходе реализации и лишь потом осознаются женщиной как практики предпринимательства в результате внешней оценки или оценки самих матерей.

В понимании пространства-времени разворачивания материнских предпринимательских практик мы руководствуемся также положениями современной социальной топологии Дж. Ло [Law, 1999]: вместо единого мирового пространства мы можем говорить о множественных пространствах отношений, в которых складываются свои порядки. Социальную реальность можно рассматривать как соседство подвижных, изменчивых форм социальной координации, где мы видим сложность и уникальность ситуаций родительства. Необходимость установления отношений с вещами и людьми в нетипичных для матери средах формирует ее новую пространственность и предметность, социализирует женщину иначе, чем было до появления ребенка. Вслед за Ло мы рассматриваем механику выбора предпринимательства в логике изменений относительных позиций матери в сети многообразных отношений с другими живыми и неживыми объектами. Нам важно показать, что предпринимательство обусловлено во многом именно такими хронотопологическими сдвигами и является уникальной предметно-социальной ситуацией.

Также важную роль в исследовании играет обращение к понятию отчуждения [Исаченко, 2018; Горозия, 2005; Sengupta Dawn, 2023; Fajardo, 2021], поскольку

возникает необходимость методологически обоснованного разговора о сужении горизонта возможностей доступа к ресурсам и пространствам в период материнства, потере позиций в социальной иерархии. Отчуждению способствует циклический характер уходовых практик, зависимость от графика ребенка и структур обслуживания малышей (поликлиники, пункты выдачи питания и пр.), осуждение женщин с детьми в качестве посетителей общественных мест, недружелюбная инфраструктура. Предпринимательские практики могут рассматриваться как способ преодоления отчуждения. С этой позиции требуют объяснения и специфические подходы матерей к организации своей предпринимательской деятельности, которые, как будет показано, направлены на преодоление разнообразных форм отчуждения.

Выбор в работе рассматривается в свете установок, развиваемых В. А. Лефевром, который доказывает, что наряду с утилитарными мотивами в процессе принятия решения большое значение имеют высшие ценности [Лефевр, 2012]. В основе моделей выбора, которые он предлагает, лежит представление о человеке как о рефлексующем существе, что предполагает наличие у него образов себя и других вместе с их внутренними мирами, где другие с их видением (в нашем случае — домочадцы, релевантные сообщества с их представлениями о материнстве) принимаются в расчет при принятии решения. Мать опирается на многоярусный каскад генерации высших ценностей, которые предопределяют ее выбор.

Методологическая рамка определила качественную стратегию исследования, поскольку при изучении механики выбора предпринимательства определяющее значение имеет погружение в многообразие предметно-пространственных отношений и изменение социального положения матери. Эмпирической основой послужили:

1. Серия глубинных интервью с женщинами, имеющими детей дошкольного возраста ($N=20$, регион — Свердловская область, сбор данных: май — июнь 2023 г.). Стратегия отбора информанток среди рекомендованных кандидатур предполагала первичный анализ биографии женщины посредством обзора личных страниц и страниц проектов (при наличии) в социальных сетях / сайтов проектов, а также предварительную беседу. Выбор был сделан в пользу женщин из нормотипичных семей (женщина замужем или находилась в браке на момент ухода за ребенком), четко формулирующих суть своих «нематеринских» практик.

2. Интерпретативный анализ высказываний женщин в тематических сообществах в сети VK.com и на форумах для матерей (сбор данных: август — ноябрь 2022 г.). Ресурсы отбирались по релевантности (сообщество посвящено общению на тему материнства, размещаемый контент сфокусирован на проблемах матерей, воспитании детей, поддержке женщин с детьми). Анализу подвергались обсуждения к статьям в тематических рубриках по общим темам «Карьера», «Хобби», «Досуг», «Декрет», «Психология». Всего проанализированы материалы 22 сообществ, собрано 248 высказываний женщин-матерей о практиках, начатых ими в период ухода за детьми в возрасте до трех лет.

3. Интерпретативный анализ 25 кейсов историй женщин-предпринимателей, размещенных на ресурсах о женском предпринимательстве в открытом доступе (победительниц проекта «Мама-предприниматель»). Поиск проводился за пе-

риод пять лет, изучались интервью с женщинами, где они рассказывают о своем проекте.

4. Интервью с экспертами — представителями структур, оказывающих поддержку матерям в сфере предпринимательства и трудоустройства по Свердловской области ($n = 3$).

Основное методическое ограничение заключается в локализации выборки (Свердловская область), поскольку региональная специфика влияет на условия для становления и развития малого предпринимательства. При этом Свердловская область является «усредненным» в плане интересующих нас показателей регионом (нет столичных возможностей, но это крупный промышленный центр; нет ярко выраженной культурно-религиозной детерминированности).

Полученные данные позволили нам определить структуру механики выбора предпринимательства. Появление ребенка формирует новую предметно-пространственную среду и новый порядок отношений, что может быть описано совокупностью *факторов*. Новые условия определяют ряд специфических *мотивов*, побуждающих женщин к новым практикам, которые со временем под воздействием факторов идентифицируются и реализуются как предпринимательские. При этом возможно выделить несколько *стратегий* предпринимательства, определяемых актуальными предметно-пространственными контекстами.

Особенности и репертуар материнского предпринимательства

Полученные данные показали, что по критерию сферы деятельности репертуар предпринимательских практик крайне разнообразен. Он включает такие направления деятельности, как бьюти-сфера (услуги по созданию маникюра, брови, ресницы, парикмахерское искусство, фитнес и др.); изготовление и продажа косметики и средств для дома; кулинария (растительное молоко, шоколад, выпечка, снеки, кисломолочная продукция и др.); пошив одежды для детей и взрослых (дизайнерская одежда, одежда под заказ); дизайн интерьера и изготовление предметов уюта; услуги фото- и видеосъемки; веб-дизайн, графический дизайн, фотошоп, системное администрирование, SMM, IT; психологическое консультирование, коучинг, организация тренингов; информационные онлайн-сервисы, тематический блоггинг; консультирование в сфере сопровождения материнства (консультанты по лактации, детскому сну, логопедия и др.); развивающие сервисы для детей, репетиторство; бэби-ситтинг; продажа и аренда детских принадлежностей и игрушек (коляски, коконы, бизиборды и пр.); туристический сервис; цветочный бизнес; услуги риэлтора.

При этом выделяется яркая особенность материнского предпринимательства — изначальная ориентация на решение своих собственных проблем. Женщины становятся активными пользователями товаров и услуг новой для себя сферы и нередко обнаруживают, что имеющееся на рынке предложение не может закрыть их потребности. Распространены истории, когда женщина ориентируется именно на закрытие своих собственных потребностей, практикует удовлетворение собственного запроса, а позднее, в коммуникации с другими людьми (часто — тоже родителями) обнаруживает, что то, что она делает, соответствует структуре запросов множества людей. И только тогда появляются цели предпринимательского ха-

рактера. То есть определению своих практик как предпринимательских предшествуют новые коммуникации. Более детальный анализ репертуара практик дает возможность говорить о такой связи.

Эксперт⁶ в сфере сопровождения предпринимательских проектов так комментирует данный тезис:

Как я уже говорила, это больше социальное предпринимательство, очень много в сфере образования... Часто обращаются женщины, которые сидят в декрете. Хотят начать что-то, чем-то себя занять, потом хобби перерастает в бизнес. Есть у нее какое-то время, ей хочется что-то поделывать. Часто они оцифровывают свои потребности, потом делают это подругам, знакомым — и поехало... Идут от своих проблем, потом масштабируют: у них появляется проблема, они ее оцифровывают, делают для подружек, потом кому-то еще, оказывается, что это другим очень интересно. Так же и интернет-продажи — сидят дома, есть какое-то время...

Такого рода механизмы проговариваются самими женщинами:

Мне пришла такая идея в голову, потому что я хотела заменить в рационе детей коровье молоко на более питательное (где больше кальция и витаминов). Я поняла, что этот рынок не новый — есть производства в Москве и Санкт-Петербурге, а в Екатеринбурге есть только одна такая компания. (Открытый источник, 28 лет, 1 ребенок, ожидает второго, производство растительного молока)

Интересно, что далеко не всегда женщины, монетизирующие свои «нематеринские» активности, оценивают реализуемые ими практики как предпринимательство. Более того, для определения активностей как предпринимательских и вообще перспективных с точки зрения заработка для них важна внешняя оценка практики как потенциально коммерчески востребованной. Коммуникация предшествует целевому наделению практики.

Многие женщины отметили, что на перспективность дела им указали знакомые или друзья:

Ну, пришла к этому чисто случайно, на самом деле. Подтолкнул к этому друг, который пришел в гости. У меня дома нет кремов никаких, он попросил, так как у него руки сушатся, что-то намазать. Я ему дала масла, ему они дико понравились, он мне на следующий день звонит, говорит: «Почему ты это не продаешь? Я у тебя это буду покупать». Ну вот, так первая мысль и о продаже появилась. (Интервью, 36 лет, 2 ребенка, производит натуральную косметику)

С точки зрения институциональных форм деятельности можно выделить неофициальные и официальные (самозанятые, ИП, ООО) формы реализации предпринимательских практик. Первые распространены, поскольку, не выводя практику в поле легитимных отношений, женщины ощущают большую степень свободы,

⁶ Здесь и далее: данное интервью было получено в ходе серии встреч с экспертами, работающими в структурах поддержки матерей в Свердловской области.

меньшее давление обязательств. Чаще материнские бизнесы характеризуются как малобюджетные: «Как правило, у мам низкие потребности. В смысле неинвестоёмкие проекты», — отметила эксперт.

Также репертуар может быть разделен по критерию пространства реализации. Нередко матери прибегают к онлайн-практикам, в том числе реализуют всю инициативу в интернете. Вместе с тем характерен и смешанный формат: женщины принимают решения либо выходить в офлайн в связи с желанием расширять форматы деятельности (например, организуют тематические встречи, посещают ярмарки и смотрят со своей продукцией или услугами), либо, наоборот, начинают из офлайна выходить в интернет-пространство для продвижения бизнеса, предоставления услуг или продажи продукции за пределами своего населенного пункта. Так или иначе, интернет-пространство играет для мам-предпринимательниц важную роль, поскольку служит основным источником информации как о возможных направлениях развития своего дела, так и о технологиях основного процесса (рецепты, выкройки, видеоуроки, мастер-классы и пр.) и практиках его сопровождения (составление смет, продвижение, технологии продаж и пр.).

Топология, факторы и мотивы, определяющие выбор материнского предпринимательства

Матери отмечают ряд принципиальных изменений в организации своего физического и социального пространства-времени: недоступность перемещений, привязанность к дому, зависимость от графика ребенка и других домочадцев; изменения домашнего пространства, вытеснение индивидуальной территории зонами материнской практики; в коммуникации — разрывы в общении с привычным кругом людей, потеря авторитета в привычных иерархиях, общее снижение статуса, в том числе ощущение «последнего места» своих приоритетов как дома, так и в общественных местах на фоне растущей ответственности за ключевые процессы в семье, тревога за них; потеря финансовой самостоятельности, потеря контроля над финансами в семье; новые потребности в предметах, облегчающих новые же задачи; изменения в иерархии ценностей процессов, предметов, людей. Новые условия, как указывают матери, формируют систему мотивов, обуславливающих выбор в пользу предпринимательства, которое, как ожидается, позволяет стабилизировать новую предметную реальность. Выявлены следующие мотивы.

1. Получение дохода, необходимость обеспечивать семью, иметь личные деньги.

Я развелась, когда ребенку был год. Я не получала никаких выплат ни от государства, потому что предпринимателям не выплачивают, ни от супруга, соответственно, мне приходилось этот доход делать самой. То есть я вынуждена была просто идти и зарабатывать, чтобы содержать нас с ребенком... Ты понимаешь, что ты мама, нужно двигаться, нужно развиваться самой, поднимать ребенка, бизнес чтоб не упал, потому что мне это нравилось... (Интервью, 40 лет, 2 детей, цветочный бизнес / арендный бизнес / сетевой бизнес)

Собранные данные показывают, что матери отмечают значительные изменения своего экономического положения в сторону ухудшения. Наряду с появлением

новых потребностей (дополнительных средств требуют вещи и услуги для ребенка, затраты на физическое и эмоциональное восстановление после родов, затраты на транспорт, питание и пр.) снижается как общий доход в семье, так и личный доход матери. Перевод практик в поле экономической деятельности женщины связывают преимущественно с необходимостью такого шага для преодоления негативных финансовых последствий материнства.

2. Удовлетворение собственных уникальных запросов при отсутствии предложения на рынке (инновационный мотив), восполнение дефицитов.

Идея с детскими раскрасками сразу как-то запала мне в голову, и сразу стал понятен весь процесс от А до Я, что и как мне надо делать. Я посмотрела, что предлагает рынок на эту тему, поняла, что мы не первые в этой нише, но то, что уже продается, я бы не купила. И решила сделать то же самое, только красиво: на свой лад и в своем стиле. Уже на следующий день мы начали действовать. Искать подрядчиков, придумать упаковку, иллюстрации, узнавать про доставку и так далее. (Открытый источник, возраст не известен, 1 ребенок, производство детских раскрасок)

3. Реализация своих склонностей, амбиций и творчества.

4. Автономия, независимость, достойный социальный статус в семье и за ее пределами.

Ну, во-первых, мне очень нравится реакция моего мужа, который переживает: в том, что начал он, что я там лучше сейчас разбираюсь, это очень душу греет. Ну, потому что он у меня умный, технически подкованный и так далее. А теперь я в чем-то лучше, это очень приятно. Ну, и как сказала, морально для самой себя, мне очень нравится финансовая независимость, несмотря на то что у нас там хорошие отношения. Мне спокойнее. То есть именно внутреннее душевное спокойствие, я считаю, что это довольно много значит. Ну, для меня лично. (Интервью, 38 лет, 1 ребенок, производство товаров на 3D-принтере)

5. Желание быть примером для своего ребенка в широком диапазоне общественных практик.

Для меня важно развитие детей (во всех смыслах), без саморазвития никак не обойтись — ты пример детям. (Открытый источник, 41 год, 2 ребенка, оказывает образовательные услуги)

6. Потребность держать себя «в тонусе».

За машинку села только потому, что начала понимать, что начинаю деградировать. Я просто не из тех мамочек, которые зарываются в материнство с головой и забывают о себе и происходящем вокруг. (Открытый источник, 31 год, 2 ребенка, производство одежды под заказ)

7. Ориентация на улучшение жизни общества, достижение комфортности, в том числе для своих практик.

В августе 2019 я ушла в декрет, в котором поняла, что хочу что-то поменять в своей жизни и приносить пользу людям, делать их счастливее. Так родился Центр нейропсихологии и коррекции речи «Здоровый ребенок». (Открытый источник, возраст не известен, 1 ребенок, речевой центр для детей)

8. Потребность избегания рутины, запрос на линейные процессы с явным прогрессом.

9. Потребность в управлении своим временем, выделение «своего» времени, «своего» процесса.

10. Психологический комфорт, снятие стресса.

Находясь в декрете, сложно не потерять себя. Я решила начать заниматься фудфлористикой (изготовлением съедобных букетов и композиций). Близкие поддержали мои начинания, и процесс пошел. Я прошла несколько обучений, начала собирать подарки сначала для близких, потом и на заказ. (Открытый источник, возраст не известен, 1 ребенок, фудфлорист)

Указанные мотивы обнаруживаются в высказываниях преимущественно в сцепке с теми изменениями хронотопа женщин, которые определены материнством.

Матери показали, что как решение переводить свои занятия в способ получения дохода, так и регуляция форм этой деятельности зависит от ряда факторов: наличие/отсутствие поддержки со стороны близких; наличие в поле зрения успешных примеров предпринимательских практик; особенности ребенка (детей); доступность ресурсов для предпринимательской деятельности; уровень материального благосостояния матери; уровень образования матери; осведомленность о программах поддержки матерей, их доступность; специфические личностные характеристики и способности женщины.

Таким образом, при сходном состоянии среды и мотивах решение о переводе своих активностей в экономическую плоскость принимается неодинаково.

Стратегии материнского предпринимательства

Стратегия материнского предпринимательства рассматривается нами как совокупность методов и режимов использования собственных возможностей, привлечения ресурсов, выставления приоритетности задач и организации пространства-времени при ведении предпринимательской деятельности. Для описания выявленных стратегий мы будем использовать следующие характеристики: интенсивность, системность, институционализированность, масштаб, рентабельность, профессиональность, устойчивость практик (см. табл. 1).

Первую стратегию можно обозначить как *мастеровую*, или *крафтовую*. Для нее характерна ориентация на продукт/услугу, где основной интерес женщины сосредоточен вокруг самого процесса создания своего товара. Работа строится на принципах получения удовольствия от производственного процесса, носит не слишком интенсивный характер. Для женщины важна возможность погружаться во все этапы, связанные с объектом предпринимательской деятельности. Фактически происходит слияние творца и его продукта. При этом женщина получает как глубокое

удовлетворение от происходящего, так и тотальный контроль над всем, что происходит на каждом шаге производства: от разработки идеи, закупки материалов и оборудования, разработки технологической карты до непосредственного воплощения, выбора дизайна и изготовления упаковки, продажи, работы с клиентами и продвижения. Неважно, говорим ли мы о производстве предмета или об оказании услуг, главным отличием мастерской стратегии является ярко выраженная ориентация на максимальный контроль над всем циклом производства, а также стремление к независимости при распределении материалов и потоков. Поведение матери в рамках такой стратегии крайне осторожное: нехарактерен стремительный рост, деятельность сохраняет статус своего рода «домашности», может реализовываться в неторопливом темпе с ориентацией на удобство и возможности матери, определяемые режимом заботы о детях. Важно, что такой подход к делу, обеспечивающий женщине полную власть над процессом, дает ей возможность преодолевать отчужденность, связанную с потерей контроля над другими областями своей жизни. Здесь она единолично регулирует темп деятельности, может ускорять или замедлять процессы, может остановить или возобновить то, что делает, в любой момент. Она сама принимает решения, регулирует коммуникацию, зависит только от себя и своих настроений и желаний. Пространство со всей предметностью и функциональной нагруженностью формируется под ее нужды, кухня превращается в офис тогда, когда это требуется. При этом отсутствие других участников, ориентация на себя, малый масштаб работы позволяют чувствовать себя уверенно, быть единоличным держателем результата.

Важный фактор выбора в пользу такой стратегии — возможность осмысленно подходить к процессу, поскольку он виден целиком, от начала и до конца. Все средства и результаты производства, как и логика процесса, присвоены матерью, дают ей возможность быть куратором результирующего действия, что помогает снять напряжение циклических процессов ухода за детьми, не дающих быстрых видимых результатов. Все это позволяет также избежать абстрактности, крайностей стандартизации и тотальной дисциплинарности, не допускать чрезмерного ускорения, характерного для современных форм занятости, отчуждающих человека от общей логики трудового процесса. Женщина, как ремесленник традиционного общества, мастер-универсал, неотчужденная, погружена в процесс.

Инф.: «Нет, это не только финансовые. Это в принципе мне было, мне это в принципе нравится. Заниматься тем, что, так скажем, приносит какую-то, ну красоту. Если так можно сказать. Мне нравится сам процесс, так скажем, этого варения, потому что это все вкусно пахнет. Вся эта кухня, все это в таких ароматах приятных. Все это упаковывать. Сам процесс как бы мне нравится. То есть это, наверное, все-таки, если так задуматься, больше положительной энергии приходит, когда я начинаю об этом думать».

Инт.: «А вот есть какие-то минусы? Видите какие-то минусы для себя, связанные с этой практикой?»

Инф.: «Нет, никаких не вижу. Ну, я потому что, ну ничего, как говорится, в кредит не брала. Делаю и делаю». (Интервью, 36 лет, 2 ребенка, производство натуральной косметики)

Можно предложить следующую концептуальную схему мастерской стратегии: «проблемы — контексты — сообщество — удовольствие и баланс — реализация». Поиск ответов на вызовы изменений в пространстве побуждает женщин к реализации практик, а запросы на тиражирование практик и позитивные примеры стимулируют выводить их в экономическое поле. Регуляция определяется удовольствием от контроля проблем и возможностью сохранять приоритет ценностей семьи.

Стратегию второго типа мы обозначаем как *менеджерскую*, или стратегию процесса. Как правило, такие предпринимательские активности легитимизированы, могут масштабироваться, происходит рост бизнеса, увеличивается прибыль, а вместе с ней — и финансовые обязательства, уровень ответственности. Женщина начинает фокусироваться уже не на продукте и реже занимается непосредственным производством или оказанием услуг, а прибегает к помощи наемного труда и концентрируется на организационных задачах. Такие женщины нередко открывают параллельные бизнесы. Как правило, они больше настроены на серьезный рост и соответствующую отдачу. У женщины формируются новые навыки в бизнесе и именно на них она делает упор, происходит прирост знания. Здесь мы уже имеем дело с выходом на большие маркетплейсы, арендой или приобретением помещений и дорогостоящего оборудования, то есть с инвестициями. Такие матери готовы к серьезному прорыву. Можно предложить следующую схему для менеджерской стратегии: «Проблемы — контексты — потребности — наставник — ресурсы — информированность — реализация». В этом случае старт также определяется проблемностью нового хронотопа (поставщика идей), однако фигура наставника позволяет шире видеть свои и чужие потребности, богатая информационная среда дает возможность легче принимать риски и наращивать темпы развития.

Ну вот начиналось все как просто хобби, то есть совместное с мужем. Потом у меня у сестры бизнес — делают картины по номерам. Я подумала, она начала об этом рассказывать, я думаю, почему бы не начать там свои игрушки собственные выставлять, там хотя бы на Авито. Ну страшно же там всякие Озоны, Вайлдберисы — вот это вау большое. Поэтому полгода для начала мы выставлялись только на Авито, ну Авито такое. То есть с клиентами, много-то нету. Под Новый год было огромное количество заказов, и решила уже, что пора. Пора, наверное, выйти на более глобальный рынок, и вот так вот у нас появился довольно большой магазин. (38 лет, 1 ребенок, производство игрушек на 3D-принтере)

Стратегия предпринимательства определяется не только объемом доходов, но и тем, как оно сказывается на жизни семьи, возможностях качественно заботиться о детях. Выбор, который делают женщины с детьми в вопросе о развитии или сдерживании роста своего бизнеса, сопряжен с признанием собственных возможностей, а также с развитием семейной системы, с личными ценностями внутри семьи. Утилитарный мотив уравнивается высшими ценностями в материнской иерархии.

Таблица 1. Стратегии материнского предпринимательства

Критерии описания стратегии	Стратегии	
	Мастерская / робкая: ориентация на продукт и полный контроль за качеством, наслаждение, сама мастер	Менеджерская / смелая: большие инвестиции, фокус на отладку бизнес-процессов, расширение бизнеса, масштабность (филиалы). Возможно, параллельный бизнес
Интенсивность, устойчивость практик	Эпизодически, разовые заработки	Есть четкий график, регулярно повторяющиеся действия
Системность	Стихийно действует, нет планирования	Есть план, стратегия регулирования по всем позициям, СМК, аналитика
Институционализованность	Частная практика	Самозанятость, ИП, ООО
Масштаб	Локальный, сдерживание	Рост
Рентабельность	Минимальные вложения, небольшая прибыль	Инвестиции, рост прибыли
Профессиональность	Интуитивная практика, преобладает обучение информального и неформального характера	Обучается, привлекает профессионалов, использует ресурсы государственных программ поддержки

В случае с мастерской стратегией высокую значимость имеет возможность быть максимально плотно включенной в жизненные ритмы семьи. При этом возрастает и запрос на возможности самоорганизации, поиск способов эмансипации через возможность быть архитектором мира [Žižek, 2008], хотя бы в масштабах своего локального пространства, пересобрать его на свой лад: неотчужденная жизнь, то есть жизнь, в которой люди сами управляют своей судьбой, — это не собственнический индивидуализм, а экспериментирование, иными словами, жизнь, горизонтом которой является открытость к пересмотру и экспериментам [Jaeggi, 2014: 40].

За разъяснением по полученным данным мы обратились к эксперту, сопровождающему женщин в рамках программ поддержки предпринимателей: «Такие бизнесы — более гибкие, но и более уязвимые. Они все, как правило, держатся на одной женщине, значит, если у нее, скажем, ребенок вырос, сменились приоритеты, в школу надо его водить, она замораживает процесс. С другой стороны, сейчас надо, чтобы бизнес был жизнеспособным. И сейчас более устойчивые проекты с коротким жизненным циклом. И надо, чтобы проект был гибкий и быстро перестраивался. Такие проекты более успешные. Если она сама гибкая, может быстро перестроиться, то все хорошо будет».

Безусловно, семейные обязанности могут удерживать женщин-предпринимателей от достижения высоких темпов роста предприятий, однако регулирование становится результатом ее ценностного выбора, а не необходимости. Распространенность предпринимательства мастерского типа объясняется ориентацией матери на семейный контекст.

Наличие/отсутствие поддержки близких (мужа, ближайших родственников, друзей) — фактор неоднозначного влияния. В ходе исследования были выявлены случаи, когда поддерживающая среда, благоприятный психологический климат способствовали готовности женщины к развитию предпринимательской деятельности по пути смелой стратегии, однако выделены случаи, когда супруг создает хорошие условия, уверенность в благосостоянии семьи, но женщина, напротив, сохраняет бизнес на домашнем уровне, поскольку у нее нет финансовой мотивации к изменению текущего баланса «дом — предпринимательство».

Инф.: «Я, ну, получается, работала с 18 лет и привыкла, что у меня есть всегда свои деньги. Ну, то есть у меня муж хорошо зарабатывает, но просто сидеть в декрете, с профессией мужа, я не могу выйти на полную работу из-за садика ребенка. То есть полноценный график он, предполагается с 10 до 7, с садиком у меня не получится. И немного напрягало, сильно напрягало, что я полностью завишу от мужа, я такое не очень люблю по своим жизненным обстоятельствам. Да, честно скажу, мне нравится, что у меня, условно говоря, есть свой доход. И мне стало немножко спокойнее даже. Даже несмотря на то, что с финансами у меня все хорошо».

Инт.: «То есть это связано с потребностью в финансовой независимости?»

Инф.: «Ну да, самореализации, финансовой независимости. Ну, это психологическое, свое скорее, чем вынужденность». (Интервью, 38 лет, 1 ребенок, производство игрушек на 3D-принтере)

Вместе с тем и недружелюбная атмосфера, сложные отношения с домочадцами, выраженный материальный дефицит нередко стимулируют матерей к поиску смелых путей развития предпринимательства, когда женщина готова на все, чтобы выправить бедственное положение, беспокоясь о будущем детей и испытывая отчуждение хронотопа — невозможность сохранения привычной системы организации пространства-времени. Вместе с тем сложные финансовые ситуации, прессинг со стороны супруга нередко формируют и тревожное видение своих перспектив, а вместе с ними и неготовность к риску, в то время как для успешной предпринимательской деятельности второго типа готовность рисковать крайне важна.

Заключение

Материнское предпринимательство имеет различные по размаху, сферам, институциональной организованности, управленческим подходам формы. В ходе исследования подтверждены предположения относительно принципиальных для феномена материнского предпринимательства особенностей: это индивидуально-проблемный характер предпринимательских практик, их стремительность, ориентация на процесс, интуитивность, фокус на контроле всех этапов предпринимательского цикла, социальная ориентация деятельности. Важным выводом является связь между выбором стратегии предпринимательства в пользу сдерживания или развития в зависимости от возможностей конкретной семейной системы.

Мы выделили два наиболее заметных варианта стратегии материнского предпринимательства: мастеровая, более осторожная стратегия, которая достигает

определенного уровня бизнеса, но не предполагает скачков объемов продаж и расширения доли рынка, и менеджерская, смелая стратегия, ориентированная на развитие рынков, интенсивную работу, инвестиции, привлечение наемного труда, институционализацию, использование инструментов государственной поддержки.

Первый тип можно описать как принципиально ориентированный на выбор в пользу самостоятельной реализации полных циклов производства (включая контроль средств производства, реализацию изготовления продукта / предоставление услуги и присвоение результатов деятельности). Однако и для менеджерского типа контроль происходящего, осмысленность деятельности и видение процесса целиком являются важными факторами предпринимательского выбора, что, как было показано, говорит о потребности матерей в преодолении отчуждения в социальной, экономической и политической сфере и должно учитываться при формировании программ их сопровождения.

Развитие материнского предпринимательства возможно с учетом выделенных особенностей. Важно информировать женщин о возможностях, формировать систему наставничества, а также доступные для матерей способы реализации участия в таких программах на местах. Эксперт отмечает: «Я категорически против создания каких-то тепличных условий для женщин. Все попадут потом в равные жесткие условия. Единственное, что можно делать, — это создавать условия, куда им деть детей в это время».

Список литературы (References)

1. Алборов С. В. Суррогатное материнство как предпринимательская деятельность суррогатной матери // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред.: А. А. Власов, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 351—361.
Alborov S. V. (2021) Surrogate Motherhood as an Entrepreneurial Activity of a Surrogate Mother. In: Vlasov A. A., Levushkin A. N. (eds.) *Family Business & Self-Employed: Looking through the Prism of Small Business*. Moscow: Prospect. P. 351—361. (In Russ.)
2. Бессчетнова О. В., Крекова М. М., Арзамасова Е. Л. Женское предпринимательство в России: pro et contra? // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 12. С. 3059—3074. <https://doi.org/10.18334/epp.10.12.111499>.
Besschetnova O. V., Krekova M. M., Arzamasova E. L. (2020) Women's Entrepreneurship in Russia: Pro et Contra? *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. Vol. 10. No. 12. P. 3059—3074. <https://doi.org/10.18334/epp.10.12.111499>. (In Russ.)
3. Горозия В. Е. Проблема отчуждения человека в учении Карла Маркса // Человек. Государство. Глобализация. Вып. 3: сборник философских статей / под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 98—117.

- Gorozia V. E. (2005) The Problem of Human Alienation in the Teachings of Karl Marx. In: Partsvania V. V. (ed.) *Man. State. Globalization. Vol. 3: Collection of Philosophical Articles*. Saint Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. P. 98—117. (In Russ.)
4. Дьячкова О. А., Харьковская О. А. Причины, по которым современные женщины занимаются предпринимательской деятельностью: качественное исследование // *Инновационная наука*. 2021. № 8—1. С. 72—74.
Dyachkova O. A., Kharkovskaya O. A. (2021) The Reasons Why Modern Women are Engaged in Entrepreneurial Activities: A Qualitative Study. *Innovative Science*. No. 8—1. P. 72—74. (In Russ.)
 5. Ершова И. В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 8. С. 9—22. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.189.8.009-022>.
Ershova I. V. (2022) Female Entrepreneurship: From Empirics and Doctrine to Legal Regulation. *Lex russica*. Vol. 75. No. 8. P. 9—22. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.189.8.009-022>. (In Russ.)
 6. Исаченко Н. Н. Отчуждение как социальный феномен современного общества // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. 2018. № 5. С. 66—70. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10508>.
Isachenko N. N. (2018) Alienation as a Social Phenomenon of Modern Society. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy Sciences*. No. 5. P. 66—70. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10508>. (In Russ.)
 7. Красавин И. В. Устройство сборки, или Симуляция онтологии у Мануэля Деланда // *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 2. С. 136—154.
Krasavin I. V. (2019) Assemblage Arrangement, or Manuel Delanda's Simulation of Ontology. *Sociology of Power*. Vol. 31. No. 2. P. 136—154. (In Russ.)
 8. Лефевр В. А. Высшие ценности и формальная теория выбора // *Вопросы философии*. 2012. № 4. С. 154—157.
Lefebvre V. A. (2012) The Supreme Values and Formal Theory of the Choice. *Problems of Philosophy*. No. 4. P. 154—157. (In Russ.)
 9. Райманова З. И. Развитие женского предпринимательства в современной России // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2019. № 1. С. 102—104.
Raimanova Z. I. (2019) Development of Women's Entrepreneurship in Modern Russia. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. No. 1. P. 102—104. (In Russ.)
 10. Швецова А. В., Симонова И. А. Пока ребенок спит: репертуар «нематеринских» практик российских матерей // *Социологическое обозрение*. 2024. Т. 23. № 1. С. 185—211. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-185-211>.
Shvetsova A. V., Simonova I. A. (2024) While the Child Sleeps: The Repertoire of “Non-Maternal” Practices of Russian Mothers. *Russian Sociological Review*. Vol. 23. No. 1. P. 185—211. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-185-211>. (In Russ.)

11. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008.
Schumpeter J. A. (2008) *Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
12. Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 295—308.
Chernova Zh. V. (2012) *The Work-Family Balance: Politics and Individual Mothers' Strategies*. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 295—308. (In Russ.)
13. Astin H. S. (1984) *The Meaning of Work in Women's Lives: A Sociopsychological Model of Career Choice and Work Behavior*. *The Counseling Psychologist*. Vol. 12. No. 4. P. 117—126. <https://doi.org/10.1177/0011000084124002>.
14. Dhaliwal A. (2022) *The Mompreneurship Phenomenon: An Examination of the Antecedents and Challenges of Mothers in Business*. *International Journal of Service Science, Management, Engineering, and Technology (IJSSMET)*. Vol. 13. No. 1. P. 1—17. <http://doi.org/10.4018/IJSSMET.290334>.
15. Duberley J., Carrigan M. (2012) *The Career Identities of 'Mumpreneurs': Women's Experiences of Combining Enterprise and Motherhood*. *International Small Business Journal*. Vol. 31. No. 6. P. 629—651. <https://doi.org/10.1177/0266242611435182>.
16. Durrah D. (2016) *Mompreneur Networks in Germany: Multiple-Case Study on How Women Entrepreneurs Utilize a Mompreneur Network In Germany*. Master's thesis. Enschede: University of Twente.
17. Ettl K., Welter F. (2010) *Gender, Context and Entrepreneurial Learning*. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. Vol. 19. No. 2. P. 108—129. <https://doi.org/10.1108/17566261011050991>.
18. Fajardo C. (2021) *Mystified Alienation: A Discussion between Marx, Foucault and Federici*. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique. Journal for a Global Sustainable Information Society*. Vol. 19. No. 2. P. 287—300. <https://doi.org/10.31269/triplec.v19i2.1277>.
19. Foley M., Baird M., Cooper R., Williamson S. (2018) *Is Independence Really an Opportunity? The Experience of Entrepreneur-Mothers*. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. Vol. 25. No. 2. P. 313—329. <https://doi.org/10.1108/JSBED-10-2017-0306>.
20. Hagen E. E. (1963) *How Economic Growth Begins: A Theory of Social Change*. *Journal of Social Issues*. Vol. 19. No. 1. P. 20—34. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1963.tb00428.x>.
21. Harris C., Lopes Morrison R., Lewis K., Ho M. (2012) *Recreating Boundaries in Boundaryless Careers: The Career Transitions of Mompreneurs*. *Academy of Management Proceedings*. Vol. 2012. No. 1. P. 13278. <https://doi.org/10.5465/AMB-PP.2012.13278abstract>.

22. Haslanger S. (1995) Ontology and Social Construction. *Philosophical Topics*. Vol. 23. No. 2. P. 95—125. <https://doi.org/10.5840/philtopics19952324>.
23. Hudson Breen R., Leung A. (2020) Choosing Mothering and Entrepreneurship: A Relational Career-Life Process. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. Vol. 12. No. 3. P. 253—271. <https://doi.org/10.1108/IJGE-08-2019-0130>.
24. Hughes K. D. (2006) Exploring Motivation and Success among Canadian Women Entrepreneurs. *Journal of Small Business and Entrepreneurship*. Vol. 19. P. 107—120. <https://doi.org/10.1080/08276331.2006.10593362>.
25. Jaeggi R., Neuhouser F. (2014) Alienation. New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/jaeg15198>.
26. Law J. (1999) After Ant: Complexity, Naming and Topology. *The Sociological Review*. Vol. 47. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03479.x>.
27. Lewis P., Rumens N., Simpson R. (2022) Postfeminism, Hybrid Mumpreneur Identities and the Reproduction of Masculine Entrepreneurship. *International Small Business Journal*. Vol. 40. No. 1. P. 68—89. <https://doi.org/10.1177/02662426211013791>.
28. Markowska M. (2018) Motherhood as a Springboard for Women's Entrepreneurial Action. In: Green P., Brush C. (eds.) *A Research Agenda for Women and Entrepreneurship: Identity through Aspirations, Behaviors and Confidence*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 187—206.
29. Mayes R., Williams P., McDonald P. (2020) Mums with Cameras: Technological Change, Entrepreneurship and Motherhood. *Gender, Work & Organization*. Vol. 27. No. 6. P. 1468—1484. <https://doi.org/10.1111/gwao.12526>.
30. McGowan P., Redeker C. L., Cooper S. Y., Greenan K. (2012) Female Entrepreneurship and the Management of Business and Domestic Roles: Motivations, Expectations and Realities. *Entrepreneurship & Regional Development*. Vol. 24. No. 1—2. P. 53—72. <https://doi.org/10.1080/08985626.2012.637351>.
31. Muhamad S., Rashid N. K. A., Hussain N. E., Akhir N. H. M., Ahmat N. (2020) Resilience as a Moderator of Government and Family Support in Explaining Entrepreneurial Interest and Readiness among Single Mothers. *Journal of Business Venturing Insights*. Vol. 13. Art. e00157. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00157>.
32. Nel P., Maritz A., Thongprovati O. (2010) Motherhood and Entrepreneurship: The Mumpreneur Phenomenon. *International Journal of Organizational Innovation*. Vol. 3. No. 1. P. 6—34.
33. Parlapiano E. H., Cobe P. (1996) *Mompreneurs: A Mother's Practical Step-by-step Guide to Work-at-home*. New York, NY: Berkley Publishing Group.
34. Richomme-Huet K., Vial V., d'Andria A. (2013) Mumpreneurship: A New Concept for an Old Phenomenon? *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. Vol. 19. No. 2. P. 251—275.

35. Sengupta Dawn L. (2023) (Re)Exploration of the Influence of Marxist Feminism on 21st-Century Women in the Workplace. *IJNRD*. Vol. 8. No. 5. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4500085 (accessed: 19.06.2024).
36. Stevenson H. H., Sahlman W. A. (eds) (1991) Introduction to the Entrepreneurial Venture. Boston, MA: Harvard Business School Press.
37. Takseva T. (2019) One Is Not Born but Rather Becomes a Mother: Claiming the Maternal in Women and Gender Studies. *Journal of the Motherhood Initiative*. Vol. 10. No. 1—2. P. 27—44.
38. Žižek S. (2008) The Sublime Object of Ideology. London: Verso.

Приложение. Список информантов

Псевдоним	Возраст	Количество детей	Сфера «нематеринской» практики	Семейное положение
1Sh_eco	32	1	Экотренинг	Замужем
2Sh_cake	37	3	Кондитерское дело	Замужем (дети от первого и второго браков)
3Sh_vyz	24	1 (ожидает второго)	Вязание	Замужем
4Sh_poet	47	4	Тренинги, литература	Замужем (дети от первого и второго брака)
5Sh_arch	39	2	Архитектура, дизайн	Замужем
6Sh_vol	37	1	Медицина, волонтерство	Замужем
7Sh_jur	39	3	Юриспруденция	Замужем
8Sh_flow	40	2	Продажа цветов	Замужем (дети от первого и второго брака)
9Sh_sport	37	1	Фитнес-тренер	Разведена
10Sh_dance	39	2	Танцы	Замужем
1Si_psy	34	1 (ожидает второго)	Индустрия красоты, психоанализ	Замужем
2Si_candl	38	2	Интерьерные изделия	Замужем
3Si_smm	36	2	СММ	Замужем
4Si_i-mark	33	1	Интернет-маркетинг	Замужем
5Si_cl	22	2	Пошив детской одежды	Замужем
6Si_blog	39	3	Блогинг	Замужем
7Si_mask	36	2	Производство косметики	Замужем
8Si_sci	35	1 (ожидает второго)	Преподавание иностранных языков, научные исследования	Замужем
9Si_city	35	2	Городское благоустройство, волонтерство	Замужем
10Si_3d	38	1	3D-печать	Замужем (сожительство)

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2535](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2535)

**С. Н. Вачкова, М. В. Ермолаева, А. Г. Истомина, И. А. Климов,
В. Б. Салахова, А. А. Скорик, Н. В. Соболева, В. Э. Филиппов**

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ КАК ВЕХА В ЖИЗНИ: ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО И ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Правильная ссылка на статью:

Вачкова С. Н., Ермолаева М. В., Истомина А. Г., Климов И. А., Салахова В. Б., Скорик А. А., Соболева Н. В., Филиппов В. Э. Пенсионный возраст как веха в жизни: образ желаемого будущего и опыт планирования своей жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 256—282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2535>.

For citation:

Vachkova S. N., Ermolaeva M. V., Istomina A. G., Klimov I. A., Salakhova V. B., Skorik A. A., Soboleva N. V., Filippov V. E. (2024) Retirement as a Milestone in Life: Image of the Desired Future and Experience of Planning One's Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 256–282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2535>. (In Russ.)

Получено: 10.12.2023. Принято к публикации: 16.05.2024.

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ КАК ВЕХА В ЖИЗНИ: ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО И ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ

ВАЧКОВА Светлана Николаевна — доктор педагогических наук, доцент, директор НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
E-MAIL: SVachkova@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3136-3336>

ЕРМОЛАЕВА Мария Викторовна — эксперт центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: marie.ermolaeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

ИСТОМИНА Анна Геннадьевна — младший научный сотрудник Центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
E-MAIL: IstominaAG@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

КЛИМОВ Иван Александрович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный

RETIREMENT AS A MILESTONE IN LIFE: IMAGE OF THE DESIRED FUTURE AND EXPERIENCE OF PLANNING ONE'S LIFE

Svetlana N. VACHKOVA¹ — Dr. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Director, Research Institute of Urban and Global Education
E-MAIL: SVachkova@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3136-3336>

Maria V. ERMOLAEVA^{1,2} — Expert, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urban and Global Education; Researcher, International laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: marie.ermolaeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

Anna G. ISTOMINA¹ — Junior Researcher, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urban and Global Education
E-MAIL: IstominaAG@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

Ivan A. KLIMOV^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urbanism and Global Education; Senior Researcher, International laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: klimov_ivan@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3958-538X>

¹ Moscow City University, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: klimov_ivan@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3958-538X>

САЛАХОВА Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН), Москва, Россия
E-MAIL: salakhovavb@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5056-6518>

СКОРИК Анна Анатольевна — заместитель директора, Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Московское долголетие», Москва, Россия
E-MAIL: Skorikannaan@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-0262-3687>

СОБОЛЕВА Надежда Владимировна — социолог, Государственное казенное учреждение города Москвы «Ресурсный центр развития социальных коммуникаций», Москва, Россия
E-MAIL: Nvsoboleva0907@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-0395-2009>

ФИЛИППОВ Владимир Эдуардович — кандидат социологических наук, заместитель руководителя, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, Москва, Россия
E-MAIL: dszn@mos.ru
<https://orcid.org/0009-0009-5301-6173>

Valentina B. SALAKHOVA^{1,3} — *Cand. Sci. (Psych.)*, *Leading Researcher*, *Center for Analytical Research and Modeling in Education*, *Research Institute of Urbanism and Global Education*; *Leading Researcher*
E-MAIL: salakhovavb@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5056-6518>

Anna A. SKORIK⁴ — *Deputy Director*
E-MAIL: Skorikannaan@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-0262-3687>

Nadezhda V. SOBOLEVA⁵ — *Sociologist*
E-MAIL: Nvsoboleva0907@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-0395-2009>

Vladimir E. FILIPPOV⁶ — *Cand. Sci. (Soc.)*, *Deputy Head*
E-MAIL: dszn@mos.ru
<https://orcid.org/0009-0009-5301-6173>

¹ Moscow City University, Moscow, Russia

³ Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁴ The state budgetary institution of the city of Moscow «Moscow longevity», Moscow, Russia

⁵ The State government institution of the city of Moscow «Resource Center for the Development of social Communications»

⁶ Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования людей старшего возраста — предпенсионеров и ранних пенсионеров (вышедших на пенсию не более пяти лет назад). Цель исследования — описать подходы к планированию своей жизни после выхода на пенсию.

Исследование опирается на материалы опроса, проведенного по многоступенчатой стратифицированной выборке ($N=1025$) в мае и июне 2023 г. в Москве. В ходе анализа этих данных обнаружено, что доли тех, кто строит планы и кто этого не делает, примерно сопоставимы: 56 % против 44 %. Задумываться о планах на период после достижения пенсионного возраста чаще всего начинают только после 50 лет (29 %) или же в преддверии пятидесятилетия (16 %). Бóльшую склонность планировать демонстрируют женщины. Неудивительно, что самые распространенные образы будущего связаны именно с планами женщин: обустройство своего локального жизненного пространства (дом, дача, сад), а также пространства общения с родственниками. Виден запрос и на различные виды самореализации.

В статье показано, что практика планировать будущее на пенсии связана с наличием или отсутствием опыта стратегирования в прошлом. Оценка распространенности этой практики позволила выявить те сферы, в отношении которых люди чаще строят планы и которые считают «полезными для планирования»: семья и рождение детей, профессия и карьера, работа, бюджет семьи, дом и жилье. Наиболее сложными для реализации намеченных целей оказываются

Abstract. The article presents the results of a study of older people, «pre-retirees» and «early retirees» (retired not more than five years ago). The purpose of the study is to describe approaches to planning one's life after retirement.

The study is based on the materials of a survey conducted using a multi-stage stratified sample ($N=1025$) in May and June 2023 in Moscow. Analysis of these data reveals that the shares of those who make plans and those who do not make plans are roughly comparable: 56% vs. 44%. Most often people start thinking about plans for the period after reaching retirement age only after the age of 50 (29%) or on the eve of their fiftieth birthday (16%). Women are more inclined to plan. It is not surprising that the most common images of the future are associated with women's plans and relate to the arrangement of their local living space (house, dacha, garden), or the space of communication with relatives. The data also reveals the demand for various types of self-realization.

The study shows that the practice of planning the future in retirement is related to the presence or absence of strategizing experience in the past. The assessment of the prevalence of this practice allowed the authors to identify the areas in respect of which people more often make plans and which they consider useful for planning: family and birth of children, profession and career, work, family budget, home and housing. Income and expenditures, savings, profession, and career turn out to be the most difficult for to achieving the intended goals. It is shown that the younger the group is, the less often the respondents talk about the fulfillment of the intended plans.

доходы и расходы, накопления, профессия и карьера. Показано, что чем более «молодая» группа, тем реже опрошенные говорят об исполнении намеченных планов.

На основе проведенного анализа авторы делают предположение о склонности к построению планов: за возрастными особенностями стоят комплексные поколенческие различия с разным отношением к управлению своей жизнью, карьерой, семьей, здоровьем и другими аспектами жизни. За этими различиями лежит фундаментальная революция в сфере повседневных практик и практик стратегирования — отказ от «стандартной биографии» в пользу «рефлексивной биографии».

Ключевые слова: планирование жизни, пенсионный возраст, адаптация к жизни на пенсии, образ желаемого будущего, паттерны стратегирования

Based on their analysis, the authors make an assumption about the propensity to make plans: behind the age characteristics are complex generational differences with different attitudes to managing one's life, career, family, health, and other aspects of life. Behind these differences lies a fundamental revolution in everyday and strategic practices — the rejection of «standard biography» in favor of «reflective biography».

Keywords: life planning, retirement age, adaptation to life in retirement, image of the desired future, patterns of strategizing

Введение

Наше исследование сфокусировано на задаче изучить «опыт стратегирования» своей жизни на пенсии среди людей старшего возраста, проживающих в Москве. Их численность — 3,5 млн человек (данные Федеральной службы государственной статистики)¹. Исследования обнаруживают важную особенность пенсионного возраста как символической границы. С одной стороны, жизнь на пенсии многими воспринимается в нерадостных и тревожных тонах. Этот период знаменует собой нарастание страхов, рисков, забот и сложностей по целому ряду значимых для человека направлений [Atalay, Staneva, 2022; Awang et al., 2018; Jamadar, Chawla, 2020; Kang, 2010; Ермолаева, Подольский, 2016]. С другой стороны, этот этап в биографии представляется значимым, стоящим того, чтобы к нему готовиться [De los Santos, Labrague, Milla, 2020; Sharpley, Layton, 1998; Мануильская, Rogozin, Solodov, 2022]. Мы полагаем важным разобраться, как планируют «жизнь на пенсии» те, кто только что вступил в этот период или вплотную подходит к нему, какие есть приоритеты, есть ли навыки планирования и насколько удавалось достигать планов в прошлом.

¹ См.: Старшее поколение. Демографические показатели URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 30.06.2024).

Адаптация к изменениям

В работах, посвященных «серебряному возрасту», изучаются темы в самых разных аспектах. В фокусе оказываются вопросы здоровья [Awang et al., 2018; Calvo, Sarkisian, Tamborini, 2013], социальной адаптации [Конарева, Сергиенко, 2015; Кулешова, Стрижицкая, 2008], качества жизни [Alwajud-Adewusi, 2021; Lestari et al., 2021; Liu, He, Gao, 2024; Odone et al., 2021; Павлова, Сергиенко, 2020a], социальной защиты и пенсионного обеспечения [Ketkaew et al., 2022; Юшкова, Дорошенко, 2019], а также множество других. Для выбранной нами проблематики важен сюжет адаптации к изменениям. Здесь также можно встретить целую палитру тем и подходов, но выделяются три большие традиции.

1. Социально-психологическая, сфокусированная на когнитивной, эмоциональной и психологической адаптации, на возможностях преодолеть личностный кризис и поддерживать психическое здоровье [Henning et al., 2021; Seeman et al., 2001].

2. Управленческая, изучающая развитие социальной политики, влияние институциональных условий на качество жизни пенсионеров, обеспечение их финансового благополучия, развитие возможностей поддерживать свое здоровье, формирование условий для продолжения трудовой деятельности и др.² Общее здесь — задача согласовать интересы, возможности и принципы взаимодействия самых разных стейкхолдеров ради успешной социальной и экономической интеграции пожилых людей [Григорьева, 2021: 20—22; Coole, 2012; Frimmel, 2021; Hinrichs, 2021; Kuitto, Helmdag, 2021; Riekhoff, 2021].

3. Исследования социальной адаптации пожилых людей: поддержка их социальных связей, сохранение для общества их профессионального и культурного опыта, изучение адаптации к социальным изменениям, противодействие возрастному и социальному неравенству [Baeriswyl, Oris, 2023; Kuitto, Helmdag, 2021; Townsend, 1981; Старшее поколение..., 2021; Бондаренко, 2001; Сулова, 2017]. Анализируется множество факторов: продолжение трудовой деятельности, сохранение общения с семьей и родственниками, участие в общественной жизни, развитие IT-возможностей в самых разных областях — от здоровья и заработка до организации путешествий и поддержки занятий своими увлечениями [Kettunen, Kari, Frank, 2022; Stevens et al., 2021].

Работы показывают, что выбор той или иной стратегии адаптации обусловлен в том числе опытом деятельного стратегирования — построения планов и инвестиции в них доступных ресурсов и собственной активности. Применительно к пенсионному возрасту добавляется еще один аспект: готовность принимать различные проявления старения, изменения в жизненном укладе и социальных связях, готовность к активному поиску новых возможностей. Исследователи выделяют несколько типов стратегий: от «пассивной» и «рефлексивно-запаздывающей» до «активной позитивно-инструментальной» и «активной криминально-карьерной» [Тунгусова, 2021]³.

² См., например, мониторинг социально-экономического положения пожилых людей в 2020 г., проведенный Министерством труда России: Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2020 г. М.: Министерство труда России, 2021. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/1873> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Следует отметить, что это исследование фокусировалось на специфической группе — работниках прокуратуры.

Также отмечаются различия в стратегиях у пенсионеров и предпенсионеров. Последние негативнее переживают возрастные изменения, чувствуют себя более растерянными и пассивными, менее способными к активной адаптации. При этом у них остается высоким стремление к поиску и реализации способов самовыражения в новых сферах профессиональной деятельности и зачастую выше готовность к конкуренции, освоению новых навыков, новых профессиональных ролей. Для предпенсионеров характернее инструментальная стратегия поведения, выражающаяся в поиске рационального применения своим возможностям и готовности идти на умеренный риск ради реализации своего потенциала и творческих устремлений.

Для пенсионеров больше свойственны «запаздывающая пассивно-рефлексивная» и «пассивная умеренно-приспособительная» стратегии в сфере трудовой активности. Это связано с заметно большим консерватизмом и приверженностью традиционным ценностям, к сохранению стабильности в своей профессиональной деятельности. Однако и пенсионеры, и предпенсионеры вынуждены рано или поздно принять изменения и искать пути адаптации к ним — вне зависимости от когнитивной четкости образа будущего и готовности смириться с изменениями (на аффективном уровне) [там же: 118—120].

Тема планирования будущего зачастую связана с изучением особенностей копинг-стратегий при столкновении с жизненными трудностями⁴. На сегодня выделено более 400 стратегий [Skinner et al., 2003] и предложены разные их классификации. Однако по проблематике старения таких исследований мало. Имеющиеся результаты указывают на то, что пожилые люди, придерживающиеся стратегии «выживания» (отсутствие активностей и социальных контактов), отличаются более низким уровнем жизнестойкости, сильнее нуждаются в эмоциональной поддержке со стороны близких и знакомых, более склонны к отрицанию проблем и уходу от них [Большакова, 2019; Лежнина, Большакова, 2020]. Напротив, стратегии активного преодоления комплексно включают в себя элементы когнитивной, эмоциональной и поведенческой адаптации [Lazarus, Folkman, 1984; Roesch, Weiner, Vaughn, 2002].

Выход на пенсию также связан с изменением «смысложизненных ценностей», что играет значительную роль в формировании той или иной стратегии поведения [Corman, 2022; Fasbender et al., 2016; Жучкова, 2018; Сулова, Жучкова, 2014]. Некоторые исследователи утверждают, что разрыв с трудовой деятельностью благоприятно сказывается на процессах переосмысления себя и своей жизни [Вознюк, Сапожникова, 2022]. Так, неработающие пенсионеры позитивнее относятся к своему прошлому, чаще наделяют его смыслами, лежащими в основе сегодняшнего самоуважения. Это объясняется тем, что, завершив трудовую деятельность и выйдя на пенсию, люди быстрее производят переоценку себя, переосмысливают прожитую жизнь и намечают новые ориентиры. Те, кто продолжает профессиональную активность, не обращаются к прошлому опыту, не анализируют его

⁴ Копинг-стратегии (стратегии совладания) — когнитивные и поведенческие усилия, предпринимаемые человеком для адаптации к неопределенности и стрессу, по отношению к внешним обстоятельствам и/или внутренними потребностями, которые оцениваются как «обременительные или превышающие ресурсы индивида» [Lazarus, Folkman, 1984: 141].

в качестве завершённого периода жизненного пути и не делают выводов в контексте будущего. Получается, что неработающие, но сохраняющие активность пенсионеры, глубже и лучше планируют свою жизнь, чем работающие, демонстрируют более высокий интерес к жизни и чаще говорят о наполненности ее смыслом [там же: 81]. Зарубежные исследователи уточняют, что удовлетворенность своей жизнью зависит от стартовых финансовых условий у неработающих и работающих пенсионеров [Dingemans, Henkens, 2019; Ofori, 2021].

Такие рассуждения кажутся контринтуитивными: распространённые стереотипы маркируют выход на пенсию как кризисный этап со страхом изменений в образе жизни, профессиональной деятельности, здоровье и др. Исследования людей в возрасте 30—45 лет свидетельствуют, что их представления о сегодняшних пенсионерах и представления об образе самих себя на пенсии различны. Опрошенные полагают, что сами они будут сохранять активный образ жизни и продолжать профессиональную деятельность. Одновременно они считают, что сегодняшние пожилые люди не могут быть эффективными в профессиональной деятельности и вынуждены интенсивнее работать, чтобы сохранять свой уровень благополучия [Пацакула, Хачикян, Зайчикова, 2020; Павлова, Сергиенко, 2020б].

Такая ситуация неудивительна: разговоры о старости были вытеснены на периферию и лишь в последние 10—15 лет возвращаются в публичное пространство и повседневное общение людей. Но все-таки исследования показывают, что россияне склонны избегать разговоров о старении и о планировании своей жизни в пожилом возрасте: эти темы связаны с негативными эмоциями, с психологическим дискомфортом, с проживанием риска утраты разнообразных ресурсов для жизни [Рогозин, 2016; Ермолаева, Подольский, 2016]. Кроме того, обращается внимание на особенность многих программ поддержки пожилых людей: они в большей степени ориентируются на продолжение деятельной жизни, но не на помощь в переходе к «серебряному возрасту» и планированию старости [Мануильская и др., 2022: 104; Алешникова, Бурцева, Нуриддинов, 2020]. Именно с этим, как мы полагаем, и связан дефицит исследований, посвященных практикам стратегического планирования периода после выхода на пенсию⁵.

Тем не менее мы можем говорить, что субъективное благополучие человека в период «жизни на пенсии» зависит от того, насколько деятельной, продуманной и целенаправленной была его подготовка — не только психологическая, но также касающаяся «качества» прорабатываемых планов [Liu, Bai, Knapp, 2022; Principi et al., 2020]. Планирование позволяет достичь желаемых результатов, сформировать образ жизни по потребностям и интересам человека, но главное — погрузить свою жизнь в контекст общественной и профессиональной деятельности или же любимых занятий [Cahill, Giandrea, Quinn, 2006; Frimmel, 2021]. Это помогает и смягчить болезненное переживание стресса, и сократить этот период во времени [Henning et al., 2021; Kang, 2010; Ross, Drentea, 1998]. Еще один важный эффект отмечается в сфере межпоколенной трансляции ценностей [Barsukov, 2018],

⁵ Такие ситуация и постановка исследовательской проблемы вызывают интерес со стороны тех, кто непосредственно вовлечен в практику взаимодействия с москвичами старшего возраста. В частности — проекта мэра Москвы «Московское долголетие». Идея сфокусироваться на проблематике «паттернов стратегирования» у целевых групп москвичей как раз и была предложена его представителями.

передачи профессионального опыта и культурного багажа, социальных связей [Massingham, Chandrakumara, 2019; Townsend, 1981], обеспечения благополучия детей и внуков в рамках «большой семьи» [Airey et al., 2021; Zhang et al., 2023].

Постановка задачи

Цель исследования — описать реальные практики планирования своей жизни после выхода на пенсию, а также опыт стратегирования, то есть в какой мере в течение жизни люди прибегали к постановке тех или иных целей и стремились их достичь. Под «стратегированием» мы понимаем процесс порождения и гибкого изменения стратегии, сфокусированной на желаемой модели будущего и долгосрочных намерениях, чему подчиняются и тактические планы, и предпринимаемые действия. Это понятие активно используется в экономической литературе и в менеджменте, однако имеет содержательные аналоги в психологии⁶, и в социологии⁷ с очень похожим набором вложенных идей. Оно предстает как совокупность процессов прогнозирования и планирования будущего с опорой на субъективное, но многоаспектное знание о реальности и природе изменений, а также на способность реагировать на изменения [Williamson, 1991: 76; Giddens, 1984: 5].

В качестве целевой группы (ЦГ) были выбраны категории предпенсионеров (чей возраст укладывается в пятилетний интервал до выхода на пенсию) и ранних пенсионеров (чей возраст — не более пяти лет после выхода на пенсию)⁸. Выбор был обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, эти категории интересны экспертам проекта «Московское долголетие» с точки зрения задач поддержки пенсионеров:

— эти люди достаточно активны и обладают разного рода ресурсами для построения планов на будущее и их реализации,

— в процессе перехода к новому статусу для этих категорий становятся актуальными вопросы адаптации и формирования нового образа жизни. Одновременно у общественных и государственных структур возникает задача помощи и поддержки — как в повседневной, так и в стратегической перспективе.

Второе соображение почерпнуто из анализа исследований: чем раньше человек начинает разрабатывать свою жизненную стратегию на пенсионный период, тем выше качество его жизни, весомее и заметнее его участие в системе разнообразных социальных отношений [Tora et al., 2009; Ketkaew et al., 2022; Principi et al., 2020]. Именно поэтому мы решили сфокусироваться на двух возрастных категориях: на тех, кому «уже пора» планировать, и тех, кому «еще не поздно».

Мы сформулировали несколько предположений:

— значительная доля наших информантов не строят (и не строили) планов на жизнь после выхода на пенсию и «живут сегодняшним днем»;

⁶ Например, «жизненная стратегия личности». Обзор подходов см.: [Синягин и др., 2010; Ляхова, 2010].

⁷ См., например, анализ стратегического поведения у Э. Гидденса [Giddens, 1984: 26—27].

⁸ Наш подход имеет ограничение: в число респондентов не могли попасть те, кто вышел на пенсию раньше установленного возраста — по здоровью, по выслуге лет, по условиям труда и профессиональной деятельности и т. д. Тем не менее в эту категорию попали 16% опрошенных. Вероятно, что их опыт планирования может заметно отличаться от нашей ЦГ. Тем не менее возрастной критерий отбора был выбран приоритетным с точки зрения целей исследования.

— у большинства представителей ЦГ есть опыт планирования в разных сферах жизни;

— реальные дела и действия складываются в «паттерны стратегирования», они ориентированы на реализацию образа желаемого будущего по наиболее важным сегментам: работа, здоровье, досуг и увлечения и др.;

— есть значимые различия в зависимости от опыта планирования и достижений, а также модальности размышлений об образе желаемого будущего.

Под эти задачи авторский коллектив спроектировал концепцию и стратегию сбора данных. Работу вел НИИ Урбанистики и глобального образования ГАОУ ВО МГПУ при участии экспертов Проекта мэра Москвы «Московское долголетие» и ANR-lab НИУ ВШЭ⁹.

Эксперты Проекта сформулировали стратегическую рамку, взяв за основу кейсы из практики. В контексте социальной значимости Проекта и с учетом общемирового тренда на увеличение продолжительности жизни были обозначены ключевые индикаторы для исследования. В частности, получить новые знания, полезные для разработки рекомендаций по развитию социальной активности старшего поколения, преодолению неопределенности и минимизации рисков пожилых людей.

Методология и источник данных

Сбор данных проходил в мае-июне 2023 г. Метод — уличный опрос с помощью формализованного интервью по анкете. Всего состоялось 1 124 интервью, но после контроля поля и чистки массива остались ответы 1025 человек. Целевая группа состояла из четырех «базовых категорий» исследования (см. рис. 1).

Опрос проводился в 12 административных округах Москвы, в том числе в Новой Москве¹⁰. В каждом из округов случайным образом были отобраны по пять районов — с вероятностью, пропорциональной численности жителей каждого из них. Для округов и районов были сформированы задания на число опрошенных и пропорцию мужчин и женщин.

Для каждого района определялись маршруты, проходившие через локации пяти типов: административная (МФЦ), транспортная (метро, автобусный парк, МЦК), торговая (торговый центр, рынок, магазин), финансовая (отделение банка), досуговая (парки, скверы, спортплощадка, кинотеатр)¹¹. Также имелась категория «Другое».

Интервьюерам было рекомендовано в одной локации опросить от трех до пяти человек, а затем идти по маршруту к локации другого типа. Также им был предложен алгоритм отбора потенциальных респондентов. Если интервью состоялось, то следующего собеседника надо выбирать по контрасту по одному или двум признакам: пол, одежда, направление движения (входит в помещение, выходит, ждет и т. д.), видимый возраст и др.

Тип выборки — многоступенчатая стратифицированная с организацией ступеней отбора по городским округам:

⁹ Методическое сопровождение и анализ данных проводились в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ).

¹⁰ При построении выборки Новомосковский и Троицкий округа были сведены в один.

¹¹ Такое решение помогало управлять поиском респондентов и обеспечивало вариативность их характеристик при отборе. Мы планируем методический анализ подхода, но не в рамках этой статьи.

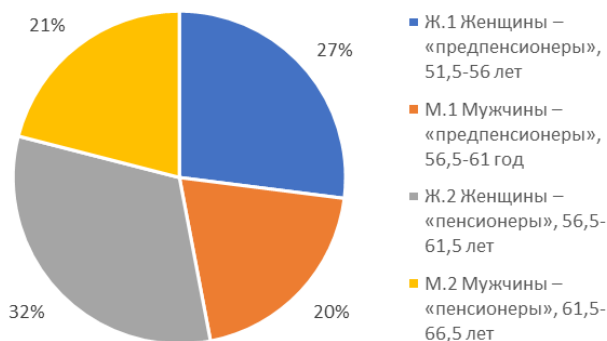
- 1 степень — отбор районов в городских округах;
- 2 степень — отбор точек опроса;
- 3 степень — отбор респондентов.

Анкета была заведена на сервис Survey-Studio, а интервьюеры фиксировали ответы с помощью своих мобильных устройств.

Построение планов на будущее

В итоговом массиве доли опрошенных в каждой из категорий оказались сопоставимыми по численности:

Рис. 1. Доли базовых категорий целевой группы ($n = 1025$)¹²

У большинства пенсионеров уже оформлена пенсия по возрасту (Ж.2: 74%; М.2: 69%) или же по иным основаниям¹³ (Ж.2: 15%; М.2: 20%). В категории предпенсионеров ситуация обратная — у большинства пенсии пока нет (Ж.1: 86%; М.1: 73%).

Данные показывают, что больше половины респондентов строят планы на будущее (56%)¹⁴. Отличий по категориям опрошенных нет, исключение представляют только мужчины-пенсионеры (М.2): меньше половины из их числа строят планы (41%).

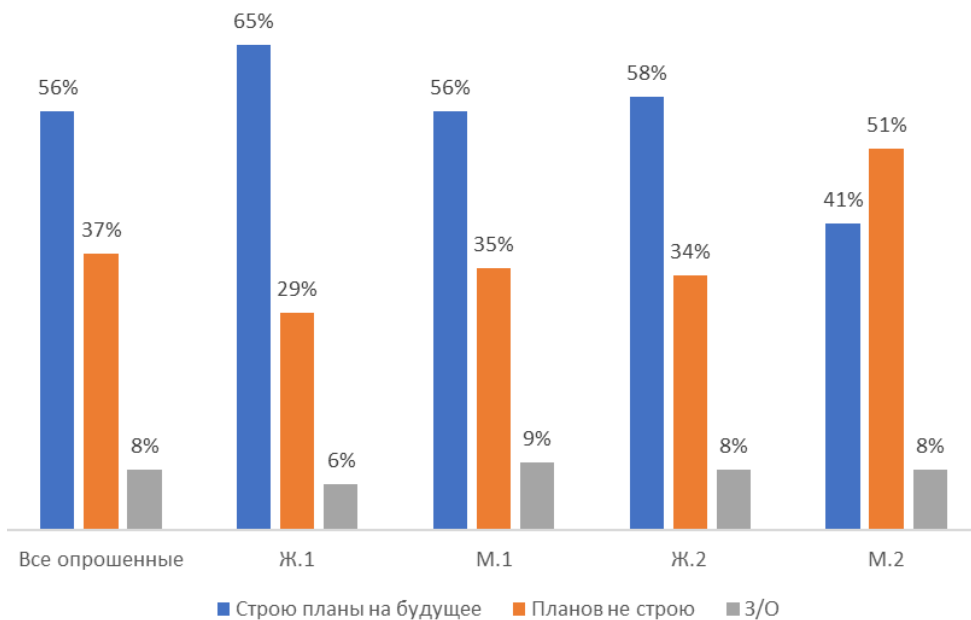
Горизонт планирования, как правило, охватывает период от года до трех (27% в целом по выборке). Полугодовой интервал и больше четырех лет набирают по 14% и 13% опрошенных соответственно. Распределение по категориям опрошенных имеет незначительные различия, кроме мужчин-пенсионеров (М.2): среди них 59% еще раз подтвердили, что не строят планов на будущее (при 44% в целом по выборке).

¹² В ситуации опроса использовался несколько иной возрастной интервал. Предпенсионеры: женщины 51—56 лет, мужчины 56—61 год; ранние пенсионеры: женщины 57—61 год, мужчины 62—67 лет. Такое решение связано с задачей обеспечить приемлемую достижимость респондентов — дополнительные уточнения увеличивают вероятность отказа.

¹³ Вопрос о наличии или отсутствии пенсии включал в себя разные варианты ее назначения: по возрасту, по здоровью, по выслуге лет, по специфике профессии и др.

¹⁴ Вопрос: «Если говорить о сегодняшнем дне, Вы строите планы на будущее — хотя бы в общих чертах, или не строите? (один ответ)».

Рис. 2. Планы на будущее

Любопытно, что по данным ВЦИОМ планируют свою жизнь 56% россиян, тогда как не строят планы — 40%. Горизонт планирования для трети россиян составляет несколько месяцев (36%), на несколько лет вперед — для каждого пятого (20%). Данные показывают связь практики планирования с возрастом. В группе до 24 лет строят планы на будущее 73%, тогда как среди 60-летних таковых только 36%; в интересующей нас группе 45—59 лет — 52%¹⁵.

В нашем исследовании задавались два чуть более конкретных вопроса о том, когда люди стали обдумывать свою жизнь после достижения пенсионного возраста¹⁶. Больше трети опрошенных (37%) не задумывались и не строили планы прежде¹⁷. Из таблицы 1 видно, что планы и размышления об этом периоде жизни начали появляться у каждого пятого еще в возрасте до 40 лет (19%), из них 3% утверждают, что эти размышления у них появились еще до достижения 20-летнего возраста. Тем не менее большинство респондентов стали строить планы после 50 лет (29% от всех опрошенных) либо в преддверии 50-летия (16%).

¹⁵ Всероссийский опрос «ВЦИОМ—Спутник», 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Проведен 16 октября 2023 г. Телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, действующих на территории РФ. Подробнее см.: Горизонт планирования: мониторинг // ВЦИОМ. 2013. 13 ноября. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorizont-planirovaniya-monitoring> (дата доступа: 10.05.2024).

¹⁶ Вопросы: «Вы прежде задумывались или не задумывались о своей жизни после достижения пенсионного возраста?» и «Попробуйте вспомнить, в какой момент Вы стали обдумывать и планировать свои дела и жизнь после достижения пенсионного возраста?».

¹⁷ Сумма ответов «Не задумывался(ась)» и «Затрудняюсь ответить».

Таблица 1. В каком возрасте стали задумываться о жизни после достижения пенсионного возраста (в %)

	Все респонденты	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
До 20 лет	3	5	3	3	2
От 20 до 30 лет	5	5	5	6	3
От 31 до 40 лет	11	11	14	8	10
От 41 до 50 лет	16	21	12	17	13
После 50 лет	29	19	25	36	33
Не задумывался(ась) / никогда не планировала(а)	28	30	34	20	30
Затруднились с ответом	9	8	7	10	9

Сделаем ряд обобщений. Во-первых, заметная доля респондентов не планируют и не планировали свою жизнь в пенсионном возрасте, а также не имеют привычки строить планы на будущее. Их доля — от трети до половины всех опрошенных. Наличие навыка планирования декларирует примерно половина представителей нашей ЦГ.

Во-вторых, сравнение ответов по четырем базовым категориям опрошенных показывает, что мужчины меньше склонны планировать будущее, в этом особо выделяются мужчины-пенсионеры (М.2). Это означает, что у каждой категории свои подходы к стратегированию и свои привычки при построении планов.

Чего же хотят от жизни на пенсии участники нашего опроса?

Образ желаемого будущего

В думах о будущем доминируют четыре темы (см. табл. 2): общение с семьей и родственниками (53%), путешествия (43%), работа на даче или в саду (38%), а также забота о здоровье (36%). Наименее привлекательны для москвичей старшего возраста общественная деятельность (7%), переезд (7%), учеба и получение новых знаний (12%), работа и развитие в своей профессии (15%).

Таблица 2. Желаемые виды деятельности на пенсии (%)

«Если представить разные возможности, каким делом вы бы хотели заниматься <сейчас> после достижения пенсионного возраста? Какая жизнь будет доставлять вам удовольствие?» Любое число ответов	Все	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
Общение с семьей, родственниками	53	61	51	58	40
Путешествия	43	53	43	41	31
Дача, сад	38	39	30	45	33
Здоровье	36	37	30	43	32
Общение с людьми	33	41	28	38	21
Увлечение, хобби	31	34	34	34	20
Жить спокойно, ничем не заниматься	30	29	31	28	34
Дом, ремонт, строительство	27	22	36	22	33
Саморазвитие	25	31	26	27	15

«Если представить разные возможности, каким делом вы бы хотели заниматься <сейчас> после достижения пенсионного возраста? Какая жизнь будет доставлять вам удовольствие?» Любое число ответов	Все	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
Спорт, физкультура	25	18	29	23	29
Творчество	24	28	19	28	15
Работа, заработок	20	24	26	15	18
Профессия	15	18	20	13	11
Учеба, новые знания	12	10	16	15	7
Переезд	7	10	8	5	6
Общественная деятельность	7	6	6	8	6

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждой из ЦГ.

Женщины значимо чаще выбирают такие занятия, как общение с семьей и родственниками, с другими людьми, а также путешествия, творчество, саморазвитие, здоровье. Видов активности, интересных мужчинам, немного. Это прежде всего строительство и ремонт, а также спорт и физкультура. Женщинам такие виды деятельности видятся менее привлекательными.

Интересно, что работа и заработок в качестве элемента желаемого будущего теряют свою привлекательность с возрастом, а вот желание «жить спокойно и ничем не заниматься» в большей степени свойственно наиболее возрастным информантам — мужчинам-пенсионерам (34%).

Какие выводы можно сделать из этих данных? Во-первых, доминанта в суждениях — обустройство своего локального жизненного пространства. Причем это касается не только физического (дом, дача, сад), но также и пространства общения со значимыми людьми, в первую очередь с родственниками. Одновременно виден запрос на самореализацию — путешествия, творчество, занятия любимыми делами, хобби.

Во-вторых, достаточно большое число вариантов привлекают примерно равные доли опрошенных — от четверти до трети. Похоже, что структура представлений о желаемом будущем распадается на ряд «паттернов», в которых есть более-менее общее ядро, но также и различающиеся «вторые доминанты».

В-третьих, женщины активнее выбирают все варианты, связанные с общением, дачей и садом, творчеством, здоровьем. У мужчин другие приоритеты, а также, как ни удивительно, вариант «жить спокойно, ничем не заниматься». Такие различия также позволяют предположить, что «пенсионные паттерны» имеют одновременно и возрастную, и гендерную специфику.

Опыт планирования и достижения целей

Напомним, что в текущем моменте строят планы на будущее 56% опрошенных. Однако опыт построения планов на будущее есть у подавляющей части респондентов (73%)¹⁸. Можно предположить, что опыт планирования в прошлом пред-

¹⁸ Вопрос: «Припомните, когда-то в прошлом у вас был опыт планирования (образование, карьера, дом, доходы, что-то еще), или же такого опыта не было, вы не припомните?» (один ответ).

определяет наличие текущих планов о жизни на пенсии, однако корреляционный анализ показывает слабую связь между этими двумя параметрами¹⁹.

На основе двух переменных мы выделили четыре типа респондентов по их стратегиям планирования (см. табл. 3). Получилось, что предположение о связи опыта планирования и актуальной практикой планировать будущее верно для 46% опрошенных.

Таблица 3. Типология респондентов по стратегиям планирования: наличие опыта планирования (+/-) vs. наличие планов на период пенсионного возраста (+/-)* (% по столбцу)

Стратегии планирования, типы	Все	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
«Планирующие» (+ +)	46	54	46	50	33
«Планировавшие» (+ -)	27	24	25	25	34
«Начавшие планировать» (- +)	9	11	10	8	8
«Не планирующие» (- -)	18	11	19	17	25

* При построении типологии мы объединяли затруднившихся с ответом с теми, кто выбирал ответы «не планирую» или «не было опыта планирования» (в соответствующих вопросах).

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждой из ЦГ.

Чтобы определить значимость факторов, влияющих на предпочтение той или иной стратегии, мы провели регрессионный анализ. В нашей модели зависимая переменная (стратегии планирования) имеет четыре состояния, поэтому нами была построена логит-модель множественного выбора²⁰. Стратегия отказа от планирования («не планирующие») установлена базисной, по отношению к которой определяются отношения шансов для других категорий ($\exp(\beta_j) - 1$).

Результаты мультиномиального логистического регрессионного анализа представлены в таблице 4. По ним можно оценить влияние ряда факторов на предпочтение той или иной стратегии (в таблице выделены ячейки, показывающие значимую связь с той или иной стратегией планирования).

Таблица 4. Социально-демографические факторы, влияющие на выбор стратегии планирования

	«Планирующие»		«Планировавшие»		«Начавшие планировать»	
	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость
Константа		0,000		0,785		0,002
Образование	1,409	0,000	1,147	0,120	1,098	0,421
Женщины	2,018	0,000	1,255	0,247	1,671	0,049
Наличие детей	2,065	0,030	0,990	0,975	0,903	0,801

¹⁹ Коэффициент Пирсона равен 0,174. Связь становится сильнее, если долю затруднившихся ответить объединить с теми, кто заявил об отсутствии планов на будущее / такого опыта в прошлом: коэффициент Пирсона равен 0,253 при уровне значимости 0,01.

²⁰ Чтобы определить характер влияния факторов при зависимой номинальной переменной с двумя состояниями, строится модель двоичного выбора, как правило, «логит» или «пробит». Значимых различий по качеству моделирования между «логит» и «пробит» нет, и обычно выбор делается в пользу «логит»-модели: ее результаты имеют более понятную интерпретацию.

	«Планирующие»		«Планировавшие»		«Начавшие планировать»	
	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость
В браке, в отношениях	1,342	0,137	0,739	0,137	0,956	0,866
Материальное положение*	1,530	0,000	1,063	0,576	1,262	0,108
Наличие работы	1,701	0,006	0,385	0,842	1,389	0,222

* Использовался вопрос: «Какое из суждений наиболее точно описывает материальное положение вашей семьи?» со стандартными альтернативами: «иногда нам не хватает денег даже на продукты питания» и т. д.

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о существовании значимых отличий.

Общий вывод таков: наиболее сильный контраст наблюдается между «планирующими» и всеми остальными группами. Чаще всего это женщины, имеющие детей. Дополнительные факторы: чем выше образовательный уровень, чем лучше материальное положение и есть оплачиваемая занятость (основная или временная работа), тем с большей вероятностью можно встретить устойчивые практики планирования²¹. Остальные два типа респондентов («начавшие планировать» и «планировавшие») не сильно отличаются от тех, кто отказывается планировать (тип «не планирующие»).

Включение возраста в модель регрессии оказалось проблематичным, ухудшающим результаты анализа. Возможная причина этого — специфика ЦГ: в выборке есть две категории, сходные по биологическому возрасту, но различающиеся по гендерному признаку и по отношению к возрасту выхода на пенсию (Ж.2 — ранние пенсионеры, М.1 — предпенсионеры). Можно предположить, что опыт и практика планировать будущее связаны не только с гендерной и пенсионной спецификой, но также и с тем опытом социализации, который был актуален для рассматриваемых нами категорий в тот или иной период. Оставим это как гипотезу — данные не позволяют проанализировать данный сюжет глубже.

Планы в прошлом и достижение планов

В продолжение этого сюжета респондентам задавали еще три вопроса:

— в каких сферах жизни информанты строили планы в прошлом — для тех, у кого был такой опыт: «Чего касались ваши размышления и планы?»;

— в каких сферах произошли изменения: «Какие ваши планы и намерения реализовались?»²²;

— в каких сферах, по мнению опрошенных, полезно планировать: «Что вы думаете о пользе планирования? В каких делах и сферах жизни вы считаете: планировать — это полезно?» (карточка, любое число ответов).

Из таблицы 5 видно, что существует семь доминирующих тем, относительно которых есть опыт планирования. Их же считают «полезными для планирования».

²¹ Из таблицы 4 видно: каждая новая ступень образования на 41% (ячейка 1,409) повышает шансы того, что человек придерживается стратегии постоянного планирования — по сравнению с отказом от планирования. Так же и для параметров «материальное положение» (каждая следующая позиция на 53% повышает вероятность выбора этой стратегии, ячейка 1,530) и наличие работы (на 70%, ячейка 1,701).

²² Оба этих вопроса полуоткрытые: у интервьюера был набор вариантов ответов плюс возможность дописать ответ в позицию «другое». Респонденту список не показывался.

Лидируют по опыту планирования три сферы: «семья и рождение детей», «профессия и карьера», а также «работа».

Таблица 5. Планы в прошлом, их реализация и польза планирования (все опрошенные, %)

	В каких сферах строили планы	В каких сферах планы реализовались	Разница (Δ): планы / реализация	В каких сферах полезно планировать
Семья, рождение детей	58	58	0	61
Профессия, карьера	56	44	12	66
Работа	53	46	7	57
Доходы и расходы, бюджет семьи	49	29	20	67
Дом, жилье	48	39	9	52
Учеба, получение знаний, образование	44	36	8	58
Накопления	41	22	19	56
Путешествия	30	19	11	36
Переезд	24	16	8	36
Дача, сад	24	22	2	27
Здоровье	23	15	8	36
Саморазвитие	18	14	4	29
Увлечение, хобби	17	14	3	21
Спорт	13	7	6	18
Творчество	12	10	2	17
Общественная деятельность	7	5	2	15
З/О	3	2	1	5
Другое	1	1	—	3
Ни в одной	3	2	1	1

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждому из параметров.

Однако по такому параметру, как нереализованные планы, лидируют три сферы — Доходы и расходы, бюджет семьи, Профессия, карьера и Накопления. Немногим более половины от запланировавших смогли реализовать свои планы по бюджету (доходам и расходам) семьи ($\Delta = 20\%$), а также по накоплениям ($\Delta = 19\%$). Около четверти от запланировавших не смогли достигнуть планов в отношении Профессии и карьеры ($\Delta = 12\%$). Получается, что сферы, связанные с заработком и накоплением финансов, а также с профессиональным и карьерным ростом, требующие значительных интеллектуальных и самоорганизационных усилий по постоянному повышению компетенций, — с другой, оказываются лидерами в зоне риска. Доля тех, у кого планы не реализовались или же реализовались не так,

как задумывалось, оказывается существенной («Δ», дельта) — почти от половины до четверти опрошенных.

Если рассмотреть данные в разрезе разных категорий респондентов (см. табл. 6), можно заметить несколько моментов:

— во всех категориях ЦГ одними из самых проблемных оказываются сферы бюджета (доходов) семьи и накопления. Однако когорты москвичей, не достигших пенсионного возраста (Ж.1, М.1), ощущают «нереализованность» в этих сферах более остро: немногим менее половины говорят, что их планы реализовались не так, как задумывались ($\Delta = 26\% - 24\%$). А вот среди тех, кто достиг пенсионного возраста, таких респондентов в среднем меньше, около трети ($\Delta = 18\% - 12\%$);

— в отношении профессии и карьеры женщины чаще, чем мужчины ощущают, что их планы не были достигнуты ($\Delta = 14\% - 15\%$ против $8\% - 10\%$ у мужчин);

— чем моложе категория участников исследования, тем чаще планы воспринимаются как нереализованные и в части жилья, путешествий, переезда и здоровья.

Таблица 6. В каких сферах строили планы на будущее («планы», %) и разница между теми, кто строил планы в той или иной сфере, и теми, кто сказал о реализации этих планов («Δ», п. п.)

Сферы построения планов	Все	Ж.1		М.1		Ж.2		М.2	
	%	планы	Δ	планы	Δ	планы	Δ	планы	Δ
Семья, рождение детей	58	64	3	58	4	60	0	48	-6
Профессия, карьера	56	59	14	59	10	56	15	50	8
Работа	53	55	6	57	12	48	5	53	8
Доходы и расходы, бюджет семьи	49	55	25	54	24	46	18	42	14
Дом, жилье	48	51	12	55	14	46	7	43	6
Учеба, получение знаний, образование	44	53	11	45	7	42	6	33	7
Накопления	41	43	26	47	25	41	12	35	16
Путешествия	30	35	13	35	18	29	8	19	4
Переезд	24	25	9	30	12	21	6	23	7
Дача, сад	24	25	4	21	3	28	-1	21	4
Здоровье	23	27	12	23	10	24	5	16	4
Саморазвитие	18	21	8	22	7	17	0	13	3
Увлечение, хобби	17	17	5	26	9	15	-2	11	3
Спорт	13	10	6	19	10	11	5	16	7
Творчество	12	14	3	16	6	10	-2	7	1
Общественная деятельность	7	7	3	5	1	7	0	9	3
Затруднились с ответом	3	2		2		4		4	
Другое	1	0		1		1		3	
Ни в одной	3	3		2		2		4	

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждой из ЦГ.

Обсуждение результатов

Анализ позволяет зафиксировать несколько выводов относительно выбранных целевых групп: ранних пенсионеров и предпенсионеров — жителей Москвы.

1. Доля тех, кто строит планы на будущее, более-менее сопоставима с долей тех, кто этого не делает: 56 % против 44 %. Второй подход чаще всего демонстрирует самая «возрастная» категория — мужчины-пенсионеры в возрасте 61—67 лет. Да и в целом мужчины менее склонны планировать свое будущее в сравнении с женщинами. Чаще всего опрошенные начинали задумываться о планах на период после достижения пенсионного возраста только после 50 лет (29 %) или же в преддверии 50-летия (16 %). До 40 лет подобные планы и размышления возникли не более чем у пятой части опрошенных (19 %).

2. В структуре представлений о желаемом будущем выделяются 10—12 направлений активности. Каждое из них выбирают от 20 % до 40 % респондентов. Это можно проинтерпретировать так, что образы желаемого будущего распадаются на ряд «паттернов», где есть какая-то доминанта (работа, досуг и увлечение, семья и др.) плюс набор сопутствующих характеристик, «вторые доминанты». Поиск и описание «паттернов» жизни после наступления пенсионного возраста — наша следующая задача в работе с имеющимся массивом данных.

3. Данные позволяют утверждать, что готовность строить планы на будущее и на время после достижения пенсионного возраста в значительной мере связана с навыками и опытом планирования своей жизни. Две трети опрошенных (73 %) имели такой опыт, они строили планы в той или иной сфере и с определенным успехом достигали желаемой цели. Почти половина всех респондентов (46 %) оказались вполне последовательны в этом плане: они и сейчас планируют свое будущее, и такой подход они уже реализовывали прежде. Вместе с тем не менее половины представителей целевой группы демонстрируют альтернативные подходы к стратегированию. Кто-то увидел необходимость начать это делать сейчас, кто-то не склонен следовать такой привычке, а кто-то в принципе никогда не загадывал и не загадывает «на будущее». Это вполне сопоставимые по численности типологические группы.

4. В среднем чем более «молодая» группа, тем реже опрошенные говорят об исполнении намеченных планов, которые они когда-либо прежде строили. Наиболее проблемными оказываются Доходы и расходы, бюджет семьи, Накопления, и Профессия и карьера. Предпенсионный этап, еще как правило сопровождающийся активной профессиональной и трудовой активностью, по всей видимости, дает потенциальную возможность людям ставить в среднем чуть больше планов и быть более требовательными в их достижении (нежели в период пенсионного возраста). Субъективная оценка своих планов как «не довыполненных» несет в себе не только (возможно, не столько) негативную коннотацию, но и внутренний стимул и намерение продолжать двигаться в этом направлении: к примеру, продолжать делать активно накопления, или планировать (откладывать деньги) на путешествия.

При анализе опыта и паттернов стратегирования стоит учитывать эту особенность: за возрастными особенностями стоят комплексные поколенческие различия в отношении к управлению своей жизнью и карьерой, построению семьи,

здоровью и множеству других аспектов. За этими поколенческими различиями лежит фундаментальное изменение в сфере повседневных практик и практик стратегирования — отказ от «стандартной биографии» в пользу «рефлексивной биографии» [Giddens, 1991]. Этот процесс характеризуется отказом людей следовать логике предзаданных социокультурных детерминант своей жизненной траектории, стремлением уклоняться от реактивного поведения по отношению к жизненным ситуациям, интересом к построению «нестандартной» биографии, которая с точки зрения принятых стандартов может даже характеризоваться «еретической инновационностью», но за которой угадывается появление «новой нормы» [Согомонов, 2005].

Тем не менее данные позволяют говорить о гендерно предопределенных различиях. В частности, женщины обеих категорий чаще имеют опыт планирования в том, что касается семьи и детей, здоровья, дачи и сада, отчасти — в сфере образования и получения знаний. У мужчин в фокусе внимания чаще оказываются вопросы работы, переезда, занятий спортом и отчасти — тема дома и жилья.

Материалы исследования дают возможность предположить, что стратегии «жизни на пенсии» распадаются на ряд более-менее устойчивых моделей. На их формирование влияет целый ряд факторов: устойчивость материального положения, опыт планирования, а также образы желаемого и достижимого будущего. Поиск и описание таких «паттернов стратегирования» — наш следующий шаг в работе с полученными данными.

Список литературы (References)

1. Алешникова В. И., Бурцева Т. А., Нуриддинов З. А. Социальный эффект реализации стратегии активного долголетия // Управление. 2020. Т. 8. № 4. С. 86—93. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93>.
Aleshnikova V. I., Burtseva T. A., Nuriddinov Z. A. (2020) Social Effect of Implementing Active Longevity Strategies. *Upravlenie / Management (Russia)*. Vol. 8. No. 4. P. 86—93. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93>. (In Russ.)
2. Большакова Г. А. Сравнительный анализ копинг-стратегий у лиц пожилого возраста с разными стратегиями старения // Student Research: сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2019. С. 147—150.
Bolshakova G. A. (2019) Comparative Analysis of Coping Strategies in the Elderly with Different Aging Strategies. In: Gulayev G. Yu. (ed.) *Student Research*. Penza: Science and Education Press. P. 147—150. (In Russ.)
3. Бондаренко И. Н. Социокультурная адаптация пожилого населения Российской Федерации в условиях переходной экономики: автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М.: Московский государственный университет культуры и искусства, 2001.
Bondarenko I. N. (2001) Socio-Cultural Adaptation of the Elderly Population of the Russian Federation in a Transitional Economy. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Pedagogy. Moscow: Moscow State Art and Cultural University. (In Russ.)

4. Вознюк Ю. А., Сапожникова Е. Е. Смысло-жизненные ориентации и удовлетворенность жизнью пенсионеров с разным рабочим статусом // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022. Т. 5. № 4. С. 81—87.
Voznyuk Y. U., Sapozhnikova E. E. (2022) Meaningful Life Orientations and Life Satisfaction of Pensioners with Different Working Status. *International Journal of Medicine and Psychology*. V. 5. No. 4. P. 81—87. (In Russ.)
5. Григорьева И. А. Старение и пожилые в современной российской социологии // *Старшее поколение современной России / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 20—23.*
Grigoryeva I. A. (2021) Ageing and Elderly People in Modern Russian Sociology. In: Saraliev Z. Kh. (ed.) *The Older Generation of Modern Russia*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University. P. 20—23. (In Russ.)
6. Ермолаева М. В., Подольский А. И. Страх старости — страх жизни // *Образование личности*. 2016. № 4. С. 34—40.
Ermolaeva M. V., Podolskiy A. I. (2016) Fear of Old Age — Fear of Life. *Personality Formation*. No. 4. P. 34—40. (In Russ.)
7. Жучкова С. М. Социально-психологические детерминанты удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2018.
Zhuchkova S. M. (2018) Socio-Psychological Determinants of Life Satisfaction in Elderly and Old Age. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Psychology. Moscow: Moscow State Regional University. (In Russ.)
8. Конарева И. Н., Сергиенко М. И. Особенности одиночества и удовлетворенности жизнью в позднем возрасте // *Ученые записки Крымского ФУ им. В. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2015. Т. 1. № 4. С. 182—194.
Konareva I. N., Sergienko M. I. (2015) Peculiarities of Loneliness and Life Satisfaction in the Late Age. *Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University*. Vol. 1. No. 4. P. 182—194. (In Russ.)
9. Кулешова Л. Н., Стрижицкая О. Ю. Активность личности как потенциал развития в период поздней зрелости // *Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2008. № 4. С. 111—118.
Kuleshova L. N., Strizhitskaya O. Yu. (2008) Personality Activity as a Potential of Development in Late Adulthood Period. *Vestnik of St. Petersburg State University*. No. 4. P. 111—118. (In Russ.)
10. Лежнина Л. В., Большакова Г. А. Пассивная стратегия старения: психологические особенности и возможности коррекции // *Научное мнение*. 2020. № 4. С. 67—72.
Lezhnina L. V., Bolshakova G. A. (2020) Passive Aging Strategy: Psychological Features and Correction Possibilities. *The Scientific Opinion*. No. 4. P. 67—72. (In Russ.)

11. Ляхова М. А. Психологические составляющие жизненной стратегии личности // Вестник КемГУ. 2010. № 3. С. 83—90.
Lyahova M. A. (2010) Psychological Components of the Personality Life Strategy. *Vestnik of Kemerovo State University*. No. 3. P. 83—90. (In Russ.)
12. Мануильская К. М., Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б. Дорожная карта старения. М.: Дело РАНХиГС, 2022.
Manuil'skaya K. M., Rogozin D. M., Solodovnikova O. B. (2022) A Road Map of Aging. Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)
13. Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Качество жизни и временная перспектива на этапе позднего онтогенеза // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020а. Т. 26. № 2. С. 47—55. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-47-55>.
Pavlova N. S., Sergiyenko E. A. (2020a) Life Quality and Time Perspective at the Late Ontogenesis Stage. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. Vol. 25. No. 2. P. 47—55. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-47-55>. (In Russ.)
14. Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъективное качество жизни, психологическое благополучие, отношение к временной перспективе и возрасту у пенсионеров, ведущих разный образ жизни // Вестник СПбГУ. Психология. 2020б. Т. 10. № 4. С. 384—401. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.401>.
Pavlova N. S., Sergiyenko E. A. (2020b) Subjective Life Quality, Psychological Well-Being and Attitude to the Time Perspective as well as Age among Pensioners Leading Different Lifestyles. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. Vol. 10. No. 4. P. 384—401. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.401>. (In Russ.)
15. Пацакула И. И., Хачикян Е. И., Зайчикова И. В. Социально-психологические особенности принятия старости // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2. С. 94—100.
Patsakula I. I., Khachikyan E. I., Zaichikova I. V. (2020) Socio-Psychological Features of Accepting Old Age. *Applied Legal Psychology*. № 2. P. 94—100. (In Russ.)
16. Рогозин Д. М. Либерализация старения или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д. М. Рогозина, А. А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 8—41.
Rogozin D. M. (2016) Liberalization of Aging or Work, Knowledge and Health in Old Age. In: Rogozin D. M., Ipatova A. A. (eds.) *Old People Belong Here: Social Understanding of Aging*. Moscow: Sociological Institute, RAS. P. 8—41. (In Russ.)
17. Снягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. 2010. № 1. С. 27—35.
Sinyagin Yu. V., Pereverzina O. Yu., Yakovleva Yu. A., Polyakova A. V. (2010) Basic Approaches to the Study of Life Strategies of Individual. *Acmeology*. No. 1. P. 27—35.
18. Согомонов А. Ю. Генеология успеха и неудач. М.: Солтэкс, 2005.
Sogomonov A. Yu. (2005) Genealogy of Success and Failures. Moscow: Solteks.

19. Старшее поколение современной России / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021.
Saraliev Z. Kh. (ed.) (2021) *The Older Generation of Modern Russia*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University. (In Russ.)
20. Сулова Т. Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63—70. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060307>.
Suslova T. F. (2017) Social Activity of the Personality as a Determinant of Positive Adaptation and Full-Fledged Life at Retirement Age. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 6. No. 3. P. 63—70. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060307>. (In Russ.)
21. Сулова Т. Ф., Жучкова С. М. Исследование удовлетворенности жизнью и смысловых ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 78—89.
Suslova T. F., Zhuchkova S. M. (2014) Research on Life Satisfaction and Life Orientations in Late Adulthood. *Social Psychology and Society*. Vol. 5. No. 3. P. 78—89. (In Russ.)
22. Тунгусова Е. В. Исследование жизненной стратегии и отношения к старости у сотрудников предпенсионного и пенсионного возрастов // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 3. С. 114—120.
Tungusova E. V. (2021) Research of Life Strategy and Attitude to Old Age in Employees of Pre-Retirement and Retirement Age. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*. No. 3. P. 114—120. (In Russ.)
23. Юшкова С. А., Дорошенко М. В. Стратегии пенсионного поведения в условиях реформирования пенсионной системы // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 41—46.
Yushkova S. A. Doroshenko M. V. (2019) Strategies for Retirement Behavior in the Context of Reforming the Pension System. *The Authority*. Vol. 27. No. 1. P. 41—46. (In Russ.)
24. Airey L., Lain D., Jandrić J., Loretto W. (2021) A Selfish Generation? 'Baby Boomers', Values, and the Provision of Childcare for Grandchildren. *The Sociological Review*. Vol. 69. No. 4. P. 812—829. <https://doi.org/10.1177/0038026120916104>.
25. Alwajud-Adewusi M.-B. (2021) Exploring Coping Strategies of Retired Elderly Persons in Ilorin Metropolis, Nigeria: Implication for Counselling. *Inkanyiso: Journal of African Thought*. Vol. 13. No. 1. P. 137—148. <https://doi.org/10.4102/ink.v13i1.22>.
26. Atalay K., Staneva A. (2022) Waiting to Get a Pension: The Impact of Pension Eligibility on Psychological Distress. *Health Economics*. Vol. 31. No. 6. P. 940—955. <https://doi.org/10.1002/hec.4488>.
27. Awang H., Mansor N., Peng T. N., Osman N. A. N. (2018) Understanding Ageing: Fear of Chronic Diseases Later in Life. *The Journal of International Medical Research*. Vol. 46. No. 1. P. 175—184. <https://doi.org/10.1177/0300060517710857>.

28. Baeriswyl M., Oris M. (2023) Social Participation and Life Satisfaction Among Older Adults: Diversity of Practices and Social Inequality in Switzerland. *Ageing and Society*. Vol. 43. No. 6. P. 1259—1283. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21001057>.
29. Barsukov V. N. (2018) Barriers to Social Integration of the Older Generation in the Context of Intergenerational Communication Issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 5. P. 214—230. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.14>.
30. Cahill K., Giandrea M., Quinn J. (2006) Retirement Patterns from Career Employment. *The Gerontologist*. Vol. 46. No. 4. P. 514—523. <https://doi.org/10.1093/geront/46.4.514>.
31. Calvo E., Sarkisian N., Tamborini C. (2013) Causal Effects of Retirement Timing on Subjective Physical and Emotional Health. *The Journal of Gerontology*. Vol. 68. No. 1. P. 73—84. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbs097>.
32. Coole D. (2012) Reconstructing the Elderly: A Critical Analysis of Pensions and Population Policies in an Era of Demographic Ageing. *Contemporary Political Theory*. Vol. 11. P. 41—67. <https://doi.org/10.1057/cpt.2011.12>.
33. Corman S. (2022) The Elderly Activities before and after Retirement. *MATEC Web of Conferences*. Vol. 373. Art. 00071. <https://doi.org/10.1051/mateconf/202237300071>.
34. De los Santos J., Labrague L., Milla N. (2020) Happiness and Retirement Readiness among Pre-Retiring Employees: A Cross-Sectional Study. *Ageing International*. Vol. 45. P. 85—98. <https://doi.org/10.1007/s12126-019-09351-z>.
35. Dingemans E., Henkens K. (2019) Working After Retirement and Life Satisfaction: Cross-National Comparative Research in Europe. *Research on Aging*. Vol. 41. No. 7. P. 648—669. <https://doi.org/10.1177/0164027519830610>.
36. Fasbender U., Wang M., Voltmer J.-B., Deller J. (2016) The Meaning of Work for Post-Retirement Employment Decisions. *Work, Aging and Retirement*. Vol. 2. No. 1. P. 12—23. <https://doi.org/10.1093/workar/wav015>.
37. Frimmel W. (2021) Later Retirement and the Labor Market Re-Integration of Elderly Unemployed Workers. *The Journal of the Economics of Ageing*. Vol. 19. Art. 100310. <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2021.100310>.
38. Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
39. Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
40. Henning G., Stenling A., Bielak A., Bjälkebring P., Gow A., Kivi M., Muniz-Terrera G., Johansson B., Lindwall M. (2021) Towards an Active and Happy Retirement? Changes in Leisure Activity and Depressive Symptoms during the Retirement Transition.

Aging & Mental Health. Vol. 25. No. 4. P. 621—631. <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1709156>.

41. Hinrichs K. (2021) Recent Pension Reforms in Europe: More Challenges, New Directions. An Overview. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 409—422. <https://doi.org/10.1111/spol.12712>.
42. Jamadar C., Chawla S. (2020) Effect of Loneliness on Death Anxiety among Elderly People. *The International Journal of Indian Psychology*. Vol. 8. No. 2. P. 665—672. <https://doi.org/10.25215/0802.077>.
43. Kang S. K. (2010) The Effects of Social Activities and Fear of Death on Depression in the Elderly. *Health and Social Welfare Review*. Vol. 30. No. 2. P. 85—109. <https://doi.org/10.15709/hswr.2010.30.2.85>.
44. Ketkaew C., Van Wouwe M., Jorissen F., Cassimon D., Vichitthamaros P., Wongsaichia S. (2022) Towards Sustainable Retirement Planning of Wageworkers in Thailand: A Qualitative Approach in Behavioral Segmentation and Financial Pain Point Identification. *Risks*. Vol. 10. No. 1. P. Art. 8. <https://doi.org/10.3390/risks10010008>.
45. Kettunen E., Kari T., Frank L. (2022) Digital Coaching Motivating Young Elderly People towards Physical Activity. *Sustainability*. Vol. 14. No. 13. Art. 7718. <https://doi.org/10.3390/su14137718>.
46. Kuitto K., Helmdag J. (2021) Extending Working Lives: How Policies Shape Retirement and Labour Market Participation of Older Workers. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 423—439. <https://doi.org/10.1111/spol.12717>.
47. Lazarus R., Folkman S. (1984) *Stress, Appraisal and Coping*. New York, NY: Springer.
48. Lestari S. K., de Luna X., Eriksson M., Malmberg G., Ng N. (2021) A Longitudinal Study on Social Support, Social Participation, and Older Europeans' Quality of life. *SSM — Population Health*. Vol. 13. Art. 100747. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100747>.
49. Liu C., Bai X., Knapp M. (2022) Multidimensional Retirement Planning Behaviors, Retirement Confidence, and Post-Retirement Health and Well-Being Among Chinese Older Adults in Hong Kong. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 17. P. 833—849. <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09901-7>.
50. Liu S., He H., Gao H. (2024) The Effect of Social Pension on Health-Related Quality of Life of the Rural Older People: A Panel Study from China. *BMC Geriatrics*. Vol. 24. Art. 291. <https://doi.org/10.1186/s12877-024-04880-y>.
51. Massingham P., Chandrakumara A. (2019) Generational Differences in Work Values and Attitudes: Reintroducing Retirees to the Workforce. *Journal of Population Ageing*. Vol. 12. No. 4. P. 491—513. <https://doi.org/10.1007/s12062-019-09250-w>.

52. Odone A., Gianfredi V., Vigezzi G. P., Amerio A., Ardito C., d'Errico A., Stuckler D., Costa G. (2021) Does Retirement Trigger Depressive Symptoms? A Systematic Review and Meta-Analysis. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*. Vol. 30. Art. e77. <https://doi.org/10.1017/S2045796021000627>.
53. Ofori E. (2021) Financial Planning for Retirement of Self-Employed Workers in the Ghanaian Economy. *International Journal of Social Economics*. Vol. 48. No. 6. P. 811—825. <https://doi.org/10.1108/IJSE-04-2020-0189>.
54. Principi A., Smeaton D., Cahill K., Santini S., Barnes H., Socci M. (2020) What Happens to Retirement Plans, and Does This Affect Retirement Satisfaction? *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 90. No. 2. P. 152—175. <https://doi.org/10.1177/0091415018796627>.
55. Riekhoff A.-J. (2020) Pension Reforms, the Generational Welfare Contract and Preferences for Pro-Old Welfare Policies in Europe. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 501—518. <https://doi.org/10.1111/spol.12678>.
56. Roesch S., Weiner B., Vaughn A. (2002) Cognitive Approaches to Stress and Coping. *Current Opinion in Psychiatry*. Vol. 15. P. 627—632. <https://doi.org/10.1097/00001504-200211000-00012>.
57. Skinner E. A., Edge K., Altman J., Sherwood H. (2003) Searching for the Structure of Coping: A Review and Critique of Category Systems for Classifying Ways of Coping. *Psychological Bulletin*. Vol. 129. No. 2. P. 216—269. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.2.216>.
58. Ross C. E., Drentea P. (1998) Consequences of Retirement Activities for Distress and the Sense of Personal Control. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 39. No. 4. P. 317—334.
59. Seeman T. E., Lusignolo T. M., Albert M., Berkman L. (2001) Social Relationships, Social Support, and Patterns of Cognitive Aging in Healthy, High-Functioning Older Adults: MacArthur Studies of Successful Aging. *Health Psychology*. Vol. 20. No. 4. P. 243—255. <https://doi.org/10.1037//0278-6133.20.4.243>.
60. Sharpley C. F., Layton R. (1998) Effects of Age of Retirement, Reason for Retirement, and Pre-Retirement Training on Psychological and Physical Health during Retirement. *Australian Psychologist*. Vol. 33. No. 2. P. 119—124. <https://doi.org/10.1080/00050069808257392>.
61. Stevens M., Cruwys T., Haslam C., Wang V. (2021) Social Group Memberships, Physical Activity, and Physical Health Following Retirement: A Six-Year Follow-Up from the English Longitudinal Study of Ageing. *British Journal of Health Psychology*. Vol. 26. No. 2. P. 505—524. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12506>.
62. Topa G., Moriano J. A., Depolo M., Alcover C.-M., Morales J. F. (2009) Antecedents and Consequences of Retirement Planning and Decision-Making: A Meta-Analysis and Model. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 75. No. 1. P. 38—55. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.03.002>.

63. Townsend P. (1981) The Structured Dependency of the Elderly: A Creation of Social Policy in the Twentieth Century. *Ageing and Society*. Vol. 1. No. 1. P. 5—28. <https://doi.org/10.1017/S0144686X81000020>.
64. Williamson O. E. (1991) Strategizing, Economizing, and Economic Organization. *Strategic Management Journal*. Vol. 12. No. S2. P. 75—94. <https://doi.org/10.1002/smj.4250121007>.
65. Zhang H., Li Sh., Dai W., Wang H. (2023) The Effect of Reverse Intergenerational Support on the Happiness of Chinese Older Adults: A Moderating Effect Analysis Based on Role Conflict. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 1080772. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1080772>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2611](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2611)

Т. Б. Гудкова

**(НЕ)РАВЕНСТВО ПАРТНЕРОВ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ
О РАБОТЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ И СЕМЬЕ.
РЕЦ. НА КН.: WONG J.S. EQUAL PARTNERS?
HOW DUAL-PROFESSIONAL COUPLES
MAKE CAREER, RELATIONSHIP, AND FAMILY DECISIONS.
BERKELEY: UNIVERSITY OF CALIFORNIA PRESS, 2023**

Правильная ссылка на статью:

Гудкова Т. Б. (Не)равенство партнеров в принятии решений о работе, взаимоотношениях и семье // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 283—290. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2611>. Рец. на кн.: Wong J. S. Equal Partners? How Dual-professional Couples Make Career, Relationship, and Family Decisions. Berkeley: University of California Press, 2023.

For citation:

Gudkova T. B. (2024) (In)equal Partners in Their Career, Relationship, and Family Decisions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 283–290. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2611>. Book Review: Wong J. S. (2023) Equal Partners? How Dual-professional Couples Make Career, Relationship, and Family Decisions. Berkeley: University of California Press. (In Russ.)

Получено: 16.04.2024. Принято к публикации: 13.05.2024.

(НЕ)РАВЕНСТВО ПАРТНЕРОВ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О РАБОТЕ, ВЗАИМО-ОТНОШЕНИЯХ И СЕМЬЕ. РЕЦ. НА КН.: WONG J. S. EQUAL PARTNERS? HOW DUAL-PROFESSIONAL COUPLES MAKE CAREER, RELATIONSHIP, AND FAMILY DECISIONS. BERKELEY: UNIVERSITY OF CALIFORNIA PRESS, 2023

ГУДКОВА Татьяна Борисовна — младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tbgudkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2298-1490>

Аннотация. Рецензия представляет ключевые идеи и выводы опубликованной в 2023 г. книги исследовательницы Жаклин Вонг «Равноправные партнеры? Как двухкарьерные пары принимают решения о работе, взаимоотношениях и семье». Книга представляет шестилетнее исследование 21 молодой американской пары в период, когда они начинали свою трудовую деятельность и вместе принимали решения об отношениях и родительстве. В результате были выявлены три варианта (или пути) принятия решений и их реализации в контексте работы и семьи в зависимости от степени эгалитарности: последовательный путь компромисса, путь автономного актора и традиционный путь. Сравнивая эти пути, автор приходит к выводу, что для достижения равенства в отношениях двухкарьерных пар необходимы три составляющие: структурные изменения, культурные установки в отношении гендера, семьи и работы, совместные действия партнеров. Если в какой-либо из этих сфер есть «слабые места», пары, скорее всего, столкнутся с гендерным неравенством в работе и семье.

(IN)EQUAL PARTNERS IN THEIR CAREER, RELATIONSHIP, AND FAMILY DECISIONS. BOOK REVIEW: WONG J. S. (2023). EQUAL PARTNERS? HOW DUAL-PROFESSIONAL COUPLES MAKE CAREER, RELATIONSHIP, AND FAMILY DECISIONS. BERKELEY: UNIVERSITY OF CALIFORNIA PRESS

Tatiana B. GUDKOVA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: tbgudkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2298-1490>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The review contains basic ideas and findings expressed in the book *Equal Partners? How Dual-Professional Couples Make Career, Relationship, and Family Decisions* by Jaclyn Wong. The book follows the lives of twenty-one young dual-professional couples over a six-year period. As result, the author describes three work-family pathways—the consistent compromiser pathway, the autonomous actor pathway, and the tending traditional pathway. Comparing these pathways, Wong concludes that three components are necessary to achieve equality in the relationships of dual-career couples: structural changes, cultural attitudes about gender, family, and work, and joint actions of the partners. If there are weaknesses in any of these areas, couples are likely to experience gender inequality in work and family.

Ключевые слова: принятие решений, двухкарьерные пары, гендерное неравенство, эгалитарные отношения, профессиональная сфера, неоплачиваемый труд

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Keywords: decision-making, dual-professional couples, gender inequality, egalitarian partnerships, career, unpaid work

Acknowledgments. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

Молодое поколение американцев с высшим образованием, как правило, имеет высокие профессиональные амбиции и планирует продолжать строить карьеру. Одновременно с этим молодые люди рассчитывают сформировать эгалитарные партнерства, в которых оба партнера будут иметь оплачиваемую работу и поровну делить обязанности по дому и воспитанию детей. Однако реальность пар, в которых оба партнера работают, зачастую отклоняется от этого идеала: карьерные планы мужчин с большей вероятностью будут превалировать, в то время как профессиональная реализация женщины станет второстепенной по отношению к неоплачиваемому домашнему труду и уходу за детьми. Хотя за последние несколько десятилетий отцы более активно вовлечены в уход за детьми и домашний труд, чем в прошлом, женщины по-прежнему тратят больше времени на рутинные домашние дела и выполняют больше задач одновременно, в том числе когнитивных, таких как планирование семейных дел [Rinaldo, Whalen, 2023]. Воспроизведут ли современные двухкарьерные пары данную модель поведения или же будут выстраивать свои собственные траектории, реализуя равные возможности в профессиональной сфере и семье? Вышедшая в апреле 2023 г. книга Жаклин Вонг «Равноправные партнеры? Как двухкарьерные пары принимают решения о работе, взаимоотношениях и семье» [Wong, 2023] призвана ответить на данный вопрос.

Жаклин Вонг — доцент кафедры социологии и сотрудник кафедры гендерных исследований Университета Южной Каролины. Она получила докторскую степень по социологии и диплом по гендерным и сексуальным исследованиям в Чикагском университете в 2018 г. Вопросы гендерного равенства в семье и профессиональной сфере интересовали Ж. Вонг еще с детства в контексте своей собственной семьи. Оба родителя исследовательницы имели оплачиваемую работу и выполняли семейные обязанности, причем мать работала дольше и зарабатывала больше, в то время как отец был больше вовлечен в домашние дела и уход за детьми. Именно этот опыт и помог Ж. Вонг подвергнуть сомнению идеи о том, кто «должен» заниматься оплачиваемым трудом, иными словами, быть кормильцем в семье, а кто «должен» выполнять неоплачиваемую работу по дому. Уже на первом году обучения в аспирантуре она представила исследовательский проект «Исследование гендера и сексуальности», который лег в основу ее диссертации «Реализация конкурирующих желаний: как молодые специалисты принимают решения о карьере и семье» [Wong, 2018], а затем и рецензируемой книги.

«Равноправные партнеры?..» представляет собой многолетнее исследование 21 молодой двухкарьерной пары (преимущественно это были белые разнополые пары) в период, когда они начинали свою трудовую деятельность и вместе принимали решения об отношениях и родительстве. Пары отбирались из числа бездетных, окончивших четырехлетний курс обучения в университете или поступивших в аспирантуру. Рекрутинг образованных пар с перспективой трудоустройства обоим партнерам повысил вероятность наблюдения гендерно эгалитарного принятия решений [Wong, 2023: 9]. В течение шести лет (с 2013 по 2019 г.) Вонг четыре раза брала у них индивидуальные интервью (всего было собрано 156 интервью), чтобы отследить глубокие изменения в их жизни, включая начало новой работы, рождение детей, потерю работы, вступление в брак и расставание. Такой детальный план работы позволил исследовательнице зафиксировать развитие гендерной динамики в парах на протяжении всего пути молодых людей к карьере и созданию семьи, отобразить поворотные моменты и ключевые решения в жизни пар, включая то, каким траекториям в работе и семье [ibid.: 8] следуют пары, а также сравнить идеалы и ожидания информантов с их поведением.

Книга «Равноправные партнеры?..» состоит из шести глав, эпилога, благодарностей, методологического приложения, примечаний, списка литературы и алфавитного указателя. Подход автора к структурированию и изложению материала весьма своеобразен: в начале первых четырех глав приведены цитаты из интервью, а далее на их основе строится повествование. Кроме того, в книге отсутствует предисловие, по сути, его заменяет первая глава (точнее, определенные ее части).

В первой главе «Гендер, работа и семья в XXI веке» представлены рассуждения автора о незавершенной гендерной революции в XXI веке, дизайн и теоретическая рамка исследования, а также краткое описание последующих глав. По мнению автора, культурные нормы (отношения и убеждения, касающиеся гендера, работы и семьи), а также структурные факторы (материальные условия, которые формируют оплачиваемый труд мужчин и женщин на рынке труда и неоплачиваемый труд в семьях) усиливают неравенство возможностей мужчин и женщин, становясь причинами того, что гендерная революция «зашла в тупик» [ibid.: 5]. Дизайн исследования¹ определяет как его ограничения, так и сильные стороны. К первым относится демографический состав выборки, в значительной степени отражающий гендерный, карьерный и семейный опыт белых разнополых пар — представителей высшего среднего класса, ко вторым — лонгитюдный характер исследования и диадический подход (опрашивались оба партнера в каждой паре). В качестве теоретической основы исследования Вонг разрабатывает свой собственный подход — экосистему «работа — семья», в рамках которой анализируются структуры, культурные установки и совместные действия при принятии решений парами [ibid.: 13].

В последующих трех главах Вонг описывает три варианта (или пути) принятия решений и их реализации в контексте работы и семьи в зависимости от степени их эгалитарности: 1) последовательный путь компромисса, 2) путь автономного актора, 3) традиционный путь. В каждой из этих глав исследовательница опреде-

¹ Сама методологическая часть исследования вынесена в приложение.

ляет структурные и культурные условия, которые помогают или препятствуют парам ставить в приоритет карьеру и разделять семейные обязанности, и описывает процесс координирования партнерами своих действий для поддержания гендерного равенства или воспроизводства гендерного неравенства в своем поведении.

В главе «Последовательные соглашатели» (названия глав соответствуют названиям путей) представлен последовательный путь компромисса, который выбирают пары с эгалитарной экосистемой «работа — семья». «Последовательные соглашатели» успешно строят равноценные карьеры и стремятся поровну разделить домашние и семейные обязанности, включая уход за детьми. Что касается профессиональных ресурсов, то у партнеров есть относительно открытый доступ к возможностям трудоустройства и благоприятным условиям на рабочем месте, которые, в свою очередь, предоставляют им ресурсы для выполнения домашних и семейных обязанностей. Однако достигнутые результаты пар в области поддержания баланса между работой и семейной жизнью обоих партнеров, как утверждает Вонг, «в краткосрочной и долгосрочной перспективе маскировали процессы гендерного неравенства и лежащие в их основе сложные компромиссы» [ibid.: 55]. Так, за шесть лет исследования она выявила серьезные проблемы, с которыми сталкиваются пары на рабочих местах. Самой большой угрозой для пути компромисса стали дискриминация и притеснения женщин в профессиональной деятельности, из-за которых им было сложнее продвигаться по карьерной лестнице, чем их партнерам-мужчинам. Вонг описывает, как твердая решимость этих пар сохранить равноправие в отношениях, неоднократно подвергалась испытаниям со стороны «жадных²» до человеческих ресурсов работодателей [ibid.: 56].

В главе «Автономные акторы» рассматривается соответствующий путь. Как и последовательные соглашатели, автономные акторы имеют доступ к возможностям трудоустройства и поддержке на рабочем месте, что позволяет женщинам и мужчинам соблюдать баланс между работой и личной жизнью. Однако специфическое понимание гендерного эгалитаризма не позволяет им максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы. Во-первых, их позиция выражается в поддержке равного права мужчин и женщин на реализацию своих наилучших индивидуальных возможностей. Иными словами, в парах, придерживающихся данного пути, мужчины берут на себя инициативу в принятии профессиональных решений самостоятельно, не учитывая предпочтения своих партнеров. Вместо этого они предлагают своим партнерам также сделать самостоятельный выбор [ibid.: 58]. Во-вторых, автономные акторы считают, что мужчины и женщины несут равную ответственность за сохранение автономии своего партнера, воздерживаясь от сдерживания друг друга в своих стремлениях. Такая гендерно нейтральная логика противоречит гендерной модели действий, в которой мужчина пассивно заявляет о своей поддержке выбора женщины, не прилагая усилий в поиске ресурсов для расширения ее возможностей, в то время как женщина активно ставит под угрозу свою карьеру ради отношений. Отношения автономных акторов, в отличие от последовательных соглашателей, с большей вероятностью заканчиваются разрывом.

² Здесь имеется в виду требование от работников преданности делу и полной самоотдачи в профессиональной деятельности в ущерб личной жизни, то есть времени, которое партнеры могли бы уделить друг другу.

Наконец, третий путь изложен в главе «Традиционные пары». Мужчина берет на себя ведущую роль кормильца, а основная нагрузка в работе по дому и воспитании детей ложится на женщину. Такие пары больше соответствуют «неотрадиционным» семьям [Josephson, Burack, 1998], где оплачиваемая работа рассматривается как необходимая для мужчин и необязательная для женщин, выполняющих роль «сиделки». Традиционные пары оказались в гендерно неравных условиях изначально (в силу отсутствия доступа к рабочим местам для обоих партнеров в одном городе) и были готовы к временному гендерно неравному разделению труда. Косвенный дисбаланс между работой и семьей партнеры воспринимали как временный. Однако внешние препятствия на пути к реализации двух карьерных траекторий одновременно и решение сделать карьеру мужчин приоритетной создали длительные ограничения для профессиональных возможностей женщин, в итоге пары «застряли» в традиционной экосистеме «работа — семья» [Wong, 2023: 103].

Пятая глава посвящена сравнению трех путей действий партнеров в отношении работы и семьи, описанных в предыдущих трех главах. В ней Вонг подчеркивает важность всех трех составляющих равноправного партнерства двухкарьерных пар: 1) производственных структур, 2) культурных норм (отношений и убеждений, касающихся гендера, работы и семьи), 3) совместных скоординированных действий партнеров. Они являются необходимым условием для того, чтобы пары могли следовать эгалитарным карьерным и семейным траекториям. Безусловно, «последовательные соглашатели», «независимые акторы» и «традиционные пары» выиграют от таких мер структурной политики, как услуги по найму супругов и партнерские услуги по трудоустройству; дистанционная занятость, неполный рабочий день и другие варианты гибкого графика работы, полностью оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и доступный высококачественный уход за детьми. При этом работодателями должны быть созданы комфортные условия труда для женщин, включая адекватное руководство и защиту от притеснений на рабочем месте. Однако без массовой культурной пропаганды существования такого рода мер поддержки на рабочем месте недостаточно для создания равноправных партнерских отношений. Расширение культурных моделей, доступных мужчинам и женщинам в контексте работы и семейной жизни, будет способствовать равенству возможностей в образовательной, семейной и профессиональной сфере и развитию устойчивых эгалитарных отношений в долгосрочной перспективе. И, наконец, парам необходимо эффективно принимать совместные решения и предпринимать действия, чтобы использовать свои внешние ресурсы для реализации своих гендерных убеждений на практике [ibid.: 141]. Также в данной главе автор сравнивает карьерные и семейные траектории мужчин и женщин в краткосрочной (через год после первого интервью) и долгосрочной (через пять-шесть лет после первого интервью) перспективе и показывает, как баланс между работой и семьей в парах может сохраняться на протяжении длительного времени. В завершении главы Вонг обсуждает, как распространенные элементы гендерного неравенства привели к ключевым гендерным сходствам в карьерных и семейных историях мужчин и женщин, независимо от выбранного ими пути.

В заключительной шестой главе «Пути дальнейшего развития» обсуждаются варианты наших действий как индивидуумов, как пар, как организаций и как об-

щества в целом, которые мы можем предпринять для решения проблем продвижения гендерной революции. Вонг утверждает, что гендерное равенство в работе и семье среди двухкарьерных пар возможно только когда оба партнера имеют равный доступ к рабочим местам, разделяют ценности эгалитаризма и прилагают совместные усилия, чтобы максимально использовать имеющиеся ресурсы. Благоприятные условия на рабочем месте (включая создание гибких условий труда с учетом гендерных аспектов, равных возможностей карьерного роста и оптимального совмещения профессиональных и семейных обязанностей) и прогрессивные культурные установки не имеют значения, если партнеры не умеют действовать сообща и совместно с другими участниками своего социального окружения [ibid.: 156]. Пути, по которым идут молодые пары, раскрывают множество ключевых моментов, которые необходимо согласовать партнерам для воплощения своих эгалитарных целей в реальность. Инновационный дизайн качественного лонгитюдного исследования Вонг позволяет в рамках каждого пути показать различия, углубиться в нюансы принятия решений парами, проследить динамику рутинных действий, рассмотреть, как они перерастают в более устойчивые модели поведения. Вонг считает, что современное общество еще не достигло такого уровня развития, когда можно говорить о полном равенстве партнеров в профессиональных и семейных отношениях, подобные пары представляют собой редкое исключение. Однако результаты исследования могут стать стимулом для обсуждения и разработки мер по улучшению ситуации.

Хотя сбор данных для книги был завершен до начала пандемии COVID-19, лонгитюдное исследование Ж. Вонг позволило сделать ей прогнозы относительно того, как пары могли бы отреагировать на пандемию, основываясь на их предыдущих моделях действий. Свои размышления на эту тему она излагает в трехстраничном эпилоге.

Среди минусов издания стоит отметить неудобный формат оформления библиографического аппарата. Затекстовые библиографические ссылки приведены в отдельном приложении, а не в виде привычных внутритекстовых или постраничных библиографических ссылок (сносок). По сути, приложение с выносками дублирует список литературы с одним лишь отличием, что источники в нем приведены по мере их упоминания в тексте, а не в алфавитном порядке. В то же время громоздкие таблицы (на несколько страниц) приведены в основном тексте работы, а не вынесены в приложения.

В качестве недостатков работы можно отметить повтор некоторых сюжетов. Например, рассуждения автора о незавершенной гендерной революции в XXI веке и ее причинах изложены и в первой, и в последней главах. Сравнение трех путей действий партнеров в отношении работы и семьи, описанное в главе 5, приводится и в главе 6. В каждой главе исследовательница определяет структурные и культурные изменения, которые в сочетании с совместными действиями партнеров помогают или препятствуют парам следовать эгалитарным карьерным и семейным траекториям. Таким образом, последняя глава представляет собой интерпретацию идей, изложенных в предыдущих главах.

В целом же книга Жаклин Вонг «Равноправные партнеры?..» имеет больше преимуществ, нежели ограничений и недостатков. Несомненные ее плюсы — лон-

гитюдный характер исследования и диадический подход к сбору и анализу качественных данных. Работа вносит вклад в дискуссию о гендерном равенстве и неравенстве мужчин и женщин в профессиональной и семейной сферах, призывает нас вынести ценный урок из успешных историй создания равных отношений партнеров и разработать свои собственные эффективные жизненные стратегии в данном направлении. Книга написана доступным языком и будет полезна широкому кругу читателей.

Список литературы (References)

1. Josephson J. J., Burack C. (1998) The Political Ideology of the Neo-Traditional Family. *Journal of Political Ideologies*. Vol. 3. No. 2. P. 213—231. <https://doi.org/10.1080/13569319808420777>.
2. Rinaldo R., Whalen I. M. (2023) Amplifying Inequalities: Gendered Perceptions of Work Flexibility and the Division of Household Labor during the COVID-19 Pandemic. *Gender, Work & Organization*. Vol. 30. No. 6. P. 1922—1940. <https://doi.org/10.1111/gwao.13026>.
3. Wong J. S. (2018) *Negotiating Competing Desires: How Young Professionals Make Career and Family Decisions*. Chicago, IL: The University of Chicago.
4. Wong J. S. (2023) *Equal Partners? How Dual-professional Couples Make Career, Relationship, and Family Decisions*. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520384590>.

